

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1(8) 2013

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (8) 2013

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

Editorial Board

Galina Blagova, Valentin Gusev, Polina Dambueva, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbuev, Martine Robbeets (Belgium/Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova, Zarema Ekba

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2013

Co-published with:

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (8) 2013

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Эмба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2013

Совместно с

CONTENTS

No 1 (8) 2013

Ekaterina Logunova. On hiatus in Korean	7
Galina Pozdeeva. The Selkup dialects: verification of standard classifications and new dialect division.....	20
Aleksandr Savelyev. Vocalism of the Chuvash dialects in Peter Pallas's Dictionary	34
Andrey Filchenko. Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup	55

ETYMOLOGICAL NOTES

Maria Klyucheva. Mari terms of games with bones, sticks and pieces of wood (in the Turkic, Russian and Finno-Ugric context)	99
---	----

DISCUSSIONS

Maria Kaysina. The dialect base of the first Gospel according to St. John in Udmurt (Comment on the article "The peculiarities of the Udmurt translation of Gospel according to St. John at the beginning of the XIX century" by Alevtina Kamitova and Leonid Ivshin , No 2 (7) 2012)	115
Valentin Rassadin. Grammatical mood in the Mongolian and Turkic languages.....	127
Sergey Krylov. Comments on the article "Grammatical mood in the Mongolian and Turkic languages" by Valentin Rassadin.....	139

REVIEWS

Valentin Gusev. <i>Honti László.</i> Anyanyelvünk atyafiságáról és a nyelvrokonság ismérveiről: tények és vágyak [On genetic relations of Hungarian and criteria for language relationship: facts and wishes].....	143
Style sheet.....	147
How to subscribe	150

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (8) 2013

Е. С. Логунова. О зияниях в корейском языке	7
Г. П. Поздеева. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение	20
А. В. Савельев. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа	34
А. Ю. Фильченко. Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах	55

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

М. А. Ключева. Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте)	99
---	----

ДИСКУССИИ

М. П. Кайсина. Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке (Реплика на статью А. В. Камитовой и Л. М. Ившина «Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века», № 2 (7) 2012)	115
В. И. Рассадин. О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках	127
С. А. Крылов. Комментарии к статье В. И. Рассадина «О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках»	139

РЕЦЕНЗИИ

В. Ю. Гусев. <i>Honti László.</i> Anyanyelvünk atyafiságáról és a nyelvrokonság ismérveiről: tények és vágyak [О родственных связях венгерского языка и о критериях языкового родства: факты и мечты]	143
---	-----

Требования к оформлению статей	147
Как подписаться	150

О зияниях в корейском языке

В настоящей статье разбирается один частный вопрос синтагматики фонем в корейском языке, а именно — вопрос о сочетаниях гласных: допустимы ли зияния в корейском языке, и если да, то какие именно сочетания гласных разрешены, а какие запрещены?

Исчерпывающим образом этот вопрос решается здесь для одного памятника XVIII в. — повести «Жизнеописание королевы Инхён» («*Инхён ванъху чон*») ¹; объем — около 9000 словоформ. Для иллюстрации некоторых явлений спорадически привлекаются также данные памятника XIX в. — романа «Удивительная судьба пары жемчужин» («*Ссанъджу кыйён*») ². Оба памятника написаны корейским буквенным письмом *хангыль*.

Хотя исследование проводилось для корейского языка XVIII—XIX вв. на ограниченном материале, полученные выводы в целом верны и по отношению к среднекорейскому (XV—XVI вв.), и к современному корейскому языку, о чем свидетельствуют данные, приводимые исследователями [Холодович 1986а, 1986б; Martin 1992; Lee, Ramsey 2011] ³.

1. Предварительные сведения

1.1. Представления словоформ

Ниже рассматриваются три вида записи (представления) словоформ: графическая (gr), фонологическая (ph) и морфофонологическая (mрh).

Графическая запись словоформы — это запись словоформы в транслитерации, т. е. запись в виде последовательности букв латинского алфавита ⁴. В графической записи используется также дефис для обозначения границ графических слогов. Графическая запись словоформ выделяется курсивом ⁵.

Фонологическая запись словоформы — это запись словоформы в виде последовательности фонем. Морфофонологическая запись словоформы — запись словоформы в виде цепочки формативов, которые, в свою очередь, представляют собой последовательности фонем. В морфофонологической записи формативы внутри основы отделяются друг от друга точкой, служебные формативы отделяются от основы и друг от друга символом =.

Соотношения между тремя видами записи нетривиальны и могут быть описаны в виде правил перехода от одного вида записи к другому. Ниже рассматриваются только правила перехода от морфофонологической записи к фонологической (правила «mрh ⇒ ph») и только те из них, которые имеют непосредственное отношение к разбираемому вопросу о зияниях.

Необходимо подчеркнуть, что приписываемое словоформам представление — это результат исследовательской интерпретации текста; в данном случае даже графическое представление является результатом графической интерпретации, включающей установление пробелов и запись текста в устойчивом алфавите: исходный текст рукописи записан скорописью и без пробелов. В настоящей статье не эксплицируются соображения, лежащие в основе решений, принятых при приписывании словоформам сегментных представлений разного сорта; привести все данные, позволяющие читателю узнать, какое именно решение было принято относительно каждой словоформы в рассматриваемых памятниках, в

¹ Рукопись фонда Карам, Центральная библиотека Сеульского университета [Инхён 2004: 375—502].

² Ксилограф Центральной государственной библиотеки Сеула.

³ Отметим, что вопрос о зияниях в корейском языке как самостоятельный до сих пор не ставился. Ни в одной из перечисленных работ нет эксплицитного описания разрешенных / запрещенных сочетаний гласных, тогда как для согласных такие сведения приводятся; ср. описание разрешенных / запрещенных кластеров (cluster restrictions) в [Martin 1992: 30]. Некоторые данные об устранении зияний (слиянии двух гласных, дифтонгизации и др.) можно найти в разделах, посвященных морфологии, а именно образованию предикативных форм.

⁴ В настоящей статье используется упрощенная Йельская транслитерация. Таблица, задающая соответствие «буква корейского алфавита — символ(ы) транслитерации» приведена в *Приложении 1*.

⁵ Строго говоря, графической записью следовало бы называть буквенные записи на хангыле, принадлежащие исходному корейскому тексту, но поскольку далее в работе корейское буквенное письмо практически не используется, то именно транслитерация называется графической записью.

рамках статьи также невозможно. Однако в *Приложении 2* приводятся образцы представлений для небольшого отрывка из «Жизнеописания...».

1.2. Инвентарь гласных фонем

Определение инвентаря гласных фонем для корейского языка XVIII—XIX вв. сопряжено со значительными трудностями, т. к. именно на этот период приходится кардинальная перестройка среднекорейского вокализма, связанная с утратой фонемы *л* и монофтонгизацией нисходящих *j*-дифтонгов в гласные переднего ряда: *aj* > *e*, *aj* > *ε*, *uj* > *ü*, *oj* > *ö*. Однако, к счастью, для синтагматики оказывается несущественным, какое именно решение будет принято по поводу наличия / отсутствия в инвентаре гласных *л*, *e*, *ε*, *ü*, *ö*.

Рабочий инвентарь, приведенный ниже, (1) не содержит гласной фонемы *л*⁶; (2) содержит дифтонги *ej*, *aj*, *uj*, *oj* и (3) не содержит гласных переднего ряда *e*, *ε*, *ü*, *ö*.

Таблица 1

Простые гласные

ряд подъем	передний	непередний	
		простые	лабиализованные
верхний	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
средний		<i>ə</i>	<i>o</i>
нижний		<i>a</i>	

Дифтонги делятся на нисходящие *j*-образные (*Vj*), восходящие *j*-образные (*jV*) и восходящие *w*-образные (*wV*).

Таблица 2

Дифтонги

	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>ə</i>	<i>a</i>	<i>u</i>	<i>o</i>
<i>Vj</i>		<i>ij</i>	<i>əj</i>	<i>aj</i>	<i>uj</i>	<i>oj</i>
<i>jV</i>			<i>jə</i>	<i>ja</i>	<i>ju</i>	<i>jo</i>
<i>wV</i>			<i>wə</i>	<i>wa</i>		

Трифтонги представляют собой сочетания нисходящих *j*-образных дифтонгов (*Vj*) с начальными *j*, *w*.

Таблица 3

Трифтонги

	<i>ij</i>	<i>aj</i>	<i>aj</i>	<i>uj</i>	<i>oj</i>
<i>jVj</i>		<i>jəj</i>	<i>jaj</i>	<i>juj</i>	<i>joj</i>
<i>wVj</i>		<i>wəj</i>	<i>waj</i>		

2. Зияния в фонологии и морфонологии

Вопрос о допустимых сочетаниях гласных фонем ставится отдельно по отношению к фонологическому и морфонологическому представлению словоформы. При этом возможные сочетания оценок «разрешено» / «запрещено» таковы:

	морфонология	фонология
(1)	+	+
(2)	+	—
(3)	—	—

⁶ При этом в целях упрощения принимается следующее условное соглашение: буква *ᄒ* (в транслитерации — *o*) в примерах из текстов XVIII—XIX вв. в любом своем вхождении передает фонему /a/, в среднекорейских примерах — фонему /л/. Соответственно, буква *ᄒ* (в транслитерации — *ou*) в любом своем вхождении передает /aj/ (но для среднекорейского — /lj/).

Зияния класса (1) — абсолютно разрешенные: они разрешены как в морфонологии, так и в фонологии. Зияния класса (3) — абсолютно запрещенные. Зияния класса (2) разрешены в морфонологии, но запрещены в фонологии. Соответственно, все такие зияния должны устраняться при переходе от морфонологических представлений к фонологическим. Механизмы устранения зияний, существующие в корейском языке, рассматриваются в п. 4.

В некоторых случаях запрещенные зияния сохраняются в фонологических представлениях, формируя синтагматические аномалии. Ниже (в п. 5) будет показано, что все случаи сохранения зияний в фонологических представлениях имеют морфонологическое или этимологическое обоснование.

3. Синтагматика гласных: сводные таблицы

Из всех возможных сочетаний вида $X_1 + X_2$, где X_1 и X_2 — простые гласные, дифтонги или трифтонги, сочетания с восходящими дифтонгами и трифтонгами на втором месте разрешены как в морфонологии, так и в фонологии. Все прочие сочетания в фонологии запрещены (см. Табл. 4).

Таблица 4

Фонологически разрешенные и запрещенные сочетания классов гласных фонем

$X_1 \backslash X_2$	V	Vj	jV	wV	jVj	wVj
V	—	—	+	+	+	+
Vj	—	—	+	+	+	+
jV	—	—	+	+	+	+
wV	—	—	+	+	+	+
jVj	—	—	+	+	+	+
wVj	—	—	+	+	+	+

При этом все сочетания вида $X_1 + Vj$ (т. е. сочетания с нисходящими дифтонгами на втором месте) запрещены и в морфонологии. Среди сочетаний вида $X_1 + V$ некоторые запрещены в морфонологии, а некоторые разрешены, но устраняются при переходе к фонологии. Из сочетаний вида $X_1 + V$ в морфонологии разрешены только все сочетания вида $X_1 + i$ и сочетание $jə + ə$. Для сочетаний вида $(V, Vj) + V$ синтагматические оценки представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Морфонологически разрешенные и запрещенные сочетания вида $(V, Vj) + V$

$X_1 \backslash X_2$	i	$ə$	a	u	o	i
i	+	+	+	+	+	—
$ə$	+	+	—	+	—	—
a	+	—*	+	—	+	—
u	+	+	—	+	—	—
o	+	—	+	—	+	—
i	+	+	+	+	+	—
Vj	+	+	—	+	—	—

* См. ниже о формах предикатива *ha-* ‘делать’.

Из Таблицы 5 видно, что все сочетания вида $(a, o) + (ə, u)$ и $(ə, u) + (a, o)$ в морфонологии запрещены. Этот морфонологический запрет находит воплощение в словоизменении и словообразовании в противопоставлении *a*-начальных и *ə*-начальных аллоформов (а также *o*-начальных и *u*-начальных аллоформов): ср., например, словообразовательные суффиксы *-ap / -əp*, *-o / -u*, суффикс прошедшего времени *-as / -əs* и

окончание деепричастия предшествования *-a / -ə*. Выбор между аллоформами осуществляется по правилу сингармонизма. Приведем здесь упрощенную формулировку этого правила: если последний форматив основы содержит гласные *a, o*, то выбирается аллоформ с начальным *a* или *o*; в противном случае выбирается аллоформ с начальным *ə* или *u*⁷.

Особый случай представляют формы предикатива *ha-* ‘делать’. При присоединении к основе этого предикатива показателей *-a / -e* (окончание деепричастия) и *-as / -es* (аффикс прошедшего времени), в нарушение правила сингармонизма, присоединяются варианты с начальным *e*: [ha=ə], [ha=əs=]. Формы предикатива *ha-* — морфонологические аномалии.

4. Механизмы устранения морфонологических зияний

Как уже указывалось, все сочетания, разрешенные в морфонологии и запрещенные в фонологии, должны быть устранены при переходе от морфонологического представления к фонологическому. В корейском языке действуют следующие механизмы устранения зияний.

4.1. Стяжение тождественных гласных

$V_1V_1 \Rightarrow V_1$ (где $V_1 = a, o, u, i, ə$)

словоформа в тексте	mph $\Rightarrow$ ph	лексема
(29.9) ⁸ <i>ka-sye</i>	[ka=a=sə] $\Rightarrow$ /kasə/	<i>ka</i> ‘идти, ехать’
(94.3) <i>min-si-la</i>	[min.si=i=la] $\Rightarrow$ /minsila/	<i>min-si</i> ‘госпожа Мин’ + <i>i</i> ‘быть’

Примеров устранимых сочетаний *o + o, u + u, ə + ə* в исследуемых текстах нет; однако стяжение *ə + ə* представлено в современном языке: например, в форме деепричастия *se* [sə.ə] $\Rightarrow$ /sə/ для *se* ‘стоять’. Сочетания *o + o, u + u* находим в среднекорейских формах с показателем *-o / -u*⁹.

<i>pwo-mon</i>	[po=o=m=ʌn] $\Rightarrow$ /pomʌn/	<i>pwo</i> ‘смотреть’
<i>wo-mi</i>	[o=o=m=i] $\Rightarrow$ /omi/	<i>wo</i> ‘приходить’
<i>twu-mi</i>	[tu=u=m=i] $\Rightarrow$ /tumi/	<i>twu</i> ‘оставлять’

Примеры цитируются по [Martin 1992: 270]; ср. также: [Холодович 1986а: 19—21; Lee, Ramsey 2011: 205].

К этой группе правил примыкает изолированное правило *jə + ə $\Rightarrow$ ə* (дифтонг *jə* и гласная *ə* — в некотором смысле «одинаковые» гласные): ср. (51.2) *phye* [p^hjə=ə] $\Rightarrow$ /p^hjə/ для *phye* ‘разворачивать’.

4.2. Выпадение гласной

1) Гласная *i* выпадает перед любой другой гласной: *i (+ V) $\Rightarrow$ ∅*.

(103.7) <i>psyē</i>	[s̄i=ə] $\Rightarrow$ /sə/	<i>psu</i> ‘писать’
(39.6) <i>sul-he</i>	[silhi=ə] $\Rightarrow$ /silhə/	<i>sul-hu</i> ‘грустный’
(111.6) <i>sul-hi</i>	[silhi.i] $\Rightarrow$ /silhi/	<i>sul-hu</i> ‘грустный’
(68.3) <i>mwo-wa</i>	[moi=a] $\Rightarrow$ moa $\Rightarrow$ /mowa/	<i>mwo-u</i> ‘собирать’

2) Гласная *i* поглощается предшествующим нисходящим *j*-образным дифтонгом или трифтонгом: (*Vj, jVj, wVj +*) *i $\Rightarrow$ ∅*.

(107.6) <i>so-cwoy-lwo-ta</i>	[sa.coj=i=lo=ta] $\Rightarrow$ /sacojlota/	<i>sa-cwoy</i> ‘смертный грех’ + <i>i</i> ‘быть’
(75.4) <i>sin-chyey-la</i>	[sin.c ^h əj=i=la] $\Rightarrow$ /sinc ^h əjla/	<i>sin-chyey</i> ‘тело’ + <i>i</i> ‘быть’

3) Гласные *o, u* поглощаются предыдущими гласными *a, ə*: (*a +*) *o $\Rightarrow$ ∅*, (*ə +*) *u $\Rightarrow$ ∅*. Это правило восстанавливается только по среднекорейским формам: при присоединении показателя *-o / -u* к основе с исходом на *a* или *ə* гласная *o / u* выпадает; ср. *sa-mol* [sa=o=m=ʌl] $\Rightarrow$ /samʌl/ для *sa* ‘спать’ (цит. по: [Martin 1992: 271]).

⁷ О сингармонизме в среднекорейском языке см.: [Холодович 1986б: 19; Lee, Ramsey 2011: 161—162].

⁸ Адреса цитат для «Жизнеописания...» приводятся в формате: (номер страницы. номер строки), — где номер страницы — это номер страницы исследуемой рукописи.

⁹ Показатель *-o / -u* — «морфема-модулятор» в терминологии С. Мартина [Martin 1992: 269—273], «основообразующий гласный четвертой основы» у А. А. Холодовича [Холодович 1986а: 19].

4.3. Дифтонгизация

1) Сочетания с гласной *i* преобразуются в *j*-образные дифтонги (или трифтонги): $V / jV / wV + i \Rightarrow Vj / jVj / wVj$; $i + V \Rightarrow jV$.

(98.8)	<i>ku-lye</i>	[kili=ə] ⇒ /kiljə/	<i>kuli</i> ‘рисовать’
(87.6)	<i>ho-si-no-nyo</i>	[ha=si=na=ni=o] ⇒ /hasinanjo/	<i>ho</i> ‘делать’
(106.7)	<i>cwo-hu-lya</i>	[coh=ili=a] ⇒ /cohilja/	<i>cwoh</i> ‘хороший’
(24.2)	<i>pwu-mwoy</i>	[pu.mo=i] ⇒ /pumoj/	<i>pwu-mwo</i> ‘родители’
(30.8)	<i>ang-hway</i>	[aŋ.hwa=i] ⇒ /aŋhwaj/	<i>ang-hwa</i> ‘возмездие’
(39.7)	<i>pwoy-ci</i>	[po.i=ci] ⇒ /pojci/	<i>pwoy</i> ‘показывать’ (< <i>pwo</i> ‘видеть’)
(71.6)	<i>kyeng-soy-la</i>	[kjəŋ.sa=i=la] ⇒ /kjəŋsajla/	<i>kyeng-so</i> ‘счастлирое событие’ + <i>i</i> ‘быть’

2) Сочетания *o* + *a*, *u* + *ə* преобразуются в *w*-образные дифтонги, если *o*, *u* находятся в абсолютном начале слова или после гласной: (#, *V*+) *o* + *a* ⇒ *wa*; (#, *V*+) *u* + *ə* ⇒ *wə*.

(70.8)	<i>wa</i>	[o=a] ⇒ /wa/	<i>wo</i> ‘приходить’
(9.1)	<i>two-la-wa</i>	[tol.a.o=a] ⇒ /tolawa/	<i>two-la-wo</i> ‘возвращаться’
(93.5)	<i>pwiu-we</i>	[puj.u=ə] ⇒ /pujwə/	<i>pwiu-wi</i> ‘опустошать’ (< <i>pwiu</i> ‘пустой’)

4.4. Введение интервокального *w*

Правило касается сочетаний *o* + *a* и *u* + *ə*, если *o*, *u* находятся после согласной: (*C* +) *o* + *a* ⇒ *owa*; (*C* +) *u* + *ə* ⇒ *uwə*.

(101.3)	<i>pwo-wa</i>	[po=a] ⇒ /powa/	<i>pwo</i> ‘видеть’
(68.3)	<i>two-wa</i>	[moi=a] ⇒ moa ⇒ /mowa/	<i>two-u</i> ‘собирать’

Примеров на действие правила (*C* +) *u* + *ə* ⇒ *uwə* в исследуемых текстах нет; ср., однако, в современном корейском языке форму *chwu-e* [c^hu=ə] (< *chwu* ‘танцевать’), которая, по мнению С. Мартина [Martin 1992: 37], имеет фонологическое представление /c^huwə/ — такое же, как у формы *chwu-we* [c^huw=ə] (< *chwup/w* ‘холодный’).

4.5. Введение интервокального *j*

Это правило обрабатывает все прочие морфонологические зияния, т. е. зияния, не подпадающие ни под одно из перечисленных выше правил. Таковы сочетания вида *Vj* + (*ə*, *u*), а также морфонологически аномальное сочетание *a* + *ə*.

(19.9)	<i>ho-ye</i>	[ha=ə] ⇒ /hajə/	<i>ho</i> ‘делать’
(20.5)	<i>twoy-ye</i>	[toj=ə] ⇒ /tojə/	<i>twoy</i> ‘стать’
(39.3)	<i>pwiu-ye</i>	[puj=ə] ⇒ /pujjə/	<i>pwiu</i> ‘пустой’

Примеры на *Vj* + *u* представлены в среднекорейских формах с показателем *-o* / *-u*: ср. *miu-yu-mul* [mij=u=m=il] ⇒ /mijjumil/ для *miu* ‘ненавидеть’ (цит. по: [Martin 1992: 271]).

4.6. Конкуренция разных способов устранения зияний

В исследуемых памятниках наблюдается конкуренция разных способов устранения зияний: интервокальный *j*, как наиболее универсальный механизм устранения зияний, порождает альтернативные формы.

ожидаемая стандартная форма	альтернативная форма с интервокальным <i>j</i>
<i>nus-kye</i> [ni̯ki=ə] ⇒ /ni̯kjə/ (< <i>nus-ki</i> ‘чувствовать’) — ср. (114.4)	(120.4) <i>nus-ki-ye</i> [ni̯ki=ə] ⇒ /ni̯kijə/
<i>mak-hye</i> [mak.hi=ə] ⇒ /mak ^h jə/ (< <i>mak-hi</i> ‘быть прегражденным’) — не зарегистрирована	(37.7) <i>mak-khi-ye</i> [mak.hi=ə] ⇒ /mak ^h ijə/
<i>skwu-we</i> [ku=ə] ⇒ /kuwə/ (< <i>skwu</i> ‘поддевать’) — не зарегистрирована	(113.5) <i>skwu-ye</i> [ku=ə] ⇒ /kujə/

5. Синтагматические аномалии: источники зияний

Как уже было отмечено выше, иногда зияния сохраняются в фонологических представлениях, формируя синтагматические аномалии. Некоторые из таких зияний разрешены в морфологии, однако при переходе к фонологии не устраняются по приведенным выше правилам. Ср., например, (30.1) *no-o-ka* /*naaka*/ для [na.a.ka.a] — в морфонологическом представлении два сочетания *a + a*: второе устраняется по правилу слияния однородных гласных, а первое сохраняется. В других случаях словоформа содержит зияние, запрещенное даже в морфонологическом представлении, например: (5.1) *ka-ul* /*kail*/ ‘осень’.

подавляющее большинство словоформ, содержащих зияние в фонологическом представлении, принадлежат к одному из двух классов: это либо (1) композиты, либо (2) словоформы, в которых этимологически зияния нет. Рассмотрим подробнее каждый из этих классов.

5.1. Композиты

В производных основах, содержащих более одного корня, имеет место **неплотное прилагательное формативов** (ниже обозначается символом #): *V*-начальный корень неплотно прилагается к предшествующему *V*-конечному компоненту основы (корню или аффиксу), и возникающее зияние сохраняется в фонологическом представлении. Ср. в неодносложных основах, содержащих корни китайского происхождения (где один слог = один корень):

gr <i>ha-wok</i> ‘заключать в тюрьму’ <i>yo-in</i> ‘порочный человек’ <i>pwu-wun</i> ‘плывущее облако’	ph <i>haok</i> <i>join</i> <i>puun</i>	mph <i>ha.#ok</i> < <i>ha</i> 下 ‘низ’ + <i>wok</i> 獄 ‘тюрьма’ <i>jo.#in</i> < <i>yo</i> 妖 ‘порочный’ + <i>in</i> 人 ‘человек’ <i>pu.#un</i> < <i>pwu</i> 浮 ‘плыть’ + <i>wun</i> 雲 ‘облако’.
--	--	--

Также в корейских основах, содержащих более одного корня:

gr <i>two-la-wo</i> ‘возвращаться’	ph <i>tolao</i>	mph <i>tol.a#o</i> < <i>twol</i> ‘кружить’ + <i>wo</i> ‘приходить’, где <i>-a</i> — окончание деепричастия
<i>tu-le-anc</i> ‘войти и сесть’	<i>tiləanc</i>	<i>til.ə#anc</i> < <i>tul</i> ‘входить’ + <i>anc</i> ‘садиться’, где <i>-ə</i> — окончание деепричастия
<i>ku-ci-eps</i> ‘безграничный’	<i>kiciəps</i>	<i>kici.#əps</i> < <i>kuci</i> ‘предел’ + <i>eps</i> ‘не иметься’

5.2. Этимологическое отсутствие зияния

Если зияние образовалось на месте выпадения согласного, исторически присутствовавшего в данной словоформе, это зияние не устраняется при переходе от морфонологического представления к фонологическому. Чаще всего такое зияние образуется из-за выпадения звонких фрикативных *W* /β/, *G* /ɣ/, *z* /z/ ¹⁰, однако возможно выпадение и других согласных. О зияниях, возникших в результате выпадения интервокального *h*, см. ниже п. 5.3.

Зияние может быть представлено внутри форматива или на стыке формативов; в последнем случае источником «выпавшего» согласного может быть либо корень, либо служебный форматив. Приводим здесь все случаи, представленные в тексте «Жизнеописания...».

зияния на стыке формативов	источник — корень	корни с чередованием <i>s</i> / ∅	(1)
		корни с чередованием <i>p</i> / <i>w</i>	(2)
	источник — служебный форматив	<i>ke</i> / <i>e</i>	(3)
		<i>i</i> (показатель респективности)	(4)
		<i>kwo</i> / <i>wo</i>	(5)
		<i>wo</i> / <i>wu</i>	(6)
		<i>sop</i> / <i>cop</i> / <i>wop</i>	(7)
зияния внутри формативов		(8)	

(1) Чередование *s* / ∅ представлено в небольшой группе предикативных корней. В исследуемом памятнике такими являются только следующие: *cis* ‘делать’, *swos* ‘кланяться’, *is* ‘продолжать’, *nas₁* ‘выздоровливать’, *nas₂* ‘выходить вперед’, *pos* ‘разбивать’, *pus* ‘лить’. На стыке *V*-конечного аллоформа корня с *V*-начальным служебным формативом возникает неустраняемое зияние, например:

¹⁰ Эти согласные, существовавшие в среднекорейском языке, к XVIII в. полностью исчезли.

словоформа	корень
(104.7) <i>ci-e</i> [ci=ə]	
(105.2) <i>ci-un</i> [ci=in]	<i>cis</i> ‘делать, строить’
(95.5) <i>cwo-u-si-te-ni</i> [co=isi=tə=ni]	<i>cwos</i> ‘склониться’
(84.8) <i>na-u-mi</i> [na=im=i]	<i>nas</i> ‘выздоровливать’
(30.1) <i>no-o-ka</i> [na.a.ka=a]	<i>nos</i> ‘выходить вперед’
(28.5) <i>po-o-si-kwo</i> [pa.a=si=ko]	<i>pos</i> ‘разбивать’ ¹¹ .

При этом с этимологической точки зрения зияния нет, поскольку имело место чередование *s / z* (соответственно, приведенные выше формы в среднекорейском языке имели вид *ci-ze*, *ci-zun* и т. д.).

Особый случай: в исследуемом памятнике чередование *s / Ø* представлено также в именном корне *se / e* ‘три’, при этом варьирует начальная согласная корня. Аллоформ *e* представлен только в композите *twu-e / tuə* [tu.ə] ‘два-три’ (из *tul ‘два’ + *sə* ‘три’ > *tulsə > *tulzə > *tuzə* > *tuə* [Lee, Ramsey 2011: 141]).

(2) Чередование *p / w* представлено в значительном числе корней и суффиксов; этимологически — чередование *p / W*. Сегмент *w* при встрече с *V*-начальным формативом либо сохраняется в составе дифтонга, либо выпадает (при этом, быть может, лабиализуя следующий гласный). В последнем случае, если возникает зияние, то оно сохраняется при переходе к фонологическому представлению.

словоформа	корень / суффикс
(35.9) <i>e-lye-i</i> [əljəw.i → əljə.i] ‘трудно’	<i>e-lyep</i> ‘трудный’
(40.9) <i>soy-lwo-i</i> [saj.low.i → saj.lo.i] ‘снова’	<i>soy-lwop</i> ‘новый’ (суффикс <i>-lwop</i>)
(84.6) <i>kye-wu</i> [kjəw.u → kjə.u] ‘едва’	<i>kyep</i> ‘непомерный’
(89.3) <i>nwu-i-si-ni</i> [nuw.i=si=ni → nu.i=si=ni] ‘класть’	<i>nwup</i> ‘лежать’

(3) Форматив *ke / e* (в среднекорейском — *ke / Ge*) представлен в окончаниях деепричастий *-(k)e-nul*, *-(k)e-tun*. Аллоформ *e* присоединяется только к основе связки *i* ‘быть’, при этом возникает неустраняемое зияние: (125.2) *i-e-nul* [i=ə=ni]; (24.5) *i-e-tun* [i=ə=ti].

(4) Форматив *-i* — это показатель уважительности в составе окончаний финитных форм; в среднекорейском языке он имел вид *-ngi*. Приведем примеры финитных окончаний с зияниями, порожденными формативом *-i*: *no-i-ta* [na=i=ta], *ni-i-ta* [ni=i=ta], *two-i-ta* [to=i=ta], *li-is-ka* [li=i=s=ka] и др. Однако в тексте «Удивительная судьба пары жемчужин» наряду со стандартными находим стяженные формы с устранением зияния: *noy-ta* для *no-i-ta*, *ni-ta* для *ni-i-ta* и др. В современном корейском языке эти формы также представлены в стяженном виде в составе окончаний *-p-ni-ta* / *-sup-ni-ta*, *-p-ni-kka* / *-sup-ni-kka*.

(5) Форматив *-kwo / -wo* (в среднекорейском — *-kwo / -Gwo*) — это окончание соединительного деепричастия, а также показатель частного вопроса в составе окончаний финитных форм. Зияния, порожденные этим формативом, представлены в финитном окончании *-li-wo* [li=o] и в формах соединительного деепричастия связки *i* ‘быть’; ср. (7.5) *i-wo* [i=o]. Интересно, что в финитных окончаниях в сочетании *li + wo* зияние сохраняется, а в сочетании *ni + wo* устраняется: имеем всегда *nyo* /njo/ для [ni=o], *no-nyo* /nanjo/ для [na=ni=o], *te-nyo* /tənjə/ для [tə=ni=o]¹². В тексте «Удивительная судьба пары жемчужин» формы *li-wo* [li=o] и *i-wo* [i=o] показывают устранение зияния с помощью интервокального *j*: *li-yo* /lijo/, *i-yo* /ijjo/.

(6) Показатель *-wo / -wu* — это суффикс каузатива (в среднекорейском — *-Gwo / -Gwu*).

каузатив	исходный предикатив
<i>no-li-wo</i> [nali.o] ‘спускать’	<i>no-li</i> ‘спускаться’
<i>woy-wo</i> [oj.o] ‘заучивать наизусть’	<i>woy</i> ‘запоминать’
<i>i-wu</i> [i.u] ‘заставлять нести на голове’	<i>i</i> ‘нести на голове’
<i>pwu-wu</i> [puj.u] ‘опустошать’	<i>pwu</i> ‘пустой’

(7) Показатель *-sop / -cop / -wop* — это аффикс «уничижительности». Аллоформ *wop / op* в среднекорейском языке имел вид *zop / zɔp*. На стыке *V*-конечного корня с аллоформом *wop* возникает зияние, сохраняющееся в фонологическом представлении, например: (102.9) *two-lwo-wop-kwo* [molo=op=ko] для *two-lwo* ‘не знать’; (65.6) *pwou-wop-kwo* [roj=op=ko] для *pwou* ‘(вежл.) смотреть’; (9.6) *twoy-wop-kwo* [moj=op=ko] для *twoy* ‘(вежл.) сопровождать’.

¹¹ В современном корейском языке этот глагол имеет вид *pwu-su- /pusu-*.

¹² Таким же странным образом ведет себя и форматив *-ka / -a* (показатель общего вопроса в финитных окончаниях; этимологически — *-ka / -Ga*): зияние всегда, несмотря на выпавший согласный, устраняется; ср. *lya* /lja/ для [li=a] и *nya* /nja/ для [ni=a].

(8) Зияния внутри формативов наблюдаются в незначительном числе корней корейского происхождения. Ниже приводится список всех таких корней по тексту «Жизнеописания...», а также среднекорейские формы, показывающие отсутствие зияния (по «Словарю среднекорейского языка» [СКС 2002]).

корень	лексема	корень в СК	лексема в [СКС 2002]
ao	<i>a-wo</i> ‘младший брат’	azl	아스
c ^h əim	<i>chye-um</i> ‘впервые’	c ^h əzəm	처섬
iik	<i>i-uk-kwo</i> ‘спустя некоторое время’	izik	이스고
kail	<i>ka-ul</i> ‘осень’	klzɹlh	마춤
kaontaj	<i>ka-won-toy</i> ‘посреди’	kaβlantaj	가앰타
kəij	<i>ke-uy</i> ‘почти’	kəzij	거의
kjəil	<i>kje-ul</i> ‘зима’	kjəzɹl	겨울
kiji	<i>kiy-i</i> ‘скрывать’	kijzi	괴시다
kiik	<i>ku-uk-i</i> ‘тихо’	kizik	그스기
maim	<i>mo-um</i> ‘душа’	mɹzɹm	마슴
muəs	<i>mwu-es</i> ‘что’	misəs	므섯
nujuc ^h	<i>nwyu-wu-chi</i> ‘раскаиваться’	nujzic ^h	늬숫다
paaj	<i>pa-oy</i> ‘сиять’	pɹzɹaj	브식다
sai	<i>so-i</i> ‘промежуток’	szzi	스시

Следующие два корня уже в среднекорейском языке содержат зияния, однако для них восстанавливаются более ранние формы с согласной *W* /β/ [Lee, Ramsey 2011: 137].

kiul	<i>ki-wul</i> ‘наклониться’	*kiβul
nuij	<i>nwi-uy</i> ‘сестра’	*nuβi

И только три корня содержат зияния, для которых не нашлось этимологического обоснования.

əuj	<i>e-wuy-ho</i> ‘широкий’
təuk	<i>te-wuk</i> ‘еще более’
soom	<i>swo-wom</i> ‘вата’

Отметим, что в современном разговорном корейском языке некоторые из перечисленных корней показывают устранение зияния: ср. *māt* (с долгим *a*) для *maim* ‘душа’, *c^hə̄m* (с долгим *ə*) для *c^həim* ‘впервые’, *se* < *sa* для *sai* ‘промежуток’, *m(w)ə* для *muəs* [Martin 1992: 37—38]. Для *swo-wom* ‘вата’ стяженная форма *swom* /som/ закрепились и в литературном языке.

5.3. Прочие источники зияний

Во-первых, зияния возникают при выпадении интервокального *h*.

стандартная форма	форма, показывающая выпадение <i>h</i>
(109.2) <i>ne-huy</i> /nəhij/ ‘вы’	(85.9) <i>ne-uy</i> /nəij/
(84.1) <i>kwa-two-hi</i> /kwatohi/ ‘чрезмерно’	(18.9) <i>kwa-two-i</i> /kwatoi/
* <i>na-hu-ni</i> /nahini/ [nah=ini] (< <i>nah</i> ‘рожать’) — не зарегистрирована	(42.4) <i>na-u-ni</i> /naīni/

Зияние, возникшее в результате потери интервокального *h*, может быть устранено по одному из перечисленных выше правил устранения зияний: ср. (102.5) *swo-wa-* /sowa-/ < /soa-/ для *swo-ha* [soh.a-] ‘любить’. Аналогичный пример приводит С. Мартин для современного корейского языка: /nwa/ < /nowa/ < /noa/ < /noha/ < [noh.a] для *nwoh* ‘отпустить’ [Martin 1992: 38]. Потеря интервокального *h* иногда закрепляется в слове.

среднекорейский	современный корейский
(1) moɦl → moɦi	<i>mwo-u</i> /moɦi/ ‘собирать’
(2) pəɦi → pəɦi	<i>pey</i> /pe/ ‘резать; косить’
(3) məɦi → məɦi	<i>meu</i> /me/ ‘нести’

В случаях (2) и (3) зияние, возникшее в результате выпадения *h*, было устранено по правилу дифтонгизации, а в случае (1) сохранилось, поскольку нет правил для устранения зияний вида *V + i*.

Во-вторых, форматив *-uy* /ij/ (падежная частица GEN / LOC) создает зияния при присоединении к *V*-конечным именным основам. Правил, позволяющих устранить зияние *V(j) + i*, нет, поэтому это зияние сохраняется в фонологическом представлении.

6. Краткие выводы

Фонология корейского языка не допускает зияний (за исключением тех зияний, где второй член сочетания — *j*- или *w*-образный дифтонг или трифтонг): если при словообразовании или словоизменении на стыке двух формативов возникает зияние, то оно устраняется одним из возможных способов (слияние гласных, дифтонгизация и др.). Способы устранения зияний одинаковы в среднекорейском (XV—XVI вв.), новокорейском (XVII—XIX вв.) и современном корейском языках.

В некоторых словоформах зияния сохраняются и на фонологическом уровне, такие словоформы представляют фонологические аномалии. Прежде всего, это сложные слова, где сохраняется зияние на стыке *V*-конечного корня с *V*-начальным. Число аномалий, содержащих зияния, выросло в современном корейском языке по сравнению со среднекорейским. Главная причина этого — исчезновение из корейской системы консонантизма некоторых согласных фонем, вследствие чего многие сочетания, имевшие в XV в. вид *CVC*, в современном корейском языке имеют вид *VV*.

Приложение 1.

Символы транслитерации и фонологической транскрипции

В приведенной ниже таблице в столбце 1 — буквы хангыля (в том его варианте, который используется в исследуемых памятниках), в столбце 2 — соответствующие символы Йельской транслитерации, а в столбце 3 — символы фонем.

1	2	3	1	2	3
ㄱ	<i>k</i>	k	ㅋ	<i>ye</i>	jə
ㄴ	<i>n</i>	n	ㆁ	<i>yeu</i>	jəj
ㄷ	<i>t</i>	t	ㅌ	<i>wo</i>	o
ㄹ	<i>l</i>	l	ㄱ	<i>wa</i>	wa
ㅁ	<i>m</i>	m	ㅁ	<i>way</i>	waj
ㅂ	<i>p</i>	p	ㅃ	<i>wouy</i>	oj
ㅅ	<i>s</i>	s	ㅆ	<i>yo</i>	jo
ㅇ	<i>ng / Ø*</i>	ŋ / Ø	ㅇ	<i>yoy</i>	joj
ㅈ	<i>c</i>	c	ㅉ	<i>wu</i>	u
ㅊ	<i>ch</i>	c ^h	ㅌ	<i>we</i>	wə
ㅋ	<i>kh</i>	k ^h	ㆁ	<i>wey</i>	wəj
ㅌ	<i>th</i>	t ^h	ㅌ	<i>wuy</i>	uj
ㅍ	<i>ph</i>	p ^h	ㅍ	<i>yu</i>	ju
ㅎ	<i>h</i>	h	ㅍ	<i>yuy</i>	juj
ㅏ	<i>a</i>	a	ㅡ	<i>u</i>	i
ㅑ	<i>ay</i>	aj	ㅑ	<i>uy</i>	ij
ㅓ	<i>ya</i>	ja	ㅣ	<i>i</i>	i
ㅕ	<i>yay</i>	jaj	ㅏ	<i>o</i>	a / ʌ**
ㅗ	<i>e</i>	ə	ㅓ	<i>oy</i>	a / ʌj**
ㅛ	<i>ey</i>	əj			

*ng — если буква ㅇ является последней из букв графического слога, Ø — в иных случаях

***a(j)* — для текстов исследуемых памятников, ʌ(j) — для среднекорейского языка

Следует иметь в виду, что таблица задает лишь базовое (алфавитное) соответствие «буквы — фонемы», но не задает правил перехода от графической записи к фонологической (не задает «правил чтения»). Здесь отметим лишь следующие особенности графики исследуемых памятников:

1) графические сочетания *st*, *sk*, *sp*, *sc* (вне зависимости от того, проходит ли между *s* и следующей согласной буквой граница графического слога) передают сильные согласные /t/, /k/, /p/, /c/;

2) по условному соглашению, буква ㅏ (в транслитерации — *o*) в любом своем вхождении передает фонему /a/ (но для среднекорейского языка — фонему /ʌ/); буква ㅓ (в транслитерации — *oy*) в любом своем вхождении передает фонему /aj/ (но для среднекорейского — фонему /ʌj/).

Приложение 2. Образцы сегментных представлений

Ниже приведены образцы сегментных представлений словоформ для небольшого отрывка из «Жизнеописания...» (41.6—42.9): строка 1 — графическое представление, строка 2 — фонологическое представление, строка 3 — морфонологическое представление; также приводятся глоссировка и перевод по [Рачков 1985].

<i>chang-hwo-wa</i>	<i>so-pyæk-ul</i>	<i>po-lu-ci</i>	<i>a-ni-si-mye</i>	<i>ne-lun</i>
c ^h añhowa	sapjækil	palici	anisi ^m jə	nəlin
c ^h añ.ho=wa	sa.pjæk=ił	palı=cı	ani=si=mjə	nəli=n
окно-COM	стена-ACC	штукатурить-NEG	не_делать-HON-&	просторный-PART

Дом был в запустении: стены не крашены,

<i>twong-san-kwa</i>	<i>cip-uy</i>	<i>phul-ul</i>	<i>moy-ci</i>	<i>a-ni-ho-moy</i>
toŋsankwa	ci ^p i ^y	p ^h ilil	majci	anihamaj
toŋ.san=kwa	ci ^p =i ^y	p ^h il=ił	maj=cı	ani.ha=m=aj
сад-COM	дом-LOC	травы-ACC	полоть-NEG	не_делать-NMNZ-LOC

травы в саду и на каменных ступенях не скошена,

<i>kil</i>	<i>kos-chi</i>	<i>mwu-syeng-ho-ye</i>	<i>in-cyek-i</i>	<i>kwo-yo-ho-ni</i>
kil	kac ^h i	musəŋhajə	incəki	kojohani
kil	kat ^h .i	mu.səŋ.ha=ə	in.cək=i	kojo.ha=ni

дорога словно пышно_расти-CONV признаки_присутствия_человека-NOM безмолвный-CONV
дорожки заросли, людей не слышно —

<i>ni-moy-mang-nyang-kwa</i>	<i>he-ta-cyap-mul-i</i>	<i>nal</i>	<i>kwos</i>	<i>cyə-mul-myen</i>
nımajmaŋnjaŋkwa	hətacammili	nal	kot	cəmil ^m jən
li.maj.maŋ.ljaŋ=kwa	hə.ta.cap.mil=i	nal	kot	cəmil=mjən
злые_духи-COM	всяческие_твари-NOM	день	как_только	смеркаться-CONV

потому и бродила здесь по ночам всякая нечисть.

<i>so-lom</i>	<i>tan-ni-tus</i>	<i>ho-ni</i>	<i>kwung-in-tu-li</i>	<i>mwu-sye-we</i>
salam	tannitis	hani	kuŋintili	musəwə
salam	tanni=tis	ha=ni	kuŋ.in=tıl=i	musəw=ə
человек	ходить-CONV	делать-CONV	придворные_дамы-PL-NOM	бояться-CONV

Служанки боялись

<i>wum-co-ki-ci</i>	<i>mwos-ho-te-ni</i>	<i>il-il-un</i>	<i>nan-toy-ep-non</i>
umcakici	mot ^h atəni	ililin	nantajəmnan
umcak.i=cı	mos.ha=tə=ni	il.il=iŋ	na.n.taj.əps=nan
шевелиться-NEG	не_мочь-CONV	однажды-TOP	неизвестно_откуда_взвшийся-PART

даже выходить под вечер из дома. Как-то прибежала невесть откуда

<i>khun</i>	<i>koy</i>	<i>ho-no-hi</i>	<i>tu-le-wo-ni</i>	<i>mwo-yang-i</i>	<i>sim-hi</i>
k ^h in	kaj	hanahi	tıləoni	mojaŋi	simhi
k ^h i=n	kaj	hanah=i	tıl.ə.o=ni	mo.jaŋ=i	sim.hi
большой-PART	собака	один-NOM	приходить-CONV	внешний_вид-NOM	очень

громкая и страшная собака.

<i>chyu-hon-ci-la</i>	<i>kwung-in-i</i>	<i>cwo-chi-twoy</i>	<i>stwo</i>	<i>tu-le-wo-kwo</i>
c ^h uhancila	kuŋini	cochitoj	t̄o	tıləoko
c ^h u.ha=n=cı=la	kuŋ.in=i	coch=itoj	t̄o	tıl.ə.o=ko
безобразный-CONV	придворная_дама-NOM	прогонять-CONV	опять	приходить-&

Служанки прогнали ее, но она тут же вернулась

<i>ka-ci</i>	<i>a-ni-ho-ke-nol</i>	<i>hwuy</i>	<i>kol-o-so-toy</i>	<i>ku</i>
kaci	anihakənal	huj	kalasataj	ki
ka=ci	ani.ha=kə=nal	hu=i	<kalasataj> ¹³	ki
уходить-NEG	не_делать-CONV	королева-NOM	сказала	этот

и не желала больше уходить.

<i>kou</i>	<i>chyul-chye</i>	<i>ep-si</i>	<i>tu-le-wa</i>	<i>chwo-chi-twoy</i>
kaj	c ^h ulc ^h ə	əpsi	tiləwa	coč ^h itoj
kaj	c ^h ul.c ^h ə	əps.i	til.ə.o=a	coč ^h =itoj
собака	происхождение	без	приходить-CONV	прогонять-CONV

«Пожалейте бездомную — раз она не уходит,

<i>ka-ci</i>	<i>a-ni-ho-ni</i>	<i>kuy-i-hon-ci-la</i>	<i>po-lye</i>	<i>twu-la</i>
kaci	anihani	kijihancila	paljə	tula
ka=ci	ani.ha=ni	kij.i.ha=n=ci=la	pali=ə	tu=la
уходить-NEG	не_делать-CONV	удивительный-CONV	оставлять-CONV	оставлять-FIN(IMP)

значит, ей здесь нравится», —

<i>ho-si-ni</i>	<i>kwung-in-i</i>	<i>pap-ul</i>	<i>mek-ye</i>	<i>twu-es-te-ni</i>
hasini	kuŋini	paɾil	məkjə	tuətəni
ha=si=ni	kuŋ.in=i	paɾ=il	mək.i=ə	tu=əs=tə=ni
говорить-HON-CONV	придворная_дама-NOM	еда-ACC	кормить-CONV	оставлять-PST-CONV

сказала королева. Служанки накормили собаку. Дней через десять

<i>sip-ye</i>	<i>il</i>	<i>hwu-uy</i>	<i>soys-ki</i>	<i>syey-hul</i>	<i>na-u-ni</i>
sipjə	il	huij	sajki	səjhil	naɪni
sip.jə	il	hu=i.j	sajki	səjh=il	nah=iɪni
более_десяти	день	после-LOC	детеныш	три-ACC	рожать-CONV

она принесла трех щенков,

<i>ka-cang</i>	<i>khu-kwo</i>	<i>mwo-cin-ci-la</i>	<i>cho-hwu-non</i>	<i>nal-i</i>
kaɕaŋ	k ^h iko	moɕincila	c ^h ahunan	nali
kaɕaŋ	k ^h i=ko	moɕi=n=ci=la	c ^h a.hu=nan	nal=i
очень	большой-&	злобный-CONV	после_этого-TOP	день-NOM

огромных и злобных.

<i>cye-mwu-le</i>	<i>mang-yang-uy</i>	<i>pul-kwa</i>	<i>ni-moy-uy</i>	<i>co-chwoy</i>
cəmulə	maŋjaŋij	ɾil kwa	ni maɟij	caɕ ^h oj
cəmil=ə	maŋ.ljaŋ=i.j	ɾil=kwa	li.maɟ=i.j	caɕ ^h oj
смеркаться-CONV	злые_духи-GEN	огонь-COM	горный_(водяной)_дух-GEN	следы

Когда стемнело и появились злые духи,

<i>is-sun-cuk</i>	<i>kuy</i>	<i>ne-hi</i>	<i>ham-kuy</i>	<i>syo-loy-ho-ye</i>
iɕincik	kij	nəhi	hamkij	solajhajə
iɕ=in=cik	kij	nəh=i	hamkij	solaj.ha=ə
иметься-CONV	собака	четыре-NOM	вместе	подавать_голос-CONV

все четыре пса оскалили зубы,

<i>ci-cu-ni</i>	<i>cap-kwuy</i>	<i>kup-hi</i>	<i>ta-la-no</i>	<i>cwong-cyek-ul</i>
ciɕini	caɾkuj	kip ^h i	talana	coŋcəkil
ciɕ=ini	caɾ.kuj	kip.hi	tal.a.na=a	coŋ.cək=il
лаять-CONV	все_злые_духи	быстро	спасаться_бегством-CONV	следы-ACC

зарычали и стали гонять их.

<i>kom-chwo-kwo</i>	<i>in-ho-ye</i>	<i>ni-moy-mang-nyang-i</i>	<i>ep-sye</i>	<i>kwung-cyung-i</i>
kaɕc ^h oko	inhajə	ni maɟmaŋjaŋ=i	əpsə	kuŋcuŋi
kaɕ.c ^h o=ko	in.ha=ə	li.maɟ.maŋ.ljaŋ=i	əps=ə	kuŋ.cuŋ=i
прятать-&	вследствие_этого-CONV	злые_духи-NOM	не_иметься-CONV	придворные-NOM

С того времени исчезла из сада нечистая сила, и все в доме

¹³ Застывшая глагольная форма; морфологическое членение не устанавливается.

phyen-an-hon-ci-la   *toy-koy*   *mwu-ci-hon*   *cim-soyng-two*   *two-u-mi*
 p^hʲənanhancila   tajkaj   mucihan   cimsajŋto   toimi
 p^hʲən.an.ha=n=ci=la   taj.kaj   mu.ci.ha=n   cim.sajŋ=to   to=im=i
 спокойный-CONV   часто   глупый-PART   животное-PTCL_‘тоже’   помогать-NMNZ-NOM
 успокоились. Иногда и бессловесная тварь может услужить человеку —

is-ke-nol   *ho-mul-mye*   *sin-min-i-nya*   *hwu*   *phyey-chyul-ho-sin*
 iḱənal   hamilmjə   sinmininja   hu   p^hʲəjɕ^hulhasin
 iḱ=kə=nal   <hamilmjə>¹⁴   sin.min=i=ni=a   hu   p^hʲəj.c^hul.ha=si=n
 иметься-CONV   тем_более   подданные_+_быть-FIN(INTR)   королева   свергнуть-HON-PART
 не только чиновник или слуга!

hwu-lwo   *cwo-kyeng-uy*   *kis-ke-ho-non*   *swo-in-i*   *man-hu-ni*
 hulo   cokjəŋij   kiḱəhanan   soini   manhini
 hu=lo   co.kjəŋ=i   kisk.ə.ha=nan   so.in=i   manh=ini
 после-INSTR   королевский_двор-LOC   радоваться-PART   мелкая_душонка-NOM   многих-CONV
 Многие людишки из числа придворных ликовали, когда королеву изгнали из дворца —

two-lwo-hye   *kum-syu-man*   *mwos-ho-te-la*
 tolohjə   kimsuman   mot^hatəla
 tol.o.hi=ə   kim.su=man   mos.ha=tə=la
 наоборот   птицы_и_звери-PTCL_‘только’   не_мочь-FIN(IND)
 и были они хуже собак!

Сокращения

вежл.	— вежливое	LOC	— локатив (местный падеж)
кор.	— корейский язык	mph	— морфонологическое представление слово-
СК	— среднекорейский язык	формы	
ACC	— аккузатив (винительный падеж)	NEG	— отрицание
С	— согласный	NMNZ	— имя действия
COM	— комитатив (совместный падеж)	NOM	— номинатив (именительный падеж)
CONV	— деепричастие (кроме соединительных)	PART	— причастие
FIN(IMP)	— финитные формы (императив)	ph	— фонологическое представление словоформы
FIN(IND)	— утвердительные финитные формы (индикатив)	PL	— множественное число
FIN(INTR)	— вопросительные финитные формы	PST	— прошедшее время
GEN	— генитив	PTCL	— частица
gr	— графическое представление словоформы	TOP	— топик
HON	— субъектная вежливость	V	— гласный
INSTR	— инструменталис (инструментальный падеж)	&	— соединительное деепричастие

Литература

- Инхён 2004 — 정은임 (Чон Ыним). 인현왕후전 (Инхён ванху чон). Сеул, 2004.
 Рачков 1985 — Жизнеописание королевы Инхён / Пер. с кор. Рачкова Г. Е. // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах: Средневековая корейская проза. Л., 1985. С. 63—102.
 СКС 2002 — 南廣祐 (Нам Гванью). 古語辭典 (Словарь среднекорейского языка). Сеул, 2002.
 Холодович 1986а — Холодович А. А. Материалы по грамматике корейского языка XV в.: Морфология. М., 1986.
 Холодович 1986б — Холодович А. А. Материалы по грамматике корейского языка XV в.: Фонетика. М., 1986.
 Lee, Ramsey 2011 — Lee K.-M., Ramsey S. A History of the Korean Language. New York, 2011.
 Martin 1992 — Martin S. E. A Reference Grammar of Korean. Tokyo, 1992.

¹⁴ Морфонологическое членение не устанавливается.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена синтагматике гласных фонем в корейском языке. В ней рассматриваются разрешенные и запрещенные сочетания гласных в составе словоформы для двух уровней представления словоформы — фонологического и морфонологического. Также рассматриваются существующие в корейском языке способы устранения зияний при переходе от морфонологического представления к фонологическому. Для словоформ, содержащих фонологически запрещенные сочетания гласных, показывается, что все такие случаи имеют морфонологическое или этимологическое обоснование. Основной материал исследования составляют данные корейских памятников XVIII—XIX вв.

SUMMARY

The paper studies vowel strings in the Korean language. Each string is evaluated as allowed or disallowed on two different levels: phonemic and morphophonemic. When two vowels occurring together morphophonemically form a phonemically disallowed string, they are replaced by a different phonemic string. Rules to convert morphophonemic vowel strings to phonemic strings are listed in the paper. It is also shown that in all the cases where phonemically disallowed string is not replaced, either a morphophonemic or an etymological explanation of this abnormality can be found. Linguistic data, on which the paper is based, are mainly drawn from 18th—19th century texts.

Ключевые слова: корейский язык, зияние, морфонология, фонология, синтагматика фонем

Keywords: the Korean language, hiatus, morphophonology, phonology, phoneme syntagmatics

Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение

На протяжении двух прошлых столетий многие выдающиеся ученые-лингвисты занимались исследованием и разграничением диалектов селькупского языка [Castrén 1855; Donner 1920; Прокофьев 1935; Hajdú 1968; Dulson 1971; Морев 1978; Janurik 1978; Katz 1979; Хелимский 1985; Беккер и др. 1995].

Первая научная классификация селькупских наречий, представленная финским ученым М. А. Кастреном [Castrén 1854], включала в себя три наречия: 1) северное (нижнее) наречие, охватывающее тымское, верхне- и нижненарымское; 2) среднее (кетское) наречие, к которому примыкает язык селькупов, обитающих на берегах р. Парабель и р. Чая (притоков Оби), а также селькупов так называемой Натско-Пумпокольской волости; 3) южное (верхнее) наречие, иначе — чулымское.

Шесть с половиной десятилетий спустя финский ученый К. Доннер [Donner 1920] предлагает классификацию, состоящую из более чем двадцати «остяко-самоедских» (селькупских) диалектов и основанную на географическом принципе с учетом лингвистических данных: 1) баишенский диалект (на р. Баиха); 2) карасинский диалект (на р. Карасина и р. Курейка); 3) кетский диалект (на р. Кеть); 4) среднекетский диалект (в среднем течении р. Кеть — п. Максимкин Яр, юрты Меташкины и Орлюковы); 5) верхнекетский диалект (в верховьях р. Кеть — от п. Марга до п. Маковское); 6) нижнекетский диалект (в низовьях р. Кеть — п. Мулешкина, Каткинская волость); 7) кудосейский диалект (у оз. Кудо); 8) нарымский диалект (в районе с. Нарым и в д. Тюхтерево); 9) среднеобский диалект (на средней Оби — в районе д. Баранаково, с. Иванкино, г. Колпашево); 10) верхнеобский диалект (в верховьях Оби — п. Сондороро, с. Тайзаково); 11) нижнеобский диалект (в районе с. Нарым, с. Тибинак, д. Казальцево); 12) парабельский диалект (на р. Парабель); 13) тазовский диалект (на р. Таз); 14) среднетазовский диалект (в районе р. Каралька); 15) верхнетазовский диалект (в верховьях р. Таз, особенно на его притоках — р. Ратта и р. Елогуй); 16) нижнетазовский диалект (в низовьях р. Таз, в районе старой церкви); 17) чаинский диалект (на р. Чая и вблизи г. Колпашево); 18) чулымский диалект (на р. Чулым); 19) туруханский диалект (вблизи Туруханска); 20) тымский диалект (на р. Тым, особенно вблизи с. Колгуж); 21) средне-тымский диалект (в среднем течении р. Тым — вблизи с. Напас и п. Лымбель-Карамо); 22) ваховский диалект (в верховьях р. Вах и на его притоке р. Кулу-Йоган); 23) васюганский диалект (в низовьях р. Васюган и особенно в с. Наунак).

Классификация наречий селькупского языка, представленная Г. Н. Прокофьевым, основана на языковых данных и самоназваниях отдельных локальных групп селькупов. Г. Н. Прокофьев выделяет три наречия с примыкающими к ним говорами:

1) тазовское наречие;

2) тымское наречие — а) говор верховьев р. Тым; б) говор низовьев р. Тым, распространенный также по р. Обь в пределах Каргасокского района и по р. Парабель; в) говор низовьев р. Васюган;

3) кетское наречие — а) говор верховьев р. Кеть (Максимояровский сельский совет, Маковский сельский совет); б) говор среднего течения р. Кеть (Широковский сельский совет), распространенный также по р. Обь в пределах Колпашевского района; в) говор небольшой группы селькупов, проживающей в самой южной части Колпашевского района (юрты Сондоровские) [Прокофьев 1935: 5, 7].

В 70-е годы прошлого столетия А. П. Дульзон представил диалектное членение селькупского языка, основанное на былых родоплеменных единицах (самоназваниях селькупов). А. П. Дульзон выделил пять групп:

1) селькупы, проживающие на р. Таз и р. Енисей;

2) *сюсюкумы*, проживающие на р. Кеть (населенные пункты — Белояровка, Карелино, Лосиноборская, Лукьяново, Маковское, Максимкин Яр, Зубрековский, Усть-Озерное, Марково, Урлюково на р. Кеть, п. п. р. Обь; Старо-Сондороро, Ново-Сондороро на р. Обь, выше г. Колпашево);

3) *чумылькупы*, проживающие на р. Васюган и р. Тым (населенные пункты — Варгананджино, Ванджилькынак, Кананак, Кулеево, Лымбель-Карамо, Напас, Нюльядрово на р. Тым, п. п. р. Обь; Пыжино и Тебенак на р. Обь, ниже с. Нарым; Ласкино на р. Обь, выше с. Нарым; с. Парабель на р. Парабель, л. п. р. Обь; Усть-Чижалпа и Чижалпа на р. Чижалпа, п. п. р. Васюган);

Поздеева Галина Петровна, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Кафедра иностранных языков Института природных ресурсов (Томск); galyunya-tom@yandex.ru

4) *шёшкумы* (*шёшкупы*), проживающие на р. Обь, выше с. Нарым (населенные пункты — Басмасово, Иванкино, Мумышево, Тайзаково на р. Обь, выше с. Нарым);

5) *тойкумы*, проживающие на р. Чулым (в нижнем течении) [Dulson 1971: 35—43].

Диалектное членение селькупского языка, предпринятое Х. Катцем, сделано с учетом фонетических и морфологических признаков и строится на селькупских текстовых материалах различных временных срезов; в рамках данной классификации выделяются:

1) северноселькупский диалект (говоры в районе р. Таз и р. Турухан);

2) среднеселькупский диалект (говоры в районе р. Тым, р. Кёнга, р. Парабель, д. Ласкино и с. Иванкино);

3) южноселькупский диалект — а) юго-западные говоры (ныне исчезнувшие говоры в районе р. Чая и р. Чулым, сондоровские говоры); б) кетские (нижнекетские, среднекетские, верхнекетские говоры); в) «кетско-енисейский-канал-говор» [Katz 1979: 6—181].

Е. А. Хелимский выделил шесть основных диалектов селькупского языка: 1) северный (на р. Таз, р. Пур, р. Карасина, р. Турухан, р. Баиха и р. Елогуй); 2) тымский; 3) нарымский (на р. Обь в районе с. Нарым, п. Васюган, с. Парабель); 4) кетский; 5) обский (на р. Обь в районе г. Колпашево); 6) крайне-южный (чулымский, чайнский; ныне фактически исчез). По мнению Е. А. Хелимского, некоторые говоры на р. Обь между с. Нарым и г. Колпашево (нарымско-обские) и в низовьях р. Кеть (кетско-обские) носят переходный (отчасти смешанный) характер [Хелимский 1988: 24—25].

В основу диалектной классификации Т. Янурика и А. Ю. Кюннапа вошли фонетико-фонологические соответствия, наблюдаемые в селькупских диалектах [Janurik 1978: 77—104; Кюннап 1985: 135—136]; это диалектное членение представлено в *Таблице 1*.

Таблица 1

Диалектная классификация селькупского языка

северная группа	центральная группа	южная группа
<p>среднетазовский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Сидоровск, Красноселькуп, Часелька</p>	<p>тымский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Нюльдрово, Ванджилыкынак, Лымбель-Карамо, Пыль-Карамо, Малый Компас, Кананак, Напас, Кочеедрово, Варгананджино, Кулеево, Нёготка, Назино, Усть-Тым, Колгуяк, Казальцево</p>	<p>среднеобский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаво, Конерово, Островные, Колпашево, Баранакково, Тискино, Костенкино, Ново-Сондорово</p>
<p>верхнетазовский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Толька (Красноселькупского р-на ЯНАО), Кики-Акки, Ратта (отдельные носители живут также в Келлоге, Сургутихе, Бакланихе)</p>	<p>васюганский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Каргасок, Новоюгино, Старо-югино, Маргино, Наунак, Усть-Чижапка, Верхняя Вольджа</p>	<p>чайнский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Старо-Сондорово, Чалково, Тайзаково</p>
<p>баишенский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Фарково, Туруханск</p>	<p>нарымский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Тебенак, Пыжино, Нарым, Тюхтерево, Ласкино, Басманово, Мумышево, Невальцево, Сагандуково, Горелый Яр, Нельмач, Пудино, Парабель</p>	<p>кетский диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Белый Яр, Карелино, Мулешка, Клюквенка, Тайна, Алипка, Максимкин Яр, Степановка, Меташкино, Пирино, Усть-Озерное, Урлюково, Лукьяново, Зубрековский, Марково, Лосиноборская, Налимкино, Айдара, Маковское</p>
<p>ларьякский (верхнетолькинский) диалект</p> <p><i>населенные пункты:</i> Толька (Пуровского р-на ЯНАО), Тарко-Сале</p>		<p>чулымский диалект (ныне исчезнувший)</p> <p>по р. Чулым: до среднего течения, а также в районе впадения в р. Обь</p>

Краткий обзор работ, посвященных исследованию и разграничению диалектов селькупского языка, показал, что в этой области существуют диалектные классификации разной степени детализации. В настоящее время наиболее общепринятой является гипотеза о троичном диалектном членении селькупско-

го языка. Классификация селькупских диалектов, представленная Т. Януриком (с некоторыми дополнениями) [Janurik 1978: 77—104; Кюннап 1985: 135—136; Мифология селькупов 2004: 16], была принята в качестве рабочей для нашего исследования.

Основной целью данной работы является попытка верификации общепринятых диалектных классификаций селькупского языка. Источниками исследования послужили полевые записи (с этой точки зрения к анализу ранее не привлекавшиеся) из архива профессора А. П. Дульзона, основателя Томской лингвистической школы; эти материалы хранятся в виде рукописных томов на Кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). Для анализа тазовского диалекта нами были использованы данные «Северноселькупского словаря» Е. А. Хелимского [Helimski Taz Selkup], «Диалектологического словаря селькупского языка (северное наречие)» [Казакевич, Будянская 2010] и [ОчСЯ 1993], а также ранее не опубликованные текстовые материалы архива Л. А. Варковицкой (1940—1941 г.), предоставленные О. А. Казакевич, заведующей Лабораторией автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова. В нашей работе сохранена фонетическая транскрипция, представленная в упомянутых источниках.

Выбор диалектов для анализа обоснован наличием обширного текстового материала по следующим идиомам: тазовский — северная группа (на р. Таз); нарымский (д. Тюхтерево Парабельского р-на Томской обл.) и тымский (с. Напас Каргасокского р-на Томской обл.) — центральная группа; иванкинский (с. Иванкино Колпашевского р-на Томской обл.) и кетский (п. Усть-Озерное Верхнекетского р-на Томской обл.) — южная группа. Материалы из этих населенных пунктов представлены в следующих томах полевых записей: д. Тюхтерево — тома 38, 49, 50, 52, с. Напас — тома 2, 9, 10, 18—20, 22, 23, 40, 47, 54 (центральные диалекты); с. Иванкино — тома 4, 9, 39, 41, 43, 51, 55, 58, п. Усть-Озерное — тома 4, 5, 36, 45, 46 (южные диалекты).

Следует отметить, что в 2005 г. материалы архива А. П. Дульзона были изданы в «Селькупско-русском диалектном словаре» [Быконя 2005], однако в настоящей статье данные этого словаря не привлекались. Это объясняется утверждением Е. А. Хелимского, что в данном издании опущена некоторая информация, представленная в картотеке словаря и, как выяснилось позже, в полевых записях. Например, в картотеке словаря для каждой словоформы указан населенный пункт, в котором она была зафиксирована, а в [Быконя 2005] указывается только этническое название (по А. П. Дульзону) селькупов, живших в этих населенных пунктах. В ходе работы с картотекой выяснилось, что описывать говоры по населенным пунктам, в которых был записан материал по ним, более целесообразно. Так, в статье Ю. В. Норманской [Норманская 2012] показано, что в рамках нарымского диалекта¹ в населенных пунктах Парабель, Тюхтерево и Ласкино рефлексация праселькупских гласных и система ударения довольно сильно различаются, а внутри каждого из рассмотренных населенных пунктов (по записям из архива А. П. Дульзона) материал последователен и однороден.

Полевые данные, представленные в томах из архива А. П. Дульзона, сказки из [ОчСЯ 1993], материалы «Северноселькупского словаря» Е. А. Хелимского [Helimski Taz Selkup] и [Казакевич, Будянская 2010], а также тексты из архива Л. А. Варковицкой [Варковицкая Архив] были проанализированы с учетом набора диалектно-дифференцирующих признаков, разработанных Е. А. Хелимским [Хелимский 1985: 42—58]. В работе Е. А. Хелимского диалектное членение селькупского языка основывается на 14 диалектно-дифференцирующих признаках, однако для анализа нами были привлечены только восемь из них — наиболее релевантных для исследуемого материала.

1) Согласно первому диалектно-дифференцирующему признаку, в диалектах селькупского языка для обширного класса основ и грамматических формантов с носовыми и смычными согласными в аусллауте установлены следующие соответствия: сев. $-m / -p$ ($\sim -\emptyset$), $-n / -t$ ($\sim -\emptyset$), $-ŋ / -k$ ($\sim -\emptyset$); центр. $-p$, $-t$, $-k$; южн. $-m$, $-n$, $-ŋ$. В Таблице 2 приведены примеры словоформ из упомянутых источников.

Таблица 2 наглядно демонстрирует ряд системных отклонений от ожидаемой рефлексии согласных в селькупских диалектах.

1. Так, в говоре с. Иванкино южного диалекта вместо ожидаемых согласных $-m$, $-n$, $-ŋ$ в аусллауте наблюдаются согласные, характерные для центральных диалектов: *суруп* ‘зверь’, *мам* ‘я’, *кан* ‘кровь’, *куп* ‘человек’, *канак* ‘собака’.

2. В говоре п. Усть-Озерное кетского (южного) диалекта также присутствуют единичные биения: в томах 4, 36 и 45 в некоторых фиксациях слова ‘ночь’ прослеживается обозначение конечного согласного звука, свойственного диалектам центральной группы (*num*).

¹ Все носители этого диалекта называют себя «обскими чумылькупами».

3. Наоборот, в говоре с. Напас тымского (центрального) диалекта, по данным томов 23 и 47, в словах *канау* ‘собака’ и *орым* ‘сила’ появляются конечные согласные, нехарактерные для этой диалектной группы, а свойственные южным говорам.

Таблица 2

Рефлексация согласных в северных, центральных
и южных диалектах селькупского языка

	селькупские словоформы						
	‘сила’	‘ночь’	‘собака’	‘человек’	‘кровь’	‘я’	‘зверь’
сев. тазовский	<i>орут</i> [ОчСЯ 1993: 143], <i>орѳт</i> [Helimski Taz Selkup], <i>орым/п</i> [Казакевич, Будянская 2010: 90], <i>орур</i> [Варковицкая Архив]	<i>pit</i> (GEN) [ОчСЯ 1993: 149], <i>pi</i> [Helimski Taz Selkup], <i>пи</i> [Казакевич, Будянская 2010: 101], <i>pi</i> [Варковицкая Архив]	<i>канау(k)</i> [ОчСЯ 1993: 114], <i>канау</i> [Helimski Taz Selkup], <i>канау/к</i> [Казакевич, Будянская 2010: 36], <i>kanang/k</i> [Варковицкая Архив]	<i>qut</i> [ОчСЯ 1993: 165], <i>qut</i> [Helimski Taz Selkup], <i>зум/п</i> [Казакевич, Будянская 2010: 61], <i>qut</i> [Варковицкая Архив]	<i>kət</i> (<i>kūt</i>) [ОчСЯ 1993: 116], <i>kəm</i> (<i>kīm</i>) [Helimski Taz Selkup], <i>kəm</i> [Казакевич, Будянская 2010: 38], <i>kūt</i> [Варковицкая Архив]	<i>man</i> [ОчСЯ 1993: 129], <i>man</i> [Helimski Taz Selkup], <i>ман/т</i> [Казакевич, Будянская 2010: 70], <i>man/t</i> [Варковицкая Архив]	<i>sūrum(p)</i> [ОчСЯ 1993: 172], <i>sūrj̄m</i> [Helimski Taz Selkup], <i>сūr̄ым/п</i> [Казакевич, Будянская 2010: 125], <i>surym/p</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>орым</i> ² [47] ³ , <i>‘орон</i> [23]	<i>педь</i> [2], <i>пич’</i> [2], <i>птед</i> [18], <i>пед’ъ</i> [22], <i>п’ета</i> [23], <i>пит</i> [47]	<i>канак</i> , <i>канак</i> [23], <i>канау</i> [23]	<i>куп</i> [9], <i>куп</i> (2) [20], <i>куп</i> [23], <i>куп</i> [54]	<i>кап</i> , <i>коп</i> [9]	<i>мат</i> [2], <i>мат</i> [18], <i>мат</i> [23], <i>мат</i> [40], <i>мат</i> [54]	<i>сурун</i> [9], <i>сурун</i> [19]
центр. д. Тюхтерев	<i>ору</i> [50], <i>орыт</i> [50]	<i>п’едь</i> [49], <i>п’едь</i> [50], <i>п’ед</i> (3) [50], <i>п’едь</i> (2) [52]	<i>канак</i> (2) [50], <i>канак</i> (4) [52]	<i>коп</i> (3) [49], <i>куп</i> (9) [50], <i>куп</i> (3) [52], <i>коп</i> [52], <i>кум</i> (4) [50], <i>кум</i> [52]	(<i>к</i>) <i>кап</i> , <i>кап</i> [52]	<i>мат</i> (4) [50], <i>мат</i> [52]	<i>хурун</i> (2) [50], <i>хурон</i> [50], <i>хурун</i> (2) [50], <i>хурун</i> [52], <i>сур̄ым</i> [52], <i>хурун</i> (4) [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>орум</i> [4], <i>орым</i> [4], <i>орум</i> [5], <i>орам</i> [45]	<i>пин</i> [4], <i>пит</i> [4], <i>бин</i> [4], <i>пин</i> (2) [5], <i>питт̄ь</i> [36], <i>пин</i> (2) [36], <i>пит’ь</i> [45]	<i>кыннау</i> [36], <i>кыннау</i> (7) [45]	<i>кум</i> [4], <i>к̄ом</i> [4], <i>кум</i> (2) [36], <i>кум</i> (3) [45], <i>ууп</i> (3) [45]	<i>к̄ом</i> [4], <i>к̄ым</i> [45], <i>к̄ьм</i> [45]	<i>ман</i> (<i>манн</i>), <i>ман</i> [5], <i>ман</i> [36], <i>ман</i> (2) [45]	<i>сур̄ум</i> [4], <i>сур̄ум</i> [5], <i>сур̄ам</i> [36], <i>сур̄ум</i> [36], <i>сур̄ум</i> [36], <i>сур̄ум</i> (2) [45], <i>сур̄ум</i> [45], <i>сур̄ам</i> [45]
южн. с. Иванкино	<i>ором</i> [9], <i>ором</i> [41]	<i>пет</i> [41], <i>педь</i> [51], <i>пет</i> [55], <i>п’ит</i> [55]	<i>канак</i> [43], <i>каннак</i> , <i>канак</i> [55], <i>канак</i> [55]	<i>куп</i> (6) [41], <i>ууп</i> , <i>куп</i> [55]	<i>кап</i> , <i>каб</i> , <i>кап</i> (2) [55]	<i>мат</i> [9], <i>мат</i> (2) [41], <i>мат</i> (3) [51], <i>мат</i> (2) [55]	<i>сурун</i> [41], <i>сурун</i> [51], <i>сур̄ым</i> [55], <i>сурун</i> [55]

² Все случаи, когда рефлексация согласных в какой-либо диалектной словоформе не соответствует ожидаемой, отмечены полужирным шрифтом.

³ Числовые данные, приведенные в квадратных скобках в Таблице 2, указывают на номер тома из архива А. П. Дульзона, а в круглых скобках — на количество упоминаний словоформы.

2) Второй диалектно-дифференцирующий признак выражается в рефлексии интервокального *-η-: сев. -η-; центр. -у-; южн. -ø-.

Таблица 3

**Рефлексия интервокального *-η- в северных, центральных
и южных диалектах селькупского языка**
(на примере селькупского имени существительного со значением 'нож')

диалект	имя существительное со значением 'нож'
сев. тазовский	<i>paŋu</i> [ОчСЯ 1993: 146], <i>paŋi</i> [Helimski Taz Selkup], <i>paуы</i> [Казакевич, Будянская 2010: 96], <i>paŋy</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>пaъ</i> [54], <i>пaуъ</i> [23]
центр. д. Тюхтерево	<i>пaу</i> [50], <i>пaуъ</i> [50], <i>пaо</i> [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>пa</i> [45], <i>пaу</i> [45]
южн. с. Иванкино	<i>пáуъ</i> , <i>пaы</i> (3) [41], <i>пaу</i> [51]

Таким образом, в Таблице 3 отмечены следующие отклонения от ожидаемой рефлексии праселькупского *η: 1) в южных диалектах — в говоре с. Иванкино в ряде случаев вместо ожидаемого «нуля» появляется согласный, характерный для центральных диалектов (том 51); 2) в центральных диалектах — в говорах с. Напас и д. Тюхтерево в ряде примеров вместо ожидаемого -у- наблюдается выпадение звука.

3) В рамках традиционной точки зрения рефлексии интервокального *-m- в селькупских диалектах являются следующими: сев. -m-; центр., южн. -w- (иногда с дальнейшим стяжением). Этот критерий во всех представленных диалектах селькупского языка прослеживается довольно отчетливо и не имеет отклонений.

Таблица 4

**Рефлексии интервокального *-m- в северных, центральных
и южных диалектах селькупского языка**

диалект	селькупские словоформы	
	'мышь'	'зуб'
сев. тазовский	<i>tama</i> [ОчСЯ 1993: 178], <i>tama</i> [Helimski Taz Selkup], <i>тама</i> [Казакевич, Будянская 2010: 129]	<i>t̄im̄y</i> [ОчСЯ 1993: 184], <i>t̄im̄j</i> ~ <i>t̄im̄j</i> [Helimski Taz Selkup], <i>тiмы</i> [Казакевич, Будянская 2010: 137], <i>tim̄y</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>máwa</i> (2) [9], <i>máwa</i> [18]	<i>m̄iw</i> (<i>mew</i>) [9], <i>m̄iwe</i> [9], <i>m̄iwe</i> [18]
центр. д. Тюхтерево	<i>māva</i>	<i>miv</i> , <i>meуv</i> (2) [50], <i>meу</i> [50]
южн. п. Усть-Озерное	<i>māva(ka)</i> [4]	<i>m̄iwъ</i> [4], <i>miv</i> [45], <i>mivy</i> [46]
южн. с. Иванкино	<i>māva</i>	<i>mew</i> [4], <i>mew</i> [41], <i>mew</i> (2) [41], <i>mъw</i> [55]

4) Рефлексация сев., центр. $\acute{s}$ - ~ южн. s -, по мнению Е. А. Хелимского, являет собой четкое соответствие и связана с переходом $*\acute{s}$ - > s - в южных диалектах. Результаты проверки данного критерия на основе материалов [ОчСЯ 1993], [Helimski Taz Selkup], [Казакевич, Будянская 2010], [Варковицкая Архив] и архива полевых записей А. П. Дульзона отражены в *Таблице 5*.

Таблица 5

**Рефлексация сев., центр. $\acute{s}$ ~ южн. s в северных, центральных
и южных диалектах селькупского языка**

диалект	селькупские словоформы		
	‘язык’	‘соль’	‘два’
сев. тазовский	$\acute{s}\bar{e}$ [ОчСЯ 1993: 174], $\acute{s}\bar{e}$ [Helimski Taz Selkup], $sh\bar{e}$ [Казакевич, Будянская 2010: 167], she [Варковицкая Архив]	$\acute{s}\bar{a}q$ [ОчСЯ 1993: 174], $\acute{s}\bar{a}q$ ($\acute{s}\bar{a}q\bar{i}$) [Helimski Taz Selkup], $sh\bar{a}q$ [Казакевич, Будянская 2010: 166]	$\acute{s}\bar{i}t\bar{y}$ [ОчСЯ 1993: 175], $\acute{s}\bar{i}t\bar{i}$ [Helimski Taz Selkup], $sh\bar{i}t\bar{y}$ [Казакевич, Будянская 2010: 167], $sh\bar{i}t\bar{y}$ [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	$sh\bar{e}$ [18]	$sh\bar{a}k$ [18]	$sh\bar{y}t$, $sh\bar{e}d$, $sh\bar{y}d\bar{y}$, $sh\bar{e}d\bar{y}$ (2) [20], $sh\bar{i}t\bar{a}$ [23], $sh\bar{i}d\bar{y}$ [23], $sh\bar{y}d\bar{y}$ (2) [47]
центр. д. Тюхтерево	$sh\bar{e}$ [49]	$sh\bar{a}R\bar{y}$ [52]	$sh\bar{e}d\bar{y}$ (4) [49], $sh\bar{i}d\bar{y}$, $sh\bar{y}d\bar{y}$, $sh\bar{i}d\bar{y}$ (4) [50]
южн. п. Усть-Озерное	$sh\bar{e}$	$sh\bar{a}k$	$sh\bar{y}t\bar{t}\bar{y}$ [4], $sh\bar{y}t\bar{t}\bar{y}$ [36], $sh\bar{i}t$ [36], $sh\bar{i}t\bar{y}$, $sh\bar{i}t\bar{y}$, $sh\bar{i}t\bar{t}\bar{y}$, $sh\bar{i}t\bar{t}\bar{a}$, $sh\bar{i}t\bar{t}\bar{y}$ [46]
южн. с. Иванкино	$sh\bar{e}$ [9], $sh\bar{e}$ [51]	$sh\bar{a}g$ [51], $sh\bar{a}g$ [58], $sh\bar{a}k'$ [58]	$sh\bar{e}d$ [41], $sh\bar{o}t$, $sh\bar{y}d\bar{y}$, $sh\bar{e}d\bar{y}$, $sh\bar{e}d$ [55], $sh\bar{i}t$ (5) [55]

Данные архива полевых записей А. П. Дульзона демонстрируют явное несоответствие ожидаемой рефлексации: в южных диалектах наблюдается $\acute{s}$ -, что может быть проинтерпретировано либо как архаизм, либо как обратное развитие s - > $\acute{s}$ - под влиянием центральных диалектов. Вторая гипотеза представляется более вероятной, т. к. в записях говора с. Напас (том 47), для которого характерны южные диалектные особенности, встречаются единичные случаи употребления s : $sh\bar{y}d\bar{y}$ ‘два’.

5) Отличительной чертой нарымского диалекта (в данном случае он представлен говором д. Тюхтерево) является развитие $*s$ - > h -, χ - и $*ps$ - > f -. На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением h -, f - вместо $*s$ -, $*ps$ - (записи М. А. Кастрена). По мнению Х. Катца, смешение форм с s - и форм с h - характерно только для современных переселенческих говоров на р. Тым [Katz 1979:70].

Наши примеры в *Таблице 6* показывают, что в XX в. смешение имело место в центральных селькупских диалектах — нарымском и тымском. Но, несмотря на смешение признаков, можно наметить некоторую тенденцию употребления *s-* vs. *h-*. Так, в говоре д. Тюхтерево нарымского диалекта зафиксированы лишь единичные случаи употребления *s*, практически всегда используется *h-*, а в говоре с. Напас тымского диалекта представлены две возможные рефлексии, в определенной степени распределенные по томам: *s-* (тома 18, 23, 54) и *h-* (тома 10, 19, 20), в томе 47 встречаются два варианта произношения. Эта рефлексия коррелирует с рефлексией согласных, рассмотренной в пунктах 1 и 4, где было показано, что в записях говора с. Напас в томах 23 и 47 встречаются южные диалектные особенности. Таким образом, на материале архива А. П. Дульзона отчетливо прослеживается тенденция перехода *s-* > *h-* в центральных говорах. Согласно Я. Алатало [Alatalo 2004], указанная тенденция является одной из наиболее характерных особенностей, отличающих эту группу говоров, которую он обозначает как «*h*-диалекты».

Таблица 6

Несоответствия перехода **s-* > *h-*, *χ-* и **ps-* > *f-* в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка

диалект	селькупские словоформы		
	‘глаз’	‘пять’	‘дождь’
центр. с. Напас	<i>хай</i> (с' <i>ай</i>), <i>хай</i> [10], <i>сай</i> (4) [18], <i>хай</i> [19], <i>хай</i> [20], <i>хай</i> [47], <i>сай</i> [47]	<i>с^омбла</i> [18], <i>сомбла</i> , <i>хомбла</i> , <i>хомбъла</i> , <i>х^омбыла</i> (2) [20], <i>с^омбла</i> [23], <i>сомбл^а</i> [23]	<i>χв^ера</i> [9], <i>сверл^а</i> [18] <i>выра</i> [19], <i>выра</i> [20], <i>св^ыра</i> [23], <i>св^ырла</i> [54]
центр. д. Тюхтерево	<i>хай</i> (4) [50], <i>хай</i> [50], <i>хай</i> (<i>хай</i>), <i>хай</i> (3) [52]	<i>сомблаR</i> , <i>хомблаR</i> , <i>хомбла</i> , <i>хомбъла</i> [49], <i>хомбла</i> (3) [50]	<i>хвыра</i> (6) [50], <i>хвыра</i> , <i>хвыра</i> (2) [52], <i>с^орымто</i> [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>сай</i> (2) [4], <i>сай</i> (4) [36], <i>сай</i> [45], <i>сай</i> , <i>сай</i> [46]	<i>сомбыле</i> , <i>сомбыл'е</i> , <i>сомбыл'е</i> (3) [4], <i>сомбыл'е</i> [5], <i>сомбыле</i> , <i>сомбл'е</i> [36]	<i>сырра</i> [36], <i>св^ера</i> [36], <i>с^ерро</i> (3) [36]
южн. с. Иванкино	(с) <i>хай</i> [9], <i>сай</i> (2) [9], <i>сай</i> (3) [39], <i>сай</i> (7) [41], <i>сай</i> (4) [55]	<i>сомбла</i> [41], <i>хомбла</i> , <i>сомбла</i> (3) [55]	<i>с^орымджо</i> [39], <i>соромджо</i> (2) [41], <i>св^ыра</i> [41], <i>суромджо</i> [55], <i>соромджо</i> (2) [55], <i>сверны</i> [55], <i>с^орънджо</i> [55]

б) Согласно М. А. Кастрену, Т. Лехтисало и Е. А. Хелимскому [Castrén, Lehtisalo 1960: 100—101; Хелимский 1984: 45], в ряде слов ПС **j-* отражен в южноселькупских диалектах не в виде *í-* или *ċ-*, а как *k-*. В *Таблице 7* показано, как этот критерий выдерживается на материале южных диалектов, зафиксированных в полевых записях из архива А. П. Дульзона.

Интересно, что и в говоре с. Напас тымского диалекта, для которого характерна «южная рефлексия», отмечается случай употребления *k-* вместо *í-* или *ċ-* в слове *kwē* ‘сосна’ (том 18).

Таблица 7

Рефлексы ПС *j- в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка

диалект	селькупские словоформы		
	‘лошадь’	‘сосна’	‘боль’
сев. тазовский	<i>сintу</i> [ОчСЯ 1993: 107], <i>сintĭ</i> [Helimski Taz Selkup], <i>чунты</i> [Казакевич, Будянская 2010: 165], <i>сientу</i> [Варковицкая Архив]	<i>сō</i> [ОчСЯ 1993: 106], <i>сō̄</i> [Helimski Taz Selkup], <i>чō̄</i> [Казакевич, Будянская 2010: 164]	<i>сiŋša</i> [ОчСЯ 1993: 108], <i>сiŋša</i> [Helimski Taz Selkup]
центр. с. Напас	<i>ч'ун'дъ</i> [18], <i>ч'ун'дъ</i> [23], <i>ч'ундъ</i> , <i>ч'ундъ</i> [47]	<i>чв'о</i> , <i>квĕ</i> [18], <i>т'ō</i> [23], <i>ч'ō</i> [47], <i>ч'ō</i> [54]	<i>ч'ужа</i> [9], <i>ч'ужа</i> [10], <i>ч'ужа</i> (2) [18]
центр. д. Тюхтерево	<i>чунд</i> , <i>ч'унд</i> [49], <i>ч'ундъ</i> (5) [50]	<i>чв'е</i> [52]	<i>ч'ужа</i> [38], <i>чōжа</i> [50], <i>ч'ужа</i> (2) [50], <i>кōда</i> (2) [50]
южн. п. Усть-Озерное	<i>к'ундъ</i> [4], <i>к'унд</i> [36], <i>к'ундъ</i> (4) [45]	<i>кв'ѣ</i> [4], <i>кв'ѣрг'и</i> [5], <i>кв'ѣрг</i> [45]	<i>к'узу</i> [4]
южн. с. Иванкино	<i>кōнд</i> , <i>кōнт</i> (2) [51]	<i>кв'е</i> [39], <i>кв'е</i> [55], <i>кв'е</i> [58]	<i>кōжа</i> (2) [41], <i>кōда</i> , <i>кōжа</i> [51], <i>кōжа</i> (2) [55], <i>кōда</i> (2) [55]

7) Соответствие сев. *-t-*, *-p-*, *-k-*, *-q-* ~ центр., южн. *-d-*, *-b-*, *-g-*, *-G-* в интервокальном положении может быть сочтено диалектно-дифференцирующим признаком с большими оговорками. «Во-первых, глухость-звонкость не является в селькупском языке фонологически релевантной, вследствие чего во многих источниках по северному диалекту, использующих фонематическую или приближающуюся к ней транскрипцию, звонкость не обозначается. Во-вторых, в принципе для большинства селькупских говоров в интервокальном положении наиболее типичны слабые глухие смычные и аффрикаты, и различие состоит главным образом в том, что в северном диалекте они варьируют в данной позиции с соответствующими сильными глухими, тогда как в центральных и южных диалектах сильная артикуляция наблюдается в интервокальном положении относительно редко, зато возможно полуозвончение и даже полное озвончение слабых глухих» [Морев 1977: 22—23].

Как и следовало ожидать с учетом современной ситуации, на примере нашей выборки обнаруживается значительное несоответствие в обозначении глухости / звонкости в записях селькупских диалектов, хотя в целом наблюдается преобладание написаний с буквами для интервокальных звонких согласных в записях по южным и центральным диалектам и с буквами для интервокальных глухих — в северных диалектах. Наиболее системно несогласованность наблюдается в полевых записях кетского (южного) диалекта, собранных в п. Усть-Озерное, где в подавляющем количестве примеров представлены глухие согласные вместо ожидаемых звонких. Единичные несоответствия встречаются также в материалах по нарымскому диалекту (говору д. Тюхтерево) и иванкинскому диалекту (говору с. Иванкино).

**Несоответствия в обозначении глухости / звонкости
в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка**

диалект	селькупские словоформы	
	‘нога’	‘рука’
сев. тазовский	<i>тору</i> [ОчСЯ 1993: 185], <i>торј</i> [Helimski Taz Selkup], <i>топы</i> [Казакевич, Будянская 2010: 138], <i>тору</i> [Варковицкая Архив]	<i>уту</i> [ОчСЯ 1993: 191], <i>uti</i> [Helimski Taz Selkup], <i>уты</i> [Казакевич, Будянская 2010: 150], <i>уту</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>тоб</i> (2) [18], <i>тоб</i> , <i>тобъ</i> (3) [20]	<i>уд</i> [10], <i>од</i> [18], <i>(о)уд</i> , <i>уд'</i> [19], <i>од</i> [20]
центр. д. Тюхтерево	<i>тобъ</i> (3) [50], <i>тоб'э</i> [50], <i>тоб</i> (2) [50], <i>тобъ</i> [52]	<i>удъ</i> [49], <i>удъ</i> [50], <i>удэ</i> [50], <i>уд</i> (2) [50], <i>уде(ъ)</i> , <i>удом</i> , <i>удъ</i> (2) [52], <i>утт</i> [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>топ̄ъ</i> , <i>то́ппъ</i> [4], <i>то́би</i> [4], <i>то́бынде</i> [4], <i>топ̄лаӯнь</i> [4], <i>то́би</i> [5], <i>то́ппъ</i> [36], <i>топпъ</i> [36], <i>то́ппъ</i> (2) [45], <i>топ</i> [45], <i>топ</i> [46]	<i>утт</i> [4], <i>утъ</i> [4], <i>уд</i> [36], <i>уттъ</i> [36], <i>ут</i> [36], <i>ут</i> [45], <i>уттъ</i> (2) [45], <i>ут</i> [46]
южн. с. Иванкино	<i>тоб</i> (4) [41], <i>тобъ</i> , <i>тоб</i> (4) [55], <i>топъ</i> [55]	<i>уд</i> , <i>утъ</i> [9], <i>од</i> (2) [41], <i>уд</i> (3) [55], <i>од</i> [55], <i>од</i> (2) [55]

8) Как отмечают некоторые ученые, в некоторых говорах всех трех основных диалектных подразделений возможно свободное варьирование *í* и *é* [Katz 1979: 106; ОчСЯ 1980: 131; Деннинг 1981: 161]. По мнению Е. А. Хелимского [Хелимский 1985], данный критерий: сев., центр. *é*- ~ южн. *í*- — не является достаточно четким. Однако, как показывает анализ словоформ, представленных в Таблице 9, соответствие сев., центр. *é*- ~ южн. *í*- прослеживается довольно явно.

Таблица 9

Несоответствия свободного варьирования *í* и *č* в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка

диалект	селькупские словоформы	
	‘глина’	‘солнце’
сев. тазовский	<i>си</i> [ОчСЯ 1993: 107], <i>си</i> [Helimski Taz Selkup], <i>чу</i> [Казакевич, Будянская 2010: 164]	<i>cēly(ty)</i> [ОчСЯ 1993: 103], <i>cēlī(tī)</i> [Helimski Taz Selkup], <i>чēлы</i> [Казакевич, Будянская 2010: 158], <i>cely</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>ч’у</i> , <i>т’у</i> [47]	<i>т’елд</i> [2], <i>т’елдь</i> [9], <i>д’ел</i> [18], <i>ч’елд</i> [19], <i>ч’ел</i> [20], <i>т’ел</i> [47]
центр. д. Тюхтерево	<i>ч’у</i> [38]	<i>ч’елд</i> [49], <i>ч’елдь</i> [49], <i>ч’елдь</i> (5) [50], <i>ч’ел</i> [50], <i>дж’ел</i> [50], <i>ч’елд</i> [50], <i>ч’елд</i> , <i>ч’ел</i> (3) [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>тя</i> [45]	<i>т’ел</i> (4) [4], <i>т’эл</i> (2) [5], <i>т’елат</i> [36], <i>т’елд</i> [45]
южн. с. Иванкино	<i>тя</i> [41]	<i>т’елт</i> [41], <i>тейл</i> [41], <i>д’эйл</i> [41], <i>т’елт</i> [51], <i>т’эльт</i> [51], <i>т’ел</i> (3) [55], <i>т’елт</i> [55], <i>дел</i> (2) [55]

Ожидаемым исключением являются данные тымского диалекта (говора с. Напас): в ряде примеров из томов 2, 9, 18 и 47 употреблено *í* вместо соответствующего *č*. Как было показано выше, для записей из томов 18 и 47 типичной является «южная рефлексация», что наблюдается и в этих случаях.

Кроме вышеперечисленных отличительных признаков в селькупских диалектах существует ряд типичных диалектных различий в области лексики, отмеченных еще Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1935: 6—7] и П. Хайду [Hajdú 1968: 126]. Эти различия четко прослеживаются и в рассмотренных нами материалах (Табл. 10).

Таблица 10

Лексические соответствия селькупских словоформ со значениями 'утка' и 'нос' в северных, центральных и южных диалектах селькупского языка

диалект	селькупские словоформы	
	'утка'	'нос'
сев. тазовский	<i>šīpa</i> [ОчСЯ 1993: 175], <i>šīpa</i> [Helimski Taz Selkup], <i>šīpa</i> [Казакевич, Будянская 2010: 168], <i>šīpa</i> [Варковицкая Архив]	<i>įntäl' ~ įntäl'</i> [Helimski Taz Selkup], <i>ынтӓль</i> [Казакевич, Будянская 2010: 172], <i>унтул'</i> [Варковицкая Архив]
центр. с. Напас	<i>n'an</i> (3) [18], <i>n'an</i> [23], <i>n'en</i> [23], <i>n'ab</i> [47]	<i>пуд'ъ</i> [9]
центр. д. Тюхтерево	<i>n'an</i> (2) [50], <i>n'an</i> [52]	<i>пудж'</i> [38], <i>пудж'</i> (2) [50], <i>пудж'ъ</i> [50], <i>под'ж'а</i> , <i>пудж'е</i> , <i>пудж'</i> [52]
южн. п. Усть-Озерное	<i>n'ab</i> [45], <i>n'ab</i> [45]	<i>пүт'ъ</i> [4]
южн. с. Иванкино	<i>n'ab</i> [41], <i>n'ab</i> (2) [55]	<i>пуд'</i> [41], <i>пүдит</i> [51], <i>пуд'</i> [55]

Таким образом, проведенный анализ материала полевых записей А. П. Дульзона, данных [Helimski Taz Selkup] и [Казакевич, Будянская 2010], текстовых материалов архива Л. А. Варковицкой [Варковицкая Архив] и [ОчСЯ 1993] позволяет сделать следующие выводы и наглядно представить их в сопоставительной таблице (Табл. 11).

Таблица 11

Дифференцирующие признаки для диалектов селькупского языка

	1 сев. -m / -p (~ -ø), -n / -t (~ -ø), -ŋ / -k (~ -ø); центр. -p, -t, -k; южн. -m, -n, -ŋ	2 сев. -ŋ-; центр. -ŋ-; южн. -ø-	3 сев. -m-; центр., южн. -w-	4 сев., центр. š-; южн. s-	5 сев., южн. s-; центр. h-	6 сев., центр. š-, č-; южн. k-	7 сев. -t-, -p-, -k-, -q-; центр., южн. -d-, -b-, -g-, -G-	8 сев., центр. č-; южн. š-
сев. тазовский	+	+	+	+	+	+	+	+
центр. с. Напас	+/- (тома 23, 47)	+	+	+/- (том 47)	+/- (тома 18, 23, 47, 54)	+/- (том 18)	+	+/- (тома 2, 9, 18, 47)
центр. д. Тюхтерево	+	+	+	+	+	+/-	+/-	+
южн. п. Усть-Озерное	+/- (тома 4, 36, 45)	-	+	-	+	+	-/(+)	+
южн. с. Иванкино	-/(+)	-	+	-	+	+	+/-	+

1) В середине и конце XX в. второй (сев. $-ŋ$ ~ центр. $-ɣ$ ~ южн. $-ø$) и четвертый (сев., центр. $\acute{s}$ ~ южн. s) критерии различения южных и центральных диалектов селькупского языка перестали существовать: в южных диалектах была зафиксирована рефлексация, свойственная центральным диалектам.

2) В XX в. южные и центральные диалекты селькупского языка различались по первому (сев. $-m / -p$ ($\sim -ø$), $-n / -t$ ($\sim -ø$), $-ŋ / -k$ ($\sim -ø$) ~ центр. $-p, -t, -k$ ~ южн. $-m, -n, -ŋ$), пятому (сев., южн. s ~ центр. h), шестому (сев., центр. $\acute{t}, \acute{č}$ ~ южн. k) и восьмому (сев., центр. $\acute{č}$ ~ южн. $\acute{t}$) диалектно-дифференцирующим признакам. Однако, согласно результатам анализа, южные диалекты не образуют единого массива. По первому признаку в иванкинском говоре зафиксирована рефлексация, совпадающая с центральными диалектами, а в кетском диалекте — «южная рефлексация». По пятому, шестому и восьмому признакам в иванкинском и кетском идиомах наблюдается одна и та же рефлексация, отличающаяся от «центральной». Можно сделать вывод, что в середине и конце XX в. иванкинский говор, сочетая в себе черты как южных, так и центральных диалектов, занимал промежуточное место между данными группами.

3) В словаре [Alatalo 2004] отмечено, что полевые записи из архива А. П. Дульзона, сделанные в с. Напас, фактически принадлежат как центральному, так и южному диалектам, но конкретные изоглоссы, подтверждающие эту гипотезу, не приводятся; не уточняются и номера томов, в которых содержится материал по говору с. Напас. Проанализированный нами материал показывает, что по первому (сев. $-m / -p$ ($\sim -ø$), $-n / -t$ ($\sim -ø$), $-ŋ / -k$ ($\sim -ø$) ~ центр. $-p, -t, -k$ ~ южн. $-m, -n, -ŋ$), четвертому (сев., центр. $\acute{s}$ ~ южн. s), пятому (сев., южн. s ~ центр. h), шестому (сев., центр. $\acute{t}, \acute{č}$ ~ южн. k) и восьмому (сев., центр. $\acute{č}$ ~ южн. $\acute{t}$) признакам в записях говора с. Напас зафиксированы словоформы с «южной» и «центральной рефлексацией». Интересно, что говор с. Напас демонстрирует более архаичные южные черты, чем иванкинский, который (по сравнению с записями XIX в.) по первому, второму и четвертому признакам отходит к центральным, и даже более архаичные, чем кетский диалект, который совпадает с центральными по второму и четвертому признакам. В XX в. говор с. Напас, единственный из диалектного континуума селькупского языка, сохраняет архаичную «южную рефлексацию» по четвертому признаку (сев., центр. $\acute{s}$ ~ южн. s).

Анализ словоформ показал, что полевые записи, собранные в с. Напас и представленные в томах 18, 23 и 47, характеризуются практически исключительно чертами южных диалектов, в томах 2, 9 и 54 — чертами как южных, так и центральных диалектов, а в остальных томах — только центральными чертами.

Важными результатами данного исследования стали полученные сведения по говорам с. Напас и с. Иванкино. Стало ясно, что языковые материалы, собранные в с. Напас, следует анализировать с разделением на тома, а полевые записи из с. Иванкино стоит рассматривать в отрыве от материалов из п. Усть-Озерное, т. е. не относя иванкинский говор к южным диалектам, а считая его промежуточным между южными и центральными. Считаем целесообразным предложить новое диалектное членение селькупского языка с опорой на полученные результаты (Табл. 12).

Таблица 12

Диалектное членение селькупского языка

группы диалектов	северные	центральные			промежуточный (южно-центральный)	южные	
		нарымский (д. Тюхтерево); архив А. П. Дульзона, текстовые материалы «Нарымские сказки»	нарымский (с. Парабель); сказка «Про черного царя», (?) [ПМА 2011]	тымский (с. Напас); архив А. П. Дульзона (тома 10, 19, 20, 22, 40; (?) 2, 9, 54), текстовые материалы		иванкинский (с. Иванкино); архив А. П. Дульзона, текстовые материалы «Кетские сказки»	кетский (п. Усть-Озерное); архив А. П. Дульзона, текстовые материалы «Кетские сказки»
названия диалектов и населенных пунктов; источники	тазовский [ОчСЯ 1993; Helimski Taz Selkup; Казакевич, Будянская 2010; Варковицкая Архив]						

Сокращения

Языки и диалекты

ПС — прасамодийский язык
 сев. — северные диалекты селькупского языка

центр. — центральные диалекты селькупского языка
 южн. — южные диалекты селькупского языка

Общие

г. — город
 д. — деревня
 п. п. р. — правый приток реки
 р. — река

л. п. р. — левый приток реки
 обл. — область
 р-н — район
 с. — село

оз. — озеро
 п. — поселок
 GEN — генитив
 (родительный падеж)

ПМА 2011 — полевые материалы автора по говору с. Парабель Парабельского р-на Томской обл. (08—10.06.2011 г.)

Литература

- Беккер и др. 1995 — Беккер Е. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Т. 1—2. Томск, 1995.
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005.
- Варковицкая Архив — Варковицкая Л. А. Архивные рукописи (11 тетрадей): Полевые материалы 1940—1941 гг.
- Деннинг 1981 — Деннинг Н. В. Аффрикатизация и разложение аффрикат в селькупском языке (на материале тымского диалекта) // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Вып. 2. Новосибирск, 1981. С. 160—166.
- Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Ред. Казакевич О. А. Екатеринбург, 2010.
- Кузьмина 1974 — Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974.
- Кюннап 1985 — Кюннап А. Ю. О диалектном членении южносамодийских языков // Труды по финно-угроведению. Ученые записки Тартуского государственного университета, XII. Вып. 690. Тарту, 1985. С. 135—137.
- Мифология селькупов 2004 — Энциклопедия уральских мифологий. Т. 4. Мифология селькупов / Сост. Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Томск, 2004.
- Морев 1977 — Морев Ю. А. Глухость-звонкость согласных в селькупском языке (на материале среднеобского говора чумылькупов) // Языки и топонимия. Вып. 5. Томск, 1977. С. 13—26.
- Морев 1978 — Морев Ю. А. К соотношению глухости-звонкости и долготы-краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1978. С. 3—14.
- Норманская 2012 — Норманская Ю. В. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148.
- ОчСЯ 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушикина Е. В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Йоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993.
- Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Л., 1935.
- Хелимский 1984 — Хелимский Е. А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // *Dialectologia Uralica* (Erstes internationales Symposium zur Dialectologie der uralischen Sprachen. 04—07.09.1984, Hamburg). Hamburg, 1984. S. 44—46.
- Хелимский 1985 — Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42—58.
- Хелимский 1988 — Хелимский Е. А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тарту, 1988.
- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J. / Zusammenge stellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
- Castrén 1854 — Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen / Hrsg. Schiefner A. von. St.-Petersburg, 1854.
- Castrén 1855 — Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / Bearb. Schiefner A. von. St.-Petersburg, 1855.
- Castrén, Lehtisalo 1960 — Castrén M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 122). Helsinki, 1960.

Donner 1920 — *Donner K.* Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 49). Helsinki, 1920.

Dulson 1971 — *Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII. 1971, 1. С. 35—43.

Hajdú 1968 — *Hajdú P.* Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1968.

Helimski Taz Selkup — Селькупские словарные материалы [Электронный ресурс] / Сост. Хелимский Е. А. // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (дата обращения — август 2011).

Janurik 1978 — *Janurik T.* A szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 1 (80). 77—104 о.

Katz 1979 — *Katz H.* Selkupische Quellen: Ein Lesebuch (Studia Uralica, 2). Wien, 1979.

РЕЗЮМЕ

В данной статье предпринята попытка верификации общепринятых диалектных классификаций селькупского языка. В результате анализа текстовых материалов и словарных данных по северным, центральным и южным диалектам селькупского языка выявлен новый промежуточный диалект.

SUMMARY

The article describes an attempt to verify standard classifications of the Selkup dialects. The analysis of text materials of the northern, central and southern dialects allows to introduce a transitional dialect of the Selkup language.

Ключевые слова: селькупский язык, диалектология, диалектные классификации, верификация, промежуточный диалект

Keywords: Selkup, dialectology, dialect classifications, verification, transitional dialect

Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа

В 1784 г. российская императрица Екатерина II распорядилась начать работу над созданием словаря языков «всех на земле обитающих народов». Сбор лексического материала и издание словаря были поручены известному ученому, немцу по происхождению Петеру Симону Палласу (1741—1811). Через несколько лет в Петербургской типографии были опубликованы «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы» (часть I — 1787 г. [СС 1787], часть II — 1789 г. [СС 1789]). Среди 200 языков, лексика которых нашла отражение в «Сравнительных словарях», оказался и почти не изученный в то время чувашский язык.

«Сравнительные словари» открываются «Предисловием от издателя» (П. С. Палласа) сначала на русском языке, а затем на латыни. За ним следует латиноязычный “Indiculus” — список из десяти книг (в основном словарей), послуживших источником сведений по некоторым западноевропейским языкам. Далее располагается латиноязычное “Explicatio litterarum Alphabeti Rossici” («Объяснение букв русского алфавита»).

В основной части «Сравнительных словарей» даны переводы 285 русских слов (‘Бог’, ‘небо’, ‘отец’, ‘мать’ и т. д.) на различные языки. Материал расположен следующим образом: сначала приводится русское слово, затем — его эквиваленты в других языках, записанные кириллицей. Каждый язык имеет постоянный порядковый номер. Примечательно, что родственные языки (славянские, германские, тюркские и т. д.) часто занимают соседние позиции; таким образом, в «Сравнительных словарях» была принята очень ранняя и весьма успешная попытка генетической классификации языков. Это достижение традиционно приписывается П. С. Палласу, хотя существует мнение, согласно которому порядок следования материала определяла непосредственно Екатерина II [Ruhlen 1987: 32].

О том, что «Ея Императорское Величество сама благоволила трудиться в произведении сего наук приращения», упоминает и П. С. Паллас в своем Предисловии. Известно, что Екатерина II распорядилась составить «универсальный» словарь после прочтения трактата А. Кур де Жебелена, в котором высказывалась мысль о том, что «все языки могут быть выведены из одного основного». В 1784—1785 гг. императрица самостоятельно составляла список русских корней, предлагаемых для перевода, и искала их иноязычные эквиваленты. Подобная работа, среди прочего, навела Екатерину II на ошибочную мысль о родстве кельтских языков с хантыйским («остяцким») [Булич 1904: 224].

Слова чувашского языка вследствие ошибочных представлений о его генетической принадлежности приводятся в первом издании среди финно-угорских — между марийскими («черемисскими») и удмуртскими («вотяцкими»). Чувашским словам в памятнике отведено постоянное 64-е место; исключение составляет приложение «Числа европейских и азиатских народов», где чувашские слова даются на 70-м месте. Часто к русскому слову приводятся сразу несколько чувашских эквивалентов; это косвенно свидетельствует о том, что чувашский материал собирался из нескольких источников.

После издания двух частей «Сравнительных словарей» [СС 1787, 1789] Екатерина II велела опубликовать новый, дополненный словарь с расположением языкового материала по алфавитному принципу. Работой по переизданию руководил Ф. И. Янкович (де Мириево). Четырехтомный «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» (1790—1791 гг.) [СС 1790—1791] охватил уже 279 языков¹, а лексический материал «Сравнительных словарей» в новом издании претерпел некоторые изменения. В чувашской части они незначительны: редакторы исправили несколько ошибок, касающихся отражения ударения и твердости-мягкости конечных согласных.

В Предисловии к Словарю П. С. Паллас пишет, что основными источниками по лексике тех языков, носители которых проживали на территории Российской Империи, были «многочисленные рукописные словари». В 1785 г. из столицы по губерниям и областям были разосланы распоряжения о сборе эквивалентов на местных языках и наречиях для специально отобранных слов. Официальные переводчики на местах составляли списки слов, которые затем скреплялись подписями секретарей губернских канцелярий «и даже самих губернаторов и наместников» [Булич 1904: 226].

---

¹ Далее «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы» для лаконичности называются «первым изданием» Словаря П. С. Палласа, а «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» — «вторым изданием».

При составлении чувашского словника, очевидно, не использовались более ранние памятники чувашского языка: «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (1769 г.), «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих...» епископа Дамаскина (1785 г.), анонимный «Словарь языка чувашского» (1785 г.) и др. В. Г. Егоров отмечал, что в плане отражения чувашского материала первое и второе издание Словаря П. С. Палласа «согласованы между собой», но не с другими словарями XVIII в. По его мнению, «редакция пользовалась не столько готовыми рукописными словарями, сколько непосредственно указаниями присутствовавшего тут живого лица, владевшего чувашским языком. Вероятно, по многим отдельным языкам словари редактировались соответствующими специалистами» [Егоров 1949: 131].

В большинстве случаев П. С. Паллас не уточняет, на каких территориях был собран языковой материал, хотя, например, мансийский («вогульский») язык делится в Словаре на наречия: «по реке Чюсовой» (66-я позиция), «в Верхотурской округе» (67-я), «около Чердыма» (68-я) и «около Березова» (69-я). В отношении чувашского языка подобные пометы не используются. Как продемонстрировано ниже, особенности отражения чувашского вокализма свидетельствуют о том, что материалом для Словаря П. С. Палласа послужили как минимум два чувашских говора, относящихся как к верховому, так и к низовому диалекту (по традиционной современной классификации).

Восстановление реального фонетического облика чувашских слов невозможно без выяснения принципов графики и орфографии, которыми руководствовались авторы Словаря. В «Explicatio litterarum Alphabeti Rossici» П. С. Паллас объясняет общие принципы использования тех или иных кириллических букв для передачи иноязычной фонетики. В общем случае они основаны на немецком и традиционном латинском (через посредство немецкого) чтении. Йотированные гласные употребляются в соответствии с правилами русской орфографии: в начале слова и после гласных они указывают на наличие предшествующего йота, а в постконсонантной позиции обозначают мягкость предыдущего согласного. Интересно, что *e* также понимается как йотированный гласный: см. запись чув. *хъјьг* ‘песок’ как *хьерь*. Примечательно употребление в памятнике *i* как эквивалента *u* в позиции перед *y* или гласным (аналогичный принцип существовал в дореформенной русской орфографии).

Особые случаи: 1) букву *ю*, согласно П. С. Палласу, следует читать как [jo] (не в начальной позиции), а на самом деле — [ō] (ср. чтение рус. *ё*); 2) вариант *ю* имеет звуковое значение [ü], а *ю* передает сочетание [ju]; 3) букву *э* П. С. Паллас предлагает читать как огубленный [ō] (см. запись французского *dieu* ‘бог’ как *dīэ*), однако, как будет показано ниже, по отношению к чувашским материалам подобное чтение неприемлемо. Разнообразие вариантов фонетической интерпретации *э* связано с тем, что ко времени создания Словаря эта буква имела еще очень недолгую историю бытования: официально ее включили в алфавит только в 1708 г. при создании гражданского шрифта.

Указанные в Предисловии общие правила не отражают всех особенностей чувашского материала, зафиксированного в Словаре. На практике те, кто производил первичную запись слов, использовали собственные принципы орфографии, которые лишь иногда совпадали с предписаниями редактора. Это связано с тем, что сборщикам приходилось иметь дело с бесписьменными языками, специфическая фонетика которых вынуждала «на ходу» выбирать наиболее адекватные способы отражения. Кроме того, при копировании материалов делались ошибки, вызванные схожестью отдельных букв рукописного шрифта: *т* и *ш*, *н* и *и*, *д* и *з*. Вместе с тем, редакторы могли и намеренно исправлять неверные (по их мнению) формы. В одних случаях эти исправления оправданы, в других речь идет о гиперкоррекции с точки зрения собственно русской орфографии: ср. соблюдение в записи чувашского материала русских правил правописания *ши* и *ча*, хотя изредка встречается «ошибочная» запись — *шы* и *чя*.

Поэтому при установке соответствий между орфографией чувашской части Словаря П. С. Палласа и фонетикой чувашских говоров XVIII в. необходимо учитывать: 1) особенности восприятия чувашской речи сборщиками материала с русским или немецким родным языком; 2) правила русской орфографии и произношения по состоянию на XVIII в.; 3) указания самого П. С. Палласа по звуковой интерпретации использования тех или иных кириллических букв; 4) возможные описки (исходя из рукописного вида!) и намеренное редактирование записанных ранее форм (что бывает значительно реже); 5) данные чувашской исторической фонетики и диалектологии.

Ниже проанализированы особенности отражения в Словаре П. С. Палласа чувашских гласных полного образования (*a, e, i, i, o, u, ü*), а затем — редуцированных гласных (*ь, э, ъ, э*). Чувашский материал подается в следующем порядке:

1) номер данного вхождения (набран петитом) в «Базе данных чувашской лексики у Палласа», сделанной с использованием многофункциональной лингвистической программы С. А. Старостина “Starling” (база будет опубликована позже);

2) латинская транслитерация палласовской формы с глоссировкой (NB: буква *ь* передана через обратный апостроф);

3) кириллическая запись чувашского слова (в квадратных скобках) в том виде, в каком она приведена в Словаре П. С. Палласа: а) если есть основания предполагать ошибку, корректная форма дается через знак <, а исправленные буквы выделяются полужирным шрифтом; б) граница между чувашскими словами, если у Палласа они пишутся слитно, отмечена дефисом (в тех редких случаях, когда у Палласа стоит дефис, он для маркировки специфической записи заменен на знак равенства);

4) источник слова: номер издания Словаря (римскими цифрами), через косую черту — часть или том, затем страница (арабскими цифрами);

5) значение слова по П. С. Палласу (если оно явным образом ошибочно, предполагаемая корректная форма дается рядом под астериском);

б) чувашская форма, соответствующая палласовской записи: а) приводится по «Словарю чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ] в транскрипции, принятой в [СИГТЯ 2000, 2002, 2006]; если слово редко встречается в современном языке, его источник указывается с точностью до страницы в [СЧЯ]; б) значение слова, также взятое по Словарю Н. И. Ашмарина [СЧЯ], указывается в том случае, если оно сильно отличается от значения по Словарю П. С. Палласа.

Чувашские слова приводятся только по первому изданию Словаря — за исключением тех случаев, когда во втором издании содержатся релевантные для темы исследования исправления. Знаком " отмечены звуки и словоформы, появление которых ожидалось бы в данном контексте. Если не указано иное, пратюркские формы и значения приводятся по [EDAL].

1. Гласные полного образования

1.1. Гласный а

1.1.1. Чувашский гласный [а] в абсолютном начале слова и после твердых согласных регулярно передается через букву а:

(4) *avdan* [авдань < авданЬ] (I/2: 89) 'петух' ~ чув. *avdan* id.;

(20) *alik* [алыкъ < алыкЬ] (I/2: 120) 'дверь' ~ чув. *alĕk* id.;

(26) *aš* [ашЬ] (I/1: 133) 'мясо' ~ чув. *aš* id.;

(27) *bar* [барь < барЬ] (I/2: 370) 'дай (давай)' ~ чув. *par-* id.;

(101) *kvagal* [квaгаль < квaгалЬ] (I/2: 101) 'утка' ~ чув. *kĕvagal* id.;

(180) *s'irna* [сирма] (I/1: 314) 'река' ~ чув. *širna* 'овраг, речка' и еще более 170 употреблений².

1.1.2. В позиции после палатальных *š-* (в анлауте) и *-ž-* (в интервокале), а также после мягкого *-j-* (из стяжения с *-j-*) он обозначается как [ä] (буквой я):

(168) *s'ävra-s'il* [съявра-силь] (I/1: 250) 'вихрь' ~ чув. *šavra sil* id.;

(216) *s'ämr'ik* [сямрикь < ? сямрикЬ] (I/2: 225) 'молод' ~ чув. *šamrĕk* id.;

(141) *os-s'ändälk* [ос-сяндалькь < ос-сяндалькЬ] (I/1: 346), *s'ändälĕk* [сяндальĕкь < сяндальĕкЬ] (I/1: 346) 'воздух' ~ чув. *ša(v)ndalĕk* 'погода';

(275) *hoz'än* [хозянь < хозяньЬ] (I/2: 445) 'когда' ~ чув. *ħžan* id.;

(129) *mĭr'ägá* [мырягá] (I/2: 64) 'рог' ~ чув. *mĕjraga*, диал. (верх.) *mĭr'aga* id.

На роль исключений из этого правила претендуют следующие случаи:

(165) *samza* [самза < сямза < сямга] (I/1: 75) 'лоб' ~ чув. *šamga* id.;

(168) *saura-s'il* [саура-силь] (I/1: 250) 'вихрь' ~ чув. *šavra sil* id.;

(171) *s'erän* [серянь < серянь] (I/2: 26) 'луг' ~ чув. *šaran* id.

Использование буквы а после ожидаемого палатального согласного в примере (165) *samza* 'лоб' можно объяснить контаминацией *šamga* 'лоб' с *sĕmza* 'нос', которая случайно возникла из-за ошибки при переписывании: *сямга > *сямза > *самза*. В случае примера (168) *саура-силь* 'вихрь' неотражение мягкости предшествующего согласного непонятно. В примере (171) *серянь* 'луг' в Словаре П. С. Палласа, возможно, отражена диалектная форма *šerän (ср. чув. *šeret* 'трава-мурава'); появление а можно объяснить ошибкой при записи рукописной буквы я.

1.1.3. По правилам русской орфографии и в соответствии со вступительными замечаниями П. С. Палласа с помощью буквы я передается также чувашское сочетание [ja]:

(313) *jänaħ* [янахЬ] (I/1: 81) 'щеки' ~ чув. *janaħ* id.;

(314) *jätlas* 'pres. 3pl. [ятлась] (I/2: 171) 'брань' ~ чув. *jatla-* 'бранить, ругать';

(315) *jätt* [яттЬ] (I/1: 168) 'имя' ~ чув. *jat* id.;

(317) *jäška-s'in* 'i p. part. nom. [яшка-сини] (I/1: 209) 'брак' ~ чув. *jaška ši-* 'есть суп';

² Под употреблением понимаются все появления данной буквы для передачи определенного звука. В п. 1.1.1. приведены шесть слов, содержащих букву а со звуковым значением [а], однако там представлено восемь употреблений этой буквы, т. к. в словах (4) *avdan* [авдань] 'петух' и (101) *kvagal* [квaгаль] она встречается дважды.

(266) *χajär* [χаярь] (I/2: 289) 'зло' ~ чув. *χajar* id.

1.1.4. Ожидалось бы использование буквы я для передачи [a] в позиции после орфографического ч, звуковые значения которого различны (может обозначать [č], [ž], [ž]), но ограничены кругом палатальных согласных. Однако в силу традиций русской орфографии в этом случае используется буква а:

(284) *č'avzä* [чавзä] (I/1: 105), *č'adä* [чадä < чазä] (I/1: 105) 'локоть'; *č'auza* [чауза] (I/2: 33) 'рожь' < *'локоть' ~ чув. *čavza* 'локоть';

(285) *č'arGašä* _{conv.} [чаргашä] (I/1: 174) 'шум' ~ чув. *čargaš-* 'препираться';

(286) *č'as'* [чась < часБ] (I/2: 299) 'скоро' ~ чув. *čas* id.;

(24) *ač'ä* [ачä] (I/1: 40), *ač'az'im'* pl. [ачазимБ] (I/1: 40) 'дитя'; *χ'ir'-ač'ä* [хирь-ачä] (I/1: 17) 'дочь'; *ivol-ač'a* [ивол-ача] (I/1: 33) 'дева' < *'сын, мальчик' ~ чув. *aža* 'ребенок';

(93) *kalač'as'* _{геср. pres. 3pl.} [калачасБ < калачась] (I/1: 181) 'слово' ~ чув. *kala-ž-as'* _{геср. pres. 3pl.} 'разговаривать';

(25) *koč'äk'-as'i* _{3sg.} [кочäkь-аси < кочäkьБ-аси] (I/2: 76) ~ чув. диал. *kožak 'кошка'³;

(25) *ač'a-kužak'* [ача-кужакь < ача-кужакБ] (I/2: 76) 'кот' ~ чув. *aža* 'самец';

(50) *vič'aG'* [вучагь < вучагБ] (I/2: 129) 'очаг' ~ чув. *vožaχ* id.

Один раз данное правило нарушается: (24) *ač'ä* [ачä] (I/1: 40) 'дитя' ~ чув. *aža* id.; возможно, в этом примере отражена форма *ažaj _{вос.}

1.1.5. Особые случаи. В чувашской части Словаря П. С. Палласа есть три примера передачи ожидаемого "[a] через букву о:

(122) *lošä* [лошä] (I/2: 67) 'конь (лошадь)' ~ чув. *laža* id.;

(224) *tonGodä* [тонгодä] (I/2: 4) 'пень' ~ чув. *tongada* id.;

(219) *tauro* [тауро < таура] (I/1: 228) 'круг' ~ чув. *tavra* 'кругом; округа'.

Первые два примера, где [a] находится в безударной позиции, можно объяснить тем, что они были записаны «акающим» интервьюером (ср. п. 1.5.1.). Появление о в примере (219) *tauro* 'круг' приходится объяснять ошибкой при переписывании рукописной буквы а (потерялась завершающая буква и слово черта).

Один раз после палатального согласного на месте ожидаемого "[a] встречается [ü] (буква ю): (141) *s'ündalik'* [с'юндаликБ] (I/1: 5) 'небо' ~ чув. *ša(v)ndalik'* 'погода'. Вполне возможно, что здесь отражено наблюдаемое диалектное развитие *avь > *u*, причем из-за необходимости передать предшествующий палатальный согласный для записи [ц] используется буква ю [ü].

Также один раз "[a] передан как [ä] (буквой я) в позиции после твердого согласного: (188) *sumz'ä* [сумзä] (I/1: 56) 'нос' ~ чув. *səmza* id. Может быть, здесь имела место описка, вызванная сходством рукописных букв а и я: ср. приведенный выше пример (171) *s'erán* [серäнь < серянь] 'луг'.

1.2. Гласный е

1.2.1. Чувашский гласный [e] в абсолютном начале слова (всего шесть употреблений) передается двояко. В четырех случаях он отражается с помощью буквы а:

(2) *ab'e* [абе] (I/2: 380) 'я' ~ чув. *ebä* id.;

(3) *ab'er'* [аберь] (I/2: 393), *ab'ir'* [абирь] (I/2: 393) 'мы' ~ чув. *ebär, ebir* id.;

(9) *az'e* [азе] (I/2: 384) 'ты' ~ чув. *ezä* id.;

(10) *az'er'* [азерь] (I/2: 396), *as'ir'* [асирь] (I/2: 396) 'вы' ~ чув. *ezär, ezir* id.

С одной стороны, употребление буквы а в этих случаях может быть орфографическим приемом. С другой стороны, оно обусловлено чувашской фонетикой: [e] в чувашском языке имеет довольно открытую артикуляцию; при этом анлаутный [e] артикулируется шире, чем инлаутный [Сергеев 1992: 58—59].

Аналогичное отображение начального [e] отмечено в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» (1769 г.) [Мудрак 2011: V], однако в отличие от «Сочинений» в Словаре П. С. Палласа также встречается передача начального [e] через букву э: (2) *eb'e* [эбе] (I/2: 380) 'я' ~ чув. *ebä* id.; (22) *er'ék'* [эрэкь] (I/2: 154) 'вино' ~ чув. *ereχ* 'то же'.

Здесь буква э отражает именно неогубленный [e] — вопреки принципам орфографии, указанным в Предисловии к Словарю, где э предлагается читать как огубленный [ö]. Двойное отражение *абе* / *эбе* ~ чув. *ebä* 'я' может свидетельствовать о различной артикуляции начального [e] в разных чувашских говорах.

1.2.2. В середине слова — внутри основы, неразложимой на чувашском уровне, — для передачи [e] регулярно используется буква е:

(258) *urg'enz'ä* _{conv.} [ургензä] (I/2: 191) 'лень' ~ чув. *ürgen-* 'ленился';

(22) *er'ék'* [эрэкь] (I/2: 154) 'вино' ~ чув. *ereχ* id.;

(104) *kérek'* [кэрекь] (I/2: 465) 'или (либо)' ~ чув. *kirek* id.;

³ Форма *kožak* не зафиксирована в словарях, но она возможна вследствие междиалектного соответствия -š- ~ -ž-: ср. чув. диал. *кустан* 'мирод' [СЧЯ, 7: 40] при литературном *куштан*.

(288) *č'ib'er* [чиберь] (I/2: 282) 'лепо' ~ чув. *čiber* id.;

(267) *χv'el* [хвелъ] (I/1: 235) 'солнце', *χv'el-vór* 3sg. [хвел-вóръ] (I/1: 244) 'луч' ~ чув. *χǎvel* 'солнце';

(115) *ku-m'in-sker* [ку-мин-скерь] (I/1: 393) 'чудо' ~ чув. *-sker* 'такой' < *asker* 'вещь';

(23) *at'éi* voc. [амей < амей] (I/1: 8) 'отец' ~ чув. *attej* voc. id.;

(28) *b'ic'ej* voc. [бичей] (I/1: 20), *pic'éj* voc. [пичей] (I/1: 20) 'брат'; *su-p'ic'ej* voc. [су-пичей] (I/1: 20) 'большой брат' ~ чув. *pic'cej* voc. 'старший брат'⁴.

Основное правило нарушается в случае (316) *jǎšel* [яшель] (I/1: 409) 'зелень' ~ чув. *ježal* id., где ожидаемый "[e] передан буквой я; здесь отражена фонетика источника этого заимствования — татарского *jǎšel* id.

1.2.3. В закрытых слогах словоизменительных аффиксов для передачи [e] чаще используется буква е, несколько реже — я; во многих случаях эти буквы встречаются в одних и тех же морфемах.

1) ***-et** pres. 3sg.:

(61) *G'irét* pres. 3sg. [гиретъ < гиреть] (I/1: 177) 'воплъ';

(75) *il'd'in'át* med. pres. 3sg. [ильдинятъ] (I/1: 184) 'слух'.

2) ***-eš** pres. 3pl.:

(259) *us'éz* pres. 3pl. [усэзь] (I/1: 216) 'рост', (271) *χ'in'éš* pres. 3pl. [хинэшь] (I/2: 323) 'бить (ударить)', (153) *ps'er'es* caus. pres. 3pl. [псересь] (I/2: 364) 'варить', (84) *is'éš* pres. 3pl. [исэшь] (II/2: 245) 'пить', (182) *s'ijes* pres.? 3pl. [сיעсь] (I/2: 313) 'есть (кушать)';

(76) *il'äs* pres. 3pl. [илясь] (I/2: 334) 'взять (брат, имать, принять)', *il'z'ä-s'ür'äs* conv. pres. 3pl. [иль-зя=сюрясь] (I/2: 340) 'носить'.

3) ***-er** caus.:

(153) *ps'er'es* caus. pres. 3pl. [псересь] (I/2: 364) 'варить';

(146) *p'it'ärni* caus. p. part. nom. [питарни] (I/2: 181) 'победа'.

4) ***-edap** pres. 1sg.:

только (197) *s'üz'ädub* pres. 1sg. [сюзядубъ] (I/1: 158) 'обоняние'.

Особый интерес представляет отражение на письме показателя множественного числа **-sem / -sam**. Переднерядный вариант этого аффикса встречается в Словаре П. С. Палласа трижды, и всякий раз [e] в нем передается по-разному:

(54) *vulz'en'é* pl. dat. [вулзене] (I/2: 402) 'им' ~ чув. *və-zene* pl. dat. id.;

(70) *s'in's'am* pl. [синьсямъ < ? синьсамъ] (I/1: 46) 'люди' ~ чув. *šin-zem* pl. id.;

(24) *ač'az'im* pl. [ачазимъ] (I/1: 40) 'дитя' ~ чув. *aža-zem* pl. id.

Аффикс **-säm**, представленный в форме (70) *синьсямъ* 'люди', отражает либо распространенную в памятнике опisku (буква я вместо а), либо развитие ПТю **sajin* [СИГТЯ 2006: 45] > *"sajn > sām*. Форма (24) *ачазимъ* 'дитя' — единственный случай использования *и* для передачи ожидаемого "[e]. Возможно, за такой записью кроется [э]: ср. вариант аффикса множественного числа **-sät**, отмеченный и в верховом диалекте, и в низовом, и в т. н. «зоне переходных говоров» [Левитская 1976: 9; Канюкова 1965: 114; Сергеев 1992: 44]. С другой стороны, эта форма может быть и следствием неправильной интерпретации рукописной буквы *а* с непрописанной верхней дугой.

1.2.4. В ауслатной позиции [e] передается через букву я:

(30) *purn'ä* [пурня] (I/1: 112) 'пальцы' ~ чув. *porne* id.;

(33) *bosn'ä* 3sg. dat. [босня] (I/2: 462) 'без (кроме)' ~ чув. *pošne* id.;

(46) *v'is'ä* [вися] (I/2: 132) 'мера' ~ чув. *viže* id.;

(66) *en'ä* [эня] (I/2: 58), *in'ä* [иня] (I/2: 58) 'корова' ~ чув. *əne* id.;

(152) *pr'ä* [пря] (I/2: 476) 'один' ~ чув. *pərre* id.;

(159) *r'ä* [ря] (I/2: 438) 'во (в)' ~ чув. *-re* loc.;

(208) *s'üps'ä* [сүпся] (I/2: 135) 'кадь' ~ чув. *šüpsē* id.;

(213) *s'ür'ä* [сюря] (I/2: 110) 'борона' ~ чув. *süre* id.;

(230) *t'ivz'ä* conv. [тивзя] (I/1: 161) 'осязание' ~ чув. *tiv-ze* conv. 'трогать';

(232) *t'im'er'-k'ip'ä* [тимерь=кипя] (I/2: 164) 'латы (древний доспех)' ~ чув. *käbe* 'рубашка';

(258) *urg'enz'ä* conv. [ургензя] (I/2: 191) 'лень' ~ чув. *ürgen-ze* conv. 'лениться';

(287) *č'er'ä* [черя] (I/1: 142) 'сердце' ~ чув. *čäre* id.

Сюда же примыкает случай (12) *ajinč'ä* 3sg. loc. [айнча] (I/2: 431) 'под' ~ чув. *ajənže* id. — по правилам русской орфографии после *ч* здесь пишется *а*. Но еще в одном случае это правило нарушается: (178) *s'inč'ä* 3sg. loc. [синчя] (I/2: 434) 'над (на)' ~ чув. *šinžä* id.

⁴ В терминах родства фигурирует исторический аффикс вокатива, который воспринимается как словообразовательный аффикс и фонетически ведет себя как часть основы.

Кроме того, [e] ведет себя как конечный гласный в сложении (76) *il'z'ä-s'ür'äs'* conv. pres. 3pl. [иль-зя=сюрясь] (I/2: 340) 'носить' ~ чув. *il-ze sür-es'* id., а также перед исторической клитикой — показателем множественного числа:

(293) *č'irn'äsam'* pl. [чирня=самЪ] (I/1: 115) 'ногти' ~ чув. *čärne-zem* pl. id.;

(30) *born'äsam'* pl. [борнясамЪ] (I/1: 112) 'пальцы' ~ чув. *porne-zem* pl. id.⁵

Вместе с тем, в Словаре П. С. Палласа отмечены пять случаев, когда для передачи ауслатного [e] используется буква *e*:

(23) *att'e* [amme] (I/1: 8) 'отец' ~ чув. *atte* id.;

(54) *vulz'en'é* pl. acc.? [вулзенé] (I/2: 402) 'им' ~ чув. *vəzene* pl. id.;

(114) *n'eb'l'é* [неблэ] (I/2: 459) 'как' ~ чув. *nə bələ id.;

(126) *m'elG'e* [мелге] (I/1: 244) 'луч' ~ чув. *mälge* 'тень';

(291) *č'il'G'é* [чильгэ] (I/1: 93) 'язык' ~ чув. *čälge* id.

Запись (23) *amme* 'отец' вполне объяснима, т. к. чув. *atte* < *attej voc.; здесь [e] ведет себя как инлаутный гласный и записывается соответствующим образом (см. п. 1.2.2.).

Запись (54) *вулзенé* 'им' могла появиться вследствие разного — открытого и закрытого — качества гласных в переднерядных показателях чувашского датива и аккумулятива, которые позже нейтрализовались в [e] (современные аффиксы *-e, -je, -ne*). Буква *e*, может быть, стала специфическим способом записи закрытого [e]. В таком случае на отражение открытого [e] мог бы претендовать приведенный выше пример (33) *bosn'é* 3sg. dat. [босня] (I/2: 462) 'без (кроме)' ~ чув. *pošne* id. К сожалению, в чувашской части Словаря П. С. Палласа больше нет форм, претендующих на отражение переднерядных аффиксов датива и аккумулятива, так что подобное объяснение остается гипотетическим.

В записи (114) *неблэ* 'как', вероятнее всего, отражено татарское заимствование с неадаптированной фонетикой: ср. тат. *nä belä* 'с чем; каким образом'.

Наконец, в примерах (126) *мелге* 'луч' и (291) *чильгэ* 'язык' использование буквы *e* для передачи ауслатного гласного имеет чисто орфографическую природу: кириллическая орфография в силу особенностей фонетики русского языка не терпит сочетания *гя*, особенно в конце слова. В такой ситуации переписчик предпочел менее точный фонетически, но более приемлемый с точки зрения орфографии вариант.

Материал Словаря П. С. Палласа вполне определенно отражает тенденцию к передаче гласного [e] через букву *e* в закрытой позиции и через *я* [ä] — в открытой. Эта тенденция отмечается и в других памятниках чувашской письменности XVIII—XIX вв., в том числе в уже упомянутых «Сочинениях» [Сочинения 1769]; по всей видимости, она отражает реальную фонетику. По крайней мере, о более открытой артикуляции ауслатного [e] свидетельствуют предварительные данные экспедиции в с. Ходары Шумерлинского района Чувашской Республики в 2012 г. Произношение [ä] вместо "[e] в непервом слоге отмечалось для одного из говоров закамских чувашей: *attä* 'отец', *piläš* 'рябина' и т. д. [Петров 1988: 66].

1.3. Гласный *i*

1.3.1. Чувашский гласный [i] в неконечной позиции практически всегда передается через *и* или *ï* (в позиции перед орфографическим гласным):

(67) *ir'* [урь] (I/1: 280) 'утро' ~ чув. *ir* id.;

(45) *v'il'em'* [вильемь] (I/1: 222) 'смерть' ~ чув. *viləm* id.;

(143) *p'il'ik'* [пиликь] (I/2: 476) 'пять' ~ чув. *pilək* id.;

(145) *p'it'iks'ä* [питикся] (I/2: 245) 'мало' ~ чув. диал. *pəžik-šə* 'маленький' [СЧЯ, 10: 258];

(105) *k'il'* [киль] (I/2: 117) 'дом', *k'il-kard'i* 3sg. [кил-карди] (I/2: 123) 'двор' ~ чув. *kil* 'дом';

(233) *t'ir'e* 3sg. [тире] (I/1: 130) 'кожа' ~ чув. *tir* id.;

(173) *s'iv'e* [сиве] (I/1: 225) 'стужа' ~ чув. *sivə* id.;

(288) *č'ib'er'* [чиберь] (I/2: 282) 'лепо' ~ чув. *čiber* id.;

(182) *s'ijes'* pres.? 3pl. [сיעсь] (I/2: 313), но *s'ijes'* pres.? 3pl. [сיעсь] (II/4: 65) 'есть, кушать' ~ чув. *šij-es'* pres. 3pl. id.;

(3) *ab'ir'* [абирь] (I/2: 393) 'мы' ~ чув. *ebir* id.;

(10) *as'ir'* [асирь] (I/2: 396) 'вы' ~ чув. *ezir* id. и еще более 20 употреблений.

1.3.2. Ожидаемый "[i] передается как *é* в случае (104) *kérek'* [кэрекь] (I/2: 465) 'или (либо)' ~ чув. *kirek* 'любой'. Вполне возможно, что здесь отражена фонетика северо-западного диалекта (аналогичная фонетике малокарачклинского говора⁶), где не было перехода *e > *i* и данное слово звучит как *kerek*. Вариант

⁵ Форма (30) *борнясамЪ* 'пальцы' помечена в Словаре как марийская («черемисская»), что, по всей видимости, ошибочно.

⁶ В рамках традиционной классификации малокарачклинский (или малокарачинский) говор относится к верхнему диалекту чувашского языка [Ашмарин 1898; Канюкова 1965; Сергеев 1992], однако уже в работе [Мудрак 1993] выделяется особый малокарачклинский идиом, отличный как от верхнего, так и от низового диалекта.

керек (без указания диалекта) зафиксирован Н. И. Ашмаринным [СЧЯ, 6: 90]. Странным выглядит ударение на первом слоге в форме, приведенной в Словаре П. С. Палласа: можно считать, что записывающий использовал здесь акут вовсе не для простановки ударения (оно должно быть на втором слоге во всех диалектных системах), а для указания на измененную артикуляцию (верхне-средний подъем); ср. ситуацию с буквой *ю*, которая имеет звуковое значение [ö], и *ю́*, отражающей узкий [ü].

Еще один уникальный случай — (197) *s'üz'ädub'* pres. 1sg. [сюзядубЪ] (I/1: 158) 'обоняние' ~ чув. *sizedap* 'чувствую': здесь [i] современного чувашского языка передается как [ü] (буквой *ю́*). Чтобы объяснить подобную запись, следует обратиться к этимологии данного слова.

Тюркскими соответствиями чув. *sis-* 'чувствовать' являются крх.-уйг., тур., аз., узб., кирг., каз., кбалк., ккалп., кум., ног. *sez-*, уйг. *säz-*, тат. *siz-*, башк. *hid-*, хак. *sis-*, ойр. *ses-*, тув., тоф. *sez-ik*. В [EDAL: 1219] тюркская праформа восстановлена как **sEř-* (~ *-ē-*); ср. монг. *sere-*, *seri-* 'просыпаться'. Еще М. Р. Федотов, «исходя из ротацирующих данных тунгусо-маньчжурских и монгольских примеров», делал вывод о том, что чув. *sis-* < тат. *siz-* [ЭСЧЯ, 2: 52]. «Судя по конечному *-с*», заимствованием признается чув. *sis-* и в [ЭСТЯ, 7: 236]. Между тем вокализм формы, приведенной в Словаре П. С. Палласа, дает почву для этимологизации *sis-* как исконно чувашского слова. Может быть, здесь огубленный гласный следует рассматривать как архаизм: ср. чув. *tilä* 'лиса' ~ ПТю *tülki / *tilkü*. Соответствие чув. *-s-* ~ ОТю *-z-* возможно в том случае, если в пратюркской форме имело место сочетание **-rs-* ~ *-řs-*.

Отражение узкого гласного с помощью буквы *я* (как [ä]) в форме (169) *s'al'* [саль] (I/1: 247) 'ветер' ~ чув. *šil* id. не находит объяснений. В остальных случаях фиксации этой основы в Словаре П. С. Палласа гласный отражается тривиально: (169) *s'il'* [силь] (I/1: 247) 'ветер', *s'avra-s'il'* [савра-силь] (I/1: 250), *saura-s'il'* [саура-силь] (I/1: 250) 'вихрь', *toval'-s'il'* [товаль-силь] (I/1: 254) 'буря'.

1.3.3. В позиции конца слова [i] обычно обозначается с помощью буквы *и*, в том числе в большинстве тех случаев, когда речь идет о показателе 3sg. после основ на гласные:

(32) *χol-bos' i* 3sg. [хол-боси́] (I/1: 102), *χül-bus' i* 3sg. [хүл-буси́] (I/1: 102) 'плечо' ~ чув. *χol pošsi* 3sg. id.;

(31) *purd' i* 3sg. [пурди́] (I/2: 138) 'топор' ~ чув. *porđi* 3sg. id.;

(138) *oraj-χōm' i* 3sg. [орай-хōми́] (I/2: 202) 'пол' ~ чув. *oraj χōm̄mi* 3sg. 'половая доска';

(144) *p'il'ik'-s'ix' i* 3sg. [пильикь-сихи́] (I/2: 141) 'пояс' ~ чув. *piläk-šix̄xi* 3sg. id.;

(279) *χopp' i* 3sg. [χоппи́] (I/2: 14) 'кора' ~ чув. *χoppi* 3sg. id.;

(146) *p'it'ärni* caus. p. part. nom. [питарни́] (I/2: 181) 'победа' ~ чув. *päderni* caus. p. part. nom. 'заканчивать' и еще около десяти употреблений.

Однако после некоторых заднерядных основ показатель 3sg. отражается с помощью буквы *ы*:

(144) *p'ič'a[gg]i* 3sg. [пичаллы < пичаггы́] (I/2: 141) 'пояс' ~ чув. *piz̄ix̄xi* 3sg. < **piläk-šix̄xi* 3sg. id.;

(147) *p'ič'mard'i* 3sg. [пичьмарды́] (I/1: 81) 'щеки' ~ чув. *pit šōmardi* 3sg. id.;

(162) *sasi* 3sg.? [сасы́] (I/1: 174) 'шум' ~ чув. *sassi* 3sg. 'голос' (под вопросом, т. к. запись может отражать и форму *sázь* без 3sg., см. п. 2.1.4.).

Такое колебание можно связать с фонетическими особенностями представленного здесь звука, который, следуя за заднерядными основами, артикулируется как нечто среднее между [i] и [ī]; см. [Сергеев 1992: 59]. Вместе с тем, как и в «Сочинениях» [Сочинения 1769], [ī] в данном случае может отражать инновативное выравнивание по ряду, которое «охватывает как некоторые верховые, так и часть низовых говоров» [Мудрак 2011: V]. К указанным случаям примыкают:

(117) *kūs'-χarži* 3sg. [күсь-харжи́] (I/1: 65), *χarši* 3sg. [харши́] (I/1: 65) 'брови' ~ чув. *koš χarži* 3sg. id.;

(304) *šiši* [шыши́] (I/2: 79) 'мышь' ~ чув. *šžži* id.

Фонетически здесь ожидаема буква *ы*, но по правилам русской орфографии звуковая последовательность [š̄i] записывается как *ши*.

1.4. Гласный *i*

1.4.1. Чувашский гласный [ī] в абсолютном начале слова передается чаще через букву *и* (или ее орфографический вариант *й*) и реже через *ы*:

(73) *ival'* [ивалЪ] (I/1: 37) 'мальчик', *iv'ül'* [ивюлЪ] (I/1: 14) 'сын', *ivol-ač'a* [ивол-ача] (I/1: 33) 'дева' < *'сын, мальчик' ~ чув. *iv̄yl* 'сын';

(78) *iltin'* [илтинь < илтынЪ] (I/1: 384) 'золото' ~ чув. *ilt(t)̄n* id.;

(81) *iratat'* pres. 3sg. [иратать] (I/1: 190) 'боль' ~ чув. *irat-* 'болеть (о части тела)';

(82) *iraš'* [ирашъ < ирашЪ] (I/2: 33) 'рожь' ~ чув. *iraš* id.;

(85) ? *ijix'* [йихЪ] (I/1: 184) 'сон' ~ чув. *ij̄ȳ* id. (начальный гласный можно также интерпретировать как [ъ], см. п. 2.1.1.).

Но: (73) *ivil'* [ывылЪ] (I/1: 37) 'мальчик' ~ чув. *iv̄yl* 'сын';

(305) *iri* [ыры́] (I/2: 285) 'благ' ~ чув. *ir̄ȳ* id.

Такое колебание в записи связано с влиянием русской орфографии, которая запрещает букву *ы* в начале слова, и поддерживается фонетическими особенностями чувашского "[ī], который имеет два произ-

носительных варианта — заднерядный и среднерядный (в последнем случае возможен даже переход в передний ряд) [Сергеев, Котлеев 1988: 133]. В чувашском языке зафиксированы формы с начальным [i] вместо "[i] (*itla* ~ *itla* ‘лишний’, *idala-* ~ *idala-* ‘обнимать’ и т. д.), при этом диалектологи затрудняются распределить два варианта строго по говорам [Сергеев 1992: 63]. См. также замечание Н. И. Ашмарина по поводу произношения слова *iv̄l* ‘сын’: «*ив̄л*, в некоторых говорах *ив̄л*» [СЧЯ, 3: 46].

1.4.2. В позиции после твердых согласных в заднерядных словах [i] регулярно передается через букву *ы*:

(39) *bízik*’ [*б́ызыкь* < *б́ызыкЪ*] (I/1: 241) ‘велико’ ~ чув. *piz̄k* id.;

(57) *virtás*’ pres. 3pl. [*выртáсь*] (I/2: 330) ‘лечь (ложиться, лежать)’ ~ чув. *virt-* id.;

(172) *siv*’ [*сывь* < *сывЪ*] (I/2: 231) ‘здоров’, *siv-liç*’ [*с́ив-лыхь* < *с́ив-лыхЪ*] (I/1: 219) ‘дух’ ~ чув. *siv(ь)* ‘здоровый’;

(250) *timár*’ [*тымáрь* < *тымáрьЪ*] (I/2: 17) ‘корень’ ~ чув. *timar* id.;

(283) *çirim*’ [*хырымЪ*] (I/1: 118) ‘брюхо’ ~ чув. *çir̄m* id. и еще пять употреблений.

1.4.3. Вариант с буквами *и* или *й* представлен после палатального [š] и, по правилам русской орфографии, после [ṣ̌]:

(70) *s'in*’ [*синЪ*] (I/1: 43) ‘человек’, *s'in's'am*’ pl. [*синьсямЪ* < ? *синьсамЪ*] (I/1: 46) ‘люди’ ~ чув. *sin* ‘человек’;

(180) *s'irma* [*сирма*] (I/1: 314) ‘река’ ~ чув. *širma* ‘речка; овраг’;

(144) *p'il'ik-s'iç'i* 3sg. [*п́иликь-сичи́*] (I/2: 141) ‘пояс’ ~ чув. *pil̄ak šič̄i* 3sg. id.;

(274) *ç'irl'é-s'irlá* [*хирлэ-сирлá*] (I/2: 39), *jozum'-s'irl'i* 3sg. [*юзумь-сирли́*] (I/2: 39) ‘виноград’ ~ чув. *širla* ‘ягода’;

(227) *šiva* dat.? [*ш́ива*] (I/1: 308), *šiu* [*ш́иу*] (I/1: 308) ‘вода’, *táran-šiv*’ [*тáран-шивь* < *тáран-шивЪ*] (I/1: 359) ‘глубина’, *šiu-ç'är'i* 3sg. [*ш́иу-хяри́*] (I/1: 336) ‘берег’ ~ чув. *šiv* ‘вода’.

Аналогичное правило представлено в «Сочинениях» [Сочинения 1769]; см. об этом подробнее: [Мудрак 2011: V].

1.4.4. В позиции после йота отражение [i] в Словаре П. С. Палласа имеет следующие типы.

1) [ji] = e:

(59) *jev̄is*’ [*евысь*] (I/1: 402) ‘дерево’ ~ чув. *jiv̄s* id.;

(60) *jeda* [*еда*] (I/2: 73) ‘собака’ ~ чув. *jid̄* id.;

(65) *jevurliç*’ [*евурлыхь* < *евурлыхЪ*] (I/2: 208) ‘иго’ ~ чув. *jiv̄r-l̄ç* ‘тяжесть’.

2) [ji] = zu:

(59) *G'iv̄is*’ [*зивысь*] (I/1: 402) ‘дерево’ ~ чув. *jiv̄s* id.;

(60) *G'ida* [*зйда*] (I/2: 73) ‘собака’ ~ чув. *jid̄* id.

Отметим, что буква *z* в этом случае отражает фрикативный согласный типа [ʃ̣], равнозначного шумному йоту.

3) [ji] = u:

(59) *ivos*’ [*ивось*] (I/1: 402) ‘дерево’ ~ чув. *jiv̄s* id. (сочетание *йи* запрещено правилами русской орфографии);

(65) *iv̄irlik*’ [*ивырлыкь* < *ивырлыкЪ*] (I/2: 208) ‘иго’ ~ чув. *jiv̄r-l̄ç* ‘тяжесть’.

Вероятно, слова с разными типами передачи "[ji] отражают фонетику разных чувашских говоров. За записью *e*, по всей видимости, кроется сочетание *j̄ç* < *ji* (ср. п. 2.1.6.); такое развитие зафиксировано в говорах и верхового, и низового диалекта [Канюкова 1965: 58; Петров 1988: 70]. Запись *zu* передает сочетание *j̄ç* или *ji* с напряженным гласным. Запись *u*, возможно, отражает развитие *i* < *ji*, имевшее место в северо-западных говорах; вместе с тем, она может быть и орфографическим приемом в условиях, когда использование сочетаний *йы*, *йи* запрещено русской орфографией.

1.4.5. Среди нетипичных случаев отметим передачу [i] с помощью буквы *ю* [jo], предназначенной для отражения огубленных гласных:

(73) *jōvul*’ [*ювулЪ* < *ювулЪ*] (I/1: 14) ‘мальчик’ ~ чув. *iv̄l* ‘сын’;

(195) *s'övrás*’ pres. 3pl. [*сюврáсь* < *сюврáсь*] (I/2: 326) ‘спать’ ~ чув. *šiv̄r-* id.

Обращает на себя внимание соседство в этих примерах *[i] с [v]. По всей видимости, в диалекте верхового типа, ставшем источником этих форм, произошли сокращение и последующая автоматическая лабиализация гласного в позиции перед губным сонорным (схожие процессы отмечены в вурнарском говоре⁷). При этом начальная буква *ю* [jo] отражает йотацию, которую сложно объяснить: может быть, сначала здесь был знак *ю̄* [ü], а затем акут был снят редакторской правкой.

⁷ Статус вурнарского говора к настоящему времени точно не определен: разные исследователи относили его к низовому диалекту [Комиссаров 1911], к верховому диалекту [Канюкова 1965; Егоров 1971] или к смешанному (переходному) говору [Сергеев 1992] чувашского языка.

К этим примерам примыкает чувашское заимствование в марийском (192) *s'ūsna* [с'юсна] (I/2: 70) 'свинья' ~ чув. *sisna* id. Возможно, в Словаре П. С. Палласа отражена марийская форма *sösna*, которая отмечена в этом языке наряду с *sisna* и *sasna* [ЭСЧЯ, 2: 77]. В [Федотов 1990: 142] указано, что отражение корневого гласного в марийских когнатах *sisna* «трудно объяснить».

1.5. Гласный *o (> o / u)

1.5.1. В Словаре П. С. Палласа отражено развитие общечувашского *[o], который в верховом диалекте дал [o], а в низовом перешел в [u]. В памятнике представлены данные обоих диалектов:

(130) *ozál'* [озаль < озальБ] (I/2: 295) 'худо' ~ *usál'* [усаль < усальБ] (I/2: 292) 'дурно' ~ чув. *ozal* id.;

(25) *koč'ák'-as'i* 3sg. [кочакь-аси < кочакБ-аси] (I/2: 76) 'кот' ~ *ač'a-kužak'* [ача-кужакь < ача-кужакБ] (I/2: 76) id. ~ чув. *kožak* 'кошка';

(30) *born'äsam'* pl. [борнямБ] (I/1: 112) 'пальцы' ~ *purň'ä* [пурня] (I/1: 112) id. ~ чув. *porne* id.;

(31) *bórta* [борта] (I/2: 138) 'топор' ~ *purđ'i* 3sg. [пурди] (I/2: 138) id. ~ чув. *porđ* id.;

(106) *kon'* [конь] (I/1: 273) 'день' ~ *kun'* [кунь] (I/1: 273) id. ~ чув. *kon* id. и т. д.

Всего в Словаре П. С. Палласа представлено 17 основ, зафиксированных как в верховом (с [o]), так и в низовом (с [u]) варианте. Еще 25 основ зафиксированы только в верховом варианте и 8 основ — только в низовом⁸.

Как видно из приведенных примеров, в начале слова и после твердых согласных общечувашский *[o] в зависимости от диалекта-источника формы отражается на письме с помощью *o* или *u*. Однако по крайней мере в одном случае *[o] передается через *a*, что можно объяснить «аканьем» русскоязычного интервьюера, имевшего дело с «окающим» чувашским говором: (96) *karnat'* med. pres. 3sg. [карнатБ] (I/1: 152) 'зрение', *karatop'* pres. 1sg. [каратопБ] (I/1: 152) id. ~ чув. *kor-* 'видеть' (ср. п. 1.1.5.).

Буква *a* как отражение ожидаемого "o" также присутствует в следующих формах:

(139) *čarauls'* [чарулсь] (I/2: 167) 'сторож' ~ чув. *čoral-ž* id.;

(277) *čal'e* 3sg.? [чале] (I/1: 127) 'колено' < *'локоть' ~ ? чув. *čol-ə* 3sg. 'рука'.

В первом примере «аканье», вероятно, появилось вследствие контаминации чувашского *čoral-ž* и русского *чарул*. Во втором случае появление буквы *a* сложно объяснить: во всяком случае, его нельзя списать на «аканье» записывающего, т. к. корневой гласный находится здесь (перед редуцированным показателем 3sg.) в ударной позиции. Впрочем, эта форма в целом кажется неясной (ее значение, видимо, перекрестно перепутано с (292) *č'ir-gus'i* 3sg. [чир-гуси] (I/1: 105) 'локоть' < *'колено'), и ее тождественность чувашскому *čol-ə* 3sg. 'рука' остается под вопросом.

1.5.2. Отражение *[o] после палатальных [j] и [š] по сравнению с приведенными выше позициями определяется следующими моментами. В большинстве случаев гласный после палатального передается с помощью букв *jo* и *jó*. Согласно вступительному замечанию П. С. Палласа к Словарю, *jo* следует читать как [jo] (на самом деле *jo* в неначальной позиции означает также [ö]), а *jó* — как [ü]; таким образом, можно было бы соотнести формы с *jo* с верховым диалектом, а формы с *jó* — с низовым. Однако есть основания полагать, что это правило в памятнике выдерживается не всегда: редакторы иногда снимали акут в односложных словах, посчитав излишним там обозначать «ударение». На это указывает, в частности, форма (196) *s'öd'* [сюдь < сюдБ] (I/2: 218) 'свет' ~ чув. *šud(ь)* ~ ПТю *jagti [Мудрак 1993: 30]. Здесь запись через *jo* [ö] противоречит исторической фонетике чувашского языка, по которой пратюркское сочетание *ǰg в положении перед согласным стягивалось и давало напряженный [ç] во всех чувашских диалектах [Мудрак 1993: 27].

Кроме того, редакторы могли счесть неправильными формы, в которых присутствуют сразу два акута — над ударным гласным и над *jo*, — и убрать один из них. После правки в тексте памятника осталось лишь несколько форм, где в пределах одного фонетического слова есть два акута, например: (211) *s'ürátni* р. part. -*kon'* [сюрáтны-конь] (I/2: 198) 'родины' ~ чув. *šorat-* 'рожать' и (194) *s'üvár'* [сүвápБ] (I/1: 84) 'рот' ~ чув. *š'var* id. (в последнем случае с помощью *jó* передан редуцированный огубленный [ř], см. п. 2.3.4.). Трудно установить все случаи, когда акуты были сняты редакторской правкой.

Ниже даются формы с отражением *[o] при помощи *jo* и *jó* в том виде, в каком они приведены в Словаре П. С. Палласа.

Позиция после [j]:

(86) *jon'* [юнБ] (I/1: 139) 'кровь' ~ чув. *jon* id.;

(87) *jołčau* [юлчau] (I/2: 191) 'лень' ~ чув. *jołčav* 'лентяй';

(310) *jor'* [юрь < юрБ] (I/1: 267) 'снег' ~ чув. *jor* id.;

(311) *joratátap'* pres. 1sg. [юратáтапъ] (I/2: 309) 'рад' ~ чув. *jorat-* 'любить';

(312) *jorlás'* pres. 3pl. [юрлáсь] (I/2: 319) 'петь' ~ чув. *jorla-* id.

⁸ Ввиду моментов, оговоренных в п. 1.5.2, мы не учитываем здесь случаи после палатальных.

Позиция после [ś]:(200) *s'ül'* [с'юль] (I/1: 298) 'год' ~ чув. *śol id.*;(211) *s'ürátni* р. part. *-kon'* [с'юратны-конь] (I/2: 198) 'родины', *s'üratas'* pres. 3pl. [с'юратасЬ < с'юратась] (I/2: 198) id. ~ чув. *śorat-* 'рожать'.

Очень редко *[o] в позиции после [ś] передается с помощью буквы ю, которую, согласно вступительному замечанию П. С. Палласа, следует читать как [ju]:

(200) *s'jul'sam'* pl. [с'юль=Самь < с'юль=самЬ] (I/1: 286) 'лето' ~ чув. диал. *śol-zam* pl. 'год';(210) ? *s'juram'* [с'юрамЬ < с'юрамЬ] (I/1: 121) 'спина' ~ чув. *śorǵm*, но также *śurǵm id.* (дублетные формы с пратюркского уровня).Выписывание в этих случаях ю [ju], может быть, является следствием описки — более ожидаемой была бы запись с ю [ü]. Примечательно, что во втором издании Словаря циркумфлекс был снят: (200) *s'öl'sam'* pl. [с'юль=самь < с'юль=самЬ] (II/4: 135); (210) *s'öram'* [с'юрамЬ] (II/4: 136).Еще один способ обозначения *[o] после [ś] и [j] — использование диграфов *io* и *iy*:(86) *ion'* [iонЬ] (I/1: 139) 'кровь' ~ чув. *jon id.*;(87) *iubá'* [iубá] (I/1: 405) 'кол' ~ чув. *joba* 'столб';(88) *iután'* [iутáнь < iутáньЬ] (I/2: 1) 'дуб' ~ чув. *jotan id.*;(183) *sioχ'* [с'ioхь < с'ioхЬ] (I/2: 418) 'нет' ~ чув. *śok id.*

Материалы памятника не позволяют установить правила, по которым в одних случаях для передачи *[o] после палатальных используются ю и ю, а в других — диграфы. Возможно, эта неоднозначность обусловлена тем, что составителями Словаря две нормы воспринимались как равнозначные.

Судя по приведенным примерам, можно сказать, что в Словаре П. С. Палласа исторический *[o] встречается только в первых слогах. Единственное исключение из этого правила — адаптированное русское заимствование (186) *struš'* [с'трушь] (I/2: 167) 'сторож' ~ чув. *st(ь)ruš id.* [СЧЯ, 11: 341]. Согласно исторической фонетике низового диалекта, в этом случае *o > u: ср. верх. *kaloš* ~ низ. *kaluš* 'калоша' [СЧЯ, 6: 36], верх. *sarpon* ~ низ. *sarpin* 'запон, фартук' [СЧЯ, 11: 56—57].**1.6. Гласный *u*****1.6.1.** В тексте памятника присутствуют несколько слов, имеющих в корне напряженный гласный *u*:(260) *ut'* [уть < утЬ] (I/2: 67, 110) 'конь (лошадь)', 'борона' < *'конь (лошадь)' ~ чув. *ut* 'конь';(204) *tu* [ту] (I/1: 333) 'гора' ~ чув. *tü id.*;(240) *tudá* [тудá] (I/1: 155), *tut-la* [тутла] (I/1: 155) 'вкус' ~ чув. *tudь id.*;(196) *s'öd'* [с'юдь < с'юдЬ] (I/2: 218) 'свет' ~ чув. *śud(ь) id.*;(207) *s'ümmor'* [с'юмморь < с'юмморЬ] (I/1: 257) 'дождь' ~ чув. *śurtьr*, но также *śomtьr id.* (дублетные формы с пратюркского уровня);(210) *sjuram'* [с'юрамЬ] (I/1: 121), но *s'öram'* [с'юрамЬ] (II/4: 136) 'спина' ~ чув. *śurǵm*, но также *śorǵm id.* (дублетные формы с пратюркского уровня);(11) ? *as'io* 2sg. ? [ас'io] (I/1: 8) 'отец' ~ чув. *ažu* 2sg. id.

Передача [u] средствами русской орфографии тривиальна: это буква у в начале слова и после твердых согласных, ю (ошибочно замененный на ю, см. п. 1.5.3.) и ю после палатальных.

Гласный *u*, общий для верхового и низового диалектов, имеет в чувашском языке несколько источников. Так, в примере (260) *уть* 'конь (лошадь)' *u* является особым рефлексом ПТю *ä в односложных основах перед дентальным согласным: чув. *ut* ~ ПТю *ät. В форме (240) *тудá*, *тутла* 'вкус' *u* получился из пратюркского сочетания *ab в положении перед согласным: чув. *tudь* ~ ПТю *tā(b)t- id. [Мудрак 1993: 30]. Форма (196) *с'юдь* 'свет' — результат аналогичного рефлекса пратюркского сочетания *ag в преконаллантажной позиции: чув. *śud(ь)* ~ ПТю *jagti. В примерах (204) [ту] 'гора', (207) *s'ümmor'* [с'юмморь] 'дождь' и (210) [с'юрамЬ] 'спина' гласный *u* происходит из пратюркских сочетаний *äy и *āy, которые стягивались в закрытом слоге и давали -b̄v- перед гласным: чув. *tü* ~ ПТю *dāy, чув. *śurtьr* ~ ПТю *jāyur, чув. *śurǵm* ~ ПТю *jāyur (~ -in) [там же: 27].Сложный случай (11) *ас'io* (I/1: 8) 'отец' претендует на нетипичное отражение [u]. Если принять, что за этой записью кроется форма *ažu* ('твой) отец' с аффиксом принадлежности 2-го лица -u- (во всех диалектах!), то странно использование здесь диграфа *io* — ожидалось бы *ас'ю или *ас'ю. Можно было бы предположить, что запись в Словаре П. С. Палласа отражает форму без аффикса принадлежности *aža* 'самец', 'отец' (диал.), но и эта версия не объясняет диграфа (ожидаемой была бы запись *ас'я). Наконец, допустима версия о том, что *io* передает здесь вариант аффикса принадлежности 2-го лица -ь, характерный для некоторых говоров низового диалекта [Сергеев 1992: 39], однако в таком случае непонятно, почему неогубленный редуцированный гласный передается через диграф с o, сигнализирующим об огубленном характере отражаемого звука.

1.6.2. Следует выделить в особую группу слова, где ПТю *ä предшествовал аффрикате *č. В этом случае *ä > *ц* в низовых говорах и в ряде верховых (курмышском и моргаушском), в других верховых говорах *ä > *о* [Мудрак 1993: 30]. В Словаре П. С. Палласа зафиксированы следующие слова из этой группы:

(140) *os-s'ändälk* [ос-сянда́лк < ос-сянда́лк $\mathbf{B}$] (I/1: 346) ‘воздух’ ~ чув. *oz(ь)* ‘открытый’ ~ ПТю *äč ‘открывать’;

(32) *bos*’ [бос $\mathbf{B}$ < бось] (I/1: 50), *pus*’ [пус $\mathbf{B}$ < пусь] (I/1: 50) ‘голова’, *chol-bos’i* 3sg. [хол-боси́] (I/1: 102), *chul-bus’i* 3sg. [хул-буси́] (I/1: 102) ‘плечо’ ~ чув. *poś* ‘голова’ ~ ПТю *bäč id.

1.7. Гласный *ü*

1.7.1. Общий для верхового и низового диалектов гласный [ü] в абсолютном начале слова отражается с помощью буквы у:

(256) *ul’m’i* 3sg.? [ульми́] (I/2: 455) ‘после’ ~ чув. *üləm* id.;

(259) *us’éz*’ pres. 3pl. [усэ́зь] (I/1: 216) ‘рост’ ~ чув. *üs-* ‘расти’;

(258) *urg’enz’ä* conv. [ургензя́] (I/2: 191) ‘лень’ ~ чув. *ürgen-* ‘лениться’, но малокарач. *örgen-* id.

Это обозначение связано с тем обстоятельством, что орфография Словаря П. С. Палласа не располагает средствами для точной передачи начального [ü]. Авторы решили не использовать в данном случае *ю*, чтобы избежать смешения с буквой *ю*, которая в анлауте передает йотацию.

1.7.2. В инлаутной позиции [ü] регулярно передается через *ю*:

(79) *il’z’ä-s’ür’äs*’ conv. pres. 3pl. [ильзя=сюрязь] (I/2: 340) ‘носить’ ~ чув. *šüre-* ‘ходить’;

(202) *s’ül’e* [сю́ле] (I/2: 234) ‘высоко’, *s’ül’še* 3sg. [сю́льше] (I/1: 362) ‘высота’, *s’ül-tív* 3sg. [сю́л-түвь] (I/1: 340) ‘холм’ ~ чув. *šül(ə)* ‘высокий’;

(203) *s’ül’z’i* 3sg.? [сю́льзи́] (I/2: 8) ‘листья’ ~ чув. *šülzə* id.;

(208) *s’üps’ä* [сю́пся] (I/2: 135) ‘кадь’ ~ чув. *šüpsə* id.;

(213) *s’ür’ä* [сюрязь] (I/2: 110) ‘борона’ ~ чув. *šüre* id.;

(214) *s’üs*’ [сү́с $\mathbf{B}$ < сү́сь] (I/1: 78) ‘волос’ ~ чув. *šüs* id.

Примечательно, что во втором издании Словаря почти во всех приведенных случаях акут над *ю* сохранен, что отражает устойчиво узкое произношение гласного [ü]. Единственное исключение — это форма (208) во втором издании Словаря; там снят акут над буквой, передающей корневой гласный: *s’öps’ä* [сю́пся] (II/4: 136). Интерпретировать такую запись можно двояко. С одной стороны, редактор, работавший с этим примером, мог быть лучше знаком с верховым диалектом, где зафиксирована форма *söpsə*. С другой стороны, нельзя исключать, что редактор просто счел неуместным знак «ударения» в этом слове (например, по причине того, что здесь нетипично для чувашского языка «ударение» падает на первый слог).

2. Гласные неполного образования

В чувашской части Словаря П. С. Палласа последовательно различаются огубленные и неогубленные редуцированные гласные. Их отражение в орфографии разнообразно, однако подчиняется довольно стройным правилам.

2.1. Гласный *ь*

2.1.1. Единственный случай, претендующий на отражение [ь] в абсолютном начале слова (правда, перед последующим глайдом), — (85) *ijix’* [йихь $\mathbf{B}$] (I/1: 184) ‘сон’ ~ чув. *ijü* (в диалектах *ьjü*, *ьjüx*) id. Таким образом, *й* может передавать здесь как [j] (см. п. 1.4.1.), так и [ь].

2.1.2. В первом слоге после твердого согласного [ь] регулярно передается с помощью буквы *ы*:

(40) *bičás*’ pres. 3pl. [бычась $\mathbf{B}$ < бычась] (I/1: 152) ‘зрение’ ~ чув. *рьч-* ‘смотреть’;

(41) *vičad*’ [вычадь < вычадь $\mathbf{B}$] (I/1: 301) ‘время’ ~ чув. *вьүт* id.;

(48) *vij* [вый] (I/1: 200) ‘сила’ ~ чув. *вьj* id.;

(110) *kos’-čirbič’i* 3sg. [кось-чырбыхи́] (I/1: 68) ‘ресницы’ ~ чув. *чьrbьк*, *чьrbьx* id.;

(111) *čijer*’ [хьерь < хьерь $\mathbf{B}$] (I/1: 320) ‘песок’ ~ чув. *чьjьr* id.;

(190) *sinn*’ [сыннь $\mathbf{B}$] (I/1: 53) ‘лицо’ ~ чув. *сьл* ‘внешность, облик’.

2.1.3. В непервом закрытом слоге для отражения [ь] используется как *ы*, так и *а*, однако предпочтение все же отдается букве *ы*:

(16) *jetik*’ [емыкь $\mathbf{B}$] (I/1: 23), *akka-jetik*’ [акка=емыкь $\mathbf{B}$] (I/1: 23) ‘сестра’ ~ чув. *jьтьк* ‘младшая сестра’;

(20) *alik*’ [алыкь < алыкь $\mathbf{B}$] (I/2: 120) ‘дверь’ ~ чув. *альк* id.;

(35) *burnis*’ [бурнысь] (I/1: 212) ‘жизнь’ ~ чув. *por(ь)нъс* id.;

(39) *bičik*’ [бызыкь < бызыкь $\mathbf{B}$] (I/1: 241) ‘велико’ ~ чув. *pičьк* ‘большой’;

(59) *jevis*’ [евысь] (I/1: 402), *G’ivis*’ [живысь] (I/1: 402) ‘дерево’ ~ чув. *jivъс* id.;

(65) *ivir-lik*’ [ивырлыкь < ивырлыкь $\mathbf{B}$] (I/2: 208), *jevur-lič*’ [евурлыхь < евурлыхь $\mathbf{B}$] (I/2: 208) ‘игло’ ~ чув. *jivьr-lьx* ‘тяжесть’;

- (72) *zir* [зырь] (I/2: 462) 'без (кроме)' ~ чув. *-sʔr / -zʔr* (аффикс лишительного падежа);
 (73) *ivil* [ывыл] (I/1: 37) 'мальчик' ~ чув. *ivʔl* 'сын';
 (78) *iltin* [илтин] < *илтин* (I/1: 384) 'золото' ~ чув. *iltʔn* id.;
 (100) *kasmik* [касмык] < *касмык* (I/2: 135) 'кадь' ~ чув. *kasmʔk* 'кадка';
 (108) *kurik* [курык] < *курык* (I/1: 399) 'трава' ~ чув. *korʔk* id.;
 (135) *uriska* [урышка] (I/1: 27) 'муж' ~ чув. *obʔʂka* id.;
 (141) *s'andalik* [сандальик] < *сандальик* (I/1: 346) 'воздух', *s'undalik* [сундалык] (I/1: 5) 'небо' ~ чув. *ʂandalʔk* 'погода';
 (160) *savinn[i]* med. p. part. [савинн] < *савинны* 'любовь' ~ чув. *sav-ʔn-* 'радоваться';
 (172) *sivliħ* [сивлых] < *сивлых* (I/1: 219) 'дух' ~ чув. *siv-lʔħ* 'здоровье';
 (189) *ʂitik* [шытык] < *шытык* (I/1: 371) 'дыра', *sumza-ʂitik* [сумза-шытык] (I/1: 59) 'ноздри' ~ чув. *ʂʔdʔk* 'дыра';
 (237) *tolxin* [толхын] < *толхын* (I/1: 317) 'волны' ~ чув. *tolʔyn id.;
 (283) *ħirim* [хырым] (I/1: 118) 'брюхо' ~ чув. *ħirʔm* id.
Но: (41) *viħad* [выхад] < *выхад* (I/1: 301) 'время' ~ чув. *vʔħʔt* id.;
 (73) *ival* [ивал] (I/1: 37) 'мальчик' ~ чув. *ivʔl* 'сын';
 (108) *korak* [корак] < *корак* (I/1: 399) ~ чув. *korʔk* id.;
 (161) *savat* [сават] < *сават* (I/2: 212) 'судно' ~ чув. *savʔt* 'посуда';
 (163) *sakar* [сакар] < *сакар* (I/2: 477) 'восемь' ~ чув. *sakkʔr* id.;
 (167) *sarlaG-ʂs* [сарлагаш] < *сарлагаш* (I/1: 365) 'ширина' ~ чув. *sarlag-ʔʂ* id.;
 (210) *s'juram* [сюрам] (I/1: 121) 'спина' ~ чув. *ʂurʔm* id.;
 (226) *taran-ʂiv* [таран-шив] < *таран-шив* (I/1: 359) 'глубина' ~ чув. *tarʔn* 'глубокий';
 (262) *ħalaħ* [халах] (I/1: 46) 'люди' ~ чув. *ħalʔħ* 'народ';
 (311) *joratatar* pres. 1sg. [юратаман] (I/2: 309) 'рад' ~ чув. *jorad-adʔr* pres. 1sg. 'любить'.

2.1.4. В ауслатной позиции [ɣ] чаще передается с помощью буквы *a*:

- (19) ? *alla* [алла] (I/1: 109) 'рука' ~ чув. *alʔ* id. (но, скорее, запись в Словаре П. С. Палласа отражает *alla* dat.);
 (31) *borta* [борта] (I/2: 138) 'топор' ~ чув. *porʔ* id.;
 (44) *vata* [вата] (I/2: 228) 'стар' ~ чув. *vadʔ* 'старый';
 (51) *vonka* [вонка] < *вонна* (I/2: 477), *vonpa* [вонна] (I/2: 477) 'десять' ~ чув. *vonʔt* id.;
 (60) *jeda* [еда] (I/2: 73), *G'ida* [гйда] (I/2: 73) 'собака' ~ чув. *jidʔ* id.;
 (63) *dvatta* [дватта] (I/2: 476) 'четыре' ~ чув. *tʔvattʔ* id.;
 (97) *karlanga* [карланга] (I/1: 87) 'горло' ~ чув. *karlangʔ* id.;
 (133) *olta* [олта] (I/2: 477) 'шесть' ~ чув. *oltʔ* id.;
 (150) *pola* [пола] (I/2: 42) 'рыба' ~ чув. *polʔ* id.;
 (228) *taĉ'ka* [тачка] (I/2: 271) 'толст' ~ чув. *taĉ'kʔ* id.;
 (238) *tora* [тора] (I/1: 1) 'бог' ~ чув. *torʔ* id.;
 (240) *tuda* [туда] (I/1: 155), *tutla* [тутла] (I/1: 155) 'вкус' ~ чув. *tudʔ*, *tut-lʔ* id.;
 (303) *šora* [шора] (I/2: 248) 'бело' ~ чув. *šorʔ* id.

Тем не менее, несколько раз ауслатный [ɣ] передается с помощью буквы *ы*:

- (160) *savinn[i]* med. p. part. [савинн] < *савинны* 'любовь' ~ чув. *sav-ʔn-ny* med. p. part. 'радоваться';
 (162) *sazi* [казы] (I/1: 165) 'голос', *sasi* 3sg. [сасы] (I/1: 174) 'шум' ~ чув. *sazʔ* id. (но запись [сасы] может отражать и форму *sassi* 3sg., см. п. 1.3.3.);
 (211) *s'urátni* p. part. -*kon* [сюрáтны-конь] (I/2: 198) 'родины' ~ чув. *šorat-ny* p. part. 'рожать';
 (252) *tiri* [тыры] (I/2: 30) 'жито' ~ чув. *tirʔ* 'хлеба';
 (289) *ĉ'iGi* [чигы] (I/2: 95) 'курица' ~ чув. *ĉ'ʔy* id.;
 (305) *iri* [ыры] (I/2: 285) 'благ' ~ чув. *irʔ* id.

Таким образом, в Словаре П. С. Палласа неогубленный гласный [ɣ] в нейтральной позиции передается с помощью *ы* или *a*. Распределение этих вариантов дает следующую картину.

Во всех случаях, когда [ɣ] передан через букву *a* (их более 20), редуцированный находится в безударной позиции. Три раза над ним проставлен акут, однако понимать его нужно не как знак ударения, а как модификатор артикуляции (сдвиг вверх по подъему?): (97) *karlanga* [карланга] (I/1: 87) 'горло' ~ чув. *karlangʔ*, здесь второй акут явно указывает на измененную артикуляцию гласного; ср. аналогичное употребление акута над *ю* в п. 1.5.2. и над *e* в п. 1.3.2. Слова с [ɣ], переданным с помощью буквы *a*, можно соотнести с верховым диалектом, т. к. общечувашский *o реализуется в них как *o*. Случаи (210) [сюрáм] (I/1: 121) 'спина' и (240) *tuda* [туда, тут-ла] 'вкус' не противоречат такому распределению, т. к. они в некоторых верховых говорах имеют корневой [ɥ] (см. п. 1.6.1.).

Гласный [ɤ], переданный буквой *ы*, встречается как в ударной, так и в безударной позиции. В большинстве случаев он отмечен в словах, которые из-за реализации общечувашского *o как *и* могут быть отнесены к низовому диалекту; единственное исключение: (237) *толхынъ* ‘волны’ ~ чув. *tolɣɤn id. Способность редуцированного нести на себе ударение в слове, в котором есть гласные полного образования, тоже свойственна говорам низового диалекта. Примечательно, что почти во всех примерах [ɤ] в ауслауте, переданный через *ы*, следует за слогом с [ɤ] или [i], также переданными через *ы* или *и* (в положении после [ç]). Можно предположить, что конечный [ɤ] получает здесь [i]-образный характер под ассимилятивным влиянием предшествующего узкого гласного; возможно, аналогичная картина наблюдается и с переднерядным [ə] (см. п. 2.2.2.). В примере (211) *сюрáтны-конъ* ‘родины’ буква *ы* используется для передачи [ɤ], потому что редуцированный, находясь в составе сложения, ведет себя как инлаутный гласный.

Следует отметить, что в «Сочинениях» [Сочинения 1769] способ записи [ɤ] также связан с местом ударения в слове: «Неогубленный редуцированный -ɤ- под ударением обычно передается через -i- [ы] (с русским правилом выписывания -i- [и] после шипящих), значительно реже встречается выписывание ударного -a- [а]» [Мудрак 2011: VI].

2.1.5. В положении после палатальных согласных [ç] и [j] (контекст [śɤ] с палатальным [ś] не отражен в данном памятнике), а также, по правилам русской орфографии, после [š] редуцированный [ɤ] регулярно передается с помощью буквы *и*:

(18) *ɣuralč'i* [ɣуралчи] (I/2: 104) ‘голубь’ ~ чув. **ɣoralɣɤ(n)* id. (слово не отражено в других чувашских словарях, однако имеет прозрачную этимологию: от *ɣora* ‘черный’ с помощью аффикса перехода состояния -al- по той же словообразовательной модели, что и (102) *квaгарчинъ*);

(80) *iraná* dat.? [уранá] (I/2: 113) ‘межа’ ~ чув. *jʁan*;

(85) *ijix'* [iuxɤ] (I/1: 184) ‘сон’ ~ чув. *ɣjɣɣ, ijɣɣ* id.;

(92) *kajik'* [каикъ] (I/2: 83) ‘птица’ ~ чув. *kajɣk* id.;

(102) *kvagarč'in* [квaгарчинъ] (I/2: 104) ‘голубь’ ~ чув. *kʁvagarɣɤn* id. (от *kʁvak* ‘синий’ с помощью аффикса перехода состояния -ar-);

(120) *lájix'* [láuxɤ < láuxɤ] (I/2: 278) ‘хорошо’, (I/2: 275) ‘добро’ ~ чув. *lajɣɣ* id.;

(132) *ojix'* [ouɣɤ < ouɣɤ] (I/1: 238) ‘месяц’ ~ чув. *ojɣɣ* id.;

(189) *sumzá-šitik'* [сумзá-шитыкɤ] (I/1: 59) ‘ноздри’ ~ чув. *šɣdɣk* ‘дыра’;

(241) *tujinat'* med. pres. 3sg. [туинатɤ] (I/1: 161) ‘осязание’ ~ чув. *tuj-ɣn-* ‘ощущаться’;

(289) *č'iGi* [чигы] (I/2: 95) ‘курица’ ~ чув. *čɣɣɣ* id.;

(298) *šil'* [шилɤ] (I/1: 90) ‘зуб’ ~ чув. *šɣl* id.;

(299) *šiná* [шинá] (I/2: 48) ‘муха’ ~ чув. *šɣna* id.;

(300) *širšlatop'* pres. 1sg. [ширшлатопɤ] (I/1: 158), *širšlas'* pres. 3pl. [ширшласɤ < ширшласɤ] (I/1: 158) ‘обоняние’ ~ чув. *šɣršla-* ‘нюхать’.

Два раза в памятнике наблюдается отступление от правил русской орфографии при записи [šɤ]:

(304) *šiši* [шыши] (I/2: 79) ‘мышь’ ~ чув. *šɣži* id.;

(189) *šitik'* [шытыкɤ < шытыкɤ] (I/1: 371) ‘дыра’ ~ чув. *šɣdɣk* id.

В первом случае употребление *ы* связано с желанием записывающего избежать неудобного для чтения сочетания букв: рукописная запись *шыши содержит десять (!) одинаковых элементов подряд (та же мотивация и во втором случае, где была бы неудобна для чтения рукописная последовательность *шит).

Один раз “[ɤ] передан с помощью буквы *и* в позиции после [ɣ]: (216) *s'ámri'ik'* [сямрикъ < ? сямрикɤ] (I/2: 225) ‘молод’ ~ чув. *šamrɣk* id. Может быть, здесь отражена не зафиксированная в словарях переднерядная форма *šámrik.

2.1.6. Отражение “[ɤ] с помощью буквы *е*:

(21) *am'eše* 3sg. [амеше] (I/1: 11) ‘мать’ ~ чув. *amɣžə* 3sg., но диал. *aməžə* 3sg. [СЧЯ, 1: 202];

(16) *jetik'* [емыкɤ] (I/1: 23), *akka-jetik'* [акка=емыкɤ] (I/1: 23) ‘сестра’ ~ чув. *jɣtɣk* ‘младшая сестра’;

(111) *ɣijer'* [хыеръ < хыерɤ] (I/1: 320) ‘песок’ ~ чув. *ɣjɣɣ* id.;

(156) *pilč'ek'* [пылчекъ < пылчекɤ] (I/1: 330) ‘грязь’ ~ чув. *pilɣɣk* id.;

(297) *šel'n'e* 3sg. [шельне] (I/1: 20) ‘меньший брат’ ~ чув. *šɣlnə* 3sg. id. [СЧЯ, 17: 288].

В случае (21) *амеше* ‘мать’ инлаутный [ɤ] > [ə] под влиянием [ə] следующего слога. Ср. отмеченную в верховых говорах форму *aməž* 3sg., а также *sorəɣ* 3sg. ‘овца’, *kokkəš* 3sg. ‘дядя по матери’ и т. д., где аффикс принадлежности, вызвав изменение в артикуляции предшествующего гласного, отпал [Сергеев 1992: 64]. Н. И. Ашмарин фиксировал форму *arətə* 3sg. ‘жена’ в курмышском говоре верхового диалекта, сравнивая ее с *arɣtə* 3sg. id. низового буинского говора [Ашмарин 1898: 28].

В остальных случаях, вероятно, отражено изменение артикуляции редуцированного после [š] и палатальных. Возможно, один раз после палатального [ɤ] отражается с помощью диграфа *io* (см. п. 1.6.1.).

2.1.7. В Словаре П. С. Палласа достаточно много примеров записи исторически неогубленного [ɣ] с помощью букв, свидетельствующих о его вторичной лабиализации.

1) [ɣ] = o:

- (19) *alo* [ало] (I/1: 109) 'рука' ~ чув. *alʲ* id.;
 (59) *ivos'* [ивось] (I/1: 402) 'дерево' ~ чув. *jivʲs'* id.;
 (73) *ivol-ač'a* [ивол-ача] (I/1: 33) 'дева' < *'сын, мальчик' ~ чув. *ivʲl* 'сын';
 (96) *karator'* pres. 1sg. [каратонʲ] (I/1: 152) 'зрение' ~ чув. *kor-adʲp* pres. 1sg. 'видеть';
 (138) *oraj-χóm'i* 3sg. [орай-хóми] (I/2: 202) 'пол' ~ чув. *χəta* 'доска';
 (150) *púlo* [пúло] (I/2: 42) 'рыба' ~ чув. *poʲl* id.;
 (207) *s'ittmor'* [сióмморʲ < сióмморʲ] (I/1: 257) 'дождь' ~ чув. *šuttʲr* id.;
 (275) *χoz'án'* [хозянь < хозя́нʲ] (I/2: 445) 'когда' ~ чув. *χəžan* id.;
 (300) *širšlator'* pres. 1sg. [ширилатонʲ] (I/1: 158) 'обоняние' ~ чув. *šəršl-adʲp* pres. 1sg. 'нюхать';
 (302) *šota* [шома] (I/1: 136) 'кость' ~ чув. *šətmʲ* id.

2) [ɣ] = y:

- (5) *avrum'* 1sg. [аврумʲ] (I/1: 30) 'жена' ~ чув. *arʲm* id.;
 (34) *bur-lux'* [бурлухʲ < бурлухʲ] (I/2: 11) 'плоды' ~ чув. *por-lʲx* 'добро, имущество';
 (65) *jevurlix'* [евурлыхʲ < евурлыхʲ] (I/2: 208) 'игло' ~ чув. *jivʲr-lʲx* 'тяжесть';
 (73) *joval'* [ювалʲ] (I/1: 14) 'сын' ~ чув. *ivʲl* id.;
 (135) *opuška* [опушка] (I/1: 27) 'муж' ~ чув. *obʲška* id.;
 (179) *šūluš'* [сылушʲ < сылушʲ] (I/1: 346) 'воздух' ~ чув. *šivl-ʲš* id.;
 (247) *χušta* [хушта] (I/2: 422) 'где' ~ чув. *χšta*, ср. также черем. (мар.) *kušto* [кушто] (I/2: 422) id.;
 (302) *šummo* [шуммо] (I/1: 136) 'кость', *šum'i* 3sg. [шуми] (I/2: 86) 'перо' ~ чув. *šətmʲ* 'кость'.

3) [ɣ] = ió:

- (73) *iv'ül'* [ивióлʲ] (I/1: 14) 'сын' ~ чув. *ivʲl* id.

В большинстве приведенных случаев исторический [ɣ] соседствует в слове с [p] ~ [b], [m], [v]; позиционное изменение [ɣ] > [ɣ̥] рядом с губными согласными отмечено во многих чувашских говорах. Различия в отражении вторично огубленного [ɣ̥] (буквы *o* или *y*) могут отражать фонетические особенности говоров-источников форм.

К случаям с губными согласными примыкают примеры (19) *alo* 'рука' и (150) *púlo* 'рыба'; здесь с помощью буквы *o* отражен "[ɣ], получивший вторичную лабиализацию рядом с сильно веляризованным латеральным согласным: -(l)ʲ- > -(l)ʲʲ-. Ср. чув. диалектное развитие *aldan* 'петух' < *avdan*; типологическая параллель есть в польском языке, где исторический [-l]- перешел в [-w]-. Ср. также (179) *šūluš'* 'воздух', где на лабиализацию "[ɣ] повлияли как "[v] (фактически [w]), так и [l] в консонантной группе. В случае (34) *bur-lux'* 'плоды' редуцированный лабиализовался под воздействием [o] первого слога и [l].

В примере (73) *ивióлʲ* 'сын' выписывание *ió* [ü] для передачи заднерядного "[ɣ] получает объяснение, только если предположить в некотором говоре фонетическое развитие типа *ivʲl* > *ivʲl̥* > *ivʲl̥*.

В примере (5) *аврумʲ* 'жена' зафиксирована архаичная форма чувашского *arʲm* id. Опираясь на *аврум* из «старой чувашской литературы», М. Р. Федотов восстанавливал такую последовательность образования современной формы: *ev 'жилище, становище' + *-ra / -re* dat. + *-ʲm* 1sg. > *evrim > *avʲm* > *arʲm*; ср. др.-тюрк. *ev* + *-dā* + *-ki* 'находящийся в доме' [ЭСЧЯ, 1: 57].

Отражение будто бы огубленного гласного в примерах (275) *хозянь* 'когда' и (247) *хушта* 'где' — любопытное явление. Это этимологически родственные формы, которые традиционно возводят к пратюркскому вопросительному слову **Kañ-*. По данным чувашской исторической фонетики, огубленности здесь быть не должно; объяснить лабиализацию гласного влиянием вокалического или консонантного окружения также не удастся. Может быть, в данном случае имела места контаминация с лично-возвратным местоимением третьего лица *χəj*, в котором представлен огубленный гласный.

2.2. Гласный ə

2.2.1. В первом слоге неогубленный редуцированный [ə] чаще отражается через *и* и значительно реже через *e* или *э* (последний вариант — только в абсолютном начале слова):

- (66) *in'ä* [иня] (I/2: 58) 'корова' ~ чув. *əne* id.;
 (77) *il'ik'* [иликʲ] (I/2: 452) 'прежде' ~ чув. *ələk* id.;
 (83) *is'* [исʲ < исʲ] (I/1: 193) 'труд', *iss'* [иссʲ < иссʲ] (I/1: 197) 'работа' ~ чув. *əs* id.;
 (84) *is'és'* pres. 3pl. [исэсʲ] (I/2: 316) 'пить' ~ чув. *əs-* id.;
 (61) *y'irét'* pres. 3sg. [гирéтʲ < гирéтʲ] (I/1: 177) 'воплъ' ~ чув. *jər-* 'плакать';
 (114) *m'in'* [минь] (I/2: 405) 'что', *m'in'ba* instr. [миньба] (I/2: 408) 'чем', *ku-m'in-sker'* [ку-мин-скерь] (I/1: 393) 'чудо' (букв. 'это что такое') ~ чув. *tən* 'что';
 (145) *p'it'iks'ä* [питикся] (I/2: 245) 'мало' ~ чув. диал. *pəžik-šə* 'маленький' [СЧЯ, 10: 258];

- (170) *s'ir'* [сирь] (I/1: 305) 'земля' ~ чув. *sār* id.;
 (265) *č'ir'e* [чире] (I/2: 306) 'живо', *č'ir'é* [чирé] (I/2: 265) 'сыро' ~ чув. *čārā* 'живой, сырой';
 (271) *χ'in'és'* pres. 3pl. [хинэсь] (I/2: 323) 'бить (ударить)' ~ чув. *χәне*- id.;
 (272) *χ'ir'* [хирь] (I/1: 17), *χ'ir'-ač'á* [хирь-ачá] (I/1: 17) 'дочь'; *χ'ir'* [хирь] (I/1: 33) 'дева' ~ чув. *χār* id.;
 (273) *χ'irl'e* [хирле] (I/2: 255) 'красно', *χ'irl'é-s'irlá* [хирлэ-сирлá] (I/2: 39) 'виноград (красная ягода)' ~ чув. *χārlā* 'красный';
 (291) *č'il'G'é* [чильгэ] (I/1: 93) 'язык' ~ чув. *čālye* id.;
 (292) *č'ir-kos'í* 3sg. [чир-косí] (I/1: 127) 'колено'; *č'ir-gus'í* 3sg. [чир-гуси] (I/1: 105) 'локоть' < *'колено' ~ чув. *čār* 'колено';
 (293) *č'irn'äsam'* pl. [чирня=самь] (I/1: 115) 'ногти' ~ чув. *čārne* 'ноготь'.
Но: (66) *en'ä* [эня] (I/2: 58) 'корова' ~ чув. *əne* id.;
 (126) *m'elG'e* [мелге] (I/1: 244) 'луч' ~ чув. *mälge* 'тень';
 (170) *s'er'* [серь] (I/1: 305) 'земля' ~ чув. *sār* id.;
 (287) *č'er'á* [черя] (I/1: 142) 'сердце' ~ чув. *čäre* id.

Кроме того, один раз [ə] первого слога передается через букву *ɳ* (ʃ), которая, по-видимому, отражает закрытый [ɛ]⁹: (295) *č'əb'e* [чʃбэ] (I/2: 95) 'цыпленок' ~ чув. *čəbā* 'птенец, цыпленок'.

В случае (126) *мелге* 'луч' [ə] ведет себя как гласный непервого слога, т. к. чув. *mälge* < мар. *ümilka* [Федотов 1990: 309]; ср. чув. диал. *əməlge*.

Основы (66) *иня* / *эня* 'корова' и (170) *сирь* / *серь* 'земля' примечательны дублетным отражением редуцированного. Судя по всему, способ записи [ə] коррелировал с особенностями его артикуляции в разных говорах: в одних редуцированный артикулировался в среднем подъеме, в других поднимался в верхне-средний подъем.

2.2.2. В непервых слогах [ə] чаще передается с помощью *e* и значительно реже с помощью *u*:

- (2) *eb'e* [эбе] (I/2: 380), *ab'e* [абе] (I/2: 380) 'я' ~ чув. *ebā* id.;
 (3) *ab'er'* [аберь] (I/2: 393) 'мы' ~ чув. *ebār* id.;
 (9) *az'e* [азе] (I/2: 384) 'ты' ~ чув. *ezā* id.;
 (10) *az'er'* [азерь] (I/2: 396) 'вы' ~ чув. *ezār* id.;
 (21) *am'eše* 3sg. [амеше] (I/1: 11) 'мать' ~ чув. *amžā*, *amžā* 3sg. id.;
 (45) *v'il'em'* [вильемь] (I/1: 222) 'смерть' ~ чув. *viləm* id.;
 (47) *v'iss'e* [виссе] (I/2: 476) 'три' ~ чув. *viššā* id.;
 (74) *ikk'e* [икке] (I/2: 476) 'два' ~ чув. *ikkā* id.;
 (151) *pol'č'é* praet. 3sg. [польчэ] (I/2: 11) 'плоды' ~ чув. *pol-žā* praet. 3sg. 'ГОТОВО' от *pol-* 'БЫТЬ';
 (173) *s'iv'e* [сиве] (I/1: 225) 'стужа' ~ чув. *sivā* id.;
 (174) *s'ivč'e* [сивче] (I/2: 262) 'остро' ~ чув. *sivžā* id.;
 (176) *s'im'es'sam'* pl. [симесь=самь < симесь=самь] (I/2: 157) 'яства' ~ чув. *šimās* 'плод';
 (181) *s'ič'e* [сиче] (I/2: 477) 'семь' ~ чув. *šiččā* id.;
 (202) *s'ül'e* [сюле] (I/2: 234) 'высоко'; *s'ül'še* 3sg. [сюльше] (I/1: 362) 'высота' ~ чув. *šülā*, *šüllāžā* 3sg. id.;
 (231) *t'im'er'-k'ip'á* [тимерь=кипя] (I/2: 164) 'латы (древний доспех)' ~ чув. *timār* 'железо';
 (233) *t'ir'e* 3sg. [тире] (I/1: 130) 'кожа' ~ чув. *tirā* 3sg. id.;
 (264) *χál'e* [хале] (I/2: 448) 'теперь (ныне)' ~ чув. *χalā* id.;
 (265) *č'ir'e* [чире] (I/2: 306) 'живо', *č'ir'é* [чирé] (I/2: 265) 'сыро' ~ чув. *čārā* 'живой, сырой';
 (273) *χ'irl'e* [хирле] (I/2: 255) 'красно', *χ'irl'é-s'irlá* [хирлэ-сирлá] (I/2: 39) 'виноград (красная ягода)' ~ чув. *χārlā* 'красный';
 (295) *č'əb'e* [чʃбэ] (I/2: 95) 'цыпленок' ~ чув. *čəbā* 'птенец, цыпленок';
 (297) *šel'n'e* 3sg. [шельне] (I/1: 20) 'меньший брат' ~ чув. *šəlnā* 3sg. 'его младший брат' [СЧЯ, 17: 288];
 (316) *jāšel'* [яшель] (I/1: 409) 'зелень' ~ чув. *ježāl* id.
Но: (12) *ajinč'á* 3sg. loc. [аинчá] (I/2: 431) 'под' ~ чув. *ajənžē* 3sg. loc. id.;
 (21) *amši* 3sg. [амши] (I/1: 11) 'мать' ~ чув. *amžā* 3sg. id.;
 (75) *il'd'in'ät'* med. pres. 3sg. [ильдинять] (I/1: 184) 'слух' ~ чув. *ildən-* 'слышаться';
 (77) *il'ik'* [иликь] (I/2: 452) 'прежде' ~ чув. *ələk* id.;
 (143) *p'il'ik'* [пиликь] (I/2: 476) 'пять' ~ чув. *pilək* id.;
 (144) *p'il'ik'-s'ix'í* 3sg. [пиликь-сихí] (I/2: 141) 'пояс (ремень)' ~ чув. *pilək* 'поясница';
 (175) *s'iz'im'* [сизимь] (I/1: 264) 'молния' ~ чув. *šizəm* id.;
 (177) *s'im'is'* [симись] (I/2: 258) 'зеленый' ~ чув. *šimās* id.;

⁹ Здесь явное отступление от вступительного замечания, согласно которому "ʃ esset E cum praefixo jōta, pro ut germanis pronunciatu".

(223) *t'in'is'* [tínись] (I/1: 311), *t'in'is'sam'* pl. [тинисьсамь < тинисьсамЪ] (I/1: 311) 'море' ~ чув. *tinəs* id.

Примечательно, что почти во всех указанных примерах переданный с помощью буквы *и* [э] следует за слогом с [i] или [э], также обозначенными как *и*. Может быть, в данном случае орфография отражает реальную фонетику ([i]-образный характер [э]) и обусловлена ассимилятивным влиянием предшествующего гласного (аналогичная картина с заднерядным [ъ], см. п. 2.1.4.).

В случае (12) *аинча* 'под' на отражение [э] через *и* повлиял предшествующий [j]. Пример (21) *амши* 'мать' приходится объяснять диалектными различиями в артикуляции [э]; тем более, в Словаре П. С. Палласа зафиксирована и дублетная форма с конечной буквой *е*.

Два раза ожидаемый [э] отражается с помощью буквы *я*:

(145) *p'it'ik-s'a* [nitúk-ся] (I/2: 245) 'мало' ~ чув. диал. *pəžik-sə* 'маленький' [СЧЯ, 10: 258];

(227) *šiu-χ'är'i* 3sg. [шйу-хяри] (I/1: 336) 'берег' ~ чув. *χərə, šiv χərri* 3sg. id.

Вторую форму можно соотнести с верховым диалектом по вокализации [v] > [w]. Следовательно, в верховых говорах редуцированный [э] непервого слога получает открытую артикуляцию (см. аналогичную картину с заднерядным [ъ] в п. 2.1.4.).

Один раз ожидаемый неогубленный [э], находясь рядом с губным согласным, получает лабиализацию и передается с помощью буквы *у*: (197) *s'üz'ädub'* pres. 1sg. [сюзядубЪ] (I/1: 158) 'обоняние' ~ чув. *siz-edəp* pres. 1sg. 'чувствовать'. Вероятно, эта запись происходит из того же источника, что и формы из п. 2.1.7., где [ъ] > [ѣ] в соседстве с губными [b] ~ [p], [m], [v]. При этом не вполне понятна передача переднерядного гласного с помощью буквы *у*, которая обычно используется для отражения заднерядных гласных.

2.3. Гласный ѣ

2.3.1. В абсолютном начале слова [ѣ] представлен один раз, и в этом случае он передается буквой *у*: (255) *uv'* [увЪ] (I/1: 193) 'труд' < *'трут' ~ чув. *ѣv(ѣ)* 'трут'.

2.3.2. В позиции после твердых согласных исторический [ѣ] чаще передается с помощью буквы *у*, реже — *о*.

1) В первых слогах:

(36) *vurs'* [вурсь] (I/2: 174, 184), *virús'* [вурусь] (I/2: 174, 184) 'война; драка; брань; вопль' ~ чув. *vər(ѣ)ś* id.;

(54) *vul'* [вуль] (I/2: 387) 'он'; *vul'* [вуль] (I/2: 390) 'она'; *vul'sam'* pl. [вульсамь] (I/2: 399) 'они'; *vulz'en'é* pl. dat. [вулзенѣ] (I/2: 402) 'им' ~ чув. *vəl* 'он, она';

(55) *virtan'* [вурмань < вурманЪ] (I/1: 396) 'лес' ~ чув. *vərman* id.;

(56) *virú* [вурү] (I/2: 161) 'тать (вор)' ~ чув. *vərĕ* id.;

(127) *tún'i* 3sg. [мүни] (I/1: 206) 'власть' ~ чув. *tĕn* 'большой, великий';

(149) *putá* [путá] (I/2: 145) 'гвоздь' ~ чув. *pĕda* id.;

(154) *púlan'* [пүлань < пүланЪ] (I/2: 52) 'зверь' ~ чув. *pĕlan* 'олень';

(155) *pur'* [пурь < пурЪ] (I/1: 270) 'лед', (I/1: 260) 'град' ~ чув. *pĕr* id.;

(187) *sumáχ'* [сумáχЪ] (I/1: 181) 'слово' ~ чув. *sĕmaχ* id.;

(188) *sumz'á* [сумзя] (I/1: 56) 'нос'; *sumzá-šitik'* [сумзá-шитыкЪ] (I/1: 59) 'ноздри' ~ чув. *sĕmza* 'нос';

(204) *s'ül-tív'* [сүл-түвь < сүл-түвЪ] (I/1: 340) 'холм' ~ чув. диал. *tĕv* 'гора';

(242) *tukas'* pres. 3pl. [тукась] (I/2: 361) 'лить' ~ чув. *tĕk-* id.;

(243) *tum'* [тумь < тумЪ] (I/1: 324) 'глина' ~ чув. *tĕm* id.;

(244) *tumán'* [тумáнь] (I/1: 349) 'пар' ~ чув. *tĕman* 'вьюга', диал. малокарач. 'туман';

(245) *tur'* [турь < турЪ] (I/2: 374) 'стой' ~ чув. *tĕr-* id.;

(248) *túχor'* [түхорь < түхорЪ] (I/2: 477) 'девять' ~ чув. *tĕχĕr* id.;

(263) *χulGá* [хулá] (I/1: 72) 'ухо' ~ чув. *χĕlγa* id.

Но: (49) *voGor'* [вогорь < вогорЪ] (I/2: 55) 'бык' ~ чув. *vĕgĕr* id.;

(52) *vorúm'* [ворумь < ворумЪ] (I/1: 368) 'длина' ~ чув. *vĕrĕm* id.;

(149) *podá* [подá] (I/2: 145) 'гвоздь' ~ чув. *pĕda* id.;

(234) *toval'-s'il'* [товаль-силь] (I/1: 254) 'буря' ~ чув. *tĕvĕl* id.;

(6) ? *χv'el-vór'* 3sg. [хвел-вóрь] (I/1: 244) 'луч' ~ чув. *vĕr 'движение горячего воздуха' [СЧЯ, 5: 307].

Как видно из приведенных примеров, [ѣ] первого слога передается буквой *о* только в позиции рядом с губным согласным. Передача [ѣ] с помощью *у* возможна как в положении рядом с губным, так и в других позициях.

Здесь особенно примечательна форма (204) *сүл-түвь* 'холм'. Вторая часть сложения похожа на чув. *tĕvə* 3sg. 'гора', но форма с принадлежностью грамматически не сочетается с *сүл* 'высокий' (правильно: *сүл тү* без аффикса принадлежности), поэтому приходится соотносить эту форму с диалектной формой *tĕv* 'гора', которая фиксировалась, в частности, в красноармейском говоре (см. [СЧЯ, 14: 234], где слово дается со ссылкой на д. Кошки Красноармейского района ЧАССР), а также в янтиковском [Канюкова 1965: 24] и урмарском говорах [Сергеев 1992: 44—45]. То же [ѣv] на месте "[u] отмечалось «на небольшом

ареале возле Канаша» [там же: 62]. Форму *tʰvri* 'нагорный' вместо ожидаемого **turi* Н. И. Ашмарин фиксировал в чебоксарском говоре [Ашмарин 1898: 50].

2) В непервых слогах:

(36) *vurús* [вурусь] (I/2: 174, 184) 'война; драка; брань; вопль' ~ чув. *vʳr(ʳ)ś* id.;

(49) *viGur* [выгурь < выгурЬ] (I/2: 55) 'бык' ~ чув. *vʳgʳr* id.;

(52) *vorúm* [ворумь < ворумЬ] (I/1: 368) 'длина' ~ чув. *vʳrʳm* 'длинный';

(56) *vurú* [вурю] (I/2: 161) 'тать (вор)' ~ чув. *vʳrʳ* id.;

(201) *s'ıldur* [сюлдурь < сюлдурЬ] (I/1: 241) 'звезда' ~ чув. *śʳldʳr* id.;

(206) *s'õtul* [сюмуль < сюмулЬ] (I/2: 268) 'легок' ~ чув. *śʳmʳl* id.

Но: (49) *voGor* [вогорь < вогорЬ] (I/2: 55) 'бык' ~ чув. *vʳgʳr* id.;

(206) *s'õtمول* [сюммоль < сюммолЬ] (I/2: 268) 'легок' ~ чув. *śʳmʳl* id.;

(248) *túxor* [түхорь < түхорЬ] (I/2: 477) 'девять' ~ чув. *tʳxʳr* id.

Отражение [ʳ] непервого слога зависит от ударения: в ударной позиции редуцированный отражается с помощью буквы *y*, в безударной — как *o*. Единственное исключение — (206) *сюммоль* 'легок', но здесь, может быть, неправильно проставлен акут.

2.3.3. В ряде случаев ожидаемый "[ʳ]" отражается с помощью *y*:

(49) *viGur* [выгурь < выгурЬ] (I/2: 55) 'бык' ~ чув. *vʳgʳr* id.;

(54) *vil* [выль < вылЬ] (I/2: 390) 'она' ~ чув. *vʳl* 'он, она';

(128) *tíj* [мый] (I/1: 99) 'шея' ~ чув. *tʳj* id. (однако такая запись может отражать и диал., вурнар. *tíj*);

(188) *sizma* [сызма < сымза] (I/1: 56) 'нос' ~ чув. *sʳmza* id.

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что "[ʳ]" во всех случаях находится рядом с губным согласным.

Несколько раз "[ʳ]" второго слога передан в памятнике с помощью буквы *a*:

(234) *toval*'-s'il' [товаль-силь] (I/1: 254) 'буря' ~ чув. *tʳvʳl* id.;

(201) *s'ıldar* [сюлдарь < сюлдарЬ] (I/1: 241) 'звезда' ~ чув. *śʳldʳr* id.

См. также вторично огубленный: (302) *šoma* [шома] (I/1: 136) 'кость' ~ чув. *śʳmʳ* (< *śʳmʳ*) id.

Такая запись отражает характерное для низовых говоров ослабление огубленности редуцированного в непервых слогах. Примечательно, что во всех этих случаях "[ʳ]" опять находится рядом с губными [v], [m] или рядом с [l].

К указанным формам примыкает (263) *χalGa* [халга] (I/1: 72) 'ухо' ~ чув. *χʳlʳa* id., где с помощью буквы *a* отражается как бы "[ʳ]" первого слога. Однако даже если предположить, что эта форма взята из говора, потерявшего огубленные редуцированные, этот способ передачи "[ʳ]" первого слога вызывает вопросы (логичнее была бы запись **хылга*; см. п. 2.1.2.). По этой причине приходится объяснять такую передачу редуцированного опиской в результате смещения рукописных букв *a* и *o*: *халга* < **холга*.

2.3.4. Огубленный [ʳ] передается с помощью *yü* [yü] и *yö* [(j)ö] в позиции после палатальных [j] и [ś] (контекст -[čʳ] - с палатальным [č] в памятнике не зафиксирован):

(148) *s'ımarda* [сюмарда] (I/2: 92) 'яйцо' ~ чув. *śʳmarda* id.;

(194) *s'ıvár* [сюварь] (I/1: 84) 'рот' ~ чув. *śʳvar* id.;

(198) *s'ık* [сюкь < сүкЬ] (I/2: 148) 'воз' ~ чув. *śʳk* id.;

(199) *s'ökr'ü* [сюркю] (I/2: 151) 'хлеб' ~ чув. *śʳgʳr*, диал. *śʳkrʳ* id. (не вполне ясно использование *yü* для передачи [ʳ] после [r]; может быть, за этой записью кроется *śʳkrʳ* 3sg. с вторичным огублением аффиксального -ə-);

(201) *s'ıldar* [сюлдарь < сюлдарЬ] (I/1: 241), *s'ıldur* [сюлдурь < сюлдурЬ] (I/1: 241) 'звезда' ~ чув. *śʳldʳr* id.;

(206) *s'õtul* [сюмуль < сюмулЬ] (I/2: 268), *s'õtمول* [сюммоль < сюммолЬ] (I/2: 268) 'легок' ~ чув. *śʳmʳl* id.;

(306) *jıváš* [ювашь < ювашЬ] (I/2: 302) 'тихо' ~ чув. *jʳváš* id.

2.4. Гласный ə

2.4.1. В начале слова [ə] встречается один раз и передается с помощью буквы *y*: (257) *ım'er* [умерь] (I/1: 212) 'жизнь' ~ чув. *ətər* 'век (человеческий)'. Как и в случае с начальным [y], такой способ записи выбран из-за отсутствия в палласовской орфографии средств для точной передачи анлаутного огубленного переднеязычного гласного (см. п. 1.7.1.).

2.4.2. В постконсонантной позиции [ə] передается с помощью *yö* [ö], *yü* [yü] и *yü* [ju]; в силу описанных выше сложностей (см. п. 1.5.2.) едва ли возможно, исходя из этих способов записи, делать выводы о фонетике говоров-источников:

(116) *kus-t'ök'i* 3sg. [кус-тюки] (I/1: 68) 'ресницы' ~ чув. *tək* 'перо';

(119) *k'ıtm'el* [кюммель] (I/1: 387) 'серебро' ~ чув. *kəməl* id.;

- (158) *p'ült'* [п'óлтЪ] (I/1: 5) 'небо' ~ чув. *pǎlǎt* id.;
 (193) *s'jur'* [сьюръ] (I/2: 477) 'сто' ~ чув. *śár* id.;
 (205) *s'jul'ju* [сюлю] (I/2: 36) 'овес' ~ чув. *sǎlǎ* id.;
 (209) *s'ör'* [сюръ] (I/1: 276) 'ночь' ~ чув. *śár* id.;
 (215) *s'üt'* [с'ю́тЪ < с'ю́тъ] (I/1: 145) 'молоко' ~ чув. *sǎt* id.;
 (254) *t'üs'* [т'ю́сЪ] (I/1: 53) 'лицо' ~ чув. *tǎs* 'вид, облик, цвет';
 (274) *jozum'-s'irl'i* 3sg. [юзумь-сирли] (I/2: 39) 'виноград' ~ чув. *jǎzǎm* id.

2.4.3. Два раза "[ǎ] первого слога передан буквой *u*:

- (146) *p'it'ärni* caus. p. part. nom. [п'итярн'и] (I/2: 181) 'победа' ~ чув. *pǎt-* 'заканчивать';
 (232) *t'im'er'-k'ip'ä* [т'имерь=кин'я] (I/2: 164) 'латы (древний доспех)' ~ чув. *kǎbe* 'рубашка'.

Еще два раза "[ǎ] непервого слога передан с помощью буквы *e*:

- (119) *k'ümm'el'* [к'ю́ммель] (I/1: 387) 'серебро' ~ чув. *kǎmǎl* id.;
 (257) *um'er'* [умерь] (I/1: 212) 'жизнь' ~ чув. *ǎmǎr* 'век (человеческий)'.

В этих случаях редуцированный гласный теряет огубленность, находясь рядом с губным согласным (ср. аналогичную ситуацию с [ǔ] в п. 2.3.3.). Вторично неогубленный [ǎ] закономерно передается как *u* в первом слоге и как *e* в непервом слоге.

Один раз ожидаемый "[ǎ] непервого слога передан в Словаре П. С. Палласа через букву *y*: (274) *jozum'-s'irl'i* 3sg. [юзумь-сирли] (I/2: 39) 'виноград' ~ чув. *jǎzǎm* id. Ср., однако, зафиксированную Н. И. Ашмаринным форму *izum* id. с заднерядным [u], соотносимую с малокарачкским говором [СЧЯ, 3: 147].

2.5. Следует отдельно рассмотреть способы отражения редуцированных непервого слога в словах, где гласный первого слога также является редуцированным. Замечательным образом почти все узкие отражения приходятся на слова со вторым закрытым и, по всей видимости, ударным слогом:

- (110) *kos'-ǎirbǎǎ'i* 3sg. [к'осЪ-хырбǎх'и] (I/1: 68) 'ресницы' ~ чув. *ǎrǎrbǎk, ǎrǎrbǎǎ* id.;
 (77) *il'ik'* [ил'икъ] (I/2: 452) 'прежде' ~ чув. *ǎlak* id.;
 (52) *vorúm'* [вор'умъ < вор'умЪ] (I/1: 368) 'длина' ~ чув. *vǎrǎm* id.;
 (36) *vurús'* [вур'усъ] (I/2: 174, 184) 'война; драка; брань; вопль' ~ чув. *vǎr(ǎ)ś* id.;
 (49) *viGur'* [выгуръ < выгурЪ] (I/2: 55) 'бык' ~ чув. *vǎgǎr* id.;
 (201) *s'üldur'* [с'ю́лдуръ < с'ю́лдурЪ] (I/1: 241) 'звезда' ~ чув. *śǎldǎr* id.;
 (206) *s'ömul'* [сю́муль < сю́мулЪ] (I/2: 268) 'легок' ~ чув. *śǎmǎl* id.;
 (16) *jetik'* [ем'ыкЪ] (I/1: 23), *akka-jetik'* [акка=ем'ыкЪ] (I/1: 23) 'сестра' ~ чув. *jǎmǎk* 'младшая сестра';
 (274) ? *jozum'-s'irl'i* 3sg. [юзумь-сирли] (I/2: 39) 'виноград' ~ чув. *jǎzǎm* id.

Но: (56) *vurú* [вур'у] (I/2: 161) 'тать (вор)' ~ чув. *vǎrǎ* id. (второй слог открытый).

Вероятно, в некотором низовом говоре (ср. однозначно низовое по конечному [n] слово (78) *iltín'* [ил'т'инь] (I/1: 384) 'золото' ~ чув. *iltǎn* id.) ударение переходило с первого слога на второй, если он был закрытым. Как было продемонстрировано выше, именно ударные редуцированные обычно обозначаются с помощью букв, используемых для передачи узких гласных.

2.6. Существует мнение, что ареал распространения огубленных редуцированных [ǔ] и [ǎ] охватывает только верховой диалект чувашского языка и т. н. «зону переходных говоров»; в низовом же диалекте эти гласные давно исчезли, перейдя в [ǔ] и [ǎ] соответственно [Егоров 1971: 58—59; Сергеев 1992: 23]. Между тем в Словаре П. С. Палласа, где, несомненно, отражены данные и низового диалекта, этимологически огубленные редуцированные переходят в неогубленные только в позиции рядом с губными согласными [p] ~ [b], [v], [m] и латеральным [l]. Это свидетельствует о том, что мнение о тотальной длабиализации редуцированных в низовом диалекте излишне категорично. Заметим, что еще Н. И. Ашмарин указывал на сохранение огубленных редуцированных по крайней мере в тетюшском и свияжском говорах низового диалекта, противопоставляя их в этом отношении буинскому говору [Ашмарин 1898: 340].

2.7. Как известно, чувашские редуцированные гласные в некоторых позициях могут полностью выпадать. Такие случаи отражены и в Словаре П. С. Палласа.

1) [ǔ] как $\emptyset$:

- (21) *amši* 3sg. [ам'иш] (I/1: 11) 'мать' ~ чув. *amǎžǎ* 3sg. id.;
 (186) *struš'* [струшь] (I/2: 167) 'сторож' ~ чув. *st(ǎ)ruś* id. [СЧЯ, 11: 341];
 (196) *s'öd'* [с'ю́дь < с'ю́дЪ] (I/2: 218) 'свет' ~ чув. *śud(ǎ)* id. (на наличие редуцированного указывает звонкий [d], который невозможен в чувашском ауслaute).

2) [ǎ] как $\emptyset$:

- (152) *pr'ä* [пр'я] (I/2: 476) 'один' ~ чув. *pǎrre* id.;
 (202) *s'ül'se* 3sg. [с'ю́льше] (I/1: 362) 'высота' ~ чув. *śüllǎžǎ* 3sg. id.;
 (219) *tavrǎž'* 3sg. [таврǎжь] (I/1: 228) 'круг' ~ чув. *tavrǎžǎ* 3sg. 'округа' (на наличие редуцированного гласного указывает звонкий [ž], который невозможен в чувашском ауслaute).

3) [ɔ̃] как ɔ:

(63) *dvatta* [дватта] (I/2: 476) ‘четыре’ ~ чув. *tɔ̃vattɔ̃* id.;(101) *kvagal* [квagalь < квagalь] (I/2: 101) ‘утка’ ~ чув. *kɔ̃vagal* id.;(103) *kvat* [кварь < кварь] (I/1: 355) ‘жар’ ~ чув. *kɔ̃vat* id.;(36) *vurs* [вурсь] (I/2: 174, 184) ‘война; драка’ ~ чув. *vɔ̃r(ɔ̃)ś* id. и т. д.

4) [ə̃] как ɔ:

(158) *p'ült* [пюлт] (I/1: 5) ‘небо’ ~ чув. *pə̃lāt* id.

Элизия редуцированных гласных в принципе характерна для чувашского языка, хотя в большей степени, особенно в ауслaute, она свойственна верховому диалекту [Егоров 1971: 59; Сергеев 1992: 64]. В литературе встречается упоминание формы *vɔ̃rś* ‘война’ (*вурсь* в Словаре П. С. Палласа) как «нетипичной» ни для литературного языка, ни для большинства верховых говоров, но соотносимой с чебоксарским говором верхового диалекта [Яковлев 1988: 58]. Тем не менее, показательно, что редуцированный выпадает и в однозначно низовой (по гласному [u]) форме (186) *струшь* ‘сторож’.

Выводы

Соответствия между чувашскими фонемами и их отражением приемами русской орфографии приводятся ниже в виде таблицы. Регулярные отражения выделены полужирным шрифтом; вслед за ними даны редкие и специфические способы записи, претендующие на отражение фонетики чувашских говоров. Через знак равенства приводятся графические варианты, по всей видимости, отражающие одну и ту же фонетическую сущность. Способы передачи гласных, которые, вероятнее всего, являются следствием описки, из таблицы исключены. Переднерядные гласные не имеют специфической записи после палатальных согласных, поэтому эта позиция заполняется только для заднерядных.

фонема	в абсолютном начале слова #V-	в первом прикрытом слоге V ₁	в непервом закрытом слоге V ₂	в ауслaute -V#	после палатальных (для задних гласных) (Ć)V
*a	a	a	a	a	я , но <i>ча</i> <i>ю, е</i>
*e	a ~ э	e я	e ~ я и	я , но <i>ге, ча</i> e	
*i	и ~ ы ? <i>ĩ, ю < ю</i>	ы <i>ю < ю</i>	не отмечено в памятнике	не отмечено в памятнике	и = ĩ e
*i	и	и = ĩ <i>é, ю, ? я</i>	и	и ~ ы	
*o	o ~ y	o ~ y	y	не отмечено в памятнике	ю = ĩo ~ ю = ĩy ? <i>ю̂</i>
*u	y	y	не отмечено в памятнике	y	ю < ю̂ ? <i>ю̂</i>
*ü	y	ю̂ ю	не отмечено в памятнике	не отмечено в памятнике	
*ɔ̃	? ĩ	ы <i>o ~ y</i>	ы ~ a <i>o ~ y, и, ю</i>	a ~ ы	и ~ e
*ə̃	и ~ э	и ~ e ɾ̃ (ɾ̃)	e ~ и я, y	e ~ и я	
*ɔ̃	y	y <i>o, ы</i>	y ~ o a, ы	y ~ o a	ю̂ ~ ю
*ə̃	y	ю̂ ~ ю̂ ~ ю̂ и	e, ? y	ю̂	

Таким образом, Словарь П. С. Палласа как памятник чувашского языка отличается достаточно выдержанными принципами орфографии. Он отражает фонетику как верхового, так и низового диалекта чувашского языка (в частности, его вурнарского говора, по классификации Г. И. Комиссарова). Отдельные формы указывают на то, что материалом для Словаря послужили и данные малокарачкинского говора — реликта северо-западного диалекта чувашского языка. Неоднозначное отражение чувашских глас-

ных в памятнике обусловлено их фонетическими характеристиками, отличающимися от говора к говору. Эти характеристики, в свою очередь, зависят от слоговой структуры слова, консонантного окружения, места ударения в слове и от других факторов. Ряд зафиксированных в Словаре форм отражает архаичные черты чувашского вокализма, не отмеченные в более поздних памятниках.

Сокращения

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский	ПТю — пратюркский
башк. — башкирский	рус. — русский
др.-тюрк. — древнетюркский	тат. — татарский
каз. — казахский	тоф. — тофаларский
кбалк. — карачаево-балкарский	тув. — тувинский
кирг. — киргизский	тур. — турецкий
ккалп. — каракалпакский	узб. — узбекский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский	уйг. — уйгурский
кум. — кумыкский	хак. — хакасский
мар. — марийский	черем. — черемисский (старое название марийского)
монг. — монгольский	чув. — чувашский
ног. — ногайский	верх. — верховой диалект
ойр. — ойротский	вурнар. — вурнарский говор
ОТю — общетюркский	малокарач. — малокарачкинский говор
	низ. — низовой диалект

Общие

букв. — буквально	p. part. — перфектное причастие
д. — деревня	pl. — множественное число
диал. — диалектное	praet. — претерит
асс. — аккумулятив (винительный падеж)	pres. — настоящее время
caus. — каузатив	recp. — реципрок
conv. — конверб	sg. — единственное число
dat. — датив (дательный падеж)	voc. — вокатив (звательный падеж)
instr. — инструменталис (инструментальный падеж)	1 — первое лицо
loc. — локатив (локативный падеж)	2 — второе лицо
med. — медиальный залог	3 — третье лицо
nom. — номинализатор	

Литература

- Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
 Булич 1904 — *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825 г. СПб., 1904.
 Егоров 1949 — *Егоров В. Г.* Чувашские словари XVIII века // Записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 2. Чебоксары, 1949. С. 111—142.
 Егоров 1971 — *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
 Канюкова 1965 — *Канюкова А. С.* Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.
 Комиссаров 1911 — *Комиссаров Г. И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVII. Вып. 5. С. 311—432. Казань, 1911.
 Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
 Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
 Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. I—XIV.

- Петров 1988 — *Петров Л. П.* Вокализм закамских говоров низового диалекта чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 65—78.
- Сергеев 1992 — *Сергеев Л. П.* Чăваш диалектологийĕ: Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар, 1992.
- Сергеев, Котлеев 1988 — *Сергеев Л. П., Котлеев В. И.* Чăваш чĕлхи. Шупашкар, 1988.
- СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2000.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.*, 2006.
- Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка / Сост. под рук. архиепископа *Вениамина (Пуцек-Григоровича В. Г.)*. СПб., 1769.
- СС 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 1. СПб., 1787.
- СС 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 2. СПб., 1789.
- СС 1790—1791 — *Паллас П. С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Т. 1—4. СПб., 1790—1791.
- СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Чебоксары, 1994—2000.
- Федотов 1990 — *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1—7. М., 1974—2003 (издание продолжается).
- ЭСЧЯ — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996.
- Яковлев 1988 — *Яковлев П. Я.* Об ударении в чебоксарском говоре // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 55—64.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- Ruhlen 1987 — *Ruhlen M.* A Guide to the World's Languages. Vol. 1. Classification. Stanford, 1987.

РЕЗЮМЕ

В статье представлен анализ отражения чувашского вокализма в старописьменном памятнике XVIII в. — Словаре П. С. Палласа. Установлено, что орфография данного памятника достаточно последовательно передает особенности вокализма как верхового, так и низового диалекта чувашского языка. Ряд зафиксированных в Словаре форм отражает архаичные черты чувашского вокализма, не отмеченные в более поздних памятниках.

SUMMARY

The article gives a detailed analysis of the Chuvash vocalism reflected in Pallas's Dictionary that dates back to the XVIII century. It is established that the dictionary's orthography reflects quite unambiguously the features of both the Viryal and Anatri dialects of the Chuvash language. A number of dictionary entries preserve archaic features of the Chuvash vocalism that are not attested in the later records.

Ключевые слова: чувашский язык, Словарь Палласа, историческая фонетика, вокализм, диалектология

Keywords: the Chuvash language, Pallas's Dictionary, historical phonology, vocalism, dialectology

Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах

В статье¹ рассматриваются основные стратегии отрицания в грамматических системах двух уральских языков Западной Сибири — восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского². Относясь к обско-угорской ветви финно-угорской подсемьи и южносамодийской ветви самодийской подсемьи соответственно, данные языки находятся в отдаленном генетическом родстве. С другой стороны, описываемые системы характеризуются продолжительным лингвокультурным контактом, при котором носители этих идиомов сопредельно и смешанно населяют территорию в среднем течении Оби и ряда ее притоков в пределах Томской области, в особенности в Парабельском и Каргасокском районах (Рис. 1). Кроме того, эти системы объединяет то, что они относятся к наименее описанным и наиболее угрожаемым, насчитывая на данный момент не более десяти полноценных носителей в каждом случае (васюганский и александровский диалекты хантыйского языка, южные диалекты селькупского).

Анализ стратегий отрицания в рассматриваемых системах основан на источниковой базе, состоящей из результатов собственных полевых изысканий и архивных материалов 1960—1990 гг. в виде естественных нарративов максимально доступного жанрового и стилистического разнообразия, а также в виде данных, полученных при ситуативных и эквивалентных (переводных) опросах.

К основным целям данной части исследования относится синхронное описание морфосинтаксических, просодических, семантических, прагматических и социолингвистических характеристик отрицания на базе имеющегося корпуса данных с современных теоретических и методологических позиций. В ходе следующего этапа исследовательской программы предлагаемые дескриптивные данные в их локальной и типологической перспективе будут детально проанализированы в ареальном (обско-енисейском) и генетическом (уральском) контексте.

Рис. 1. Западная Сибирь: восточнохантыйский и южноселькупский ареалы.

1. Краткие сведения о языковых системах

1.1. Восточные диалекты хантыйского языка

Хантыйский язык относится к обско-угорской ветви финно-угорских языков и насчитывает около 7000 носителей (примерно из 28000 этнических ханты), неравномерно распределенных между двумя диалектными массивами — западным (северным) и восточным [Терешкин 1961; Décsy 1965; Gulya 1966; Honti 1984; Nikolaeva 1999; Filchenko 2007]. При этом каждый из массивов состоит из 6—10 диалектов, характеризующихся разной степенью вариативности, документированности и сохранности.

¹ Автор выражает благодарность рецензентам и редакционной коллегии за высказанные замечания.

² Работа над данной публикацией проводилась при поддержке гранта РФФИ №11-06-00371.

Среди восточных диалектов таежных охотников-рыболовов данное обсуждение будет касаться говоров, распространенных на Васюгане и Оби в Кargasокском и Александровском районах Томской области. Таким образом, при описании исчезающих васюганского и александровского диалектов (на основе полевых материалов и ограниченных архивных данных) речь, по сути, идет о наборе *идиолектов* крайне небольшого числа носителей.

Следует отметить, что несмотря на то, что в источниках по уральскому языкознанию хантыйский часто упоминается как единый язык, в реальности ареал его распространения характеризуется значительной вариативностью, и даже внутри массива восточных диалектов степень взаимного понимания между носителями местных вариантов может быть низкой — вплоть до непризнания языка «понятным» или «похожим». Каждый из этих вариантов имеет перечень фонологических, лексических и грамматических отличительных особенностей (параллельно с рядом отличий культурного плана) от других вариантов внутри соответствующей группы. Степень и диапазон *внутриязыковых* и *внутридиалектных* отличий сравним с *межъязыковыми* и *междиалектными* отличиями. В связи с этим представляет интерес эмпирическая картина континуума языковых микросообществ, где рост языковой (и культурной) вариативности в целом пропорционален росту дистанции между микросообществами.

С точки зрения системных черт рассматриваемых восточных диалектов отмечается вариативность на всех уровнях организации системы [Фильченко 2011a]. Наиболее очевидные дифференцирующие системные черты могут быть суммированы следующим образом.

Таблица 1

Хантыйский язык: лингвогеографическая вариативность

диалекты	западные (<i>xanti</i>)	восточные (<i>qantəy</i>)
экосистемы	тундра-тайга	тайга-болота
системные черты: фонология	отличный инвентарь согласных и гласных фонем	
	+ долгота гласных – гармония гласных	– долгота гласных + гармония гласных
системные черты: лексика	вариации словарного состава (список Сводеша, Swadesh list-100 и -200)	
	вариации словообразовательных концепций (числительные) 18 <i>nijel-xus</i> '8 к 20'	18 <i>jöy-ərki`niləy</i> '8 больше 10'
системные черты: морфология	3 падежа	10—12 падежей
	3 времени	5 времен
	этимологически не связанные морфологические показатели	
	инвентарь и дистрибутивные свойства послелогов	
	инвентарь и дистрибутивные свойства номинализаторов	
системные черты: синтаксис	(NOM-ACC) активно-пассивные конструкции	(NOM-ACC) активно-пассивные эргативные конструкции

Среди причин или сценариев развития этих диалектных отличий могут быть следующие: история расселения (западные территории — V—VII вв.; восточные территории — X—XII вв.), изоляция групп / независимое развитие, языковой контакт / взаимодействие с соседними родственными и неродственными группами. По общепризнанному мнению, разделение хантыйского языка на западные и восточные диалекты является достаточно древним и может объясняться участием в генезисе обских угров нескольких компонентов — контактных культур, как собственно уральских, так и представителей других языковых семей [Напольских 1997: 77].

1.2. Южные диалекты селькупского языка

Селькупский язык является единственным «живым» представителем южносамодийской ветви самодийской подсемьи, он распространен в междуречье Оби и Енисея в Тюменской и Томской областях, а также на северо-востоке Красноярского края. Примерно из 4000 этнических селькупов около 1200³ яв-

³ Как и в случае восточнохантыйских диалектов, южноселькупские находятся в крайней степени угрозы исчезновения, насчитывая официально 50 [Перепись 2010], но фактически не более 5 носителей, представляющих в ос-

ляются южными селькупками, которые проживают в Томской области и в лингвистическом плане относятся к южным и центральным диалектам селькупского языка [Перепись 2010].

Диалектология селькупского языка является предметом дискуссий [Деннинг 1981; Хелимский 1988], однако бесспорным остается факт значительной лингвогеографической вариативности с основополагающей дифференциацией на северный и южный (южно-центральный) диалектные массивы, которые состоят из четырех (северные: среднетазовский, верхнетазовский, ларьякский, баишенский) и семи (южные: среднеобский, чаинский, кетский, чулымский; центральные: тымский, васюганский, нарымский) диалектов соответственно. По параллельно существующей этнонимической классификации носители северных диалектов называются собственно «селькупками», носители центральных диалектов — «чумьлькупками», а носители южных — «шёшкупками» или «сюсюкумами»; наличествуют и более подробные местные этнонимы [Беккер и др. 1995; Байдак и др. 2010].

В ходе дальнейшего обсуждения под южноселькупскими диалектами будут подразумеваться находящиеся на грани исчезновения варианты селькупского языка (менее пяти носителей), распространенные на территории севера Томской области, прежде всего среднеобский, нарымский и васюганский диалекты, т. е. непосредственно сопредельные восточнохантыйским диалектам.

Селькупская вариативность (северные и южные диалекты) достаточно радикальна (подобно ситуации в хантыйском языке): она соотносится с географической удаленностью и экологическими различиями, пронизывает все уровни организации системы и препятствует взаимному пониманию между носителями удаленных вариантов [Hajdú 1968, 1970; ОчСЯ 1980; Helimski 1998].

В отношении интересующих нас диалектов имеется ряд дескриптивных работ, прежде всего томской лингвистической школы, включая грамматические очерки, словари и аналитические статьи по отдельным аспектам фонологии и морфосинтаксиса [Кузьмина 1974; Беккер и др. 1995; Быконя 2005].

Контактное взаимодействие было наиболее интенсивным между южными селькупками и восточными ханты, а также регулярно мигрировавшими по региону Васюгана и средней Оби эвенками [Шатилов 1927; Селькупы 1956; Дульзон 1960; Надь 2005, 2011]. Хотя базовая лексика южноселькупских и восточнохантыйских диалектов, несомненно, имеет протосамодийское и протоугорское происхождение соответственно [Hajdú 1968, 1970; ОчСЯ 1980], существуют свидетельства взаимонаправленных контактных инноваций в обеих системах, а также тюркского и тунгусо-маньчжурского влияния на обе системы. С 1930-х гг. и в радикальной степени — с 1960-х гг. на обеих системах сказывается контактное ассимилятивное влияние со стороны русского языка. В билингвальной (на 100%) среде ситуация переключения и смешения кодов последовательно уступает место ситуации языкового сдвига — с возрастающим количеством лексических заимствований и замещений исконной лексики русской, с отсутствующей фонетической ассимиляцией языком-реципиентом, а также с растущим влиянием русского в области морфосинтаксиса, включая область отрицания.

1.3. Ключевые аспекты грамматической структуры

Типичной структурой простого предложения как для хантыйского, так и для селькупского языка является порядок следования аргументов SV — для непереходного и AOV — для переходного предиката⁴. Основными средствами кодирования грамматических отношений в обеих системах являются следующие: относительный порядок слов в клаузе, падежные показатели, облигаторное кросс-референсное маркирование аргументов на глагольном предикате — субъектное и объектное спряжения глагола [Терешкин 1961; ОчСЯ 1980; Беккер и др. 1995; Filchenko 2007]. На уровне клаузы обе системы относятся к вершинно маркирующим и так называемым “pro-drop” (с имплицитным субъектом). Позиция объекта переходного действия (O) типично фиксирована (AOV), но может приобретать известную синтаксическую свободу с изменением прагматического статуса соответствующего референта и при кросс-референсном глагольном маркировании объекта (в традиционной терминологии — объектном спряжении [Терешкин 1961]).

новном один диалект. Таким образом, статистические сведения по этнической самоидентификации не отражают степени сохранности языка.

⁴ Здесь и далее, следуя [Dixon 1994], основные грамматические отношения обозначаются как S — субъект непереходного действия, A — субъект переходного действия, O — объект переходного действия. Следует отметить, что данная маркировка грамматических отношений дифференцируется от маркировки семантических ролей: агенса, пациенса и т. д. [Van Valin, LaPolla 1997].

(1а) хант., вост., вас.

mä ruʒo`l-a tən-`s-əm
1SG деревня-ILL идти-PST2-1SG

‘Я пошел в деревню’⁵ [Filchenko 2007: 354].

(1б) хант., вост., вас.

mä `wajaʒ wel-`s-im
1SG зверь добыть-PST2-1SG/SG

‘Я добыл зверя’ [Filchenko 2007: 270].

Аргумент S / A типично демонстрирует надлежащие грамматические и семантические свойства субъекта, такие как контроль референциальных отношений внутри клаузы и между клаузами (контроль моно-субъектных подчиненных инфинитных оборотов, контроль нулевой анафоры между сопредельными клаузами, контроль рефлексивизации, контроль движения количественных местоимений) [Filchenko 2006].

(2а) сельк., южн., ср.-обск.

ara paʒa-su-q warky-mb-a
старик старуха-FAM-DU жить-PST-3SG

‘Жили-были старик со старухой’ [H-GM: 001].

(2б) сельк., южн., нарым.

mat kwat-p-am tabe-p
1SG добывать-PSTN-1SG/SG белка-ACC

‘Я добыл белку’ [SelNeg: 163] (см. [Фильченко 2011б]).

Позиция в клаузе, непосредственно предшествующая глагольному предикату (V), типично занята референтом, относящимся к части пропозиции⁶ с прагматической ассерцией — референту с прагматической функцией фокуса (приблизительно приравниваемой к новой информации, реме) [Lambrecht 1994]. В то же время начало клаузы типично ассоциируется с референтом, относящимся к прагматической пресуппозиции, прагматической функцией топика (приблизительно приравниваемой к старой, известной информации, теме). Данная организация пропозиции естественным образом располагает к преобладанию в нарративах структур типа “pro drop”, где типичный субъект — топик пропозиции — эксплицитно не выражен, но референциально доступен в формах обязательного субъектного спряжения глагольного предиката (число и лицо S / A облигаторно).

Более того, при определенной, бóльшей степени активации и идентифицируемости референта возможно использование пропозиций и без эксплицитного O — с обязательным использованием в таких случаях объектного спряжения глагольного предиката (число O). Таким образом, в естественных нарративах пропозиции нередко могут состоять лишь из предикатов и модификаторов с обстоятельственными значениями разного рода [Filchenko 2007: 212].

(3) хант., вост., вас.

terä-s-im `iwes-nə
жарить-PST2-1SG/SG тьяпсы-LOC

‘(Я) зажарил (ее) на тьяпсах’ [BH: 025].

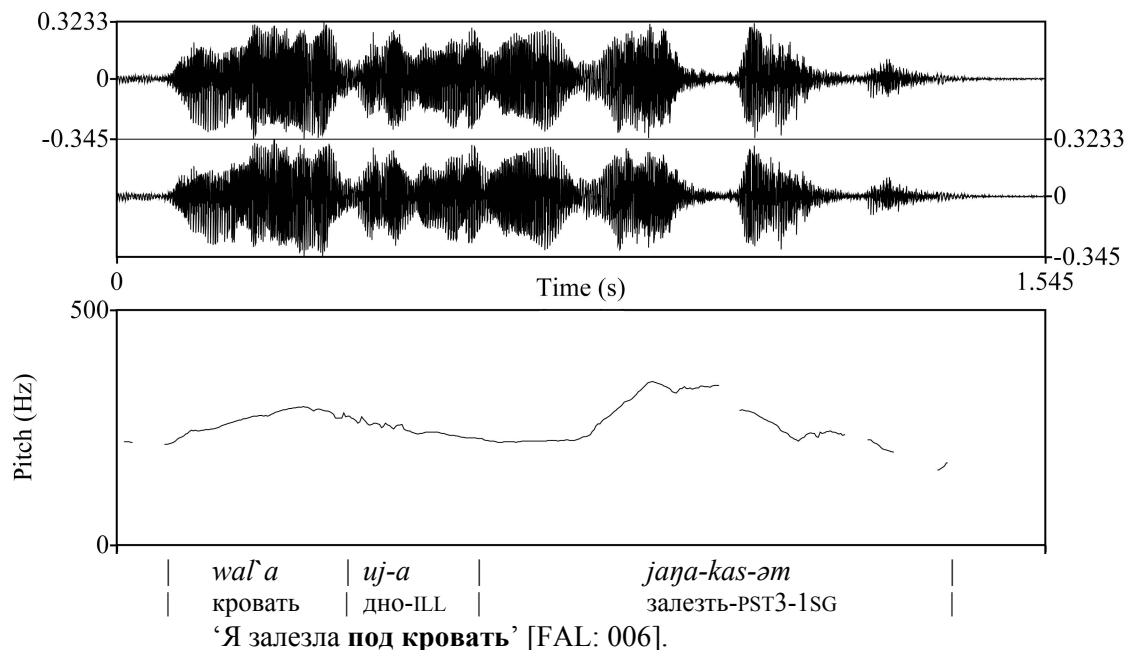
В отношении просодической структуры для обеих систем справедлива характеристика достаточно типичной взаимосвязанности (обусловленности) с синтаксическими, семантическими и прагматическими свойствами [Фильченко 2011а]. Для выявления ключевых интонационных моделей анализируется их типичный акустический коррелят (частота F0), рассматриваемый в отношении двух видов значимых событий: нисходящего тона (L) и восходящего тона (H) в линейной последовательности высказываний, — а также локализация акцентного пика. В соответствии с общетипологическими закономерностями в качестве основной функции интонации выявляется выражение прагматической структуры и дискурсивной значимости элементов пропозиции, т. е. обозначение дискурсивных функций «топик» и «фокус» (косвенным образом сигнализируются компонентность дискурса и разделение его на интонационные единицы, в общем совпадающие с такими синтаксическими единицами, как группы, клаузы и предложения)

⁵ Здесь и далее, когда имеется соответствующая информация, фразовое ударение отмечается в транскрипции примера знаком /´/ перед ударным слогом, а в свободном переводе примера — полужирным шрифтом. Ударение не проставлено в примерах из архивных источников и публикаций.

⁶ Здесь и далее используется терминология работы по информационной структуре и синтаксису [Lambrecht 1994].

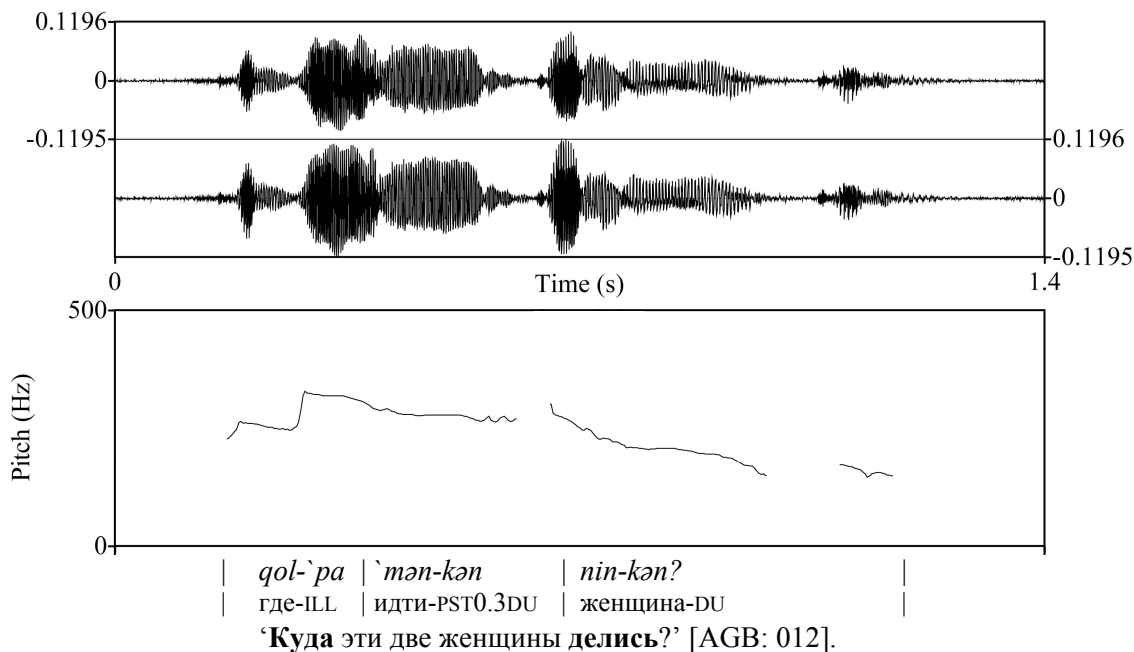
[Selkirk 1984: 270]. Также выявляется очевидная корреляция между распределением акцентных пиков и прагматической функцией фокуса, при которой акцентный пик маркирует часть пропозиции, содержащую прагматическую ассерцию

(4) хант., вост., вас.

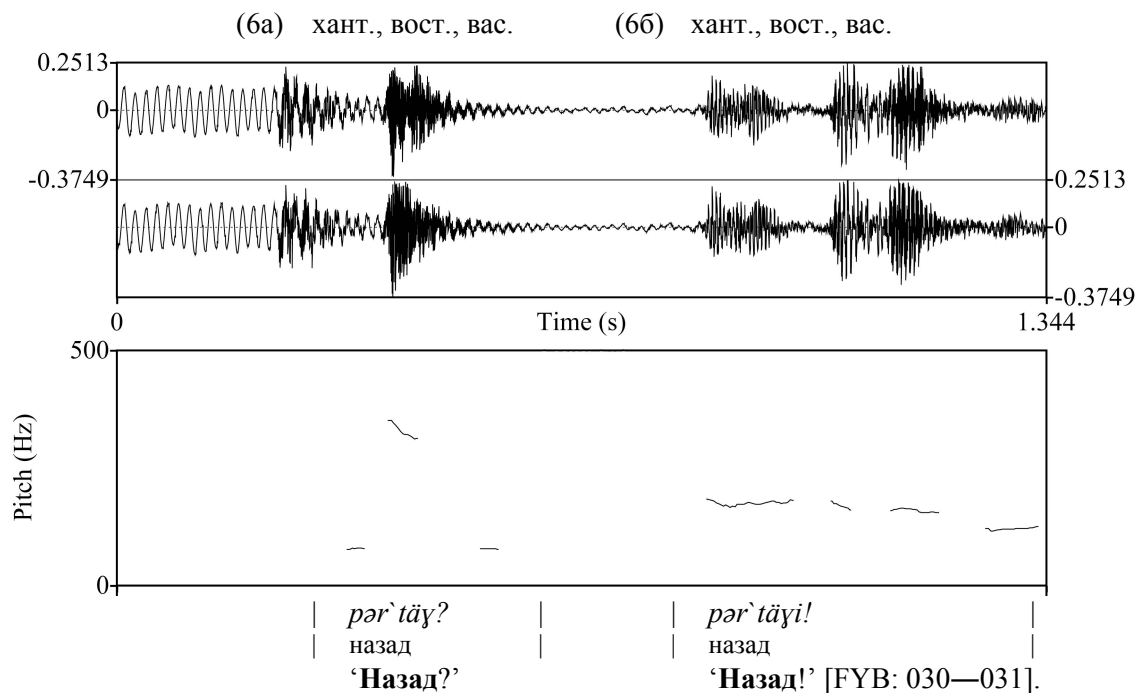

Тенденция регулярно прослеживается в вопросительных предложениях, где акцентный пик маркирует референт или часть пропозиции, которые требуют подтверждения или дополнительной информации, т. е. соответствуют фокусу.

(5) хант., вост., вас.

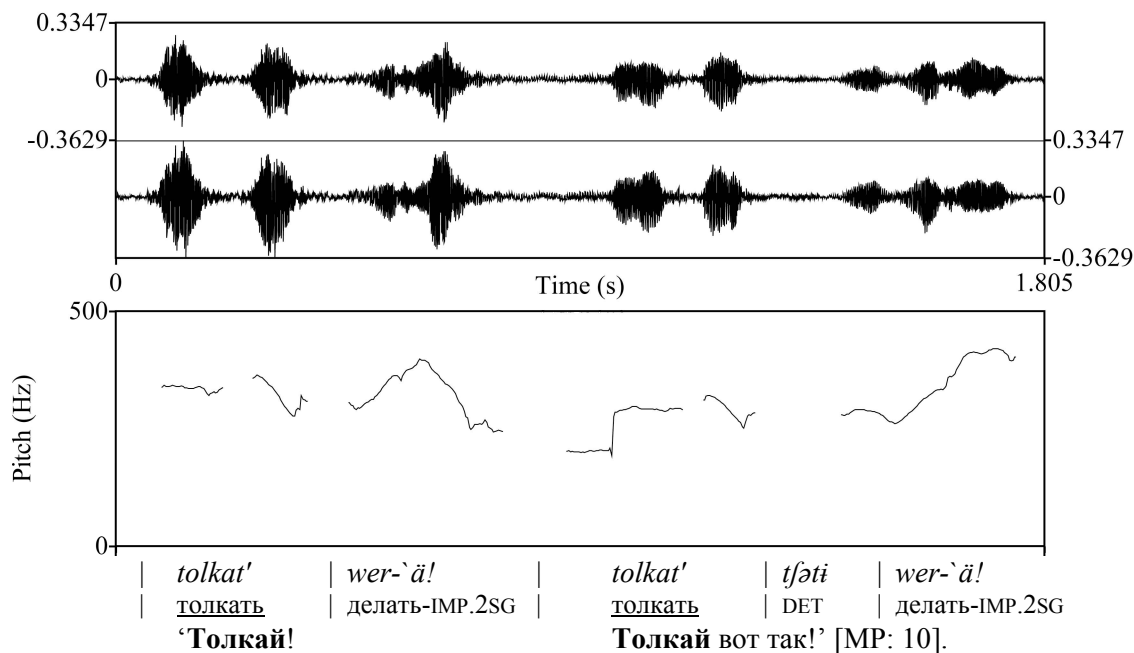

Так как сфера прагматической функции фокуса может быть потенциально широка и способна охватить как один референт, так и всю фразу (и даже целую клаузу), соответственно, и распределение акцентных пиков потенциально вариативно (сообразно различным структурам фокуса). Например, в специальных вопросах вопросительным словом кодируется элемент пропозиции, на который направлен запрос дополнительной информации. Данный референт имеет функцию фокуса и впоследствии обнаруживается в этой функции и в соответствующей пропозиции — ответе.

Наконец, в императивах с помощью акцентного пика выделяются прежде всего предикаты, которые кодируют действия, направленные на требуемые или планируемые ситуации, обычно отличные от текущих или ситуативно ожидаемых (другими словами, соответствующие функции фокуса).

(7) хант., вост., вас.

2. Общие положения

2.1. Типология выражения отрицания

Несмотря на то, что в русской грамматической традиции отсутствует единое общепринятое определение отрицания, обобщенно под отрицанием понимается специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места [Отрицание 2012]. Далее, при обсуждении отрицания, значительное внимание будет уделяться синтаксическим и семантическим свойствам высказываний в их взаимодействии с элементами информационной структуры и прагматическими свойствами пропозиций в дискурсивном контексте. Под отрицательными предложениями будут пони-

маться высказывания, в которых пропозиционная истинность опровергается либо при помощи эксплицитных морфологических средств, либо, в нескольких периферийных случаях, при помощи лексических единиц с имплицитным отрицанием, заложенным в семантике производной основы (отрицательные модальные глаголы и вспомогательные слова).

С точки зрения основных типологических параметров при рассмотрении отрицания выделяются прежде всего такие аспекты морфосинтаксиса, как тип маркера отрицания (негатора) [Dahl 1979; Payne 1985; Dryer 2005], относительная позиция маркера отрицания в клаузе [Dahl 1979; Dryer 1988, 1992], а также сравнительная морфосинтаксическая эквивалентность отрицательных и соответствующих утвердительных клауз (симметрия) [Miestamo 2005]. Так, выделяются следующие типы негаторов: отрицательные аффиксы, отрицательные частицы и специализированные отрицательные глаголы [Dryer 2005; Miestamo 2009].

С точки зрения относительной позиции маркера отрицания в клаузе к типологическим наблюдениям относятся отмечаемая тенденция к начальному положению в клаузе [Jespersen 1917], тенденция к сопредельности с финитным предикатом [Dahl 1979] и общая тенденция к препозиции и коррелированию отрицательных глаголов с базовым порядком слов [Dryer 1992; Miestamo 2009]. В целом, на основе последних крупномасштабных обобщений с использованием [WALS 2011] выделяются препозиция, постпозиция и циркумпозиция, а также типологически редкое периферийное расположение [Miestamo 2009].

Можно провести основную дифференциацию морфосинтаксической симметрии на два типа: симметричное отрицание, при котором какие бы то ни было структурные отличия между утвердительными и отрицательными пропозициями отсутствуют (за исключением присутствия маркера отрицания), и асимметричное отрицание, при котором существуют определенные отличия конструкционного или парадигматического свойства [Miestamo 2005]. Вследствие последнего условия возможно дальнейшее разделение асимметрии на подтипы в соответствии с тем, какого рода синтаксические (чаще всего обязательные аналитические конструкции при отрицании) и парадигматические (чаще всего дефективность отрицательных парадигм) отличия отмечаются при сравнении утвердительных и отрицательных пропозиций.

Кроме того, отмечается типологическая релевантность определенных лексико-грамматических контекстов, в которых структурная асимметрия наиболее вероятна [Kahrel 1996; Miestamo 2005; Miestamo 2009]. Так, императивные и бытийные конструкции, а также конструкции с неглагольными предикатами наиболее располагают к асимметричному отрицанию [Kahrel 1996]. Наконец, глагольные грамматические категории: время, аспект, модальность (ТАМ) — часто выступают контекстом для выявления асимметричных отрицательных конструкций [Miestamo 2009].

В основе данной типологии симметрии отрицательных конструкций лежит очевидный контраст утвердительных и отрицательных пропозиций — с основополагающим принципом маркированности отрицательных конструкций по отношению к утвердительным аналогам [Miestamo 2009]. Так, в основе наиболее типичных видов асимметрии лежат отличия в характеристиках финитного глагольного предиката, а именно распределение ключевых грамматических свойств между смысловым глагольным предикатом (лексическим глаголом — LV), маркером отрицания (негатором — NEG) и неким элементом (чаще всего копулой), способным принять на себя финитные характеристики (финитным элементом — FE) [Miestamo 2005]. Таким образом, асимметричные отрицательные конструкции могут отличаться от утвердительных тем, что лексический глагольный предикат (LV) частично или полностью теряет при отрицании свои финитные свойства (подтип А / FIN по [Miestamo 2005]) а) путем приобретения синтаксической зависимости от финитного элемента (FE), б) или путем приобретения формы зависимого предиката, в) или путем приобретения некоторых именных характеристик.

Частными примерами типологий отрицательных конструкций, в основе которых лежит сравнительный принцип симметрии с утвердительными конструкциями, являются типология прохибитивов [van der Auwera, Lejeune 2005], типология бытийных конструкций (existential) [Croft 1991; Veselinova 2006] и типология конструкций с неопределенными местоимениями (indefinite) [Kahrel 1996; Haspelmath 1997].

Соответственно, типология прохибитивов строится на следующих двух ключевых принципах: основной — морфосинтаксическое сравнение с императивами, вторичный — сравнение прохибитивов с отрицанием в индикативе; дифференцируются четыре основных типа: 1) прохибитив = императив + индикативная стратегия отрицания (тип I); 2) прохибитив = императив + некая специальная стратегия отрицания, не свойственная отрицанию в индикативе (тип II); 3) прохибитив = неимператив (некая другая конструкция) + индикативная стратегия отрицания (тип III); 4) прохибитив = неимператив + некая специальная стратегия отрицания, не свойственная отрицанию в индикативе (тип IV) [van der Auwera, Lejeune 2005].

На сходных принципах строится и типология отрицательных бытийных конструкций, при которой различаются три основных типа: 1) тип А, включающий конструкции со стандартным глагольным отрицанием бытийного глагола; 2) тип В, включающий конструкции со специальным отрицательным бытийным предикатом; 3) тип С, объединяющий конструкции, в которых отрицательный бытийный предикат идентичен стандартному маркеру отрицания при глагольном предикате [Croft 1991].

Наконец, типологии отрицания неопределенных местоимений также опираются на сравнение структурных черт утвердительных и отрицательных конструкций, дифференцируя от трех [Haspelmath 1997] до пяти [Kahrel 1996] типов — с учетом таких параметров, как наличие и тип маркера отрицания (стандартный глагольный или специальный), тип самого неопределенного местоимения (то же, что и в утвердительных; специальное эксплицитно отрицательное местоимение без других маркеров отрицания; отличное от утвердительных, но не эксплицитно отрицательное) и собственно наличие самого местоимения (функция может выполняться некой конструкцией с копулой).

Большинство из вышеперечисленных параметров, наряду с другими, были учтены при разработке «Типологического опросника по отрицанию» [Miestamo 2009] — крупномасштабного типологического проекта, направленного на создание максимально унифицированной тематической эмпирической базы данных для целевого типологического обследования. В частности, в рамках данного проекта проводится исследование аспектов выражения отрицания в уральских языках [Miestamo et al. 2011]. К недавним масштабным типологическим обзорам относится и специальное исследование отрицания в уральских языках Б. Вагнер-Надь [Wagner-Nagy 2011], в котором на материале восьми угорских и самодийских языков (мансийского, хантыйского, селькупского, камасинского, маторского, ненецкого, энецкого и нганасанского) впервые предпринимается детальное рассмотрение морфосинтаксических особенностей отрицания в общетипологической перспективе, с очевидной генетической (в уральском контексте) и ареальной (в западно-сибирском контексте) значимостью. Примечательно, что данное исследование строится в первую очередь на базе корпуса существующих текстов и грамматических очерков, а не на применении специализированных опросников, и в значительной степени было интегрировано в разработку «Типологического опросника по отрицанию в уральских языках» [Miestamo et al. 2011].

2.2. Методология и материал исследования

Настоящая работа, с одной стороны, представляет собой составляющую долгосрочного описательно-го проекта по грамматике восточнохантыйских диалектов и сравнительного исследования по языкам обско-енисейского ареала; с другой стороны, в теоретическом и методическом плане оно является результатом участия в проекте «Отрицание в уральских языках» [Miestamo et al. 2011].

В качестве эмпирической базы исследования использовались корпус нарративов из полевого архива Кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), ранее публиковавшиеся материалы, грамматические описания и аналитические статьи, а также результаты специальных опросов (с применением опросника по отрицанию). В работе привлечен языковой материал васюганского, александровского и ваховского диалектов хантыйского языка, нарымского, среднеобского и васюганского диалектов селькупского языка. Весь материал исследования представлен в транскрипции IPA и снабжен глоссированием на основе Лейпцигской конвенции [Glossing rules].

3. Выражение отрицания в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах

Следуя общетипологическому принципу, мы будем дифференцировать отрицательные высказывания в рассматриваемых системах прежде всего по семантическому признаку (по сфере действия отрицания в пропозиции) — на общеотрицательные и частноотрицательные (соответственно с широкой и узкой сферой действия) [Jackendoff 1972]. Кроме того, релевантным параметром с точки зрения прагматики будет выступать информационная структура пропозиции. Наиболее типичным и ожидаемым в области отрицания является распространение сферы действия на часть пропозиции, содержащую прагматическую асерцию (фокусные элементы), в то время как попадание в сферу действия отрицания топикальных элементов, ситуативно или контекстно доступных, является менее частотным. С этим связано и нередкое сочетание средств маркирования отрицания с разного рода средствами маркирования прагматической функции фокуса [Givon 2001: 326; Miestamo 2009: 210]. В связи с данной типологической тенденцией настоящее обсуждение сначала коснется различных аспектов частного отрицания, а общеотрицательные конструкции будут рассмотрены позднее. Следует также отметить, что имеющийся в обеих системах

лишительный падеж (абессив, каритив) уже являлся предметом рассмотрения в существующих описательных и сравнительных работах, вследствие чего (а также из-за ограничений в объеме) этот аспект здесь не будет рассматриваться детально.

В целях анализа и с опорой на установленную конвенцию [Miestamo 2005; Miestamo et al. 2011] рассматриваемый восточнохантыйский материал по грамматике отрицания будет подразделен на примеры со стандартным декларативным отрицанием, бытийным декларативным отрицанием, отрицанием индивидуальных элементов клаузы, отрицанием в недекларативных клаузах, а также некоторыми периферийными явлениями в области отрицания. Соответствующие разделы составят структуру следующего ниже описания; большинство из упомянутых типов примеров представлены в подборках (8а—ж) и (9а—ж).

- (8а) хант., вост., вас.
tä`jyita-ta pit-wəl
 DET смотреть-INF стать-PRS.3SG
 ‘Он (на нее) **посмотрит**’ [TS: 103].
- (8б) хант., вост., вас.
män-nə`joŋo-s-äm
 1SG-LOC стрелять-PST2-1SG
 ‘Я **выстрелил**’ [ST: 107].
- (8в) хант., вост., вас.
miyulə-qəm-ə mälqalla-ŋən
 что-INDF-INSTR забыть-PST0.3SG
 ‘(Он) забыл что-то’ [TS: 196].
- (8г) хант., вост., вас.
`wrät`jil-itay!
 в ряд стоять-IMP.2PL
 ‘Встаньте **в ряд!**’ [ST: 97].
- (8д) хант., вост., вас.
qatantə-l-əm`jöŋə-t-äm-ä
 красться-PRS-1SG стрелять-IMPP-1SG-ILL
 ‘(Я) подкрался (**чтобы**) **выстрелить**’
 [Фильченко 2007].
- (8е) хант., вост., алекс.
jaŋ-a`qat-ot tinəl-ta`ma-wəl-t
 люди-ILL дом-PL продать-INF дать-PRS-3PL
 ‘Людям **дают** дома продать’ [Life: 078].
- (8ж) хант., вост., вах.
mä`nipik`taja-m-am-nə`töŋ,
 1SG книга иметь-PP-1SG-LOC COND
nöŋ-ä`mä-yäs-i
 2SG-ILL дать-PST1-PS.3SG
 ‘Если бы у меня была книга, я бы тебе дал’⁷ [Gulya 1966: 122].
- (9а)⁸ сельк., южн., нарым.
kanak`mud-i-ŋ-a
 собака лаять-EP-PST-3SG
 ‘Собака **лаяла**’ [SelNeg: 003].
- (9б) сельк., южн., нарым.
na`kanak`mud-l-a
 DET собака лаять-OPT-3SG
 ‘Эта собака **залает**’ [SelNeg: 006].
- miŋ`jəŋ-i`əntə`qol-wayta-wəl*
 1PL 3PL-EL NEG слышать-ATTN-PRS.3SG
 ‘Мы больше его не **услышим**’ [BH: 020].
- män-nə`joŋo-ta`əntə`usp`et`wer-s-äm*
 1SG-LOC стрелять-INF NEG успеть делать-PST2-1SG
 ‘Я не **успел** выстрелить’ [ST: 105].
- mətäli-pə`əntə`mälqalla-ŋən*
 что-то-EMPH NEG забыть-PST0.3SG
 ‘(Он) ничего не забыл’ [TS: 197].
- `poŋqə`äl`jyl-itay!*
 куча NEG стоять-IMP.2PL
 ‘**Не** стойте **кучей!**’ [ST: 96].
- oŋpi`toyor-s-im`far`əntə`män-t-äl-ä*
 дверь скрыть-PST2-1SG жар NEG идти-IMPP-3SG-ILL
 ‘(Я) **накрыл** дверку, чтобы жар не **ушел**’
 [Фильченко 2007].
- wajaŋ`qän-tfä`əntə`sil-wəl-t*
 зверь искать-INF NEG позволить-PRS-3PL
 ‘**Не дают** (нам) охотиться’ [Life: 067].
- jöŋ`wal-ŋ-al`töŋ,`timint*
 3SG быть-COND-3SG COND DET
wer`əntə`wal-ŋ-as
 дело NEG быть-PST1.3SG
 ‘Если бы он был жив, этого бы не случилось’
 [Gulya 1966: 122].
- kanak`ā`mud-i-ŋ-a*
 собака NEG лаять-EP-PST-3SG
 ‘Собака **не лаяла**’ [SelNeg: 004].
- na`kanak`ā`mud-l-a*
 DET собака NEG лаять-OPT-3SG
 ‘Эта собака **не залает**’ [SelNeg: 007].

⁷ Здесь и далее примеры из [Gulya 1966] снабжены глоссированием и свободным переводом на русский язык, которые были сделаны автором данной статьи, т. к. они отсутствуют в самом источнике.

⁸ Примеры (9а—ж) приводятся по [Фильченко 2011а].

(9в) сельк., южн., нарым.

`mud-lend

ляять-IMP.2SG

‘Лай!’ [SelNeg: 013].

`igi / `ā⁹ mud-lend

NEG NEG ляять-IMP.2SG

‘Не лай!’ [SelNeg: 014].

(9г) сельк., южн., нарым.

kanak `mal-al-ə-ʃp-a `li-p

собака грызть-INGR-EP-IPRFV-3SG кость-ACC

‘Собака **грызет** кость’ [SelNeg: 018].*kanak `ā `mal-al-ə-ʃp-a li-p*

собака NEG грызть-INGR-EP-IPRFV-3SG кость-ACC

‘Собака **не** грызет кость’ [SelNeg: 019].

(9д) сельк., южн., нарым.

kuzat kanak `awər-l-a, tab `ā mud-a

когда собака есть-OPT-3SG 3SG NEG ляять-3SG

‘Когда собака **поест**, она **не** лает’ [SelNeg: 055]*kuzat kanak `ā `awər-l-a, tab `mud-a*

когда собака NEG есть-OPT-3SG 3SG ляять-3SG

‘Когда собака **не** поест, она лает’ [SelNeg: 57].

(9е) сельк., южн., нарым.

kor`aldz-lel kanak `mudə-gu

заставить-IMP.2SG/SO собака ляять-INF

‘Заставь собаку лаять!’ [SelNeg: 059].

kor`aldz-lel kanak `ā mudə-gu

заставить-IMP.2SG/SO собака NEG ляять-INF

‘Заставь собаку **не** лаять!’ [SelNeg: 060].

(9ж) сельк., южн., нарым.

mat kiḡ-ak tab `kwə-mb-i

1SG хотеть-1SG 3SG идти-PSTN-3SG

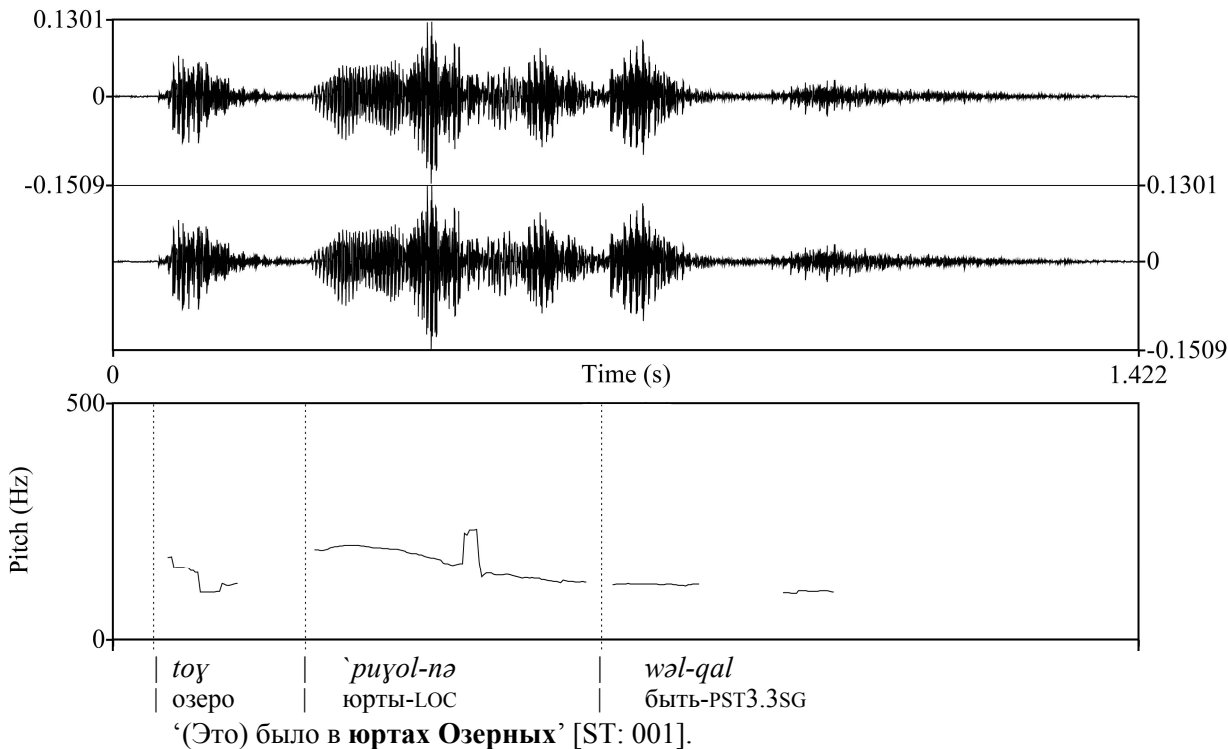
‘Я хочу, (чтобы) он **ушел**’ [SelNeg: 100].*mat kiḡ-ak tab `ā kwə-mb-i*

1SG хотеть-1SG 3SG NEG идти-PSTN-3SG

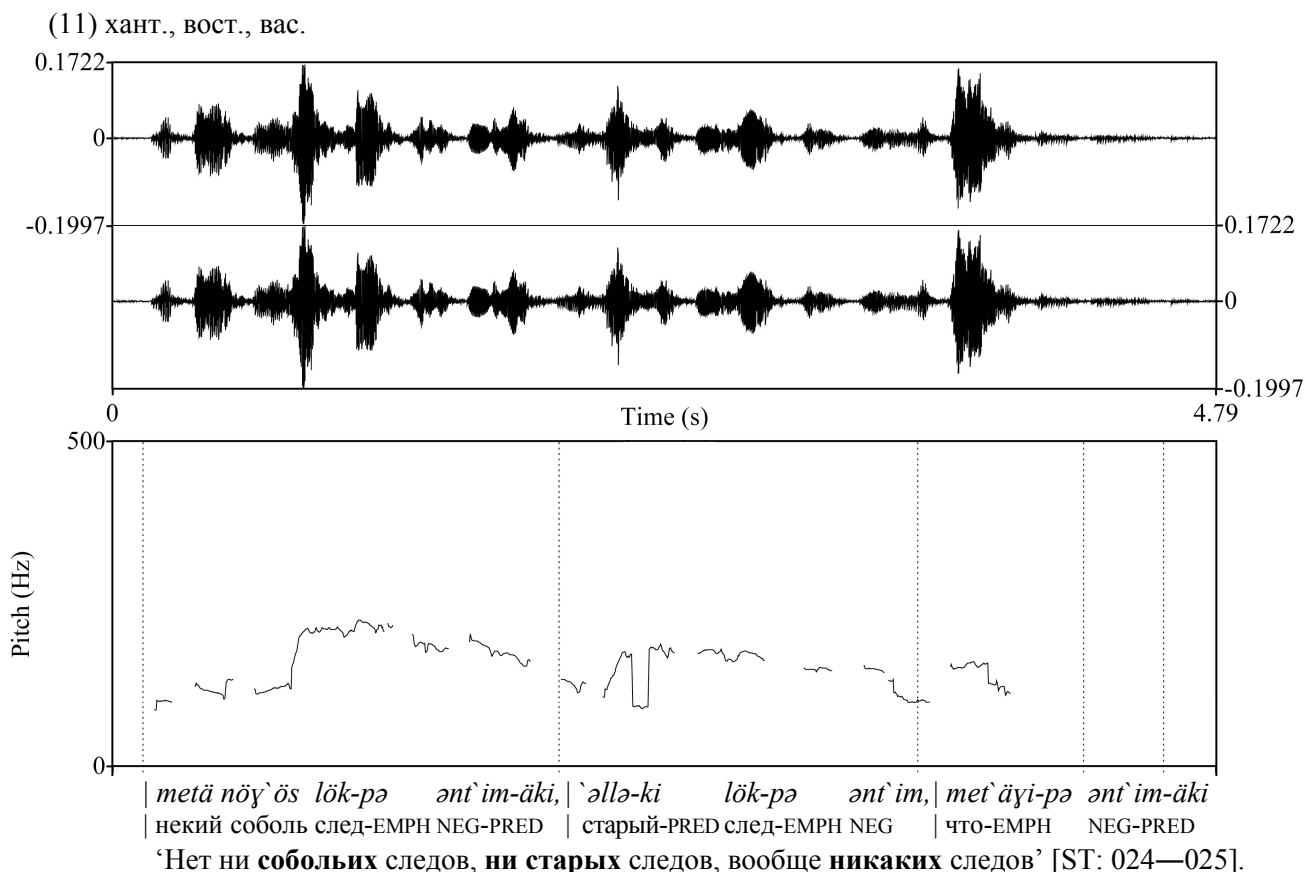
‘Хочу, (чтобы) он **не** уходил’ [SelNeg: 101].

Можно сделать первоначальное наблюдение, что обеим системам в качестве стандартной стратегии отрицания свойственно отрицание глагольной группы путем препозиции маркера отрицания. Из анализа акцентных характеристик очевидно, что при отрицании сохраняются основные тенденции к общему терминальному нисходящему тону и корреляции между акцентным пиком и референтом с прагматической функцией фокуса.

(10) хант., вост., вас.

⁹ На современном этапе оба варианта отрицательного маркера употребительны в прохибитивных конструкциях, при этом негатор *ig* отмечается реже, в то время как *ā* употребляется как при индикативе, так и при императиве. Согласно существующим грамматическим описаниям, в императиве должен употребляться *ig* [ОчСЯ 1980; Беккер и др. 1995].

В примерах (10) и (11) при нисходящем тоне (L) акцентный пик соответствует элементам предложения, относящимся к прагматической асерции, т. е. фокусным: 'юрты Озерные' в локативе (10); 'собольих следов' (...), старых следов (...), любых следов' (11). Акцентный пик распространяется и на маркер отрицания *ənt-*, выступающий в примере (11) в форме отрицательного бытийного предиката (см. ниже раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»). В этой ситуации наблюдается корреляция между распределением акцентного пика и общей семантикой пропозиции (отрицание истинности / существования референта или его качества). Другими словами, очевидно определенное совпадение сферы просодической маркированности и сферы действия отрицания. В пропозициях типа (11) как раз несуществование референта (референтов) прагматически ассоциируется с функцией фокуса: 'Касательно следов, не было **ни собольих, ни старых, никаких** (следов) совсем'. Подтверждением особого прагматического статуса данных именных элементов ('следы'), существование которых (вопреки ожиданию) отрицается в пропозиции, является наличие специального эмфатического маркера *-pə* (см. также ниже раздел «Отрицание при неопределенных местоимениях»).

Данная модель регулярно прослеживается не только в примерах стандартного отрицания, но и в конструкциях с именными предикатами (12), где отрицание кодируется маркером стандартного отрицания *əntə* (NEG_{ST}), просодически не акцентированным, в то время как акцентный пик приходится на сам именной предикат, снабженный специальным предикативным аффиксом *-äki*, который используется также и для бытийного отрицания: 'Касательно моего ружья, оно (вопреки ожиданию) **не заряжено**'.

(12a) хант., вост., вас.

pöjškän-äm`trop-na pon-`am(-aki)
ружье-1SG дробь-СОМ зарядить-PP(-PRED)
'Мое ружье **дробью заряжено**' [ST: 050].

(12б) хант., вост., вас.

ni, pöjškän-äm`əntə`...pon-`am-aki
ну ружье-1SG NEG_{ST} зарядить-PP-PRED
'Ну, мое ружье **не заряжено**' [FYB: 022].

В южноселькупских диалектах просодическая ситуация в отрицательных пропозициях в целом полностью сопоставима с рассмотренной восточнохантыйской моделью: локализация акцентного пика и сфера действия отрицания, очевидно, коррелируют.

(13a) сельк., южн., нарым.

kana-nan`li`ē-γ-a
собака-LOC1 кость быть-PST-3SG
'У собаки была **кость**' [SelNeg: 036].

(13б) сельк., южн., нарым.

kana-nan`li`ā`ē-γ-a
собака-LOC1 кость NEG_{ST} быть-PST-3SG
'У собаки **не было кости**' [SelNeg: 037] (см. [Фильченко 2011б]).

3.1. Стандартное отрицание

К стандартному отрицанию (см. примеры (8а), (9а)) обобщенно относятся способы выражения отрицания в наиболее базовых типах предложений — простых декларативных активных клаузах с наиболее типичным для системы простым глагольным предикатом [Miestamo 2005]. Как уже отмечалось ранее, наиболее частым смысловым эффектом отрицания является попадание в сферу его действия только определенной части пропозиции, результатом чего наиболее типично происходит ассерция неистинности соответствующей части пропозиции, в то время как остальная часть остается истинной, составляя прагматическую пресуппозицию (примерно приравняваемую к старой / доступной информации).

(14а) хант., вост., вас.

mustəm ni woj-əyən
красивый женщина спать-PRST0.3SG
'Красавица спала' [TS: 115].

(14б) хант., вост., вас.

mustəm ni əntə woj-əyən
красивый женщина NEG_{ST} спать-PRST0.3SG
'Красавица не спала' [TS: 134].

(15а) сельк., южн., нарым.

na kanak `mud-a
DET собака лаять-PRS.3SG
'Эта собака **лает**' [SelNeg: 002].

(15б) сельк., южн., нарым.

na kanak `ā mud-a
DET собака NEG_{ST} лаять-PRS.3SG
'Эта собака (сейчас) **не лает**' [SelNeg: 002].

Так, в примере (14б) в сферу действия отрицания попадает финитный предикат 'спал(а)', истинность которого опровергается отрицательной ассерцией, в то время как существование самого референта 'красивая женщина' является частью ситуативной пресуппозиции, что в целом отмечается как типологически распространенное явление [Givón 2001: 379]. В селькупском примере (15б) существование и отношение к некой частной ситуации определенного референта ('собака') также является частью пресуппозиции, а действие, выраженное финитным предикатом 'лает', отнесено к неистинной, ассертивной части пропозиции.

В формальном плане как в восточнохантыйском, так и в южноселькупском случае отрицательные клаузы представляют собой типичные утвердительные индикативные — за исключением присутствия маркера отрицания непосредственно перед тем элементом пропозиции, истинность которого опровергается. Маркерами стандартного отрицания являются свободные морфемы (частицы): *əntə* в восточнохантыйских диалектах, *ā* (*ауа*) в южноселькупских, — непосредственно предшествующие части пропозиции, соответствующей прагматической ассерции, истинность которой опровергается. Таким образом, оба языка могут быть типологически охарактеризованы как применяющие синтаксическую стратегию отрицания «в противовес» морфологической (с использованием отрицания как словоизменительной категории) [Dahl 1979].

Несложно заметить, что в представленных примерах (8а—ж), (9а—ж) и (14б), (15б) маркер отрицания непосредственно предшествует глагольным предикатам, выражая отрицание истинности части пропозиции с функцией фокуса. Грамматические роли S / A, референты с семантической ролью агенса и локатива, оказываются за пределами сферы действия отрицания, относясь в этих случаях к топиальной части пропозиции. Подобным же образом пример (16) демонстрирует маркер отрицания в позиции между пространственным превербом 'вне / наружу' и финитным глагольным предикатом, тем самым иллюстрируя тесную связь с предикатом, преобладающую над связанностью предиката и преверба, который оказывается за пределами непосредственной сферы отрицания (букв. 'наружу, он(а) не выходит').

(16) хант., вост., вас.

(jal-l-əw,) <...> `kūm əntə ju-`wəl
стоять-PRS-1PL наружу NEG_{ST} выйти-PRS.3SG
'((Мы) ждем,) <...> но (он) **наружу не выходит**' [ST: 072].

В отношении семантики глагольного предиката отклонений в выражении отрицания не отмечается. Отрицание при модальных предикатах желания, физической и умственной способности, необходимости, долженствования, а также предикатах с семантикой разрешаемого, планируемого, целевого события, манипуляции или условия кодируется согласно стандартной стратегии — путем препозиции маркера отрицания к модальному предикату с глагольным компонентом.

Во всех рассмотренных случаях обе системы демонстрируют последовательную морфосинтаксическую симметрию (в сравнении с утвердительными пропозициями), не обнаруживая каких-либо парадигматических особенностей¹⁰.

¹⁰ В восточнохантыйских диалектах в контексте прошедшего времени также отмечается периферийная конструкция с параметрами асимметрии типа A / FIN / NEG_{VERB}, при которой финитному предикату утвердительного

3.2. Отрицание индивидуальных элементов пропозиции (частноотрицательные клаузы)

В обеих системах наряду с отрицанием предикативной группы распространены частноотрицательные конструкции, характеризующиеся последовательной стратегией препозиции стандартного маркера отрицания непосредственно элементу пропозиции, истинность или существование которого опровергается: например, адвербиальные обстоятельства способа действия (17а), направления (17б), условия (17в), цели (17г). При этом сфера действия отрицания часто распространяется лишь на сам адвербиальный элемент, но не на всю предикативную группу.

(17а) хант., вост., вас.

aj-am kit-am qu-j-t, antə `qoʊ `noməʊsək-min noy wer-at (...)
 молодой-ATTR вещь-ATTR мужчина-EP-PL NEG_{ST} долго думать-CONV стрела делать-PST0.3PL
 ‘Не долго думая, парни стрелы сделали (...)’ (*не долго*) [Калинина 1966].

(17б) хант., вост., вах.

mā onəltəʊəl-tə kat-pa mən-tə antə koj-l-am
 1SG учиться-IMPP дом-ILL идти-INF NEG_{ST} хотеть-PRS-1SG
 ‘Я не хочу идти в школу’ (*не в школу*) [Gulya 1966: 124].

(17в) хант., вост., вах.

antə mən-ŋ-an wöy-nə tul-uj-ən
 NEG_{ST} идти-COND-2SG сила-COM брать-PS-2SG
 ‘Если не выйдешь (за него), тебя заберут силой’ (*не пойдешь*) [Gulya 1966: 121].

(17г) хант., вост., вас.

n'an' jiyə`ta-s-im, qotf-`ayı ili antə qotf-`ayı
 хлеб проверить-PST2-1SG/SG подгореть-PST0.3SG или NEG_{ST} подгореть-PST0.3SG
 ‘Я проверил хлеб, подгорел или не подгорел’ [Фильченко 2008].

(18а) сельк., южн., нарым.

ā `hir-il watt, `pəka-t
 NEG_{ST} корова-ADJ след лось-GEN
 ‘Это не **коровы** след, (а) **лося**’ [SelNeg: 120].

(18б) сельк., южн., нарым.

tat `ā `kond-al-b-iy-ant? `ā kond-al-b-iy-ak
 2SG NEG_{ST} спать-INGR-DUR-PST-2SG NEG_{ST} спать-INGR-DUR-PST-1SG
 ‘Ты **не** **поспал**? (Нет, я) **не спал**’ [SelNeg: 124].

(18в) сельк., южн., нарым.

na `korg pork-w-a? `ā korg pork-w-a, `pək pork-w-a
 DET медведь рычать-PRS-3SG NEG_{ST} медведь рычать-PRS-3SG лось рычать-PRS-3SG
 ‘Это **медведь** рычит? Это **не медведь** рычит, это **лось** кричит’ [SelNeg: 116].

эквивалента соответствует отрицательная конструкция с нефинитным предикатом (перфектным причастием) и отрицательным бытийным предикатом — также неизменно в нефинитной форме [Miestamo 2005: 60—75; Wagner-Nagy 2011: 111]. Показатели времени в конструкции отсутствуют, а информация об агенсе (грамматическом субъекте) доступна в посессивном маркировании причастия:

töyət-əŋ kiriw töyə-l-a mən-təä- m-əl-ə-p antəm
 пар-COM лодка там-3SG-ILL идти-IMPP мочь-PP-EP-3SG-рə NEG_{EX}
 ‘(...) Пароход туда ехать не в состоянии (...)’ [SAB-TOL-KOM: 006].

Необходимо, однако, отметить, что, в отличие от сходных северноселькупских [Wagner-Nagy 2011: 109], данные конструкции не следовало бы считать регулярным показателем развивающейся тенденции к асимметрии по ряду причин: 1) как отмечалось выше, этот тип примеров крайне немногочислен и специфичен; 2) этот тип примеров имеет крайне ограниченную дистрибуцию (типично — разносубъектные подчиненные клаузы в составе сложно-подчиненных предложений); 3) эти конструкции нельзя в полной мере противопоставлять финитным утвердительным эквивалентам, так как стандартные отрицательные конструкции с финитным предикатом прошедшего времени и маркером стандартного отрицания не только возможны, но и более регулярны; см. примеры (8б), (8в), (8ж), (14б), (15б), (17г), (21), (53а), (58) в этой статье. Вероятнее всего, этот тип примеров представляет разновидность бытийного отрицания с номинализацией в качестве именной части (см. раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

В сложных и осложненных предложениях, например с определительным инфинитивным (реже финитным) оборотом, в сферу отрицания может попадать как главная, так и подчиненная клауза. Кроме того, в редких примерах (в основном переводного плана) обе клаузы одновременно также могут подвергаться отрицанию, в этом случае маркер отрицания типично предшествует каждому предикату: как главному, так и подчиненному (инфинитивному, реже финитному), — тем самым опровергая истинность как ассерции подчиненной клаузы, так и пропозиции главной клаузы (19).

(19a) хант., вост., вас.

qoji anta `wer-wal, ti (qasi) anta `il-wal
кто NEG_{ST} делать-PRS.3SG DET (человек) NEG_{ST} есть-PRS.3SG
'Кто **не работает**, тот (человек) **не ест**' [Потанина, Фильченко 2010].

(19б) хант., вост., вас.

qoji anta wer-wal, anta il-wal
кто NEG_{ST} делать-PRS.3SG NEG_{ST} есть-PRS.3SG
'Кто не работает, (тот) не ест'¹¹ [Gulya 1966: 86].

(20) сельк., южн., нарым.

man amba-m `tānu-γ-a, `ā `tor-en-dəl ti`bi-l gup
1SG мать-1SG/SG знать-PST-3SG NEG_{ST} читать-EP-IMPP мужчина-ADJчеловек
'Моя мать **знала** мужчину, который **не** (умел) **читать**' [SelNeg: 108] (см. [Фильченко 2011б]).

Подобным же образом в пропозициях с условным или сослагательным значением маркер отрицания находится в препозиции к каждому глагольному предикату в отдельности — предикату главной (финитной) и предикату подчиненной (финитной) клаузы. Таким образом, область действия отрицания ограничивается частью со значением причины / условия (прагматической ассерцией), а не охватывает всю пропозицию адвербиальной клаузы или всю сложную пропозицию целиком; см. (21), (22а—в).

(21) хант., вост., вах.

mān-nə tu-γas-i tōj, jōy-ən mān-ā anta mə-γās-i
1SG-LOC нести-PST1-PS.3SG COND 3SG-LOC 1SG-ILL NEG_{ST} дать-PST1-PS.3SG
'Я должен был принести (ее), но (он) мне (ее) не отдал' [Gulya 1966: 122].

(22a) сельк., южн., ср.-обск.

aža ūd-enž-al tannāni ē-nž-a
NEG_{ST} отпустить-FUT-2SG.OBJ 2SG.POSS быть-FUT-3SG.SUB
'Не отпустишь — твой будет' [H-GM: 087].

(22б) сельк., южн., ср.-обск.

kū katbo-nž-al mašem aža qonžir-ženž-al
куда девать-FUT-2SG.OBJ 1SG.ACC NEG_{ST} видеть-FUT-2SG.OBJ
'Если куда денешь, меня не увидишь' [H-GM: 054].

(22в) сельк., южн., ср.-обск.

naguru-mžēl-`i t'ēlt aza udir-ženž-al ara-m-d ara-galk qal-enanž
три-ORD-ADJZ день NEG удержать-FUT-2SG.OBJ муж-ACC-POSS.3SG муж-ABES остаться-2SG.FUT
'На **третий** день не удержишь, без мужа останешься' [H-GM: 104].

3.3. Отрицание в бытийных пропозициях

В обеих рассматриваемых системах отрицание в бытийных пропозициях выражается при помощи специальных отрицательных бытийных предикатов. В целях настоящего анализа к одному типу бытийных пропозиций отнесены следующие конструкции: эквативные ('эта женщина — мать'), инклюзивные ('мы — васюганцы'), атрибутивные ('рыба маленькая'), локативные ('рыба в лодке'), собственно бытийные ('в лесу есть следы зверей') и посессивные ('у меня товарищ'), характеризующиеся как конструкции с бытийными глаголами-копулами (подробнее о типологии бытийных конструкций в уральских языках см. [Wagner-Nagy 2011: 176—181]).

Формально, с точки зрения выражения отрицания в рассматриваемых языках, бытийные конструкции могут быть условно подразделены на два подтипа, объединяющих в первом случае (1) экватив-

¹¹ Здесь и далее примеры из [Gulya 1966] снабжены глоссированием и свободным переводом на русский язык, которые были сделаны автором данной статьи, т. к. они отсутствуют в самом источнике.

ные, инклюзивные и атрибутивные конструкции, а во втором — (2) локативные, собственно бытийные и посессивные конструкции. Эти подтипы характеризуются предпочтением разных стратегий отрицания: подтип (1) — стандартной стратегии отрицания (ср. (23г) и (24г), см. раздел «Стандартное отрицание»); подтип (2) — бытийной стратегии отрицания (ср. (23а—в) и (24а—в), см. разделы «Восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции» и «Южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции»).

Случаи, когда бытийные значения выражаются конструкциями с глагольными предикатами (локативные и собственно бытийные — с глаголами положения ‘сидеть’, ‘стоять’; посессивные — с глаголами обладания ‘держат’, ‘иметь’, ‘владеть’ и т. д.), также отнесены в целях настоящего анализа к стандартным глагольным конструкциям со стандартной стратегией глагольного отрицания (см. раздел «Стандартное отрицание»). Другими словами, в то время как бытийные конструкции в рассматриваемых системах демонстрируют вариативность в утвердительных клаузах (именная предикация в эквативных, инклюзивных, атрибутивных, некоторых локативных и посессивных конструкциях), при отрицании они достаточно «однородны» в использовании стандартной стратегии глагольного отрицания.

Следует отметить, что в обеих системах типичные бытийные пропозиции имеют структуру [LOC THEME V_{EX}] с бытийным предикатом-копулой: хант. *wəl*¹² / сельк. *e-* ‘быть, жить, находиться’, — который может не выражаться эксплицитно в настояще-будущем времени.

(23а) хант., вост., вас.

nin qasi-tə əŋk-äl (wəl-wəl)
женщина мужчина-3PL/SG мать-2SG быть-PRS.3SG

‘Эта женщина (есть) этих мужчин мать’ [EKHNeg: 015].

(23б) хант., вост., вас.

məj wäs'-j' oŋan jay (wəs-əw)
1PL Васюган-река люди (быть-1PL)

‘Мы (есть) васюганцы’ [EKHNeg: 008b].

(23в) хант., вост., вас.

qul `qolla `wəreŋ-ali (wəl-wəl-t / wəl-s-ət)
рыба весь маленькая-DIM быть-PRS.3SG-PL быть-PST2-3PL

‘Рыба есть / была вся маленькая’ [EKHNeg: 003b].

(23г) хант., вост., вас.

män-nə qasi wəl-wəl <...>
1SG-LOC человек быть-PRS.3SG

‘У меня товарищ есть <...>’ [OM2WM: 039].

(24а) хант., вост., вас.

`ärki-`əntə, `əj-äli, ənt-`är-ki (wəl-wəl)
много-NEG_{ST} один-DIM NEG_{ST}-много-PRED (быть-PRS.3SG)

‘Не много, всего один (есть)’ [FYB: 037].

(24б) хант., вост., вас.

pöjškän-äm əntə <...> pən-`əm-aki
ружье-1SG NEG_{ST} заряжать-PP-PRED

‘Мое ружье не <...> заряжено’ [FYB: 022].

(24в) хант., вост., вас.

wajay əntə `käntf-im wəl-`qal
зверь NEG_{ST} худой-ATTR быть-PST3.3SG

‘(Этот) медведь был не худой’ [ST: 125].

(24г) хант., вост., вас.

män-nə qasi ən`tim
1SG-LOC человек NEG_{EX}

‘У меня товарища нет’ [EKHNeg: 2012].

Формально-семантические характеристики южноселькупских бытийных пропозиций в целом идентичны описанным выше восточнохантыйским (см. ниже раздел 3.3.2).

¹² В хантыйском языке бытийный глагол *wəs-* ‘быть’ используется для THEME 1-го и 2-го лица, в то время как глагол *wəl-* ‘быть, жить’ — для 3-го лица (в последнее время дистрибуция *wəl-* распространяется и на 1-е лицо).

3.3.1. Восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции

В восточнохантыйских диалектах отрицательный бытийный предикат [NEG_{EX}] этимологически связан со стандартным маркером отрицания *əntə* и имеет, скорее всего, причастную форму — *əntim* (25). Этот факт, наряду с некоторыми свидетельствами сравнительного общеугорского плана (требующими, однако, дальнейшего подтверждения), говорит в пользу гипотезы о глагольной природе стандартного маркера отрицания *əntə*, который, вероятно, представляет собой «окаменелый» отрицательный глагол протообско-угорского периода или более раннего времени. Кроме того, в некоторых случаях данный отрицательный бытийный предикат может приобретать специальный предикативный аффикс *-äki*, который обычно используется в именной предикации: ср. собственно бытийные конструкции (25а), (25б) и именной предикат в примере (12а), который повторен здесь для удобства.

(25а) хант., вост., вас.

män-nə *tʃimläli* *tʃi-näm* *ʃoɣo-s-im,* *tʃut-nə-pə* *ənt`im-äki*
1SG-LOC немного там-ALL стрелять-PST2-1SG DET-LOC-EMPH NEG_{EX}-PRED

‘Я туда **выстрелил**, там (ничего) **нет**’ [ST: 107].

(25б) хант., вост., вас.

grugom *welkäntä-l-im,* *mätä* *nöy`ös* *lök* *ənt`im-äki*
кругом идти-PRS-1SG некоторый соболев след NEG_{EX}-PRED

‘Я там **прошел** вокруг, (там) никаких **собольих** следов **нет**’ [ST: 023—024].

*(12а) хант., вост., вас.

pöjškän-äm *trop-na* *pon-əm-aki*
ружье-1SG дробь-COM зарядить-PP-PRED

‘Мое ружье **дробью** заряжено’ [ST: 050].

В случае пропозиции, где отрицательная ассерция направлена на опровержение существования множественных референтов, отрицательный бытийный предикат *əntim* может стоять в форме множественного числа (предикативный аффикс *-ätə*).

(26) хант., вост., вас.

ämp-ät <...> *tʃu* *taɣi* *morta* *toyi* *wer-il* *ʃoro-min,* *i* *jəɣ-näm* *ənt`im-ätə*
собака-PL DET место весь прочь делать-3PL шагать-CONV и 3PL-RFL NEG_{EX}-PRED

‘Собаки <...> повсюду **наследили**, а самих (собак) (здесь) **нет**’ [ST: 085].

Данные пропозиции можно условно охарактеризовать формальной моделью [NEG_{EX} (+ PRED)], отражающей возможное употребление с предикативным аффиксом.

Необходимо, однако, отметить, что, как и именные предикаты, отрицательные бытийные предикаты могут в некоторых случаях использоваться и без предикативных аффиксов. Так, в локативных конструкциях (27а) и (27б) приведены примеры реитерацией, где в первом случае отрицательный бытийный предикат использован с предикативным аффиксом, а во втором — без.

(27а) хант., вост., вас.

notəɣsələ-l-əm: *wajay* *lök* *ənt`im-aki,* *jälk-i* *jälkämtä-s-im:* *wajay* *lök* *ənt`im*
думать-PRS-1SG зверь след NEG_{EX}-PRED круг-EL кружить-PST2-1SG зверь след NEG_{EX}

‘Думаю: «Следов звериных **нет**»; вокруг обошел: «Зверя следов **нет**»’ [ST: 091].

(27б) хант., вост., вас.

worw-al-a *läy-im-al,* *pun-əl* *ənt`im-äki,* *pun-əl* *ənt`im*
штаны-3SG-ILL смотреть-PP-3SG волос-3SG NEG_{EX}-PRED волос-3SG NEG_{EX}

‘В штаны себе посмотрел, волос **нет**, волос у него **нет**’ [M-V: 006—007].

Такая модель повторной отрицательной ассерции без предикативного аффикса способна действовать на достаточно большой дискурсивной дистанции, когда данное, своего рода анафорическое повторение отделено от антецедента дискурсивным расстоянием до десяти клауз (ср.: клауза в (28), реитерация клаузы в (27а), десять клауз ранее).

(28) хант., вост., вас.

opjat`* *nöyös* *lök-pə* *ənt`im
опять соболев след-EMPH NEG_{EX}

‘Опять никаких соболев следов **нет**’ [ST: 033].

Примеры обратного порядка при повторении, т. е. следования бессуффиксального отрицательного бытийного предиката *əntim* за суффиксальным *əntim-äki* (в отношении одного референта), отсутствуют.

Следует сказать, что примеры отрицательных бытийных предикатов без предикативного аффикса статистически преобладают (60% к 40%), что может свидетельствовать о большей типичности бессуффиксального использования. Кроме того, имеется ряд примеров, где отрицательный бытийный предикат без предикативного аффикса (*əntim*) не является повторением локативной конструкции (29).

(29) хант., вост., вас.

män-nə krugom jalk`ämtä-s-im: məta wajaɣ lök ənt`im
1SG-LOC кругом обойти-PST2-1SG некий зверь след NEG_{EX}

‘Я кругом **обошел**: никаких звериных следов **нет**’ [ST: 089].

Кроме того, пример (29), как и (30а—в) ниже, иллюстрирует типичную восточнохантыйскую стратегию кодирования отрицания неопределенности (negative indefinite) путем стандартного отрицания обычного неопределенного местоимения (см. ниже раздел «Отрицание при неопределенных местоимениях»).

Наконец, существует небольшой корпус примеров, где предикативный аффикс *-äki* редуцируется в рамках одного отрицательного бытийного предиката (30в).

(30а) хант., вост., вас.

wajaɣ əntə `käntf-im wəl-`qal
зверь NEG_{ST} худой-ATTR быть-PST3.3SG

‘(Этот) зверь **не худой был**’ [ST: 119].

(30б) хант., вост., вас.

jöy-ən `moloko wəl-wəl
3SG-LOC молоко быть-PRS.3SG

‘У нее **молоко** есть (возможно)’ [ST: 120].

(30в) хант., вост., вас.

toyi-j-əy-i juŋa-s-ənt <...>, mətali ənt`im-äki-iki, ənt`im wəl-qal
там-EP-ADV-EL добраться-PST2-1SG что-то NEG_{EX}-PRED-PRED NEG_{EX} быть-PST1.3SG

‘(Я) туда забрался <...>, (а там) ничего **нет, не было**’ [ST: 121].

Дистрибутивные свойства предикативного аффикса *-äki* с отрицательным бытийным предикатом наиболее вероятно связаны с прагматическими свойствами референта, на опровержение истинности которого направлена пропозиция данного типа. Отрицательная ассерция существования некоторого референта X будет, скорее всего, выражена с помощью отрицательного бытийного предиката *əntim* без предикативного аффикса *-äki*, если соответствующий референт X обладает высокой степенью прагматической активации / идентифицируемости, в большей степени доступен участникам дискурса. Кроме прочего, такая модель больше соответствует общей типологической тенденции к структурной экономии в отношении доступной, общей, ожидаемой информации, т. е. обратной пропорциональности морфосинтаксической сложности и прагматической активированности, топиальности [Dahl 1979; Lambrecht 1994].

В этой связи пример (30в) можно рассматривать в качестве подтверждения, где последняя часть пропозиции содержит отрицательный бытийный предикат *əntim*, за которым следует бытийный глагол *wəl-* ‘(он(а)) был(а)’, образуя буквальное ‘несуществующим / отсутствующим (он(а)) был(а)’. Кореферентное согласование 3SG на бытийном предикате контекстно соотносится с референтом ‘детеныш’, отсутствие которого является центром ассерции данной пропозиции и фактически подтверждается говорящим (‘я туда (в берлогу) забрался <...>’).

Грамматическое настоящее время предиката в примере (30б) согласуется с так называемой нарративной стратегией исторического настоящего времени при цитировании прямой речи. В примере (30в) временной план настоящего симметрично согласуется с первой частью, но затем был исправлен рассказчиком на более подходящее случаю давнопрошедшее неопределенное (PST1), что потребовало аналитической конструкции *əntim* со вспомогательным глаголом ‘быть’ в соответствующей аспектуально-модально-временной форме. Роль бытийного глагола ‘быть’ (как в примере (30в), так и в (31) ниже) следует понимать именно как вспомогательного глагола, несущего на себе соответствующую глагольную морфологию — темпоральные, аспектуальные и модальные флексии (ТАМ); в случае (30а), (30в) и (31) это одно из прошедших времен — давнопрошедшее неопределенное с маркером *-qal* ‘PST1’. Судя по всему, отрицательный бытийный предикат *əntim* используется в случае либо настоящего, либо давнопрошедшего неопределенного бессуффиксального времени [Gulya 1966: 94; Filchenko 2007: 424], в то время как в контексте морфологически маркированных прошедших времен (давнопрошедшее неопределенное на *-yal / -yäl* ‘PST1’, недавно прошедшее определенное на *-s* ‘PST2’, недавно прошедшее неопре-

деленное на *-yas / -yas* ‘PST3’) используется конструкция со вспомогательным глаголом [*əntim + wəl-TAM* ‘быть’] или, следуя уже установленному формализму, [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)].

(31) хант., вост., вас.

telefon ənt`im wəl-`qal
 телефон NEG_{EX} быть-PST1.3SG

‘Телефона (тогда) **не было**’ [Фильченко 2008].

В вопросительных пропозициях — в форме альтернативного вопроса собственной бытийной конструкции (32) — можно наблюдать расширение дистрибуции конструкции [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)] в план настоящего времени: *wəlwəl qam əntim?* ‘есть или нет?’. Это, впрочем, можно интерпретировать как стремление к симметрии в двух контрастных частях альтернативного вопроса. В данном случае используется стандартная стратегия отрицания глагольной группы с маркером отрицания в непосредственной препозиции к финитному предикату со значением ‘быть’.

(32) хант., вост., вас.

tom qat-nə qoj `wəl-wəl, qam `əntə `wəl-wəl?
 DET дом-LOC INDF.PRON быть-PRS.3SG или NEG_{ST} быть-PRS.3SG

‘Там в доме кто-то **есть** или **нет?**’ [Фильченко 2008].

Этим отрицательные бытийные конструкции формально и прагматически приближаются к конструкциям стандартного отрицания. Как в примерах с именным предикатом, так и в рассмотренных примерах (30а—в), (31), (32) с отрицательными бытийными конструкциями маркер отрицания занимает место непосредственно перед именной частью (в соответствии с установленной моделью), ограничивая сферу действия отрицания качеством (пространственно-временной, качественной и т. д. характеристикой), выраженным именной ассерцией, в то время как пресуппозиционная часть пропозиции остается истинной. Так, в примере (30а) именно качественная характеристика ‘худой’ опровергается ассерцией (вследствие чего маркер отрицания предшествует атрибутиву), в то время как истинность самого существования референта как такового не опровергается. Соответственно, глагольный маркер отрицания *əntə* предшествует именному атрибутиву.

В нарративах последнего времени (возможно, под контактным влиянием русского языка) встречаются редкие примеры атрибутивных конструкций (разновидности бытийных в данном анализе) без бытийного предиката — как утвердительного, так и отрицательного. Такие пропозиции содержат только именную атрибут, которому предшествует маркер стандартного отрицания *əntə* (33а).

(33а) хант., вост., вас.

əntə `allə, `əj al
 NEG_{ST} большой один год

‘**Не большой, однолетка**’ [FYB: 037].

(33б) хант., вост., вас.

`ärki `əntə, `əj-al-i, əntə `ärki
 много NEG_{ST} один-год-DER NEG_{ST} много

‘**Много** (лет) — **нет, год** всего, **не много**’ [FYB: 037].

С другой стороны, следует отметить, что для современных восточных хантских естественных нарративов (как и для большинства других языков) характерны эллиптические пропозиции, содержащие только прагматическую ассерцию, в то время как пресуппозиция (топикальная информация) не выражена эксплицитно. Таким образом, примеры с бытийными конструкциями без глагола-копулы, подобные (33а) и (33б), можно отнести к проявлению общетипологической тенденции, соответствующей глобальному принципу экономии.

Кроме того, можно отметить, что в примере (33б) на вопрос собеседника ‘много ли (лет медведю было)?’ рассказчик дает отрицательный ответ: ‘нет, один год’. В этом случае речь идет об общеотрицательном высказывании, в котором маркер отрицания несет на себе фразовое ударение. Далее, в последней части примера (33б), следует самоисправление ‘не много’, которое содержит именную предикацию без бытийного глагола, структурно идентичную с первой частью (33а).

Наконец, при обсуждении отрицательных бытийных конструкций следует упомянуть достаточно редкий тип примеров аналитической конструкции, сходной с рассмотренной выше [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)]; см. выше (30а—в), (31), (32). Отличием данного типа от уже рассмотренного является использование в качестве вспомогательного глагола *ji-* ‘становиться, превращаться’. Именной частью этой сложной предикативной конструкции служит отрицательный бытийный предикат *əntim* (обычно, в

крайне небольшом корпусе примеров, с предикативным аффиксом *-äki*, что в целом можно формально отразить моделью [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BECOME)].

- (34) хант., вост., вас.
äntim-`äki ji-`yäl
 NEG_{EX}-PRED   статья-PST1.3SG
 ‘(Он(а)) умер(ла)’ [Фильченко 2008].

Очевидным семантическим отличием данной конструкции является общее результирующее значение состояния в результате события / изменения. Кроме того, в качестве мотивирующего фактора следует отметить культурный контекст — табуированность понятия ‘смерть’, в частности избегание использования буквального лексического эквивалента *qola-* ‘умирать, кончаться’.

Итак, на основе рассмотренных примеров можно заключить, что восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции строятся при помощи специального отрицательного бытийного предиката *äntim* со значением ‘отсутствовать, не существовать’ по модели [NEG_{EX}(+PRED)].

С точки зрения морфосинтаксической симметрии восточнохантыйские отрицательные бытийные конструкции в целом демонстрируют черты симметрии (ср. с утвердительным (23а), также ср. последовательности «утверждение — отрицание» в примерах (30а—в) и (32)) — с условием замещения утвердительного бытийного глагола *wäl-* ‘быть, иметься’ отрицательным бытийным предикатом *äntim*, связанным этимологически с маркером стандартного отрицания *äntä*. К симметричным признакам можно отнести и опускание бытийных предикатов в духе общей тенденции к эксплицитному выражению только фокусной части пропозиции как наиболее релевантной, новой, непредсказуемой информации.

С другой стороны, к чертам асимметричным, очевидно, относится неполная парадигма отрицательного бытийного предиката, вызывающая необходимость в аналитических конструкциях с бытийным глаголом в качестве вспомогательного по модели [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]], что вполне соответствует природе данного отрицательного бытийного предиката, который, вероятно, является застывшей причастной форме некоего исторического отрицательного глагола.

Последовательной дифференциации между собственно экзистенциальными и локативными¹³ конструкциями [Wagner-Nagy 2011: 205—207], релевантной для обсуждения функции отрицания, в рассмотренном восточнохантыйском материале не отмечается, за исключением очевидной тенденции в порядке слов в клаузе: [LOC THEME NEG_{EX}(+PRED)] для экзистенциальных (примеры (24), (25), (28)—(32)) и [THEME LOC NEG_{EX}(+PRED)] для локативных (примеры (26) и (27б)).

3.3.2. Южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции

Отрицательные бытийные пропозиции в южноселькупских диалектах характеризуются определенной регулярностью: бытийный предикат всегда эксплицитно выражен в клаузе. Как отмечалось выше, в целях данного обсуждения экзистенциальные, локативные и посессивные семантические типы конструкций объединяются в один функциональный тип с единой структурной моделью — [LOC THEME V_{EX}] и [LOC THEME NEG_{EX}] соответственно (см. более подробное обсуждение в [Wagner-Nagy 2011: 223—225]).

В южноселькупских диалектах отрицательный бытийный предикат занимает позицию утвердительного предиката-копулы в конце клаузы (подобное наблюдается и в рассмотренных восточнохантыйских конструкциях); ср. (35а) и (35б).

- (35а) сельк., южн., вас.
amat mat-qin warg-ak fogor-m e-j-a
 1SG дом-LOC1 жить-1SG.SUB печка-POSS.1SG быть-PRS-3SG.SUB
 ‘Я в доме живу, печка у меня есть’ [MIFI: 040].

- (35б) сельк., южн., вас.
tat tfad kudi-n-nan-naj tfang-a tū
 2SG.GEN из-за кто-GEN-LOC2-NEG отсутствовать-3SG огонь
 ‘Из-за тебя ни у кого нет огня’ [MIFI: 079].

¹³ К локативным конструкциям здесь отнесены и (предикатно-)посессивные (predicate possessive), так как структурно они представляют собой типичные локативные конструкции с референтом-обладателем, выступающим в качестве квазипространственного ориентира расположения референта-обладаемого: ср. (32) — локативная конструкция, (30) — посессивная.

В нарративах последнего времени форма 3SG настоящего времени отрицательного бытийного предиката приобретает более широкую дистрибуцию как своего рода «форма по умолчанию» (вероятно, под контактным влиянием русского языка и в условиях общей языковой аттриции); см. (36а—в).

(36а) сельк., южн., нарым.

na ēd-ə-get kan`a-la `tfangu-a
DET деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{EX}-3SG

‘В этой деревне **нет собак**’ [SelNeg: 085].

(36б) сельк., южн., нарым.

na ēd-ə-get kan`a-la `netu-k
DET деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{EX}-3SG

‘В этой деревне **нет собак**’ [SelNeg: 084].

(36в) сельк., южн., нарым.

**ēd-ə-get kan`a-la `ā ē-j-a*
деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{ST} быть-EP-3SG

*‘В этой деревне нет собак’ [SelNeg: 086].

Повсеместно, наряду с исконным *tfangu-*, используется, принимая селькупские глагольные словоизменительные показатели, русский исторический отрицательный бытийный предикат *нету* (36б). Конструкции со стандартным глагольным отрицанием бытийного глагола-копулы в принципе считаются неприемлемыми (36в). Следует, однако, отметить, что «грамматичность» подобных конструкций (со стандартным глагольным отрицанием бытийного предиката) допускается в импровизированных сложных пропозициях, где в финитных зависимых клаузах конструкции [NEG + COP] оказываются вполне допустимы — наравне с отрицательной бытийной конструкцией; см. (37а) vs. (37б) и (37в).

(37а) сельк., южн., нарым.

<nildzik i ē-j-a na kana-n> ā ē-j-a kiba kana-la
DET.ADV и быть-EP-3SG DET собака-LOC NEG_{ST} быть-EP-3SG маленький собака-PL

(37б) сельк., южн., нарым.

<...> `tfangu-a kiba kan`a-la
NEG_{EX}-3SG маленький собака-PL

(37в) сельк., южн., нарым.

<...> `netu-k kiba kan`a-la
NEG_{EX}-3SG маленький собака-PL

‘Оказывается (букв.: так и есть), у этой собаки **нет щенков**’ [SelNeg: 052].

С точки зрения морфосинтаксической симметрии отрицательные бытийные конструкции в полной мере симметричны утвердительным конструкциям с глаголом обладания ‘держать, иметь, обладать’; ср. (38а) и (38б) ниже.

(38а) сельк., южн., ср.-обск.

tab-la warki-z-at sūru-la-p war-z-at
он-PL жить-PST-3PL животное-PL-ACC держать-PST-3PL

‘Они жили, скот держали’ [H-GM: 003].

(38б) сельк., южн., ср.-обск.

tab-la-nan el`mād-la tfangu-z-at
он-PL-LOC2 ребенок-PL NEG_{EX}-PST-3PL

‘Детей у них не было’ [H-GM: 002].

Примеры со стандартным отрицанием при глаголе обладания не обнаруживаются — в том числе и при отрицании локативных конструкций с глаголами положения ‘сидеть’, ‘лежать’, ‘стоять’ в значении ‘находиться’ (39а). В отрицательных эквивалентах таких пропозиций используется рассмотренная модель с отрицательным бытийным глаголом [LOC THEME NEG_{EX}] (39б).

(39а) сельк., южн., нарым.

na tigi-t par-u-gat `fəsk-ə-n-ol `amd-a
DET кедр-GEN верх-EP-LOC2 орех-EP-GEN-голова сидеть¹⁴-3SG

‘На этом дереве **шишки есть**’ [SelNeg: 151].

¹⁴ Локативные бытийные конструкции с глаголами положения ‘сидеть’, ‘лежать’ и др. в отношении неодушевленных референтов являются отличительной чертой тюркских языков Сибири и предметом многочисленных пуб-

(39б) сельк., южн., нарым.

na tigi-t par-u-gat ʃəʃk-ə-n-ol ʃʃangu-a
 DET кедр-GEN верх-EP-LOC2 орех-EP-GEN-голова NEG_{EX}-3SG
 ‘На этом дереве **шишек нет**’ [SelNeg: 153].

В отношении темпорально-аспектуального словоизменения отрицательные бытийные предикаты (как исконный, так и заимствованный) демонстрируют более полную парадигму, чем рассмотренные восточнохантыйские эквиваленты: в частности, в области локативных отрицательных конструкций отмечаются все основные глагольные флексии, свойственные утвердительному бытийному предикату; см. (38а), (38б), а также (40а), (40б) ниже.

(40а) сельк., южн., нарым.

kana-n ʃi ʃ-γ-a
 собака-GEN кость быть-PST-3SG
 ‘У собаки **была кость**’ [SelNeg: 036].

(40б) сельк., южн., нарым.

kana-n ʃi neʃtu-γ-a
 собака-GEN кость NEG_{EX}-PST-3SG
 ‘У собаки **не было кости**’ [SelNeg: 037].

Таким образом, на основе рассмотренных примеров можно заключить, что южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции строятся при помощи специального отрицательного бытийного предиката *ʃʃangu-* ‘отсутствовать, не существовать’ по модели [LOC THEME NEG_{EX}]. С точки зрения морфосинтаксической симметрии южноселькупские отрицательные бытийные конструкции в целом демонстрируют черты симметрии (ср. с утвердительным примером (23б)) — с условием замещения утвердительного бытийного глагола *ʃ-* ‘быть, иметься’ отрицательным бытийным предикатом. К симметричным чертам также относятся и сравнимые парадигмы утвердительного и отрицательного бытийных предикатов, что свидетельствует об очевидной глагольной природе отрицательного бытийного предиката.

Последовательной дифференциации между собственно экзистенциальными, локативными и посессивными конструкциями [Wagner-Nagy 2011: 205—207], релевантной для обсуждения функции отрицания, в рассмотренном южноселькупском материале не отмечается, за исключением очевидной тенденции в относительном порядке элементов в клаузе: [LOC THEME NEG_{EX}] для экзистенциальных конструкций (примеры (36), (38—40)), [THEME LOC NEG_{EX}] или [LOC NEG_{EX} THEME] для локативных (примеры (35), (37) и (41) ниже).

(41) сельк., южн., ср.-обск.

n'en'n'a-la-t ʃer-b-at māt, tab-la-n n'en'n'a ʃʃangu-s māt-qit
 сестра-PL-POSS.3SG войти-PST-3PL дом он-PL-GEN сестра NEG_{EX}-PST дом-LOC1
 ‘Сестры в дом вошли, их сестры дома не было’ [H-GM: 064].

3.4. Отрицательные модальные / вспомогательные слова

Обе системы располагают очень ограниченным инвентарем лексических единиц (вероятно, лишь одной лексемой) с имплицитным отрицательным значением, использующихся в качестве модальных глаголов в рамках предикативной модели [LV_{INF}-AUXV_{FIN}] — с инфинитивной формой основного лексического глагола и финитной формой отрицательного модального глагола (чаще всего со значением отсутствия физической (42а), (43а) или умственной (42б), (43б) способности). Такая модель свидетельствует о морфосинтаксической симметрии утвердительных и отрицательных модальных конструкций; ср. примеры отрицательных конструкций (42а), (42б), (43а), (43б) и утвердительной (42в), (43в).

(42а) хант., вост., вас.

täl-tä kür-s-im
 тянуть-INF не.мочь-PST2-1SG/SG
 ‘Я (его) **вытащить не мог**’ [Терешкин 1981: 131].

ликаций; среди прочих см.: [Дульзон 1960, 1966, 1977; Абдрахманов 1970; Li et al. 1976; Бирюкович 1980, 1984, 1986; Гаджиева, Бирюкович 1983; Серебренников, Бирюкович 1984; Лемская 2012] (автор благодарен Флориану Зигелю за привлечение внимания к этому вопросу).

- (42б) хант., вост., вас.
män-nə`kür-t-im loŋo-ta jüü knišk-al
 1SG-LOC не.мочь-DER-1SG/SG читать-INF 3SG книга-3SG
 ‘Я не умею / не могу читать его книгу (на иностранном языке)’ [Фильченко 2008].
- (42в) хант., вост., вас.
`qat wer-tä`on-wəl
 дом делать-INF знать/уметь-PRS.3SG
 ‘(Он(а)) может дом построить’ [Фильченко 2005].
- (43а) сельк., южн., вас.
tabit tü-p tʃadi-gu tʃedalba-dit
 3PL огонь-ACC зажечь-INF не.мочь-3PL
 ‘Они не могут разжечь огонь’ [MIFI: 040].
- (43б) сельк., южн., нарым.
man as tun-wa-n kadza sən t`alimbi-gu
 1SG NEG_{ST} мочь-PRS-1SG русский язык говорить-INF
 ‘Я не умею / не могу говорить по-русски’ [Быконя 2005: 244].
- (43в) сельк., южн., нарым.
tab tan-w-at`ıaj-p mē-gu
 3SG мочь-PRS-3SG.OBJ хлеб-ACC делать-INF
 ‘Он(а) может / умеет хлеб печь’ [Быконя 2005: 231].

В свете данных последнего времени порядок элементов предикативной модели может быть изменен с [LV_{INF} AUXV_{FIN}] (42а), (43а) на обратный [AUXV_{FIN} LV_{INF}] (42б), (43б). Подобная инверсия может быть интерпретирована как контактное влияние русского языка (для которого типичен порядок [AUXV_{FIN} LV_{INF}]), так как все носители восточнохантыйских и южноселькупских диалектов являются билингвами. Другим объяснением может служить определенная синтаксическая дифференциация конструкций со значением физической способности (с более фиксированным синтаксисом — [LV_{INF} AUXV_{FIN}]) и конструкций со значением умственной способности (с более свободным синтаксисом — [LV_{INF} AUXV_{FIN}] / [AUXV_{FIN} LV_{INF}]). Подтверждением последнего положения могут служить примеры типа (43б) и (44), представляющие собой стандартное отрицание утвердительного модального глагола умственной способности по модели [NEG_{ST} + AUXV_{FIN}(CAN / KNOW)], где за глаголом следует комплемент в виде глагольной группы (вместо отрицательного модального глагола той же, но более общей семантики: хант. вост. *kür-*, сельк. южн. *tʃedalba-* ‘не мочь / не умееть’).

- (44) хант., вост., вах.
tulpul, əntə onəl-γas-ən qul-oγ tin wə-tä!
 дурень NEG_{ST} уметь-PST1-2SG рыба-PROL выкуп взять-INF
 ‘Дурень, (ты) не смог взять у рыбки выкуп!’ [Gulya 1966: 139].

Более подробное обсуждение порядка следования элементов модальной предикативной группы (как утвердительной, так и отрицательной) имеется в работе [Wagner-Nagy 2011: 113—115, 127].

3.5. Отрицание при императиве (прохибитивы)

В отрицательных пропозициях повелительного наклонения, содержащих запреты (прохибитивах), в обеих системах используется стратегия отрицания, при которой глагольному предикату в морфологической форме императива предшествует специальный маркер императивного отрицания, отличный от маркера стандартного отрицания; ср. примеры императива (6б), (7) и прохибитива (45а), (45б), (46а), (46б). Такими маркерами отрицания императива (NEG_{IMP}) являются *äl* для восточнохантыйских диалектов и *ig / ik / iγ* для южноселькупских.

- (45а) хант., вост., вас.
`män-oγ qoq-qə-pa`äl mən-ä
 1SG-PROL далеко-PRED-ALL NEG_{IMP}идти-IMP.2SG
 ‘Далеко от меня не отходи!’ [Фильченко 2008].
- (45б) хант., вост., вас.
tʃəkə sem-en-kə tiyl-ä äljöy-itən
 очень сердце-COM-PRED здесь-ILL NEG_{IMP}приходить-IMP.2DU
 ‘Сильно смело сюда не подходите (вы двое)!’ [OM2WM: _039].

Маркеры императивного отрицания всегда несут на себе фразовое ударение и предшествуют глагольному предикату.

(46а) сельк., южн., ср.-обск.
ma-f-ep ik tʃ'aʃk-l'el
 1SG-EP-ACC NEG_{ST} стрелять-IMP.2SG.OBJ
 'Не стреляй в меня!' [H-GM: 7a].

(46б) сельк., южн., ср.-обск.
ik t'ur-l'end
 NEG_{ST} плакать-IMP.2SG.SUB
 'Не плачь!' [H-GM: 37].

(46в) сельк., южн., нарым.
`aya (ā) lər-iš
 NEG_{ST} пить-IMP.2SG
 'Не пей!' [SelNeg: 103].

На материале примеров (46а), (46б) vs. (46в) следует отметить, что, вероятно, в последнее время в южноселькупских диалектах сфера дистрибуции маркера стандартного отрицания *aya / ā* расширяется за счет императива, т. е. допускается использование этого маркера в императиве наряду с более традиционным собственно императивным маркером отрицания *ig*¹⁵ [Беккер и др. 1995].

Зависимости в кодировании прохибитивов от категориальных значений глагольных предикатов (ТАМ) в морфосинтаксическом плане не обнаруживается. Императивы и прохибитивы (как неутвердительные речевые акты с мощным манипуляционным значением) ассоциированы с планом ирреалиса — они обращены к состояниям или событиям, временной план которых следует за моментом речи (т. е. событиям проецируемым, ожидаемым в будущем). Таким образом, область действия отрицания в прохибитивах распространяется на всю глагольную фразу или на всю пропозицию, «добиваясь» неистинности или предотвращения события, выраженного основой глагольного предиката.

Итак, можно отметить, что обе системы демонстрируют признаки морфосинтаксической симметрии между императивами и прохибитивами. Наличие специального маркера отрицания императива, который не связан этимологически с маркером стандартного отрицания, свидетельствует о принадлежности обеих систем к типу II по типологии прохибитивов [van der Auwera, Lejeune 2005]. Само наличие специального маркера отрицания при императиве — явление, типологически не очень распространенное, но в достаточной мере описанное [Givon 2001: 317].

3.6. Отрицание при вопросительных высказываниях

В отрицании при вопросительных клаузах обе системы демонстрируют морфосинтаксическую симметрию с неотрицательными клаузами. Наиболее типично маркер стандартного отрицания используется в препозиции к глагольному предикату. Функциональные особенности связаны с использованием отрицания при бытийных вопросительных пропозициях.

Так, в восточнохантыйских диалектах, как отмечалось выше, при бытийных пропозициях, включая вопросительные (47а—д), бытийные предикаты: глагол-копула (47б), (47г), (47д) и глагол обладания (47в) — могут быть эксплицитно не выражены. Такая ситуация недопустима в пропозициях с отрицанием (47е—и), где отрицательный бытийный предикат обязательно эксплицитен. Кроме того, в то время как в неотрицательных вопросительных пропозициях бытийный / посессивный предикат (когда он выражен эксплицитно) обладает полной глагольной парадигмой, отрицательный бытийный предикат *əntim* для выражения соответствующих глагольных грамматических категорий используется в аналитических конструкциях с бытийным глаголом в качестве вспомогательного, несущего на себе словоизменительную глагольную морфологию — ТАМ и лично-числовые показатели (см. выше раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

(47а) хант., вост., вас.
qunta noʃol-l-ətəʊ
 когда отправиться-PRS-2PL
 'Когда вы уезжаете?' [TS: 312].

¹⁵ По данным недавних полевых материалов (2011 г.), как при опросах, так и при импровизированных высказываниях носители языка (русско-селькупские билингвы) воспринимали маркеры отрицания *ig* и *ā* как свободную вариацию [Фильченко 2011б].

- (47б) хант., вост., вас.
niŋ qoʒi werəŋ-ot (wə-s-ən)
 2SG кто маленький-вещь-быть-PST2-2SG
 ‘Ты чей сын?’ [TS: _332].
- (47в) хант., вост., вас.
os min müyüli-äyi
 опять 1DU что-PRED
 ‘А у нас что?’ [TS: _251].
- (47г) хант., вост., вас.
müyüjnə fəti
 как DET
 ‘Как так?’ [TS: _192].
- (47д) хант., вост., вас.
qu-j-ən müyäləŋ jəm lop-ali
 мужчина-EP-2SG который хороший одежда-DIM
 ‘Какой из костюмов твоего мужа хороший?’ [TS: _144].
- (47е) хант., вост., вас.
əj feyləw müyi faj əntəm
 один вид какой одежда NEG_{EX}
 ‘Одинаковой одежды разве не бывает?’ [TS: _206].
- (47ж) хант., вост., вас.
əj feyləw müyi jaŋ əntəm
 один вид какой люди NEG_{EX}
 ‘Одинаковых людей разве не бывает?’ [TS: _207].
- (47з) хант., вост., вас.
müyüjnə əntəm-äki orti fforas-qu
 какой NEG_{EX}-PRED богатый купец (торговать-человек)
 ‘Этот богатый купец что тут делает?’ [TS: _161].
- (47и) хант., вост., вас.
müyüjnə fəti potinka pel'k-əm ənt-əm
 какой DET ботинок часть-1SG NEG_{EX}
 ‘Почему только один мой ботинок здесь?’ [TS: 120].

Ситуация в южноселькупских диалектах в целом сравнима с рассмотренными восточнохантыйскими данными: в духе морфосинтаксической симметрии (ср. пример (48а)) в вопросительных пропозициях с отрицанием используется маркер стандартного отрицания в препозиции к соответствующему элементу клаузы, чаще всего глагольной группе (48б). Одним из отличий от восточнохантыйских данных является то, что южноселькупский бытийный отрицательный предикат *tfangu-* имеет принципиально более полную парадигму, включая временные и аспектуальные формы (см. выше раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

- (48а) сельк., южн., ср.-обск.
qaj ėʒal-gw-a warg ol
 что сказать-НАВ-3SG большая голова
 ‘Что тот царь (большая голова) сказал?’ [H-GM: 039].
- (48б) сельк., южн., ср.-обск.
qaj warg ol aza me-kku-t nē-m-d
 что большой голова NEG_{ST} дать-НАВ-3SG/SG дочь-ACC-3SG
 ‘Что, царь (большая голова) не дает свою дочь?’ [H-GM: _026].
- (48в) сельк., южн., нарым.
ta-nan paʒa `ē-j-a ali `tfangu-a / `netu-k
 2SG-LOC1 старушка быть-EP-3SG или NEG_{ST}-3SG NEG_{ST}-3SG
 ‘У тебя жена есть или нет?’ [SelNeg: 089].

3.7. Отрицание при неопределенных местоимениях

Ситуация с отрицанием при неопределенных местоимениях в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах обнаруживает определенную дифференциацию двух систем.

3.7.1. Отрицание при неопределенных местоимениях в восточнохантыйских диалектах

В восточнохантыйских диалектах специальные отрицательные формы местоимений отсутствуют, а соответствующие значения кодируются частноотрицательными конструкциями с неопределенными местоимениями и маркером стандартного или бытийного отрицания (49); см. также (10в), (10д), (14), (24), (30в), (32) выше. Таким образом, в восточнохантыйских диалектах применяется синтаксическая стратегия стандартного отрицания [Dahl 1979].

(49) хант., вост., вас.

müy ülinə wer-tä əntə ʼonol-l-əm
что-то делать-INF NEG_{ST} знать-PRS-1SG

‘Я **ничего** делать **не умею**’ [Фильченко 2008].

Сами восточнохантыйские неопределенные местоимения составляют небольшой класс проформ, многие из которых могут использоваться в качестве вопросительных местоимений. К наиболее типичным представителям класса принадлежит в частности *mätä* ‘некий, какой-то, что-то’, а также в вопросительном значении ‘какой, который?’.

(50а) хант., вост., вас.

mätä qu-j-ən mən-wəl?
что-то мужчина-EP-LOC идти-PRS.3SG

‘Кто (из вас мужчин) пойдет?’ [Терешкин 1981: 276].

(50б) хант., вост., вас.

mätä puɣəl-nə wəl-wən?
что-то деревня-LOC жить-PRS.2SG

‘В какой деревне (ты) живешь?’ [Терешкин 1981: 276].

Производные проформы с участием *mätä* ‘некий, какой-то, что-то’ строятся на основе простой позиции лексеме с абстрактным значением времени, пространства, способа действия, меры и т. д.: *mätä-länə* ‘иногда, когда-то’; *mätä-sayı* ‘как-нибудь, хоть как’; *mätä-kürät* ‘сколько-то, немного’; *mätä-tfim* ‘несколько, хоть сколько, хоть как-то’ и т. д.

(51а) хант., вост., вас.

mä mätä köl əntə at-kas-əm
1SG что-то слово NEG_{ST} идти-PRS.3SG

‘Я не сказал ни слова’.

(51б) хант., вост., вас.

mä mätä-kürät nüŋ itʃəw kürät
1SG сколько-то 2SG также примерно

‘Сколько ты, столько и я’.

(51в) хант., вост., вас.

mätä-sayı wer-l-im
как-то делать-PRS-1SG

‘Как-нибудь сделаю’.

(51г) хант., вост., вас.

mä mätä-tfim qul əjnäm wel-s-im
1SG хоть.сколько рыба однажды добыть-PST2-1SG

‘Я бывало разную рыбу ловил’ [Терешкин 1981: 276—277].

Одно из производных образований — *mätäli*, — являясь, скорее всего, формой диминутива, образует проформу с наиболее общим неопределенным значением ‘хоть что, что-то, ничто’ и встречается только в контексте отрицания.

(52а) хант., вост., вас.

mätäli-tə toyi əl ari-ta
что-то-PL прочь NEG_{ST} сломать-IMP.2SG

‘Не разбей ничего / чего-нибудь / все!’ [Терешкин 1981: 277].

(52б) хант., вост., вас.

mä mätäli əntə wər-l-əm
1SG что-то NEG_{ST} делать-PRS-1SG

‘Я ничего / чего-либо не делаю’ [Терешкин 1981: 277].

Наконец, существует класс примеров, где в контексте отрицания используются проформы с аффиксом *-p / -ap / -pə*.

(53a) хант., вост., вас.

mətäli-p äntəm
что-то-*pə* NEG_{EX}

‘Ничего нет’ [Терешкин 1981: 277].

(53б) хант., вост., сург.

wiči-pə äntə eŋkrəmtə-l
всегда-CLIT NEG.PTCL смотреть-PRS.3SG

‘Он(а) никогда не смотрит’ [Csepregi 1998: 41]¹⁶ (цит. по [Wagner-Nagy 2011: 77]).

В некоторых источниках данный аффикс / клитика наделяется отрицательным значением и / или статусом отрицательной клитики [Терешкин 1981; Wagner-Nagy 2011: 78]. Об этом может свидетельствовать высокая частотность этого аффикса / клитики в отрицательных пропозициях, а также примеры, где данная морфема, судя по всему, является единственным формальным маркером отрицания [Wagner-Nagy 2011: 78].

(54) хант., вост., сург.

qu-jə-l-pə lŷw-nam qət-nə wäl-l
муж-EP-2SGPX-CLIT 3SG-RFL дом-LOC быть-PRS.3SG

‘У нее нет мужа’ (букв.: ‘Нет мужа в ее доме’) [Csepregi 1998: 41] (цит. по [Wagner-Nagy 2011: 78]).

Данное явление в сургутском диалекте интерпретируется как реанализ (reanalysis) изначально эмфатического показателя как вторичного маркера отрицания, а при некоторых условиях — единственного (в тех случаях, когда стандартный маркер отрицания или отрицательный бытийный предикат эксплицитно не выражен) [Wagner-Nagy 2011: 77—78]. Подобного рода явление реанализа типологически распространено; за ним закрепился термин «цикл Есперсена», при котором допустима грамматикализация вторичного маркера отрицания из морфем другой (чаще эмфатической) семантики [Dahl 1979; Wagner-Nagy 2011].

На материале других восточных: васюганского, александровского и ваховского — диалектов хантыйского языка эта интерпретация, однако, не подтверждается. Следует также отметить, что и в указанном сургутском диалекте примеры данного типа единичны. Вероятно, возможен и более консервативный анализ примеров данного типа как использование показателя *-pə* в качестве эмфатического маркера фокуса, сродни показателю *-то* в русском языке. В остальном речь идет об использовании проформ в общем неопределенном значении или имен в стандартных отрицательных высказываниях.

(55) хант., вост., вас.

rätŋ tŷ-l-a taŷ-l-a läŷəm-ŷən qoj-pə äntəm
старик здесь-3SG-ILL там-3SG-ILL взглянуть-PST0.3SG кто-EMPH NEG_{EX}

‘Старик туда-сюда посмотрел — никого нет’ [FA&SON: 008].

Очевидно, что отрицательное значение форм с *-pə* свойственно, скорее, всей пропозиции, а не самой морфеме *-pə*, которая всегда подразумевает присутствие маркера стандартного отрицания или отрицательного бытийного предиката.

(56) хант., вост., вас.

⟨...⟩ *mätä köl-pə äntə toloy-wəl*
какой-то слово-EMPH NEG_{ST} сказать-PRS.3SG

‘⟨...⟩ (Русалка) ни слова не говорит’ [BOY: 022].

Нужно отметить, что дистрибуция показателя *-pə* не ограничивается контекстом отрицания и неопределенными проформами [Gulya 1966: 95]; см. пример (57).

(57) хант., вост., вас.

məŋəm-pə təŷə-j-nə mən-wəl-t wont oŷtŷi saŷi
только-EMPH место-EP-LOC идти-PRS.3SG-3PL лес верхушка путь

‘Только в некоторых местах идут по гривню (хребту)’ [SAB-TOL-KOM: 014].

¹⁶ В примерах (53б) и (54) приводится оригинальное глоссирование М. Csepregi [Csepregi 1998] (цитируется по [Wagner-Nagy 2011]); свободный перевод на русский язык дан А. Ю. Фильченко.

Статистически данный эмфатический показатель *-pə* имеет достаточно низкую частотность: в среднем 5/100 клауз (1—2 / 1 текст), из которых 75% — в контексте отрицания, а 25% — в неотрицательных высказываниях; 50% — с неопределенными (53а) и вопросительными (55) проформами, 25% — с личными проформами (59), 25% — с именами (54), (56) и наречиями (53б), (57), (58). При этом средняя частота отрицания в восточнохантыйских текстах составляет 8/100 клауз.

(58) хант., вост., вас.

pəy-l in-pə jayəntə-kətə-yən ajri juɣ wej morəmta-yən
сын-3SG только-EMPH грести-INCH-PST0.3SG обласок дерево черен сломаться-PST0.3SG
'Они в лодку вскочили, сын только начал грести — весла черен сломался' [FA&SON: 013].

(59) хант., вост., вас.

töyət wətf'-imt-yən tʃ'u rayəw jüy-näm-pə wətf'-imt-äyən
огонь вспыхнуть-MMNT-PST0.3SG DET сразу 3SG-RFL-EMPH вспыхнуть-MMNT-PST0.3SG
'... Огонь вспыхнул, (и он) тут же сам вспыхнул' [G&B: 006].

Аффикс *-pə* также может использоваться и с самим маркером стандартного отрицания с очевидной эмфатической производной коннотацией.

(60) хант., вост., вас.

`əntə-pə söyön təylä-äyən, il-pə `əntə rəqət-ətə
NEG_{ST}-FOC сумка трогать-PST0.3SG перед-EMPH NEG_{ST} бросить-PST0.3SG/SG
'Даже не тронул сумку, ничего не выбросил (ничего) наружу!' [BearStay: 061].

Кроме того, аффикс *-pə* частотен (но не обязателен) в императиве, равно как и в индикативе.

(61а) хант., вост., вас.

qunt-a ju-wən?
когда-ILL прийти-PRS.2SG
Когда придешь? [EKhNeg].

(61б) хант., вост., вас.

qunta-pə äl ju-yət-a!
когда-EMPH NEG прийти-CMPL-IMP.2SG
Никогда не приходи! [EKhNeg].

Возможно, в отношении примеров данного типа применима характеристика асимметричных отрицательных конструкций типа А / EMPH [Miestamo 2005: 109; Wagner-Nagy 2011: 57], где асимметрия выражается в необходимости некоторого эмфатического элемента (необязательного в утвердительном эквиваленте), который сам по себе не несет отрицательного значения.

3.7.2. Отрицание при неопределенных местоимениях в южноселькупских диалектах

Существенным отличием южноселькупских диалектов от восточнохантыйских в вопросе отрицания при неопределенных местоимениях является использование неопределенных местоимений с показателем *-naj* и с производным общим эмфатическим / отрицательным значением. Можно сказать, что в южноселькупских диалектах применяется комбинация из морфологической и стандартной синтаксической стратегий отрицания [Dahl 1979], так как в остальном морфосинтаксис отрицательной пропозиции имеет уже известный вид стандартного глагольного или бытийного отрицания (62а—д). Детальная этимология показателя *-naj* является предметом отдельного рассмотрения.

(62а) сельк., южн., нарым.

kod-to `tö-mb-at natfat and-i-ye
кто-FOC прийти-PSTN-3PL DET.LOC лодка-EP-COM
'Кто-то **приехал** (на лодке)' [SelNeg: 127].

(62б) сельк., южн., нарым.

`kod-naj `ā tö-mb-aq natfat
кто-NEG NEG_{ST} прийти-PSTN-3SG DET.LOC
'Туда **никто не пришел**' [SelNeg: 129].

(62в) сельк., южн., нарым.

mat `kod-naj `ā konzər-n-am
1SG кто-NEG NEG_{ST} видеть-PRS-1SG/SG
'Я **никого не видел**' [SelNeg: 130].

(62г) сельк., южн., нарым.

taw kanak `kuzan-naj `ā mud-a
DET собака когда-NEG NEG_{ST} лаять-3SG
'Эта собака **никогда не лает**' [SelNeg: 136].

(62д) сельк., южн., нарым.

nind   *ˈkajm-naj*   *tʃobir*   *ˈtʃangu-a* / *ˈnetu-k*
здесь   какой-NEG   ягода   NEG_{EX}-3SG   NEG_{EX}-3SG
‘Здесь **никаких** ягод **нет**’ [SelNeg: 143].

Данные пары неопределенных и производных отрицательных неопределенных местоимений (с показателем *-naj*) в южноселькупских диалектах можно рассматривать как единственное проявление отрицательной полярности (negative polarity) в рассматриваемых системах.

Во всех подобных примерах данные производные проформы имеют очевидную отрицательную семантику. Деривация подобного рода может наблюдаться и в северных самодийских языках (ненецком и нганасанском) [Wagner-Nagy 2011].

3.8. Морфологическое отрицание при именах: абессив (каритив)

И южноселькупские, и восточнохантыйские диалекты характеризуются обширной системой именных падежей, в основном пространственного типа. Кроме того, как в восточнохантыйских, так и в южноселькупских говорах представлены комитатив (инструменталис) и абессив (каритив), показателями которого являются восточнохантыйский аффикс *-ləu* и южноселькупский *-galk*. Падежный статус некоторых из этих форм является предметом обсуждения [Helimski 1998; Gusev forthc.], так как существуют определенные ограничения на дистрибуцию данных показателей с показателями числа и притяжательности, однако этот вопрос не является предметом настоящего обсуждения.

(63а) хант., вост., вас.

kör-ləu   *qu*
нога-ABES   мужчина
‘одноногий / безногий человек’ [Filchenko 2007]

(63б) сельк., южн., нарым.

paja-ldziga-t   *wargi-γ-a*   *hiˈdzaro-galk*   *mad-kit*
старуха-DIM-3SG   жить-PST-3SG   окно-ABES   дом-LOC2
‘Старуха жила в доме **без окон**’ [SelNeg: 114].

Семантика данных именных форм вполне очевидна и формально иллюстрируется моделью ‘без X’, где X — это значение именной основы. Глагольные формы с данным показателем не типичны, даже нефинитные (причастные), которые достаточно свободно используются с другими падежными показателями, в частности различного рода пространственных значений.

4. Отрицание всей пропозиции — общеотрицательные клаузы

Вся пропозиция также может быть в сфере действия отрицания — в тех случаях, когда истинность всей пропозиции опровергается отрицательной ассерцией. Наиболее типичными примерами пропозиций такого рода являются отрицательные ответы на общие полярные вопросы типа «да / нет». В таких случаях как в восточнохантыйских (64), (65б), так и в южноселькупских (66б) диалектах маркер стандартного отрицания используется в качестве общеотрицательного слова ‘нет’.

(64) хант., вост., вас.

ˈəntə, *tʃi*   *əntə*   *ˈqaqi*   *wajau*,   *tətə*   *qaˈsi*   *tʃil-wəl*
NEG_{ST}   DET   NEG_{ST}   младший.брат   зверь   DET   человек   кричать-PRS.3SG
‘**Нет**, это не **медведь** (младший брат) орет, это **человек** кричит’ [NST:_016].

(65а) хант., вост., вас.

ˈinl-a!
сидеться-IMP.2SG
‘Садись!’ [OMC:_005].

(65б) хант., вост., вас.

ˈəntə, *män-nə*   *pəsˈkäri*   *mas-wəl*
NEG   1SG-LOC   быстро   надо-PRS.3SG
‘**Нет**, мне **быстрее** надо’ [OMC:_006].

(66а) сельк., южн., нарым.

tat   *ˈawər-b-and?*
2SG   есть-PSTN-2SG
‘Ты **наелся?**’ [SelNeg: 122].

(66б) сельк., южн., нарым.

ˈā,   *ˈā*   *ˈawər-n-ak*
NEG   NEG_{ST}   есть-PRS-1SG
‘**Нет**, (я) **не наелся**’ [SelNeg: 123].

Отрицательные ответы на неотрицательные вопросительные пропозиции зачастую могут содержать только частноотрицательную ассерцию (исправление) — без общеотрицательного ‘нет’ (67б).

(67a) сельк., южн., нарым.

na *`qaj*, *`hər?*

DET что снег

‘Это **что, снег?**’ [SelNeg: 090].

(67б) сельк., южн., нарым.

na *`ā* *hər*, *na* *`tʃapt*DET NEG_{ST} снег DET роса‘Это **не снег, это роса**’ [SelNeg: 091].

Подобным же образом обстоит дело и в ответах на вопросы с отрицанием при глагольном предикате (68a): как положительный, так и отрицательный ответы могут содержать собственно корректную ассерцию (в отрицательном случае — частноотрицательную клаузу со стандартным отрицанием) без общеотрицательного ‘нет’ (68б) или утвердительного ‘да’ (68в), последний отсутствует как таковой.

(68a) сельк., южн., нарым.

tat *`ā* *kondal-b-iḡ-ant?*2SG NEG_{ST} спать-DUR.IPRFV-PST-2SG‘Ты **не выспался?**’ [SelNeg: 124].

(68б) сельк., южн., нарым.

`ā *kondal-b-iḡ-ak*NEG_{ST} спать-DUR.IPRFV-PST-1SG‘(Я) **не спал**’ [SelNeg: 125].

(68в) сельк., южн., нарым.

`faək *kondal-b-iḡ-am*

хорошо спать-DUR.IPRFV-PST-1SG

‘(Я) **хорошо** поспал’ [SelNeg: 126].

Утвердительные ответы на вопросы, в которых присутствуют эквативы или предикаты-посессивы (69a), наиболее типично содержат утвердительную ассерцию в виде подобного же экватива или предиката-посессива, зеркально отражая структуру вопроса (69б).

(69a) сельк., южн., нарым.

na *`ā* *pək-a-t* *watt?*DET NEG_{ST} лось-EP-GEN след‘Это **не лося след?**’ [SelNeg: 121].

(69б) сельк., южн., нарым.

`pək-a-t

лось-EP-GEN

‘(Это) **лося (след)**’ [SelNeg: 122].

5. Периферийные явления в области отрицания

К периферийным явлениям в типе имплицитно отрицательных конструкций можно отнести восточнохантыйскую конструкцию ‘чуть не’ (70) и южноселькупскую ‘еще не’ (71a), (71б), имеющие значения ‘не истинно вопреки ожиданию’ или ‘не истинно вопреки видимости’.

(70) хант., вост., вас.

mä-n *kätf* *`qayrəmta-ḡal*, *kätf* *il* *ni`rimtə-ḡal*

1SG-ACC почти поймать-PST1.3SG почти низ схватить-PST1.3SG

‘Он(а) **чуть не поймал(а)** меня, **чуть не затащил(а)** (туда) вниз’ [ST: 128].

Как в восточнохантыйских (70), так и в южноселькупских диалектах (71a), (71б) эксплицитный маркер отрицания отсутствует, а семантика неистинности пропозиции присутствует имплицитно — в рамках лексем ‘чуть не’ и ‘еще не’ соответственно, так как в остальном пропозиции данного типа полностью симметричны (морфосинтаксически) своим утвердительным эквивалентам.

(71a) сельк., южн., нарым.

na *ka`nak* *ā* *`ogol-oldz-ə-mbi-l* *ka`nak*DET собака NEG_{ST} учить-CAUS-EP-PST-ADJ собака

‘Эта собака еще не обучена (совсем, и уже не сможет)’ [SelNeg: 077].

(71б) сельк., южн., нарым.

na *ka`nak* *ta`rā* *`ogol-oldz-ə-mbi-l* *ka`nak*

DET собака еще.не учить-CAUS-EP-PST-ADJ собака

‘Эта собака еще не обучена (но может)’ [SelNeg: 078].

(71в) сельк., южн., нарым.

na *ka`nak* *`ogol-oldz-ə-mbi-l* (*ka`nak*)

DET собака учить-CAUS-EP-PST-ADJ (собака)

‘Эта собака обучена’ [SelNeg: 076].

Что касается южноселькупской конструкции, то, скорее всего, существует определенная дифференциация в аспектуально-модальном отношении между пропозициями со стандартным отрицанием *ā* ‘не X’ и *tarā* ‘еще не X’. В частности, некое состояние, событие или действие X в случае с *tar-ā* ‘еще не X’ последовательно считается нереальным, но ожидаемым и возможным, в то время как в случае стандартного отрицания с *ā* ‘не X’ такое состояние, событие или действие X нужно считать уже не достижимым и невозможным; ср. примеры (71a) и (71б). Отнесение конструкций данного типа к имплицитно отрицательным дискуссионно. Следует, однако, отметить, что содержание этих примеров, безусловно, имеет отрицательное значение.

Принципиально к общеотрицательным может быть отнесен и тип примеров (72)—(74), представляющих имплицитно отрицательные эмфатические риторические вопросы.

(72) хант., вост., вас.

quntā mā nōŋ-ə loŋos-l-əm
когда 1SG 2SG-INSTR.O ударить-PRS-1SG

‘Когда я тебя ударила?!’ (‘Никогда я тебя не била!’) [B&M: 006].

(73) сельк., южн., ср.-обск.

na qaj ī na pēge
это какой сын это рябчик

‘Какой это сын?! Это рябчик!’ (‘Он не сын!’) [H-GM: 010].

(74) сельк., южн., ср.-обск.

kod tab-se wark-ēnž-a
кто 3SG-COM жить-FUT-3SG.SUB

‘Кто с ним будет жить?’ (‘Никто не будет с ним жить!’) [H-GM: 039].

6. Отрицание при смешении / переключении кодов

В контексте повсеместного билингвизма носителей обоих рассматриваемых языков отрицание, как и другие аспекты организации данных языковых систем, предсказуемо свидетельствует о контактном взаимодействии с доминирующим русским языком. Русские маркеры отрицания *ni / ne* имеют достаточно высокую частотность, в особенности в импровизированной речи более молодых носителей (например, при отрицании именной группы).

(75) хант., вост., вас.

a temi ni `mōytak, ni pə`tʃi, ni `aŋərnəŋ, ni `sart ənt`ə-m wəl-`qal
a DET NEG елец NEG окунь NEG язь NEG щука NEG-PP быть-PST1.3SG

‘А там **нет** ни **ельца**, ни **окуня**, ни **язя**, ни **щуки**’ [Фильченко 2008].

При этом восточнохантыйская система демонстрирует также признаки определенной грамматической конвергенции — изменение стратегии отрицания по аналогии с русским языком и переход к использованию двойного отрицания отдельно именной и глагольной групп.

В южноселькупских диалектах уже отмечался такой признак смешения кодов, как параллельное использование заимствованного отрицательного бытийного предиката *netu-* ‘нет(у)’ наряду с исконным *tʃangu-* ‘отсутствовать’; ср. примеры (36б), (37в), (40б) vs. (35б), (36а), (37б), (38б), (39б), (41). Кроме того, также был упомянут процесс, который можно охарактеризовать как проявление грамматической конвергенции в тенденции к чрезмерной нормализации, проявляющейся в расширении дистрибуции маркера стандартного отрицания *ā* (*āyā*) за счет специального маркера отрицания при императиве (прохитив) *ig* (см. раздел «Отрицание при императиве»). К другим проявлениям конвергенции можно отнести вариативность в порядке следования элементов в постпредикативных компонентах и нефинитных клаузах; см. пример (37а). Эту вариативность также можно отнести к следствиям контактного взаимодействия с русским языком.

7. Заключение

В контексте существующих типологических исследований отрицания восточнохантыйские и южноселькупские данные в основном демонстрируют черты, ожидаемые с точки зрения генетически родственных угорских и самодийских языков [Wagner-Nagy 2011], а также с точки зрения основных характеристик языков этого ареала (см. Табл. 4). К основным стратегиям отрицания в рассматриваемых системах относятся следующие:

1) стандартное отрицание при индикативе путем препозиции маркера стандартного отрицания в соответствии с основными тенденциями порядка следования элементов клаузы [Druyer 1992, 2005]; кроме того, стандартное отрицание используется при подтипе бытийных пропозиций (включая эквативы, атрибутивы, инклюзивы);

2) отрицание второго подтипа бытийных пропозиций (включая локативы, посессивы и собственно бытийные / экзистенциальные) с помощью специального отрицательного бытийного предиката с дефективной глагольной парадигмой (значительно дефективной — в случае восточнохантыйских, частично дефективной — в случае южноселькупских диалектов); в восточнохантыйских диалектах такой отрицательный бытийный предикат может принимать именной предикативный маркер *-aki*, а также вынужден формировать аналитическую предикативную конструкцию с финитным вспомогательным бытийным глаголом [NEG_{EX}(+ *-aki*) + (AUXV_{FIN})] для выражения темпоральных значений;

3) отрицание при императиве (прохибитив) путем препозиции особого маркера отрицания, этимологически не связанного с маркером стандартного отрицания, что соответствует типу II по классификации [van der Auwera, Lejeune 2005]; в южноселькупских диалектах отмечается инновационное расширение дистрибуции маркера стандартного отрицания с образованием свободной вариации с маркером отрицания прохибитивов (возможно, под влиянием контактного взаимодействия с русским языком);

4) отрицание при неопределенных / отрицательных местоимениях, при котором в восточнохантыйских диалектах используется стратегия стандартного или бытийного отрицания с непроизводными неопределенными проформами и частотным (но необлигаторным) маркированием неопределенной проформы эмфатическим показателем *-pa*, что находит параллели в южноселькупской стратегии использования производных отрицательных местоимений, образованных от неопределенных и вопросительных, маркированных эмфатической клитикой *-naj*;

5) аналитическое отрицание в конструкциях со вспомогательными словами с имплицитным отрицательным значением — финитными модальными словами со значением ‘не мочь, не уметь’ [LV_{INF} — AUXV_{FIN}];

6) морфологическое именное отрицание при помощи падежной формы абессива;

7) аналитическое отрицание в конструкциях со вспомогательными словами с имплицитным отрицательным / ирреалистическим значением ‘чуть не’, ‘еще не’ [‘чуть не’ / ‘еще не’ + VP] = [NEG VP].

В восточнохантыйских диалектах маркер стандартного отрицания при индикативе (*əntə*), скорее всего, имеет протоугорскую (возможно, и более раннюю [Honti 1997]) этимологию — реликт некоего протоугорского отрицательного глагола **ənt-*, когнаты которого сохраняются в мансийских¹⁷ и хантыйских диалектах [Соловар 2009].

(76) хант., сев., каз.

Ma nāŋ əŋ-en-ən nɛmχōjat-a ǎn lōp-s-əm.

‘Я о тебе никому не сказала’ [Соловар 2009: 117].

(77) хант., сев., каз.

Isa nɛməl χōjat i sij pa ǎntwerəl.

‘Звук даже не производил’ (букв. ‘не делал’) [Соловар 2009: 111].

Так, из примеров по казымскому диалекту (76), (77) очевидно, что маркер стандартного отрицания *ǎn(t)* демонстрирует те же основные характеристики, что и в рассмотренных восточных примерах (препозиция, предпочтение отрицания глагольной группы). Отрицательный бытийный предикат *ǎntΛ(m)* в примерах (77)—(80), как и в восточнохантыйских примерах, выступает в качестве именного предиката с дефективной парадигмой и необходимостью формировать аналитическую предикативную конструкцию с финитным вспомогательным бытийным глаголом [NEG_{EX} + (AUXV_{FIN})] для выражения темпоральных значений; см. (78а—в), (79а), (79б) vs. (80).

(78а) хант., сев., каз.

Sit ɔpɛm ǎntΛ.

‘Она (мне) не сестра’ [Соловар 2009: 35].

(78б) хант., сев., каз.

Aləŋ χəjɛl ǎntΛm.

‘Утреннего мужчины нет’ [Соловар 2009: 47].

(78в) хант., сев., каз.

Tāta nɛməlɬ wəj ǎntΛ, laŋki ǎntΛ, nūχəs ǎntΛ.

‘Здесь нет никаких зверей, белок нет, соболей нет’ [Соловар 2009: 54].

¹⁷ Личное обсуждение с Е. К. Скрибник.

(79а) хант., сев., каз.

Ōpīlam misχətən āntlam-ət.

‘Сестер моих в коровнике нет’ (PL) [Соловар 2009: 54].

(79б) хант., сев., каз.

Lin jōln āntlam-ηən.

‘Их дома нет’ (DU) [Соловар 2009: 54].

(80) хант., сев., каз.

Aśem jōln āntlam was.

‘Отца дома не было’ [Соловар 2009: 54].

Одним из отличий является, однако, то, что в севернохантыйских диалектах с отрицательным бытийным предикатом не используются именные предикативные маркеры, подобные восточнохантыйско-му *-aki* (78а—в).

(81) хант., сев., каз.

Tāta aλ kerət'λ'a, māna!

‘Не валяйся здесь, иди!’ [Соловар 2009: 70].

В отношении прохибитивов (81) ситуация в северных и восточных диалектах хантыйского языка вполне сопоставима и иллюстрирует тип II [van der Auwera, Lejeune 2005], характеризующийся использованием в императиве особого маркера отрицания, этимологически не связанного с маркером стандартного отрицания.

Важные системные отличия между северными и восточными диалектами хантыйского языка связаны со стратегией отрицания при неопределенных / отрицательных местоимениях. Радикально дифференцирующим фактором является севернохантыйское формирование отрицательных местоимений при помощи отрицательного префикса *нет-*, в то время как в восточнохантыйских диалектах используется или неопределенное местоимение в сочетании со стандартным отрицанием, или неопределенное местоимение с эмфатическим аффиксом *-pə* в сочетании со стандартным отрицанием; ср. севернохантыйские примеры (76), (82) vs. восточнохантыйские примеры (52), (55), (61).

(82) хант., сев., каз.

Ma netli-jem netχōjat-a ān rōkərtəlam.

‘Я ничего (букв. ничто(-мое)) никому (DAT) не дам’ [Соловар 2009: 87].

В обеих системах есть специальные эмфатические маркеры, которые часто используются для усиления отрицания. Очевидно, однако, что севернохантыйская свободная морфема *χon* (83а) и восточнохантыйская клитика *-pə* (55—61) этимологически не связаны и обладают разными статусами. В то время как севернохантыйская частица *χon* высокочастотна и обладает уже значением отрицательной эмфатической частицы¹⁸ [Wagner-Nagy 2011: 79], в восточнохантыйских диалектах она или ее алломорфы не отмечаются.

(83а) хант., сев., каз.

Χληχaja jilət, səra χon jōχətłət.

‘Против течения едут, (конечно) не скоро (они) приедут’ [Соловар 2009: 69].

(83б) хант., сев., каз.

Ma χətəmχ χīl χon āntlam.

‘В моем доме рыба, конечно, есть’ [Соловар 2009: 54].

Вместо этого в восточнохантыйских диалектах наблюдается использование клитики *-pə* (см. примеры (55) и (56)), которая отмечается также и в севернохантыйских (ср. пример (77) и [Wagner-Nagy 2011: 78—79]). Однако в восточнохантыйских говорах процесс грамматикализации этой клитики во вторичный маркер отрицания в рамках общего цикла Есперсена продвинут менее, чем в случае с севернохантыйской частицей *χon*, и даже менее, чем в случае севернохантыйского когната *-pa* (84); см. также [Wagner-Nagy 2011: 77—78].

¹⁸ Более того, сочетание частицы *χon* и отрицательного бытийного предиката *āntlam* — фактически двойное отрицание (83б) — имеет значение эмфатического утверждения [Wagner-Nagy 2011: 78—79].

(84) хант., сев., каз.

*Öšəŋ lamatsəχ pa letöt äntam was*¹⁹.

‘Нормальной одежды (даже) и еды не было’ [Соловар 2009: 47].

Наконец, в плане прошедшего времени дифференциация между северными и восточными диалектами хантыйского языка отмечается в отношении частотности асимметричной конструкции «номинализация + отрицательный бытийный предикат» [NMLZ + NEG_{EX}], использующейся вместо стандартного отрицания [NEG_{ST} + V_{FIN}] (85). В то время как в севернохантыйских диалектах эта конструкция регулярна [Wagner-Nagy 2011: 111], в восточнохантыйских диалектах частотность таких конструкций крайне низка.

(85) хант., сев., каз.

min lohum-m-əmn antəm

IDU воровать-PP-IDU NEG_{EX}

‘Мы двое не воровали’ [Соловар, Черемисина 1994: 37; Wagner-Nagy 2011: 111].

В целом, в отношении стратегий отрицания в клаузах с неглагольными предикатами для северных и восточных диалектов хантыйского языка (см. Табл. 2) отмечается основополагающая дифференциация на двустороннюю и трехстороннюю оппозицию [Veselinova 2006]. При этом в работе [Wagner-Nagy 2011: 302—303] отмечается, что севернохантыйские стратегии отрицания характеризуются трехсторонней оппозицией — использованием трех формальных маркеров отрицания (кроме отдельного маркера прохибитива): 1) *än* — для стандартного отрицания (76), (77) и посессивного отрицания (86); 2) *äntam* — для бытийного отрицания и локативного отрицания (78б)—(80); 3) *änt(ə)* — для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (78а).

(86) хант., сев., каз.

Täm wal.tijən kakkləken tiχəl werti wer än täjəl.

‘Сейчас у кукушки нет привычки вить гнезда’ (букв. ‘Гнездо делать дело не имеет’) [Соловар 2009: 100].

В то же время восточнохантыйские стратегии отрицания характеризуются двусторонней оппозицией — использованием двух формальных маркеров отрицания (кроме маркера прохибитива): 1) *əntə* — для стандартного отрицания (14), (16), посессивного отрицания с глаголом ‘иметь, держать’ и для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (31а), (64); 2) *əntəm(-aki)* — для бытийного отрицания, локативного отрицания (24)—(27) и посессивного отрицания с отрицательным бытийным предикатом (24г).

Более точная теоретическая перспектива эволюции рассмотренных маркеров стандартного и бытийного отрицания в хантыйском языке еще детально не определена²⁰, однако можно с большой долей вероятности предположить, что они представляют собой вполне типичный пример процесса грамматикализации. В рамках данного типологически универсального процесса [Bybee et al. 1994] ранее полноценная лексическая единица — отрицательный глагол — подвергается семантическому «обесцвечиванию», обобщению значения, в то время как его функциональная сфера расширяется — в данном случае до современного использования в качестве частноотрицательного маркера при любом элементе клаузы. При этом синтаксические характеристики данной лексической единицы также подвергаются изменениям — значительному сужению парадигмы, декатегоризации. В результате этих изменений данная лексическая единица приобретает грамматическое значение, формируя синтаксическое / семантическое единство с тем элементом клаузы, в препозиции к которому она оказывается.

В случае с рассматриваемыми маркерами стандартного отрицания декатегоризация значительна — с полной утерей глагольной парадигмы. В синхронном плане в восточнохантыйских диалектах как маркер

¹⁹ В севернохантыйских диалектах форма вспомогательного глагола (V_{FIN} или V_{NFIN}) соотносится с модальностью, латентив определяет причастную форму глагола-копулы ‘быть’; ср. примеры (а) и (б). Но в рассматриваемых восточнохантыйских данных форма вспомогательного глагола всегда финитная.

(а) *Jəχan χənəŋən aj χəp ar äntam was.*

‘Около реки лодок не много было’ [Соловар 2009: 62].

(б) *Liŋw mijəm šeraŋka χəšəpəl lipijən šeraŋka äntam wəlməl.*

‘В коробке спичек, которую он дал, спичек не было, оказывается’ [Соловар 2009: 62].

²⁰ Автор признателен Л. Веселиновой за плодотворное обсуждение аспектов грамматикализации / лексикализации в типологической перспективе отрицания.

**Сводные параметры выражения отрицания
в восточных и северных диалектах хантыйского языка**

параметры отрицания	восточнохантыйские диалекты		севернохантыйские диалекты
стандартное отрицание	<i>əntə</i> V _{FIN}		<i>ǎn(t)</i> V _{FIN} NMLZ + <i>ǎntam</i>
присловное отрицание элемента Y	<i>əntə</i> Y / <i>ni</i> Y		<i>ǎn(t)</i> Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context)	X <i>əntə</i> Y		X <i>ǎnt(ə)</i> Y
	X = HIGH.TOP	X = LOW.TOP	<i>ǎntam</i> <i>ǎn</i> + V _{FIN} 'иметь'
— эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>əntim</i>	X <i>əntim(-äki)</i>	
— локативы / экзистенциальные / посессивы	X <i>əntə</i> + COP-TAM Y		X <i>ǎnt(ə)</i> + COP V _{FIN} Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context)	X = HIGH.TOP		<i>ǎntam</i> + COP V _{FIN} <i>ǎn</i> + V[FIN] 'иметь'
	X = LOW.TOP		
— эквативы / инклюзивы / атрибутивы	<i>əntim</i> + COP V _{FIN}	<i>əntim(-äki)</i> + COP V _{FIN}	? <i>ǎntam</i> + Aux V _{FIN} ?
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>əntim</i> + Aux V _{FIN} (<i>jitä</i> 'become')		
отрицательные вспомогательные слова	'почти'		'конечно не'
	<i>kür</i> 'не мочь; не знать; не уметь'		'возможность' + <i>ǎntam</i> 'возможность' + <i>ǎn</i> 'иметь'
'мочь' + NEG (возможность)			
двойное отрицание	—		эмфатическое утверждение <i>xon</i> + <i>ǎntam</i>
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>al</i>		<i>ał</i>
общее отрицание	<i>əntə</i>		<i>ǎnt(ə)</i>
неопределенное отрицание	INDF(-pə) + <i>əntə</i> / <i>əntim</i>		INDF <i>nem-</i> + <i>ǎn(t)</i> / <i>ǎntam</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	-ləy [без N _(основа)]		—
переключение / смешение кодов	—		<i>ni</i>
	— индикатив	<i>ni</i>	
— императив	—		

стандартного отрицания *əntə*, так и отрицательный бытийный предикат *əntim*, скорее всего, представляют собой причастные формы, а финитные формы отсутствуют; кроме того, по аналогии с причастиями и именными предикатами *əntim* может принимать предикативный аффикс *-äki*. Следует также отметить, что с точки зрения просодики маркер отрицания (стандартного) почти никогда не несет фразового ударения (в противоположность лексическим глаголам).

Таким образом, в русле избранной модели грамматикализации можно предложить следующий вариант эволюции маркеров стандартного отрицания в системе восточнохантыйских диалектов. Ранние лексические отрицательные глаголы, обладающие (более) полной парадигмой, часто использовались в причастной форме в определенных конструкциях с некоторыми финитными глаголами [LV_{NEG}(PART) + LV_{FIN}] и со временем (в контексте таких конструкций) подвергались семантическому обобщению, расширению дистрибуции за пределы указанных конструкций и утрате значительной части глагольной парадигмы, сохраняясь на современном этапе только в форме причастий: несовершенного вида *əntə* — маркер стандартного отрицания [NEG(PART) + (NP, VP[LV_{FIN}], ADVP)]; совершенного вида *əntim* — отрицательный бытийный предикат [NEG_[EX](PART)+(-äki) + (AUX_{FIN})]. Такие «застывшие» причастные формы, которые функционируют как маркеры отрицания, могут в принципе восприниматься как отрицательные вспомогательные глаголы, имеющие дефективную парадигму и обладающие способностью выступать в качестве «хозяина» (“host”) для лексического глагола [NEG + LV_{FIN}].

Сравнительный анализ данных северных и южных диалектов селькупского языка (см. Табл. 3) дает схожую картину диалектной дифференциации. В целом, анализ северноселькупских данных [ОчСЯ 1980; Wagner-Nagy 2011] демонстрирует общее сходство основных стратегий отрицания с южноселькупскими.

(87) сельк., сев., таз.

man ašša ila-k
1SG NEG жить-1SG

‘Я не живу’ [ОчСЯ 1980: 237].

(88) сельк., сев., таз.

mat ašša tenimi-s-ak timña-ni ima-p qo-ptä-ti
1SG NEG знать-PST-1SG старший.брат-GEN.1SG жена-ACC найти-NMLZ-3SG

‘Я не знал, что мой старший брат женился’ [ОчСЯ 1980: 173].

(89) сельк., сев., таз.

na iija ašša werq εε-ηα
DET ребенок NEG большой быть-3SG

‘Этот ребенок не большой’ [ОчСЯ 1980: 362].

В частности, при стандартном отрицании (87), (88) и при отрицании с неглагольным предикатом (89) северноселькупский маркер отрицания *ašša* инвариантен и находится в препозиции к соответствующему элементу предложения.

Одной из дифференцирующих характеристик северных диалектов является, однако, использование альтернативного маркера стандартного отрицания *čä*, образованного, очевидно, от общеселькупского бытийного отрицательного предиката *čäänka* [ОчСЯ 1980: 252; Wagner-Nagy 2011: 68—69, 286].

(90) сельк., сев., таз.

mat šinti čä qonti-r-ä-k
1SG 2SG.ACC NEG видеть-FREQ-NMLZ-1SG

‘Я не заметил тебя’ [ОчСЯ 1980: 252].

При этом в контексте прошедшего времени в северноселькупских диалектах отмечается асимметрия отрицания [Wagner-Nagy 2011: 110], так как финитному предикату утвердительного высказывания соответствует в отрицании конструкция из нефинитной формы (номинализация) лексического глагола и отрицательного бытийного предиката, принимающего на себя соответствующую финитную глагольную морфологию (90), (91). Более того, в [ОчСЯ 1980: 237] отмечается, что подобная асимметричная конструкция отрицания, безусловно, является в контексте прошедшего времени более частотной, чем стандартное симметричное отрицание, т. е. предпочтительной; ср. (88) vs. (91).

(91) сельк., сев., таз.

mee-koolik ni-kuti (ämtä kuti) (kuti-nej) čäänka tü-ptä-ti
1PL-ABES NEG-кто (NEG кто) (кто-EMPH) NEG_{EX}.3SG прийти-NMLZ-3SG

‘Кроме нас никто не пришел’ [ОчСЯ 1980: 299].

В селькупских бытийных конструкциях (включая локативные, посессивные и экзистенциальные) также обнаруживаются определенные черты диалектной дифференциации. Так, например, Б. Вагнер-Надь отмечает различия в стратегиях построения отрицания в посессивных конструкциях: в южных диалектах используется конструкция с обладателем в форме локативного падежа и отрицательным бытийным предикатом, а в северных — конструкция с локативной постпозицией обладателя в генитиве и отрицательным бытийным предикатом (92) или же с обладателем в качестве посессивной флексии на обладаемом (93) [Wagner-Nagy 2011: 226—227].

(92) сельк., сев., таз.

ima-n miqin ira-ti čäänni-mpa
женщина-GEN PSTP старик-3SG NEG_{EX}-PST.3SG

‘Мужа у женщины не было’ [ОчСЯ 1993: 20].

(93) сельк., сев., таз.

ostä-l čäänka
олень-2SG NEG_{EX}.3SG

‘У тебя оленей нет’ [ОчСЯ 1980: 365].

Селькупское отрицание (подобно восточнохантыйскому) характеризуется в индикативе двусторонней оппозицией [Veselinova 2006], при которой используются два формальных маркера отрицания (кроме маркера прохибитива): 1) *ašša* / *ä* — для стандартного отрицания (15), (18), (87), (88) и для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (89); 2) *čäänka* / *tʃangu* — для бытийного отрицания (36), (38), для лока-

тивного отрицания (35), (37), для посессивного отрицания с отрицательным бытийным предикатом (92), (93) и для стандартного отрицания в прошедшем времени (90), (91); см. также [Wagner-Nagy 2011: 287—288].

Наконец, еще одной чертой, в определенной степени дифференцирующей северные и южные диалекты селькупского языка, является стратегия отрицания при неопределенных / отрицательных местоимениях. Сродни описанной выше ситуации в хантыйском языке, в северноселькупских диалектах доминирующей стратегией формирования отрицательных местоимений из вопросительных является использование отрицательного префикса *ni-*, в то время как в южноселькупских более продуктивна модель с использованием вопросительного местоимения с суффиксом *-naj* в сочетании со стандартным отрицанием; ср. южноселькупские примеры (62б—д) и северноселькупские (91), (94), (95).

(94) сельк., сев., таз.

imany *ni-kuččä* (*ämtä* *kuččä*) *(*kuččä-nej*) *ašša* *iččyrna*
 жена-1SG NEG-куда (NEG куда) *(куда-EMPH) NEG ходить-3SG
 ‘Моя жена никуда не ходит’ [ОчСЯ 1980: 299].

(95) сельк., сев., таз.

tapčely *mat* *ni-qaj-ym* (*ämtä* *qaj-ym*) *(*kuččä-nej*) *ašša* *met-ap*
 сегодня 1SG NEG-что-ACC (NEG что-ACC) *(что-EMPH) NEG делать-1SG
 ‘Сегодня я ничего не делаю’ [ОчСЯ 1980: 299].

Следует отметить, что обе стратегии засвидетельствованы как в южных, так и в северных диалектах селькупского языка. Однако все имеющиеся источники так или иначе отмечают, что в северноселькупских диалектах дистрибуция суффикса *-naj* / *-nej* крайне ограничена (местоимениями ‘кто’ и ‘что’ в номинативе; ср. (91) vs. (94), (95), в скобках), в то время как префикс *ni-* более частотен и продуктивен [ОчСЯ 1980: 298—299; Беккер и др. 1995: 129—133]. Кроме того, в северноселькупских диалектах [ОчСЯ 1980: 298] отмечается альтернативная конструкция (вероятно, с эмфатическим отрицательным значением) с частицей *ämtä* в препозиции к вопросительному местоимению (см. примеры (91), (94), (95), в скобках); эта конструкция не встречается в южноселькупских диалектах.

Таблица 3

Сводные параметры выражения отрицания
 в северных и южных диалектах селькупского языка

параметры отрицания	северноселькупский диалект	южноселькупский диалект
стандартное отрицание	<i>ašša</i> V _{FIN} <i>čä</i> V _{FIN}	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) V _{FIN}
присловное отрицание элемента Y	<i>ašša</i> Y	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>ašša</i> Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>čäänk-</i> + (TAM) N[GEN] + <i>čäänk-</i> + (TAM) N[PX] + <i>čäänk-</i> + (TAM)	<i>tfangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>ašša</i> Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>čäänk-</i> + (TAM)	<i>tfangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
отрицательные вспомогательные слова	— <i>tačal-</i> ‘не мочь’; <i>ašša</i> + V _{FIN} ‘не знать; не уметь’	‘еще / пока не’ <i>tfedalba-</i> ‘не мочь’ <i>āyā</i> + V _{FIN} ‘не знать; не уметь’
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>iki</i>	<i>ig</i> / <i>ā</i> (<i>āyā</i>)
общее отрицание	<i>ašša</i>	<i>ā</i> (<i>āyā</i>)
неопределенное отрицание	INDF <i>ni-</i> + <i>ašša</i> INDF <i>ni-</i> + <i>čäänk-</i>	INDF <i>-naj</i> + <i>ā</i> (<i>āyā</i>) INDF <i>-naj</i> + <i>tfangu-</i> / <i>netu-</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	<i>-kččlik</i> [без N _(основа)]	<i>-galk</i> [без N _(основа)]
переключение / смешение кодов — индикатив — императив	<i>ni</i>	<i>netu-</i> <i>ā</i> (<i>āyā</i>) = <i>ig</i>

В целом, в отношении морфосинтаксической симметрии [Miestamo 2005] обе системы демонстрируют скорее симметричные черты, не обнаруживая серьезных системных отличий между отрицательными клаузами и их утвердительными эквивалентами, за исключением собственно присутствия маркера отрицания. Дифференциация индикативных и императивных отрицательных стратегий соответствует типу II в типологии отрицания императивов по [van der Auwera, Lejeune 2005]. Следует, однако, сказать, что отмечаемая в южноселькупских диалектах инновация — параллельное использование маркера стандартного отрицания в императиве — сближает эту систему с языками типа I [van der Auwera, Lejeune 2005], использующими один маркер отрицания для индикатива и императива (например, с русским языком).

Таблица 4

**Сводные параметры выражения отрицания
в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах**

параметры отрицания	восточнохантыйские диалекты	южноселькупские диалекты
стандартное отрицание	<i>əntə</i> V _{FIN}	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) V _{FIN}
присловное отрицание элемента Y	<i>əntə</i> Y / <i>ni</i> Y	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>əntə</i> Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы / экзистенциальные / посессивы	X = HIGH.TOP <i>X əntim</i>	X = LOW.TOP <i>X əntim(-äki)</i>
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context) — эквативы / инклюзивы атрибутивы	X <i>əntə</i> + COPV _{FIN} (<i>wälta</i> ‘to be’) Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы	X = HIGH.TOP	X = LOW.TOP
— экзистенциальные	<i>əntim</i> + COPV _{FIN}	<i>əntim(-äki)</i> + COPV _{FIN}
— посессивы	(<i>wälta</i> ‘to be’)	(<i>wälta</i> ‘to be’)
— результативы	* <i>əntim</i> + AuxV _{FIN} (<i>jitä</i> ‘become’)	? <i>ā</i> (<i>āyā</i>) + COPV _{FIN} ?
отрицательные вспомогательные слова	‘почти’ <i>kür</i> ‘не мочь; не знать; не уметь’	‘еще / пока не’ <i>tfedalba-</i> ‘не мочь; не знать; не уметь’
	‘мочь’ + Neg (возможность)	‘мочь’ + Neg (возможность)
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>al</i>	<i>ig</i> / <i>ā</i> (<i>āyā</i>)
общее отрицание	<i>əntə</i>	<i>ā</i> (<i>āyā</i>)
неопределенное отрицание	INDF(- <i>pə</i>) + <i>əntə</i> INDF(- <i>pə</i>) + <i>əntim</i>	INDF- <i>naj</i> + <i>ā</i> (<i>āyā</i>) INDF- <i>naj</i> + <i>tfangu-</i> / <i>netu-</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	- <i>läy</i> [без N _(основа)]	- <i>galk</i> [без N _(основа)]
переключение / смешение кодов — индикатив — императив	<i>ni</i>	<i>netu-</i> <i>ā</i> (<i>āyā</i>) = <i>ig</i>

Отмечаемые примеры асимметричного отрицания в обеих системах касаются в основном примеров с прохибитивами и бытийными пропозициями. Так, обнаруживаются определенные асимметричные стратегии при выражении отрицания в бытийных пропозициях в настоящем и прошедшем временах (асимметрия связана с грамматическими категориями глагола [Miestamo 2005]), что не в полной мере укладывается в существующие типологии [Croft 1991].

Так, если в южноселькупских диалектах стратегия бытийного отрицания в целом характеризуется симметричностью, то в восточнохантыйских диалектах различаются два подтипа стратегии отрицания бытийных пропозиций: 1) для пропозиций в настоящем времени и немаркированном прошедшем — «чистый» отрицательный бытийный предикат *əntim*; 2) для пропозиций прошедшего времени — аналитическая конструкция с отрицательным бытийным предикатом *əntim* и бытийным финитным вспомогательным глаголом *wäl-ta* ‘быть’, принимающим соответствующие глагольные категориальные показатели.

тели. Такая дифференциация по признаку глагольных грамматических категорий (ТАМ) осложняет четкую классификацию в рамках существующих типологий бытийного отрицания (типы А, В, С [Croft 1991]), так как, с одной стороны, а) очевидна этимологическая связь маркеров стандартного и бытийного отрицания (*əntə* / *əntim*), с другой стороны, б) бытийный отрицательный предикат имеет собственную уникальную морфологию [*əntim(-äki)*], и наконец, в) при некоторых обстоятельствах для бытийного отрицания могут быть использованы оба маркера отрицания (стандартного и бытийного) в рамках предикативной конструкции с финитным (бытийным) глаголом 'быть' в качестве вспомогательного: в прошедшем времени — конструкция с отрицательным бытийным предикатом [*X wəlqal* 'был X' / *X əntim wəlqal* 'X несуществующим был']; в настоящем времени — конструкция с маркером стандартного отрицания в вопросах альтернативного типа [*X wəlwəl, qam əntə wəlwəl* 'есть X или не есть?'].

Сравнительный анализ диалектных данных дает основания предварительно отметить множество общих черт грамматики отрицания в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах, тогда как внутри соответствующих диалектных континуумов (хантыйского и селькупского) многие из этих черт оказываются дифференцирующими.

В перспективе исследования — рассмотрение описанных выше стратегий и параметров отрицания в более широком контексте самодийских и финно-угорских данных, возможно, с расширением типологической перспективы — с привлечением данных по тюркским языкам Западной Сибири.

Сокращения

Языки

сельк. — селькупский	хант. — хантыйский
сев. — северные диалекты	вост. — восточные диалекты
таз. — тазовский диалект	алекс. — александровский диалект
южн. — южные диалекты	вас. — васюганский диалект
вас. — васюганский диалект	вах. — ваховский диалект
нарым. — нарымский диалект	сург. — сургутский диалект
ср.-обск. — среднеобский диалект	сев. — северные диалекты
	каз. — казымский диалект

Источники

Источники по восточнохантыйским диалектам

- AGB — текст «Чуть не побили» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- V&M — текст «Птичка и мышка» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2010 г. [Фильченко, Потанина 2010] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BearStay — текст «Медведь ночевал» (хант. вас.), записан в 2012 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BH — текст «Охота на медведя» (хант. вас.), записан в 2005 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BOY — текст «Мальчик» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- EKhNeg — опросник «Отрицание» (хант. вас.), адаптирован и записан в 2012 г. на р. Васюган (Ковылин С. В., Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FA&SON — текст «Отец и сын» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FAL — текст «Первый самолет в Озерном» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FYB — текст «Смешной медведь» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- G&B — текст «Пучок травы и яголка» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

- Life — текст «Жизнь» (хант. алекс.), записан в 2007 г. (*Парнюк Л. В.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- MP — текст «Мотороллер толкали» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- M-V — текст «Матрена и Василий» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- NST — текст «Ночная смена с Тайкой» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- OMC — текст «Старик в обласке» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- OM2WM — текст «Старик и две женщины» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2012 г. [*Фильченко, Потанина 2012*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- SAB-TOL-KOM — текст «Сабун-Тольки-Комсомолец» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2010 г. [*Фильченко, Потанина 2010*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- ST — текст «След топтать» (хант. вас.), записан в 2005 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- TS — текст «Три сына» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2010 г. [*Фильченко и др. 2010*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

Источники по южноселькупским диалектам

- H-GM — текст «Как рябчик человеком стал» (сельк. южн.), записан в 1980 г. в с. Иванкино Колпашевского района Томской области (*Ким А. А., Максимова Н. П.*), глоссирование и перевод 2010 г. (*Байдак А. В., Максимова Н. П., Федотова Н. Л.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- MIFI — текст «Хозяйка огня» (сельк. южн.), записан в 1983 г. на р. Васюган (*Ильяшенко И. А., Максимова Н. П.*), глоссирование и перевод 2012 г. (*Байдак А. В., Максимова Н. П.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- SelNeg — опросник «Отрицание» (сельк. южн.), адаптирован и записан в 2011 г. на р. Парабель (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

Общие

букв.	— буквально
A	— agent of transitive clause (субъект переходного действия)
ABES	— abessive (абессив, лишительный падеж)
ACC	— accusative (аккузатив, винительный падеж)
ADJ	— adjective (имя прилагательное)
ADJZ	— adjectivizer (маркер атрибутивности)
ADV	— adverb (наречие)
ADVP	— adverbial phrase (наречная группа)
ALL	— allative (аллатив)
ATTN	— attenuative (аттенуатив, слабая мера действия)
ATTR	— attributive (атрибутивный показатель)
AUX	— auxiliary (вспомогательное слово)
AUXV	— auxiliary verb (модальный глагол, вспомогательный глагол)
CAUS	— causative (каузатив)
CLIT	— clitique (клитика)
CMPL	— complement (глагольный комплемент)
COM	— comitative (комитатив, совместный падеж)
COND	— conditional (условное наклонение)
CONV	— converb (конверб, деепричастная форма)
COP	— copula (элемент-копула)
COPV	— copula verb (глагол-копула, глагол-связка)
DAT	— dative (дательный падеж)
DER	— derivational affix (деривационный аффикс, словоизменяющий аффикс)
DET	— determiner (определяющее местоимение)

DIM	— diminutive (диминутив)
DU	— dual (двойственное число)
DUR	— durative (дуратив, аффикс длительности)
EL	— elative (элатив)
EMPH	— emphatic (эмфатический маркер)
EP	— epenthetic (соединительный элемент)
FAM	— family, collective (аффикс взаимной собирательности)
FE	— finite element (финитный элемент)
FIN	— finite (финитная форма)
FOC	— focus (фокус)
FREQ	— frequency (фреквентатив, многократный вид)
FUT	— future (будущее время)
F0	— частота F0
GEN	— genitive (генитив, родительный падеж)
H	— high tone (восходящий тон)
HAB	— habitual (хабитуалис)
HIGH.TOP	— high topicality (повышенный / первичный топик)
ILL	— illative (иллатив)
IMP	— imperative (императив, повелительное наклонение)
IMPP	— imperfective participle (имперфективное причастие)
IMPRF	— imperfective (имперфектив)
INCH	— inchoative (инхоатив)
INDF	— indefinite (маркер неопределенности)
INDF.PRON	— indefinite pronoun (неопределенное местоимение)
INF	— infinitive (инфинитив)
INGR	— ingressive (ингрессив)
INSTR	— instrumental (инструменталис, инструментальный падеж)
INTN	— intensifier (маркер интенсивности)
IPRFV	— imperfectivizer (имперфективизатор)
L	— нисходящий тон
LOC	— locative (локатив, местный падеж)
LOC1	— locative 1 (локатив, местный падеж на <i>-qin</i>)
LOC2	— locative 2 (локатив, местный падеж на <i>-nan</i>)
LOW.TOP	— low / secondary topicality (пониженный / вторичный топик)
LV	— lexical verb (смысловый глагол)
MMNT	— momentative (моментатив)
N	— noun (именная форма, имя существительное)
NEG	— negator (маркер отрицания)
NEG _{EX}	— existential negator (маркер бытийного отрицания)
NEG _{IMP}	— imperative negator (маркер отрицания при императиве)
NEG _{ST}	— standard negator (маркер стандартного отрицания)
NFIN	— non-finite (нефинитная форма)
NMLZ	— nominalization (номинализация)
NOM	— nominative (номинатив, именительный падеж)
NP	— noun phrase (именная группа)
O	— object of transitive clause (объект переходного действия)
OBJ	— objective conjugation (объектное спряжение)
OPT	— optative (оптатив)
ORD	— ordinal (порядковое числительное)
PART	— participle (причастие)
PL	— plural (множественное число)
POSS	— possessive (посессивное склонение, притяжательное склонение)
PP	— perfective participle (перфективное причастие)
PRED	— predicator affix (предикативный аффикс)
PRF	— perfective (перфектив)
PROL	— prolativ (пролатив, продольный падеж)
PRS	— present (настояще-будущее время)

PS	— passive (пассив, пассивный залог)
PST	— past (прошедшее время)
PSTN	— past narrative / past resultative (прошедшее нарративное / прошедшее результи- тивное)
PST0	— past 0 (бессуффиксальное прошедшее время)
PST1	— past 1 (прошедшее время на <i>-yas</i>)
PST2	— past 2 (прошедшее время на <i>-s</i>)
PST3	— past 3 (прошедшее время на <i>-yal</i>)
PSTP	— postposition (послелог)
PTCL	— particle (частица)
PX	— possessive (посессивный аффикс, маркер притяжательности)
RFL	— reflexive (маркер возвратности)
S	— subject of intransitive clause (субъект непереходного действия)
SG	— singular (единственное число)
SUB	— subjective conjugation (субъектное спряжение)
TAM	— tense, aspect, modality (время, аспект, модальность)
THEME	— тема
TOP	— топик
V	— verb (глагольный предикат)
V _{EX}	— existential verb (бытийный глагол)
VP	— verbal phrase (глагольная группа)
x	— произвольный элемент конструкции / модели
y	— произвольный элемент конструкции / модели
1	— первое лицо
2	— второе лицо
3	— третье лицо

Л и т е р а т у р а

- Абдрахманов 1970 — *Абдрахманов М. А.* Тексты чулымско-тюркского языка (среднечулымский диалект) // Языки и топонимия Сибири. Т. 2. Томск, 1970. С. 58—69.
- Байдак и др. 2010 — *Байдак А. В., Максимова Н. П., Федотова Н. Л.* Селькупские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 133—184.
- Беккер и др. 1995 — *Беккер Е. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Т. 1—2. Томск, 1995.
- Бирюкович 1980 — *Бирюкович Р. М.* Строй чулымско-тюркского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1980.
- Бирюкович 1984 — *Бирюкович Р. М.* Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу. Саратов, 1984.
- Бирюкович 1986 — *Бирюкович Р. М.* Номинативный аспект лингвистических единиц в языках различных типов. Межвузовский сборник. Саратов, 1986.
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005.
- Гаджиева, Бирюкович 1983 — *Гаджиева И. З., Бирюкович Р. М.* Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1983, 2. С. 315.
- Деннинг 1981 — *Деннинг Н. В.* Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Дульзон 1960 — *Дульзон А. П.* Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 9.
- Дульзон 1966 — *Дульзон А. П.* Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 446—466.
- Дульзон 1977 — *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 150—178.
- Калинина 1966 — *Калинина Л. И.* Восточнохантыйские материалы: Васюганский диалект // Полевой архив кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 1966 г.
- Кузьмина 1974 — *Кузьмина А. И.* Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Новосибирск, 1974.
- Лемская 2012 — *Лемская В. М.* Акциональность в чулымско-тюркском языке (в типологической перспективе) // Вестник ТГПУ. 2012, 10 (125). С. 98—104.

- Надь 2005 — *Надь З.* Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана // Mikola-konferencia — 2004 / Ed. *Wagner-Nagy B. Szeged*, 2005. С. 63—73.
- Надь 2011 — *Надь З.* Васюганские ханты: Изменение религиозной системы в XIX—XX веках. Томск, 2011.
- Напольских 1997 — *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Отрицание 2012 — Русская корпусная грамматика: Отрицание // <http://rusgram.ru>, 08.05.2012.
- ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушикина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Йоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993.
- Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения — 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Табл. 23. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации // www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, 2010 (дата обращения — 17.06.2013 г.).
- Потанина, Фильченко 2010 — *Потанина О. С., Фильченко А. Ю.* Полевые архивные записи, р. Васюган // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2010 г.
- Селькупы 1956 — *Прокофьева Е. Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.—Л., 1956. С. 665—686.
- Серебренников, Бирюкович 1984 — *Серебренников Б. А., Бирюкович Р. М.* Из истории некоторых глагольных времен чувлымско-тюркского языка // Советская тюркология. 1984, 6. С. 3—14.
- Соловар 2009 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск, 2009.
- Соловар, Черемисина 1994 — *Соловар В. Н., Черемисина М. И.* Выражение отрицания в хантыйском языке // *Linguistica Uralica*. 1994, 30. P. 35—46.
- Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.
- Терешкин 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.
- Фильченко 2005 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский и александровский диалекты) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2005 г.
- Фильченко 2007 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский и александровский диалекты) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2007 г.
- Фильченко 2008 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский диалект) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2008 г.
- Фильченко 2011a — *Фильченко А. Ю.* Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чувлымских диалектных данных // Вестник ТГПУ. 2011, 3 (105). С. 148—156.
- Фильченко 2011b — *Фильченко А. Ю.* Южноселькупские нарративы: Вопросник по отрицанию // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2011 г.
- Фильченко и др. 2010 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Тоноян М. Н., Третьяков Т.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 67—190.
- Фильченко, Потанина 2010 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 39—65.
- Фильченко, Потанина 2012 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2012. С. С. 24—71.
- Хелимский 1988 — *Хелимский Е. А.* Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тарту, 1988.
- Шатилов 1927 — *Шатилов М. Б.* Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1. Томск, 1927.
- van der Auwera, Lejeune 2005 — *Auwera J. van der, Lejeune L.* The prohibitive // The world atlas of language structures / Ed. *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* Oxford, 2005. P. 290—293.
- Bybee et al. 1994 — *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago—London, 1994.
- Croft 1991 — *Croft W.* The evolution of negation // *Linguistics*. 1991, 27. P. 1—27.
- Csepregi 1998 — *Csepregi M.* Szurguti osztják chrestomathia. Szeged, 1998. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1998, 6.)
- Dahl 1979 — *Dahl Ö.* Typology of sentence negation // *Linguistics*. 1979, 17. P. 79—106.
- Décsy 1965 — *Décsy G.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.
- Dixon 1994 — *Dixon R. M. W.* Ergativity. Cambridge, 1994.
- Dryer 1988 — *Dryer M.* Universals of negative position // *Studies in syntactic typology* / Ed. *Hammond M., Moravcsik E., Wirth J.* Amsterdam—Philadelphia, 1988. P. 93—124.

- Dryer 1992 — *Dryer M.* The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992, 68. P. 81—38.
- Dryer 2005 — *Dryer M.* Negative morphemes // *The world atlas of language structures* / Ed. *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* Oxford, 2005. P. 454—457.
- Filchenko 2006 — *Filchenko A.* The Eastern Khanty Loc-Agent constructions: Functional discourse-pragmatic perspective // *Demoting the Agent* / Ed. *Solstad T., Lyngfelt B.* Amsterdam—New York, 2006. (= *Linguistik aktuell*. 2006, 96.) P. 47—83.
- Filchenko 2007 — *Filchenko A.* Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
- Givon 2001 — *Givon T.* *Syntax: An Introduction*. Vol. 1—2. Amsterdam—Philadelphia, 2001.
- Glossing rules — Leipzig Glossing Rules / *Comrie B., Haspelmath M., Bickel B.* // <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, 2012.
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern ostyak chrestomathy. Bloomington, 1966.
- Gusev forthc. — *Gusev V.* Negation in Nganasan // *Negation in Uralic Languages* / Ed. *Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B.* Amsterdam—New York, 2014 (в печати).
- Hajdú 1968 — *Hajdú P.* Chrestomathia Samojedica. Budapest, 1968.
- Hajdú 1970 — *Hajdú P.* Zur Syntax der negativen Verbalformen im Samojedischen // *Symposium über Syntax der uralischen Sprachen* / Ed. *Schlachter W.* Göttingen, 1970. S. 90—106.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory.) Oxford, 1997.
- Helimski 1998 — *Helimski E.* Selkup // *The Uralic Languages* / Ed. *Abondolo D.* London, 1998. P. 480—515.
- Honti 1984 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1984.
- Honti 1997 — *Honti L.* Die Negation im Uralischen. I—III // *Linguistica Uralica*. 1997, 33. S. 81—96, 161—176, 241—252.
- Jackendoff 1972 — *Jackendoff R.* *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, 1972.
- Jespersen 1917 — *Jespersen O.* *Negation in English and other languages*. Munksgaard in Komm—København, 1917.
- Kahrel 1996 — *Kahrel P.* Aspects of Negation. PhD thesis. Amsterdam, 1996.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge, 1994.
- Li et al. 1976 — Subject and Topic / Ed. *Li Ch.* New York, 1976.
- Miestamo 2005 — *Miestamo M.* Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective (= *Empirical Approaches to Language Typology*, 31.) Berlin, 2005.
- Miestamo 2009 — *Miestamo M.* Negation // *Grammar, Meaning and Pragmatics* / Ed. *Brisard F., Östman J.-O., Verschueren J.* Helsinki, 2009. P. 208—229.
- Miestamo et al. 2011 — *Miestamo M., Wagner-Nagy B., Tamm A.* Uralic Negation: Questionnaire. 2011 (manuscript).
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. München—Newcastle, 1999.
- Payne 1985 — *Payne J. R.* Negation // *Language Typology and Syntactic Description* / Ed. *Shopen T.* Cambridge, 1985. P. 197—242.
- Selkirk 1984 — *Selkirk E.* *Phonology and Syntax: The Relation between Sound and Structure*. Cambridge, 1984.
- Van Valin, LaPolla 1997 — *Van Valin R., LaPolla R. J.* *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge, 1997.
- Veselinova 2006 — *Veselinova L.* Toward a typology of negation in non-verbal and existential sentences // *The 80th Annual Meeting of the Linguistic Society of America* (January 5—8, 2006, University of New Mexico) // www.ling.su.se/staff/ljuba/Non-verbalNegation01.pdf, 2006.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages // *Soumalis-ugrilaisen Seuran toimituksia* (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*), 262. Helsinki, 2011. P. 336.
- WALS 2011 — *The World Atlas of Language Structures* / Ed. *Dryer M. S., Haspelmath M.* // *The World Atlas of Language Structures Online*. Max Planck Digital Library, 2011. (<http://wals.info>, 2011.)

РЕЗЮМЕ

Основной целью статьи является синхронное описание морфосинтаксических, просодических, семантических, прагматических и социолингвистических свойств отрицания в грамматических системах двух уральских языков Западной Сибири — восточнохантыйских и южноселькупских диалектах. Данные идиомы находятся в отдаленном генетическом родстве и характеризуются продолжительным лингвокультурным контактом в среднем течении Оби в пределах Томской области. На базе имеющегося корпуса проведен анализ данных в локальной и типологической перспективе, с предпосылками для последующего ареального (обско-енисейского) и генетического (уральского) контекста. В общетипологическом плане обе рассматриваемые системы демонстрируют синтаксическую стратегию отрицания с последовательной морфосинтаксической симметрией в соответствии с доминирующим базовым порядком слов SOV. Однако отмечаются также частные случаи асимметрии в бытийных конструкциях и конструкциях с неопределенными / отрицательными проформами.

SUMMARY

The paper reviews the morphosyntactic, prosodic, semantic, pragmatic and sociolinguistic features of negation in two endangered indigenous Uralic languages of Western Siberia: Eastern Khanty and Southern Selkup. These languages have remote genetic affiliation falling respectively within the Finno-Ugric and the Samoyedic branches of the Uralic language family. At the same time they are characterized by the extended cultural and linguistic contact in the area of the middle Ob river in Tomsk region. Based on the available corpus the data is analyzed in the general typological context, with a prospect for local areal Siberian and genetic Uralic perspective. From the typological standpoint Eastern Khanty and Southern Selkup syntactic negation strategies demonstrate consistent overall symmetry in accordance with the dominant SOV word order tendencies. However, there are special cases of asymmetric strategies associated with existential negation and negation with indefinite / negative proforms.

Ключевые слова: типология, отрицание, селькупский язык, хантыйский язык, асимметрия, Западная Сибирь

Keywords: typology, negation, Selkup, Khanty, asymmetry, Western Siberia

Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте)

В статье рассматривается марийская лексика игр с костями и деревяшками. Это наиболее древний пласт игровой терминологии, и буквально каждое слово тут является своего рода свидетельством культурно-исторических контактов народов Евразии. Именно в контексте (тюркском, русском, финно-угорском) и будут рассмотрены в данной статье марийские лексемы.

Сравнительное изучение игровой терминологии является одним из инструментов исторической реконструкции игр прошлого. Игровая терминология достаточно «инертна». С изменениями материальной культуры одни игры уходят, сменяясь новыми; игровая кость сменяется деревянным обрубком, шаром, монетой, пробкой, палка — мячом. Но новые игры наследуют терминологию прежних игр, в том числе и заимствованную из других языков (как правило, де- и пересемантизированную).

Марийские игры недостаточно представлены в литературе¹, и описания игр интересующего нас жанра буквально единичны. Марийская игровая терминология до настоящего времени еще не становилась объектом специального исследования и весьма скромно представлена в словарях. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что на сегодняшний день в существующих публикациях полностью отсутствуют какие-либо данные о марийских названиях сторон игральной кости (!)², и есть лишь два источника, в которых упоминаются стороны деревянной плашки (шашки), исторически заменившей кость (в словари эти данные, однако, не попали).

В настоящее время собирать такой этнографический материал уже очень сложно, поскольку марийская традиция игр в кости к концу XX в. была полностью утрачена. Мы благодарны фольклористу из г. Пермь Татьяне Геннадьевне Голевой, которая любезно предоставила нам свои экспедиционные записи по играм от жителей марийских деревень Суксунского и Октябрьского районов Пермского края (2010—2012 гг.). Данные пермские материалы (игры «Сак», «Капке», «Пешки» [Голева 2012]³), публикации игр «Щелчки» [Покровский 1886: 40; Покровский 1895: 361—362], «Шакляка» [Китиков 1993: 65—66], «Шыгыле» [Михайлов 2012: 250], а также речевые примеры, касающиеся игр «Шыгыле» и «Шакмак» из марийского диалектологического словаря Эдера Беке [Веке 2001: 2283, 2339], собиравшего финно-угорские лингвистические материалы от военнопленных в австро-венгерских лагерях времен Первой мировой войны, составили фонд источников марийской игровой лексики, которая анализируется в данной статье.

Оба описания игры «Щелчки» от Е. А. Покровского (1886 и 1895 гг.) в английском переводе вошли в сборник П. Г. Брюстера и Т. А. Шебеока “Studies in Cheremis: Games” [Brewster, Sebeok 1958: 37—43]⁴. Позднее эти материалы были опубликованы П. Г. Брюстером в отдельной статье в журнале “Zeitschrift für Ethnologie” [Brewster 1965: 265—267]. В обоих изданиях (1958 и 1965 гг.) П. Г. Брюстер проводит типологические параллели от марийских «Щелчков» к подобным играм (в основном, в кости) народов мира: римлян, греков, испанцев, персов, американцев, марокканцев, тюрков, немцев и др.⁵

¹ Наиболее объемные публикации по марийским играм — сборник П. Г. Брюстера и Т. А. Шебеока (американское издание на английском языке, 97 текстов с описаниями и упоминаниями игр) [Brewster, Sebeok 1958], сборник А. Е. Китикова (на марийском языке, 99 игр) [Китиков 1993] и наш сборник (на русском языке, около 110 марийских игр) [Ключева 2012].

² Намного лучше описаны игровые культуры удмуртов и коми, в том числе традиции игр в кости [Долганова, Морозов 2002; Рассыхаев 2002].

³ Игры «Капке» и «Пешки» из коллекции Т. Г. Голевой с позволения автора опубликованы в нашем сборнике [Ключева 2012: 316].

⁴ Сам Е. А. Покровский ссылается на Г. Безденежных, описавшего эту игру [Покровский 1886: 40]. Марийское название игры записано Е. А. Покровским как *Шеллектэны-мудоне*, у П. Г. Брюстера соответственно — *Şelçekteny-tudone*. Искаженное: *Шелчек дене модына* ‘щелчками играем’ или *Шелчек дене модмо* ‘игра щелчками’.

⁵ Добавим, что, конечно, были и подобные русские игры с деревянными заместителями костей (например, лужская игра «Алёшки» [СРНГ, 1: 234]). Интересно, что название мелких обрубков ветлы, употребляемых в этой игре (*алёшки*), очевидно, связано с лексемами тюркского происхождения, такими как *альча*, *алеч* ‘сторона игральной кости’, *альчики* ‘игральные кости’.

В первой публикации Е. А. Покровского (1886 г.) приводятся названия положений деревянной плашки: *дырка* или *комдык* ‘навзничь’, *доверька* или *кумук* ‘ничком’, *поп* или *шолгалеш* ‘встает’. В пермской коллекции этим положениям соответствуют *ошо* ‘белая’ (срезом вверх), *шиме* ‘черная’ (спинкой вверх) и *тэра́* (на ребро, «на попа»). Не исключено, что слова *дырка*, *доверька* (и *поп*) у Е. А. Покровского являются не аутентичными марийскими игровыми терминами, а русскими словами, которые использовал в своем описании игры Г. Безденежных, от которого Е. А. Покровский узнал эту игру; так, П. Г. Брюстер, приводя эти термины, делает пометку (R) — Russian. Однако термины *дырка* и *доверька* и как русские диалектные игровые лексемы достаточно специфичны, могли использоваться игроками-мари (черемисами) Вятской губернии (учитывая, что во второй публикации игры Е. А. Покровский приводит только их) и потому включены в наш обзор марийской игровой лексики.

С другой стороны, ряд марийских терминов для игр с костями и деревяшками являются прямыми заимствованиями из диалектов русского языка (без изменения фонетической структуры слова) и не нуждаются в особых комментариях: *шишка* (< *шапка*), *плишка* (< *плашка*), *поп* (*попик*), *бабки*.

Таким образом, в данной статье проводится этимологический анализ наиболее специфических терминов, употребляемых в марийских играх с костями и деревяшками и не вошедших в существующие марийские словари (*доверька*, *дырка*, *тэра*, *йывыли*, *сак*, *сука*), двух словарных лексем, описанных, однако, в существующих источниках не во всех значениях (*шыгыле* и *шакляка*), а также лексемы *шакмак*. Полное описание игр, в которых содержится данная лексика, представлено в *Приложении*.

1) Доверька

Доверька — положение игровой деревянной «суки» кверху брюшком (Вят.) [Покровский 1895: 361—362]; вероятно, русское заимствование: искаженное (при записи?) *дове́дка* (от *дове́дь*) — дамка в игре в шашки, пешка, «дове́денная» до противоположного края доски. Слово *дове́дь* в этом значении зафиксировано у В. И. Даля [Даль 1863—1866], а также как диалектное сибирское слово [СРНГ, 8: 83]. Термин *дөведь* как название игровой кости в играх на шашечной доске встречается в коми игровой традиции [Рассыхаев 2002: 97]⁶.

2) Йывыли

Йывыли ‘специальная чугунная бита в игре с костями (*капке*) на льду’ (Перм.) [Ключева 2012: 317]; эта пермская лексема соотносима с мар. Г *йёвёллэ* ‘гладкий’ [ММО], ‘скользящий, слизкий’ [Саваткова 1981: 42], ‘слизкий’ [Васильев 1926: 319]. Вариативная конечная гласная *и/а* встречается в марийских прилагательных: ср. *йёвыжжа*, *йёвыжи* ‘нежный’.

Также вполне характерно для марийского языка, когда одна лексема выступает в качестве прилагательного и существительного, например: *шакляка* ‘неровный; неровность’ [Ключева 2013]. Отсюда *йывыли* как название биты — гладкая, скользящая, буквально «скользяшка», что вполне соответствует функции этого предмета в игре: бита, которую запускают в капке (кости) прокатывается, скользит по льду. Ср.: в мордовской зимней игре в бабки в качестве биты использовалась деревянная плитка (у каждого игрока своя), «облитая водой, замороженная и отшлифованная» (либо плитки отливали из свинца) [Таракина 1978: 129].

Игровой термин *йывыли* сопоставим также с мар. В *йёвыши* (елабужское, устар.) — «хорошо обструганный ствол елочки для игры, в мороз смачивается водой, с силой бросается по насту, (...) движется как змея» [Вершинин 2011: 131], — а также с мар. В *йёвыж* (кукморское) — кривая палка, вид волокуши, на которую накладывается сено или солома, «а лошадь таскает этот *йёвыж*» [Вершинин 2011: 131].

Слово *йывыла* в марийском языке происходит, по мнению А. Н. Куклина, от чув. *ййва-* ‘катать, валять’ [Куклин 2013]. *Ййва-* в чувашском языке «встречается только в производных формах: *ййвала-* ‘валять, катать; тереть, мять’, *ййвалан-* ‘кататься (по земле), валяться; катиться’, *ййвалакала* — учаш. ф. от *ййвалан-*, *ййвалантар* — понуд. ф. от *ййвалан-*, *ййваланчак* ‘нечто валяющееся; заваль’, *ййвалаттар* —

⁶ Коми исследователи, зафиксировавшие игру *дөведь* в 1962 г., делают вывод о ее особой архаичности и самобытности названия: «До сих пор не приходилось слышать, что шашки (которые теперь широко распространены повсеместно) пришли на место бабок. Не известно было и о шашечной доске, тем не менее, игра существовала, по видимому, очень давно, ибо сохранилось самобытное название *дэвэдь* (*дөвөдь*), да и память об этом сохранилась в самом дальнем пункте по р. Илыч, в Сарьюдине, где вообще обнаружен ряд оригинальных культурно-бытовых элементов, которые можно объяснить только традицией» [Жеребцов, Грибова, Куратов 1963] (цит. по: [Рассыхаев 2002: 97—98]).

понуд. ф. от *йавала-*, *йаван* ‘валиться, вальнуться, повалиться, перевалиться, свалиться, перевернуться’ и др.» [ЭСЧЯ, 1: 176—177]. Тюркские соответствия: чаг. *йувала-* = тур. *йуварла-* ‘катать’; чаг. *йувалат* = тур. *йуварлат* ‘заставить катиться, покатить’; тур. *йува-* ‘кружить, вертеть’, *йуван-* ‘кружиться, вертеться’; тобол. *йувар* ‘раскатывать тесто’; тур., кр.-тат. *йуварла* ‘катать’ и др. [ЭСЧЯ, 1: 176—177]. Там же приводятся тат. и башк. соответствия: тат. *эвэлэ-* ‘скатывать, скатать; валять; лепить’; башк. *эүэлэ-* ‘мять, разминать; раскатывать (тесто), катать, валять’. Нельзя исключать, что заимствование слова в марийский язык произошло из татарского.

3) Дырка, тэра

Дырка и *тэра* — термины, обозначающие стороны деревянной плашки. *Дырка* (Вят.) [Покровский 1895: 461—462] и *тэра* (в современной марийской орфографии, скорее, *тыра*) (Перм.) [Ключева 2012: 317], как нам представляется, связаны между собой и могут быть сопоставлены со следующими русскими игровыми терминами:

а) *дыра* (*дирá*, *горá*) — положение игральной кости боковой стороной с ямкой вверх (ср. *альча* на Рис. 1) [Пьянкова 2003; КСГРС];

б) *тюря* — положение кости «на левый бок» (?) (Нижегор.) [Кудрявцев 1871: 175]; учитывая, что остальные три стороны называются в [Кудрявцев 1871] *жох*, *ничка* и *плоцка*, то *тюря* — это, вероятно, положение плоской стороной вверх (ср. *таган* на Рис. 1);

в) *дура* — также положение кости боковой плоской стороной вверх (Симб., Кубан.) (ср. *таган* на Рис. 1) [Покровский 1895: 321];

г) *бырка* — при игре в орлянку монета, ставшая ребром (Яросл.) [СРНГ, 3: 348].

Рис. 1. Названия сторон игральной кости из описания игры «По-татарски» (Астрах.) [Покровский 1895: 333]

Ср. в коми традиции *розь* ‘дыра’ (с. Читаево и с. Объячево Прилузского района Республики Коми) и *гор*, *горья* ‘каменка’ (с. Койгородок Койгородского района Республики Коми) — диалектные названия стороны игральной кости горбом вниз (ср. *чик* на Рис. 1) [Рассыхаев 2002: 94].

Таким образом, лексему *дырка* вполне можно считать заимствованием из русского языка, а термин *тэра* является, соответственно, некоторой его модификацией. Оглушение начальной *д* вполне характерно для марийских заимствований из русского языка, например: мар. Г *дом* > *томá*, *думать* > *тумáяш*, *дети* > *тетявлá*.

Однако, учитывая, что запись лексемы *тэра* была сделана собирателем, не владеющим марийским языком, произнесенное информантом слово, возможно, правильнее интерпретировать как искаженное *тöра*⁷. В таком случае данный игровой термин можно попытаться объяснить и как собственно марийское слово — *тöра* ‘господин, владыка, судья, начальник, чиновник’. В марийском языке это заимствование из татарского: тат. *түрә* ‘начальник’; ОТю *тöрэ* ‘судья; суд’; др.-тюрк. *тöр*, *тöрэ* ‘закон’ [Ахметьянов 2001: 216], *törä* ‘закон, обычай’, *törü* ‘порядок, правило, закон’ [ДТС 1969: 580—581]; см. также [Исанбаев 1994: 155].

Обратим внимание, что *тэра* в игре — это положение плашки на ребро (то, что называется «на по-па»). В аналогичной мордовской игре в шашки (в описании игры на русском языке) это положение шашки так и называется — «на по-па» [Таракина 1978: 130]. *Поп* и *судья* — здесь наблюдается некая смысловая синонимия.

Названия сторон деревяшки (как рус. *поп* и мар. *тöра* ‘господин, начальник, судья’) являются, по нашему мнению, рудиментами некоторой утраченной системы названий для сторон игральной кости, в основе которой лежал социальный код. Ср.: поставленный «на по-па» деревянный обрубок, который в

⁷ Ср. также мар. *трай*, *тыра*, *максымтара* [ММО], *тöйрэй* [Вершинин 2011: 624] ‘божья коровка’.

марийской игре *клёк* сбивают палками с определенного расстояния, назывался (по словам информанта 1927 г. р.) *салтак* ‘солдат’ (Волжский район РМЭ) [Ключева 2012: 154]; в некоторых восточных говорах марийского языка битка в игре в бабки называется *молла панга* (*молла* ‘жрец’ < тат. *мулла*) [Вершинин 2011: 338]. Потому уместными оказываются следующие параллели, которые проводит П. Г. Брюстер: ‘царь’ (*vasilyas*), ‘визирь’ (*vezivis*), ‘осел’ (*ghadaros*), ‘пекарь’ (*promas*) — греческие названия сторон кости; ‘король’⁸ (*shah, padishah*), ‘визирь’ (*vezir*), ‘крестьянин’ (*dihban*), ‘раб’ (*duzd*) — персидские названия [Brewster 1965: 267]⁹. Есть определенная вероятность, что цепочка заимствований термина была сложнее: рус. *пон* сопоставим с мар. *тёрá* (у которого могли быть некоторые тюркские аналоги¹⁰) > рус. *дыра́* (*дыра́, гора́, дура, тюря*) > мар. *дырка*.

К тому же, для русской игровой традиции термин *дыра* (*гора, дура, тюря*) как название стороны игровой кости достаточно специфичен, зафиксирован именно в контактных зонах (Русский Север, Пермская, Нижегородская, Симбирская и Курганская губернии) и характеризуется разбросом семантики от ‘гора’ до ‘дыра’¹¹.

4) Сак, сука

Сак (Перм.) [Голева 2012] — «конская кость» (по словам информанта), т. е. лодыжка (?) лошади в функции игрушки. Кость изображает в игре лошадь, ее «запрягают» в самодельную «тележку», на которой потом что-нибудь возят. У луговых мари Волжского района РМЭ (примерно того же поколения: 1920—1930-е гг. р.) подобная игра с повозками-лаптями называлась *Конный дворла* ‘в конный двор’, но лошадь изображалась не костью, а сами игроки «запрягались» [Ключева 2012: 314].

Суки (Вят.) [Покровский 1895: 461—462] — половинки деревянных кружков (шашек) в игре «В щелчки». Аналогичная игра под названием «Чибк,ла» (в публикации именно такая орфография; правильно: *чівыкла* ‘щелчки’) годом позже была описана как горномарийская [Кушелев 1896], но в этой публикации марийские названия плашки и ее сторон не приводятся.

Марийские игровые термины *сак* и *сука* — слова тюркского происхождения (от ОТю *saqa ‘бита в бабках, самый крупный из альчиков’, ‘бабка’) [ЭСТЯ, 7: 170]. В марийский язык они могли попасть как из тюркских языков, так и из русского, в диалектах которого широко распространены.

В статье А. В. Дыбо «Некоторые заимствования в русских названиях игровых костей» [Дыбо 1993: 9—15] и в сборнике «Новое в русской этимологии» [НРЭ 2002: 85—90, 269—270] дан подробный обзор тюркской лексики со значением ‘бабка, бита’, производной от ОТю *saka, а также проводится сопоставление с монгольской (*siqa) и тунгусо-маньчжурской (*siaka). Отмечено, что из тат. *сага* ‘козон’, *сага* ‘бита, крупный альчик в игре’ происходит чув. *саха* ‘бабка’, *сака* ‘бита’, а также русские диалектные термины, такие как *сок* ‘бита’ (Дон.) [НРЭ 2002: 85].

В русских диалектах лексема *сак* (*сака*) имеет три основных значения: 1) ‘игральная кость’; 2) ‘сторона игровой кости’ (обычно горбом вверх) <ср. *пук* на *Рус. I*>; 3) ‘кость-бита’ — (а) ‘налитая свинцом бабка’ («свинчатка»); (б) ‘бабка, вылитая из чугуна; чугунная бита’ («чугунка»). Лексема *сак* зафиксирована в данных значениях у русских в Прикамье, Вятской, Владимирской, Тверской и Вологодской губерниях, а также в Южной Сибири: в Забайкалье, в Амурской и Иркутской областях [СРНГ, 36: 47]. Лексема *сака*, имеющая те же значения, зафиксирована в Пермской, Челябинской, Чкаловской, Тобольской и Томской областях (губерниях) [СРНГ, 36: 47]; *сака* (ударение неизвестно) — в Вятской (положе-

⁸ П. Г. Брюстер переводит перс. *shah* на английский язык как *king* ‘король’.

⁹ П. Г. Брюстер проводит также аналогию между подобными названиями для сторон кости и английской игрой “Rich man, poor man, beggar man, thief”, а также сходной немецкой [Brewster 1965: 267]. Социальный код в игровой терминологии, являясь своего рода универсалией, проявляется в определенных формах современного детского игрового фольклора. Так, в дворовой игре «Квадраты», популярной в том числе и в Республике Марий Эл, четыре игровых поля, на которых стоят игроки соответственно своим достижениям в игре, называются *король* (*император*), *принц* (*дама*), *солдат* (*валет, подмётка*), *говно* (*дворник, подмётка*) [Ключева 2012: 126].

¹⁰ К сожалению, у нас не достаёт данных о диалектных названиях для сторон кости у тюрков Урало-Поволжья. Нельзя исключить (но и доказать, за недостатком данных), что подобное положение кости могло называться «судей», «властелином» и у тюрков.

¹¹ В качестве примера заимствования в русские диалекты Урала марийской игровой лексемы приведем также русскую игру с нехарактерным названием «Ёж» [СРНГ, 8: 325], аналогичную очень популярной марийской игре *Йос* (*Йош*) ‘горноста́й (?)’ [Китиков 1993: 18; Ключева 2012: 301]; возможно, то же — *Йож* (упоминание игры без описания) [Ключева 2012: 373].

ние кости бугром вверх) [Кудрявцев 1871: 175]; там же — *саки-боки*¹² [СРНГ, 36: 49]. *Сакой* — вид игры в бабки (Перм.) [Петухов 1863: 14].

Сак — это еще и название деревянной чурки, рюхи для игры в городки, т. е. предмета, исторически заменившего в игре кость (Твер.) [СРНГ, 36: 47].

Производными от *сака* (*сак*) являются следующие игровые термины: *сакать* (Новг., Перм.), *сакаться* (Перм., Челяб., Вят., Свердл., Ср. Урал) [СРНГ, 36: 48], *сакаться* (Ташкент) [Ключева 2012: 160—161], *сачить* (Нижегор.) [Кудрявцев 1871: 175], *сачиться* (Вят.) [Покровский 1895: 321], *секать* (Волог.) [СРНГ, 37: 124] ‘бросать кости во время жеребьевки перед игрой’; возможно, *посачить* ‘ударить мячом противника (при игре в мяч)’ (Вят.) [СРНГ, 30: 138].

Что касается финно-угорских языков, то *сак* как наименование стороны игральной кости известно в коми игровой традиции [Рассыхаев 2002: 189], тогда как у мордвы сторона деревянной плашки называется *соки* [Брыжинский 2009: 175—176].

Лексема *сок* как название стороны кости встречается и в некоторых русских диалектах: Симб., Астрах. [Покровский 1895: 320], Вят. [Покровский 1895: 324], Вят., Пенз., Чкал. [СРНГ, 39: 236]; *сока* ‘то же’ (Вят., Пенз.) [СРНГ, 39: 236]. *Сок* (*сока*) как название биты известно на р. Дон и р. Урал [СРНГ, 39: 236]; *сочка́* — кость-бита (Дон.) [СРНГ, 40: 94]; *соха́* — баранья косточка с налитым в нее свинцом для игры в кости (р. Урал) [СРНГ, 40: 80]; *сошка* — клинышек (чижик) в игре (Смол.) [Покровский 1895: 300].

Сокать — ‘бросать биты для определения того, кто начнет игру в бабки’ (Чкал.) [СРНГ, 39: 237]; возможно, в Карелии: «*сокать* [знач. ?]. Делали козлы и сокали» (КАССР, 1970 г.) [СРНГ, 39: 237]. *Козлы* здесь, скорее всего, деревянные бабки. Ср. также: *сочкать*, *сочкнуть* ‘сбрасывать, сбивать, сшибать’ (Тамб., Твер., Сиб., Брян.) [СРНГ, 40: 94]; *сошить* ‘при игре в мяч попасть мячом в одного из участников’ (Иркут.) [СРНГ, 40: 98].

Особое место среди тюркских игровых терминов, восходящих к праалтайской форме **siaka*, занимает чув. *шук* ‘жох (положение бабки хребтиком вверх при игре в козны)’: «Чув. *шук* и его булг. прототип **šox*, по-видимому, явились источником заимствования в тюрк. языки с передачей начального *š*- как *š*- (<...>). Те же тюрк. (кыпч. ?) формы, заимствованные из булг., могли отразиться в тюрк. языках Кавказа с начальным озвончением (явление, характерное для балк.). Такая форма с озвончением, очевидно, и явилась источником рус. игрового термина *жох*, первоначально через диалекты казаков на Северном Кавказе» [НРЭ 2002: 87].

Приведем примеры производных от данной лексемы в русских диалектах: *жушка* ‘игральная кость’ (Куйбыш., 1945—1964 гг.) [СРНГ, 9: 235]; *жук* ‘игральная пробка’ (Брян.) [LJ 2012]¹³; *джунга* (Н.-Дон., 1929 г.) ‘стоячее положение игральной бабки — айданчика’ [СРНГ, 8: 45]; *жукать*, *жукнуть* ‘бить’ (Олон.), *жукнуть* ‘швырнуть’ (Орл.) [СРНГ, 9: 223].

«Окающие» формы:

— *шоха* ‘игральная пробка’ (Киров.) [Ключева 2012: 166];

— *жох* ‘сторона игральной кости’ (Астрах., Кубан.) [Покровский 1895: 320], (Арх.) [Ефименко 1877: 153], (Олон.) [Петров 1863: 785—786], (Нижегор.) [Кудрявцев 1871: 175], (Тамб., Курск., Калуж., Костром., Новг., Пск., Арх., Волог., Яросл., Нижегор., Твер., Моск., Тул., Дон.) [СРНГ, 9: 217];

— *жок* ‘то же’ (Тул.) [Покровский 1895: 320]; *жог*, *жоха* (Волог.) ‘то же’ [Иваницкий 1890: 156]; *жог*, *жожок* ‘то же’ > *жогá*, *жожкí* ‘вид игры в бабки’ (Курск.) [Покровский 1895: 323];

— *жох*, *жошок* ‘сама игральная кость, бабка’ (Влад.); *жобика* ‘то же’ (Твер.) [СРНГ, 9: 218];

— *жохаться* (Влад., Костром.) [СРНГ, 9: 218]; *жохать*, *жохаться*, *жокать*, *жокаться*, *жоковать* (Волог.) [СРНГ, 9: 218]; *жэхаться* (Костром.) [СРНГ, 9: 147] ‘метать жребий перед игрой; бросать кость, чтобы кость упала *жохом*; то же, что и *сакаться*’;

— *жэгать* (Вят., Яросл., Олон., Арх., Перм., Урал, Зауралье, Новосиб., Томск., Енис.) ‘ударять, бить, колотить’ [СРНГ, 9: 98]; *жэхнуть* (Сиб.) ‘ударить’ [СРНГ, 9: 147].

Термин *жог* в значении ‘сторона кости’ употребляется также в диалектах коми [Рассыхаев 2002: 94].

Производные «екающие» формы:

— *жешкí* ‘игра в бабки, в которой стараются положить как можно больше бабок на *жох* (*жешóк*) — плоскую сторону’ (Пск., Твер.) [СРНГ, 9: 148];

— *жехать* ‘кидать игральные бабки так, чтобы они ложились плоской стороной — *жохом*’ > *жехастая бабка* ‘бабка, которая всегда ложится *жохом*’ (Пск., Твер.) [СРНГ, 9: 147];

¹² Вятское выражение *саки-боки*, складывающееся из названий двух противоположных сторон кости (*сак* и *бок*), сравнимо с устойчивым выражением *чики-пуки* (*чик* и *пук*). От *чик*, скорее всего, происходит и *сика* — бабка, лежащая на выпуклой стороне (Твер.) [СРНГ, 37: 299].

¹³ Однако в данном случае игральная пробка может называться «жуком» и просто по внешнему сходству.

— *жехаться* (Пск., Твер.; ? Новг., Влад., Костром.), *жеховаться* (Калуж.) [СРНГ, 9: 147], *жегаться* (Олон.) [СРНГ, 9: 99] ‘то же, что и *жохаться* (*сакаться*)’;

— *жегануть* (Волог., Перм., Тул.), *жегонуть* (Костром., Яросл., Нижегород., Волог., Твер., Тобол.) [СРНГ, 9: 98—99], *жегнуть* [Даль 1863—1866] ‘ударить’.

«Акающие» формы:

— *жаги* ‘бабки (игральные кости)’ (Калуж.) [СРНГ, 9: 56];

— *жак* ‘возглас в игре в бабки’; *расхватать жаком*: «Если кто, в игре в бабки, сжилит, то кричат: “Жак!” — расхватывая, кто что может» (Орл.) [СРНГ, 9: 61; Даль 1863—1866];

— *жах* ‘быстрый резкий удар чем-либо’ (Курск.) [СРНГ, 9: 87];

— *жакнуть* ‘хватить, ударить (чаще о морозе)’ (Орл.) [СРНГ, 9: 61].

Особый интерес представляет переход $a > y$ с сохранением начального согласного c - (*сака* — *сука*) в ряде русских игровых терминов (как в марийских лексемах *суки* и *сак*), который привел к семантизации слова в бранном ключе: *сука* ‘игральная кость’ (Волог.) [Даль 1863—1866], ‘игральная кость, кость-бита’ (Волог., Олон.) [СРНГ, 42: 196]; *сукой* ‘вид игры в бабки’ (Перм.) [Петухов 1863: 14]; *сучка* ‘деревянный шар и игра с ним, в которой этот шар загоняют палками в лунку’ (б. м.) [Сахаров 1837 (2000): 153], (б. м.) [Даль 1863—1866], (Тул.) [Покровский 1895: 278], (Арх., Курск., Калуж., Волог., Тобол., Смол.) [СРНГ, 43: 35] (другие названия подобной игры в русских диалектах — *касло*, *котел*, *шар*, *свинка*); *сука* ‘то же’ (Костром., Калинин.) [СРНГ, 42: 196].

Игры, в которых мяч закатывается в лунки (подобные русской игре *сука*), были широко распространены у башкир, татар, нанайцев, ульчей, киргизов, казахов, ногайцев и калмыков. Башкирская игра подобного рода называется *сэкан* [Шагапова 2000: 11], из чего следует, что до мяча в подобных играх использовалась кость.

Ср.: *сука* ‘деревянный шар’ — играют на льду двумя командами в игре типа хоккея (Орл.; Смол., 1858 г.) [СРНГ, 42: 195; Даль 1863—1866]; *сук* ‘шар в игре типа чижа’ (Ряз., 1902 г.) [СРНГ, 42: 193]. См. также: *сучка*, *сучок* (Яросл.) ‘плаха, на которую ставится шар, сбиваемый в игре палками’ [Терещенко 1848: 72], т. е. здесь наблюдается переход названия на смежный предмет; ср.: *сука* (в неигровом значении) ‘короткая твердая чурка; бабка, которая служит подставкой подо что-либо’ (Волог.) [СРНГ, 42: 195; Даль 1863—1866].

Также специфичны следующие значения лексем с корнем *сук*-. *сучка* ‘приспособление для скатывания с гор в виде небольшой скамейки’ (Яросл.) [СРНГ, 43: 34]; *суцка* ‘небольшие санки для катания с гор в виде лотка со скамейкой’ (Яросл.) [СРНГ, 43: 30]; *сука* ‘самодельные санки из скамейки (или корзины, решета), которую обмазывают навозом, обливают водой и выносят на мороз, чтобы она замерзла и скользила с горы’ (Влад., Петерб.) [СРНГ, 42: 195] (обмазывание дна самодельных санок навозом известно и мари: такие санки называются *ийвол* ‘ледяное корыто’ [Китиков 1993: 15—16]); *суки* ‘комья замерзшей земли на дороге’ (Ворон.) [СРНГ, 42: 192].

Первое (ярославское) значение связано, очевидно, с названием плашки, на которую ставят сбиваемый шар в ярославской игре (см. выше), второе может быть ему аналогичным. Воронежское же значение, имеющее отношение к мерзлой грязи, объясняется тем, что зимой вместо кости (деревянного обрубка, шара) в игре мог использоваться кусок замерзшего навоза или грязи. Выполняя в игре функцию кости, такие комки (замерзшей грязи, навоза) получили соответствующее название — *сука*; по-видимому, в дальнейшем слово *суки* в значении комков грязи стало употребляться не только в игровом контексте. Ср. также следующие языковые свидетельства существования такого рода игр, когда зимой игральная кость заменяется мерзлым куском грязи или навоза:

— *клёк* (< чечен. *ghulg* или ингуш. *gholg* ‘бабка’ [Дыбо 1993: 14; НРЭ 2002: 89]) ‘деревянный обрубок или бутылка в современных играх’ (название, широко распространенное в Поволжье как у русских, так и у финно-угров: мари и мордвы), в русском языке также имеет значение ‘мерзлый комок грязи’, зафиксированное В. И. Далем [Даль 1863—1866];

— *терька* (рус., Перм.) ‘замерзший конский навоз’; *теря* ‘игра, в которой этот комок пинают в ноги друг другу’ [Петухов 1863: 17] (напрашивающееся сопоставление: мар. *терьс* ‘навоз’, также чув. *тирѣс*, тат. и кр.-тат. *тирес*, башк. *тиреҫ* ‘то же’);

— *шляк* (рус., Вят.) ‘грязь, отстающая комками от обуви’ [Фасмер 1964—1973], ‘бабка игральная’ (Твер., Волог., Яросл., Калуж., Орл., Тамб.) [Даль 1863—1866] в сопоставлении с мар. *шакляка* ‘щиколотка, лодыжка; игральная кость’, ‘мерзлые комки грязи’ [Куклин 2013];

— *карта-панга* — марийское название подобной игры, букв. ‘комки (из) кишки’ (т. е. кал животного), хотя в игре не обязательно использовался именно комок навоза, а чаще — обледенелый деревянный обрубок, чурбанчик [Васильев 1926: 153]¹⁴.

¹⁴ В другой игре с тем же названием, но немного другого типа (подобной *шыгыле*) использовались высушенные кубики из картофеля (Новоторъяльский район РМЭ) [Ключева 2012: 161].

5) Шыгыле, шакляка

Марийская игра с *шыгыле*, косточками-лодыжками (Республика Башкортостан, Балтачевский район, с. Мишкино) [Михайлов 2012: 250], подобна широко распространенным играм в камушки, когда костяшки подкидываются вверх и ловятся то ладонью, то тыльной стороной ладони [Всеволодский-Гернгросс 1933: 527—530]¹⁵. Игра в кости с таким же названием — *шыгыле* — известна луговым [Васильев 1926: 282] и пермским мари (Пермский край, Октябрьский район, с. Верх-Тюш) [Голева 2012], а также упоминается в словаре Эдера Беке — *шыгыле-панга* (Вятская губерния, Уржумский уезд) [Веке 2001: 2239]. Но в описании Э. Беке игра несколько иная, чем у В. Т. Михайлова: в ней лодыжки не подкидывают вверх, а выстраивают в ряд (см. Приложение). Такой вариант *шыгыле* ближе к игре *шакляка*, в которой с доски, прибитой к колу, сбиваются шесть костей (*шакляка*), поставленные в ряд [Китиков 1993: 65—66].

Марийское слово *шыгыле* многозначно: помимо игровой кости, оно обозначает бородавки (небольшие округлые наросты на коже), наросты на листе (галлы) и коре деревьев [ММО], а также, по данным М. Р. Федотова [ЭСЧЯ] со ссылкой на Г. В. Лукьянова [Лукьянов 1974: 32], глухой узел (мар. Г *шыгбиль*; *шыгыль*, *шөгиль* [ЭСЧЯ, 2: 459]). Таким образом, некоторое общее значение этого слова — ‘нарост; нечто выступающее’ (на коже, листе, коре). Вместе с тем первичным и основным значением слова *шыгыле* в марийском языке является ‘бородавка’. Ср. также (в связи с *сука* ‘кость’) *сучья* ‘мозоли, бородавки’ (Бурятская АССР) [СРНГ, 43: 37].

Обозначение наростов на коже и дереве этимологически связанными словами (и / или даже одним словом) можно продемонстрировать также на примере пермских языков, например: удм. *лэг* ‘бугор, холм; волдырь’¹⁶, опухоль; шишка, нарост’ и этимологически связанные с ним коми *йӧнгиль*, *йӧг* ‘нарост на дереве, шишка, волдырь’; ОПерм. *jog ‘нарост, шишка, бугорок’ [Лыткин, Гуляев 1999: 112].

Кроме того, коми слово *йӧг* является и игровым термином — оно обозначает деревянный шар из березового капа, который сбивают с пенька [Семакова 1999: 64]. Коми игра в *йог* (в источнике запись слова без умлаута) аналогична марийской игре *шакляка* (в которой тоже сбивают кость, а точнее — шесть костей) и еще более — мордовской игре *шлыган* [Брыжинский 2009: 45—46]. В мордовской игре *шлыган* — это деревянный конус, который сбивается с кола; по форме он напоминает мордовский женский головной убор типа кокошника — *шлыган* (< *башлык*), — чем и объясняется название игры (по описанию В. С. Брыжинского). Возможно, прежде было некое другое мордовское (?) слово, созвучное марийскому *шакляка*, обозначающее кость и позднее сменившееся словом *шлыган* (с переосмыслением: в игре словно сбивается башлык с головы).

Вернемся к марийскому слову *шыгыле*. По мнению М. Р. Федотова, *шыгыле* в марийском языке является заимствованием чув. *шѣхѣл*, *шѣкѣл*, *шѣкѣле* ‘бородавка’ [ЭСЧЯ, 2: 457]. Ср.: ОТю *сигил* (*сөгэл*), праформа по Дж. Клонону — *sigöl [ЭСТЯ, 7: 286—287]; тат., башк. *сүйәл* ‘бородавка’, ‘сухая мозоль’. Однако, согласно К. Редее и И. Эрдеи, марийское слово *шыгыле* ‘бородавка’ восходит к лексическому слою уральского происхождения: «бородавка: *čüklä или *čükl'a* > фин. *suylä*; саам. *čiw'hle*; морд. *цильгя*, *сылгя*; мар. *шыгбиль*; венг. (др.-венг.) *süly*, *sül*; сельк. *šjla*» [ОФУЯ 1974: 400]¹⁷; ср. также удм. *шогылѣ*, эст. *soolatüügä* ‘бородавка’. М. Рясänen считает финское слово (*suylä*, *syplä*; лив. *sügl*) родственным тюркским формам [Räsänen 1969: 429]. Аналогичный вывод можно сделать и относительно марийского *шыгыле* (т. е. это слово относится к общему урало-алтайскому лексическому слою).

Для нас важно отметить именно многозначность данной лексемы в марийском языке: в игре это слово обозначает не бородавку, а игральную косточку. На уровне позднейших контактов мари и чувашей эта лексема в производных значениях уже могла заимствоваться в обоих направлениях, например: чув. *шокӓлля картас* ‘срубить здание без углов’, согласно М. Р. Федотову, восходит к мар. Г *шыгыль*, *шөгиль* ‘глухой узел’ [ЭСЧЯ, 2: 459].

Марийская лексема *шакляка* (мар. Г *шӓклякӓ*), по мнению А. Н. Куклина, является «исконно марийским словом» [Куклин 2013]; в словарях оно фиксируется в значении ‘лодыжка, щиколотка’, а в мар. Г — также в значении ‘сустав (пальцев рук, ног), костяшка’ [ММО]. М. Р. Федотов возводит к марийскому *шакляка* ‘лодыжка’ чувашское слово *шеклеке* ‘чашечка’, *чӓпроҫ шеклеки* ‘коленная чашечка’, не предлагая дальнейшей этимологии [ЭСЧЯ, 2: 453].

¹⁵ Увидеть, как играли в *шыгыле* (поворачивая ладошки), можно в видеосюжете телекомпании «Марий Эл ТВ» о марийских национальных играх (дата публикации на видеохостинге YouTube — 09.02.2010 г.): см. на времени 4:00 — 4:20 [Mari traditional games 2010].

¹⁶ Ср.: тур. *сигил*, *сийил*, этимологически связанные с общетюркской лексемой *сигил* (‘бородавка’), обозначают прыщ [ЭСЧЯ, 2: 439].

¹⁷ На данный источник нам указал А. Н. Куклин [Куклин 2013].

В ранних словарях марийское слово *шакляка* фиксируется также следующим образом: *шолякă* ‘сустав пальцев, щиколоток, сочленение’ [Троицкий 1893: 79]; *шакляк, шаклак* ‘щиколотка’ [Васильев 1926: 255]; *шакляк* 1. ‘косточка запястья, лодыжки’, *йол-шакляк, кид-шакляк* (Казан., Вят. губ.); 2. ‘деревянная подошва лаптя’, “fatalp a hancsbockoron” (Царевококшайский и Чебоксарский уезды Казан. губ.) [Веке 2001: 2282]; *шакляка* ‘влажная <nedves (венг.); feucht, naß (нем.)> (погода)’ (Малмыжский уезд Вят. губ.) [Веке 2001: 2283]¹⁸.

Добавим, что лексема *шакляка* имеет также значение ‘неровный, шероховатый; неровность, шероховатость’ (мар. Л) [Ключева 2013], в том числе, как было отмечено выше, по отношению к неровностям на почве — замерзшие комки грязи на дороге [Куклин 2013]. *Шакляка* в значении ‘нарост (на пальцах)’ <какой именно?> зафиксировано также в марийских диалектах Татарстана и Удмуртии [Вершинин 2011: 697]¹⁹. В диалектах мар. Г *шăклякă* имеет также значение ‘бородавка’, по-видимому, из-за контаминации с *шăгăль* [Ключева 2013]²⁰.

Этимология мар. *шакляка*, по-видимому, тюркская. Ср. башк. диал. *шақалак, шақалай* ‘головка кости, щиколотка’; тат. диал. *шақай* ‘щиколотка’; чув. *шакă* ‘таранная кость’, *шак(ă)* ‘бита; камешки в игре; палка в игре в чижа’, *шек* ‘козон’; башк. диал. *һақы* ‘бабка’, *һақташ* ‘игра в пять камушков’ [ЭСТЯ, 7: 171]. В свою очередь данные тюркские слова восходят к монгольскому слову **siǵa(i)*, которое является параллелью к ОТю *saka. Бурятское существительное *шагай* ‘лодыжка, щиколотка, бабка’ (> рус. диал. *шагайки* (Сиб.), *шугаи* (Астрах.) ‘игра в бабки’ [Покровский 1895: 320]) — также из данного лексического слоя монгольских слов [Дыбо 1993: 9—11].

Что касается финно-угорской лексики для игр в кости, М. Р. Федотов указывает на совпадение значений чув. *шакă* (*шагă*) и коми *шег* [ЭСЧЯ, 2: 434]. Но В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев этимологически связывают коми *шег* ‘лодыжка, игральная кость’, ‘позвонок’ с удм. *шег* ‘отросток, нарост на дереве; внутренняя часть дерева вокруг сердцевины’; ср. ОПерм. *šeg ‘позвоночник, костяк, остов’, ‘ствол’ [Лыткин, Гуляев 1999: 318]²¹.

Вместе с тем др.-рус. *шега* ‘игра в кости или в шашки’ фиксируется в «Устюжской Кормчей» — рукописи рубежа XIII—XIV вв. [Срезневский 1912: 1585]²².

¹⁸ Вряд ли *шакляка* здесь имеет значение ‘влажный’, скорее — ‘плохой’, ‘грязный’. Языковой пример в словаре Э. Беке: *Шакляка кече, мотор кече огыл, ночно кече, южеш канна лум лумеш, йур йуреш, ловран* ‘Неровный (неприятный) день <Schlackwetter (нем.)>, некрасивый день, сырой день, то снег идет, то дождь, грязно’. *Кече* ‘день’ здесь уместно перевести и как ‘погода’ (*игече*), что и делает Э. Беке.

¹⁹ В словаре [Вершинин 2011] *шакляка* переводится как «нарост», но из приведенного там речевого примера не совсем ясно, о каких именно наростах идет речь (возможно, о бородавках): «*Шакляка парняш та монь лектеш иле, агытанан шпоржым туге огыт ман*» ‘*Шакляка* на пальцах или еще где выходила(-и), а шпору петуха так не называют’.

²⁰ Значение ‘бородавка’ было отмечено в январе 2013 г. в записи от уроженки с. Сарлатово Горномарийского района РМЭ — З. Н. (1944 г. р.); сам опрос происходил в г. Йошкар-Ола. Был задан вопрос: «Что такое *шăклякă*?». Ответ (сразу, без размышления): «бородавка»; затем, в ходе разговора, З. Н. добавила: «мозоль». Не исключена и ошибка информанта, поскольку при следующем опросе (через два дня) во время выяснения значения слова *шăгăль* З. Н. сказала: «Вот *шăгăль* — это точно бородавка», — и относительно значения имени *шакляка* уже задумалась, удивилась и уверенно ответить не смогла. Сестра З. Н. (1948 г. р.) на вопрос «Что такое *шăклякă*?» ответила: «Не знаю, не помню»; племянница З. Н. (1979 г. р.) ответила: «Щиколотка». При опросе М. В. (1979 г. р.), уроженки с. Еласы Горномарийского района РМЭ, первым значением слова *шăклякă* было дано ‘костяшки пальцев’, вторым — ‘щиколотка’. *Шакляка* как ‘неровный; неровность’ — ответ А. Р. (1948 г. р.), уроженца с. Малые Параты Волжского района РМЭ. «Что может быть *шакляка*? О чем можно так сказать?». Ответ А. Р.: «Пол (<...>, чаще всего о ступенях (деревянных, истертых, в доме)». Значение ‘щиколотка’ лексемы *шакляка* информанту А. Р. не знакомо. См. сравнение шероховатого, истертого пола с бородавками в следующей цитате: (*Ошма дене эре мушмо дене*) *кўвар онаште укш-влак копасе шыгыль семын лектыныт* ‘(От постоянного мытья песком) на досках пола сучки, как бородавки на ладони, выступали’ (Картотека «Марийско-русского словаря»).

²¹ Ср.: коми слово *тишак* ‘гриб, нарост на дереве, трут, плесень, болезненный нарост на теле животного’ > рус. *чага* [Лыткин, Гуляев 1999: 288].

²² Второе значение слова *шега*, зафиксированное в [Срезневский 1912: 1585], — ‘насмешка, шутка’. Относительно *шега* в значении ‘шутка’ определенная этимология дана в словаре М. Фасмера: «“Шутка”, только др.-рус. *шегавь* “непостоянный”, *шегати* “высмеивать”; цслав. *шага* еѹтрапеліа, *scurrilitas*, *шагати* “шутить”; болг. *шега* “шутка”; словен. *šega* “обычай, нрав, хитрость”. По мнению Младенова (692), родственно др.-инд. *khāñjati* “хромает”, др.-исл. *skakkr* “косой, хромой”, др.-в.-н. *hinkan* “хромать”, греч. *σκάζω* “хромаю”, но ср. относительно др.-инд. слова Майрхофер 297. Недостоверно» [Фасмер 1964—1973]. Ср. тюрк. *шок, шух, шук*, монг. *шоог*, перс. *шух* со значением ‘шутка; шутливый’ [ЭСЧЯ, 2: 463—454].

Следующий любопытный языковой пласт — русские диалектные названия для игры в кости, созвучные мар. *шакляка*, *шакляк*: *шкляк*, *шкуль* (Пск.) [Даль 1863—1866]; *шляк*, *шляка* (Волог., Яросл., Олон., Калуж., Твер., Тамб.) [Даль 1863—1866]; *шлякы* (Херсон.) [П. П. 1902: 404], *шлякы* (Белорус.) [Никифоровский 1897: 36]; *шляки* (Белорус.) [Романов 1912: 584]. Помимо значения ‘игральная кость’ В. И. Даль приводит и следующее значение лексемы *шляк* (*шляка*): ‘палка в пол-аршина, чурочка, застроганная с концов, по которым, играя, бьют палкою; чирок, чиж’ [Даль 1863—1866]. Ср.: *челяк* — игра, «азиатская разновидность чижа» (Ташкент) [ГД]²³.

М. Фасмер относительно слова *шляк* приводит следующий комментарий: «Шляк “лезвие ножа”, “бабка игральная”, Твер., Волог., Яросл., Калуж., Орл., Тамб. (Даль), “пуговица” ⟨...⟩. Со вторым знач. также *шкляк*, Олон. ⟨...⟩ Наряду с этим — *шляк* “грязь, отстающая комками от обуви”, Вят. ⟨...⟩, ср. также: *кровь пошла шлякáми* “... сгустками”, Яросл. (Волоцкий). Первонач. знач. могло быть “щепка, чурка”. Если предположить образование с арготической приставкой *ш(у)-* от **klek-*, то можно было бы установить связь с *кляч* “кляп” и т. д. (см. выше). Недостоверно» [Фасмер 1964—1973].

Таким образом, связь мар. *шакляк* ‘лодыжка’ и рус. (Олон.) *шкляк* ‘бабка игральная’ здесь не отмечена и в существующей литературе пока не прокомментирована. Такое совпадение может быть либо проявлением древнерусского лексического слоя в марийском языке, либо финно-угорского (тюркского) субстрата в русских диалектах.

Как производные от *шляк* возникают следующие русские игровые термины: *шлюха*, *шлюшка* ‘игральная кость’ (Волог., Влад., Вят., Олон., Мезен.) [Фасмер 1964—1973], (Арх.) [Подвысоцкий 1885: 193], (Перм.) [СРНГ, 3: 90]; *шлюжка* ‘игра в бабки, маленькие кости для игры в бабки’ (Белгор., Курск., Ср. Урал) [СРНГ, 38: 328]; *люшка* ‘то же’ (Перм., Свердлов., Байкал., Сиб.) [СРНГ, 17: 251] (ср. *шлюха* ‘главная кость в ноге животного, идущая от голени до ступни’ (Волог.) [Дилакторский 1902 (2006): 570])²⁴; *шла* (Нижегор.) [Кудрявцев 1871: 195] (*шлой* — название нижегородской игры, в которой клюшками гоняют деревянный шар (*шла?*); выражение *сделать шлу* означает ‘забить гол’). Вероятно также: *ляки* ‘детская игра’ (какая?) (Арх., Олон.) [СРНГ, 17: 272]; *ляги* ‘игральные пробки из-под одеколona’ (Нижегор.) [Ключева ЛА 2012: №10]²⁵.

Русские диалектные игровые термины *ляки*, *ляги* (< ? *шляки*) в свою очередь сопоставимы с финно-угорскими словами: *лек* ‘щиколотка, бабка у лошади’, ‘обрубок жерди’, ‘деревянные бабки в игре’ (нижневыхегодский, верхневыхегодский, печорский, присыктыкварский и среднесысольский диалекты коми) [Рассыхаев 2002: 95], удм. *leky* ‘лодыжка, бабка’; ср. ОПерм. *l'ekz* ‘лодыжка’ [Лыткин, Гуляев 1999: 158].

Возвращаясь к русскому диалектному слову *шляк*, заметим, что помимо значения ‘кость’ у него было и «денежное» значение: *шляг*, *щеляг* (*щълягъ*, *щелягъ*, *щлягъ*) ‘монета’ (начало XII в., «Повесть временных лет») [Срезневский 1912: 1596, 1615—1616]. Традиционно это слово связывают с формами *склязь* и *шкиль* ‘монета’ и считают германским заимствованием — от *scilling* [Срезневский 1912: 1587, ст. 372]; церковнославянское *skulezi* также определяется как германское заимствование [OED]. Само слово *шиллинг* — прагерманское²⁶.

²³ Для игровых культур Средней Азии более характерным названием игры типа чижа является *чилик* (*челик*) ‘ведро’ — по названию центральной лунки в игре.

²⁴ Ср. также: *девушка* ‘разновидность бабки’ (‘кость для игры’) в языке детей; «*Тата, мы с Ваней играли в бабки* (бабки) *и я выиграл три девушки*» (Мурман.) [СРНГ, 7: 320]. Такой термин может оказаться «синонимом» к слову *шлюшка*, либо, что вероятнее, он связан с определенными играми, в которых некоторые кости окрашиваются и наделяются особым статусом (и получают особые названия). В имеющейся литературе описаний таких игр на русском материале нами не обнаружено, но есть мордовский пример — игра «От родни к родне». В ней среди множества использовавшихся в игре простых плашек (деревянных заместителей первоначальных костей) было четыре красных, которые назывались «невестами», и четыре синих — «женихи» [Брыжинский 2009: 177—180]. Возможно, «девушки» в русских играх в кости — это аналог мордовских «невест».

²⁵ Однако нижегородское название пробок — *ляги* — может быть сокращением от *лягушка*: ср. *жаба* — название игральных пробок в Кирове и Перми [Ключева 2012: 166—167]. С другой стороны, не следует путать приведенные слова с русским *лѣга* (< *лежать*, *легла*): «1) в игре в городки, в рюхи — каждая из рюх, поваленных ударом палки, но не вылетевших за черту (Олон.); 2) игральная кость, бабка. Онеж., Онеж. былины, 1948. || В игре в кости, в бабки — определенное положение игральной кости (Волог.). То же: *лѣг*- Волог.» [СРНГ, 16: 309].

²⁶ “*Skellingaz: Goth *skilliggs* ‘shilling, golden solidus’, ON *skillingr* ‘gold coin, aureus’, OE *scillingz* ‘shilling’, OFris *scilling* id., OS *scilling* id., OHG *scilling* id. Derived from *skellan; ⟨...⟩ to *skaljō; ⟨...⟩ to *skelduz ~ *skeldiz similar to or influenced by the Romance usage of Lat *scūtum* ‘shield’ as a name of a coin; ⟨...⟩ from Rom *scella < *silicula ‘little coin’; ⟨...⟩ originally, shield-like clipeoli on the Roman gravestones; ⟨...⟩ from **skel-* ‘to split, to cut’ ⟨...⟩” [Orel 2003: 338].

Однако заметим, что: 1) слова *шляг*, *шеляг* (*щълагъ*, *щелагъ*, *щлагъ*) упоминаются в «Повести временных лет» (начало XII в.) для обозначения денежной единицы, которой «Вятичи платили дань Козарам» (!) [Срезневский 1912: 1615—1616], поэтому естественнее предположить, что это не германская денежная единица, а некое слово, знакомое как хазарам (булгарам-тюркам), так и славянам-вятичам; 2) одним словом *шляг* (*шляк*) в русском языке называется и кость, и монета, потому логичнее предположить, что первично значение ‘кость’, а вторично — «денежное» (ср. жарг. *бабки* ‘деньги’). Кости могли служить эквивалентом денег; этнографические сведения о расплате косточками за труд детей и подростков имеются на коми материале²⁷.

Таким образом, древнерусское слово *шляг* ‘монета’ может быть этимологически связано с приведенными выше финно-угорскими и тюркскими лексемами, обозначающими игральную кость; ср. также русское «темное» слово *щиколка* (*щиколотка*)²⁸, уточнение этимологии которого, в том числе в свете приведенного в данной статье лексического материала, должно составить тему отдельного этимологического исследования. То же можно сказать и относительно упомянутых выше древнерусских слов *скулези*²⁹, *шкиль*, *шега*.

б) Шакмак

В игре *шакмак* деревянной битой (*панок*) сбивают выстроенные в ряд деревянные чурочки (*шакмак*); кто из ребят попадет — забирает все чурочки себе (Бирский уезд Уфимской губ.) [Веке 2001: 2283].

В марийском языке слово *шакмак* ‘чурка, брусок’ [ММО], ‘деревянный цилиндр для игры’ [Веке 2001: 2283] является тюркским заимствованием: *шакмак* ‘чурка’ (бирский и калтасинский говоры мар. В); тат., башк. *шакмак* ‘то же’; чув. *шакмак*, ккалп. *шакмак* ‘кусок’; ср. кирг. *шакмак* ‘лучина’ [Исанбаев 1994: 185].

Другие значения слова *шакмак* в марийском языке — ‘клетка; клетчатый’ [ММО], ‘липовые лутошки, которые кладут в самовар вместо угля’ [Веке 2001: 2283]. В словаре Э. Беке интересна помета, с которой начинается словарная статья: «*šakmak* В VJ /= *kozna* M!» [Веке 2001: 2283] (*шакмак* Бирский уезд /= *козна* Малмыжский уезд). Это прямое упоминание игральных костей (мар. *козна*, рус. *козны*), с которыми, по-видимому, могли играть в ту же (или подобную) игру.

Выводы

В статье рассмотрено девять марийских игровых терминов: *доверька*, *дырка*, *тэра*, *йывыли*, *сак*, *сука*, *шыгыле*, *шакляка* и *шакмак*. Первые два из них были определены как заимствования из русского языка, *тэра* — под сомнением (тюркское или русское); *шыгыле* — слово, восходящее к общему урало-алтайскому лексическому фонду; остальные лексемы — тюркизмы (в случае с *сак* и *суки*, вероятно, через русское посредство). В статье также показаны пласты русской и финно-угорской игровой терминологии, этимологически связанной с рассмотренной лексикой (прежде всего тюркского происхождения).

Приложение

1) *Щелчки* (черемисская игра Вятской губернии). Берется липовая, или другой породы, палочка, в палец толщины, распиливается на отдельные кружочки, в роде костяшек на канцелярских счетах; потом кружочек раскалывается на половинки. Половинки называются *сука*; суки же кроме общего названия, имеют особо три прозвища: *дырка*, *доверька* и *ноп*. Прозвища эти означают: *дырка* — ту суку, которая при метании ляжетверху брюшком; *доверька* — ту суку, которая при метании ляжет на брюшко, вверх кружком; *ноп* — ту суку, которая при метании опрокинется стоймя. Игра составляется из четырех мальчиков; каждому дается по восьми сук. Все мальчики, один за другим, метают свои суки в виде жеребь-

²⁷ «Одно из первых упоминаний (игр в шегу) принадлежит известному собирателю Г. А. Старцеву, который сообщает, что этими косточками производился расчет с мальчиками, нанятыми для вывозки навоза» [Рассыхаев 2002: 91].

²⁸ «*Щиколка*, *щиколка*, *щиколотка*, укр. *щиколоток*, род. п. *-тка* — то же. Связь с *лодыга* (...) недостоверна. Весьма сомнительно сравнение первой части (там же) с лат. *sissum* ‘кожура граната, ничто’, заимствованным из греч. *κίκκος*, которое считают иноязычным (...). Точно так же весьма сомнительно родство со *щекóлда*» [Фасмер 1964—1973].

²⁹ Ср. церковнославянское *skulezi* ‘монета’ и коми *скузи* ‘самая маленькая кость надкопытного сустава коровы; игральная кость’ (с. Межадор Сысольского района Республики Коми) [Рассыхаев 2002: 99].

евки на попа: у кого больше встанет сук на попа, тот и начинает первый игру. Он обирает у мальчиков все сука в одну, или в обе руки, метает их в покат на стол с двухвершковой вышины и рассматривает: сперва попов и выбирает их; потом пальцем щелкает одну дырку или доверьку, так чтобы она ударилась с другою сукою одного прозвища, т. е. с родною сукою; иначе право игры переходит другому мальчику, а первый остается при том числе сук, сколько до этого выщелкал и взял попов. Из ударившихся сук одна берется на руки, а если одна из них встанет на попа, то берутся обе суки. Другой же мальчик также мечет оставшиеся в наличности суки и выбирает сперва попы, а потом, указанным выше порядком, другие суки. Так продолжается поочередно всеми мальчиками до тех пор, пока не будут разобраны по рукам все суки. Когда при игре остается две суки, то они должны принять от метания родство и удариться щелчком, а если одна из них встанет на попа, то игрок не делает щелчка, а берет обе суки по преимуществу, по старшинству поповой суки; не щелкаются две суки и тогда, когда лягут не родственно, не парно, например — одна брюшком, а другая кружком, а переходят для метания к другому. Оставшаяся в игре одна сука не выигрывается никем, пока не встанет на попа. При метании случается, что одна сука ложится краем на другую суку, отчего бывает невозможно щелкать ими другую, а вместе обеих щелкать не допускается; тогда из партии поднимается одна сука безразлично и ею ударяются вразбивку уложившиеся суки до принятия правильного лежания. После розыгрыша все суки в отдельности у игроков пересчитываются; у каждого должно быть свое число: восемь сук. Кто имеет большее число против восьми, значит — имеет выигрыш; а выигранные суки раздаются тем детям, у которых не досчитывается свое число. С передачею сук, выплачиваются мальчику по лбу, или по кисти руки, щелчки по одному за проигранную суку. Затем игра возобновляется так же, как и в первый раз, и право первометания дается большинством поповых сук» [Покровский 1895: 361—362].

2) «**В пешки** (Пермский край, Суксунский район, с. Красный Луг; информант 1940 г. р.). Пешки делаются из липовых лутошек. Кружки высотой около 1,5 см разрезаются пополам, делятся между участниками игры поровну, счет раздачи ведется по парам. Затем один из игроков (как определялась очередность, не выяснили) берет в руки все пешки и бросает их на ровную поверхность от себя, смотрит по вставшим фигурам. Если одна пешка лежит на второй, и обе они смотрят вниз одной и той же стороной — это *каша*, обе пешки себе забирает игрок. Если пешка стоит на ребре — это *тэра́*, тоже игрок забирает себе. Если пешка лежит вниз отрезанной стороной, а вверх — полукруглой, это *ш́име* ‘черная’, наоборот — *о́шо* ‘белая’. Игроку нужно черной выбивать черную, белой — белую. Если попадает правильно в одну из пешек, забирает себе пешку, которой бил, или в которую бил по своему усмотрению (выбирает в зависимости от их расположения). Если не попадает, очередь переходит к другому игроку. Если нечаянно задевает при выбивании другие пешки рукой, тоже очередь переходит к другому. Если берет одну из стоящих друг на друге пешек (положение каши), а вторая при этом качается (не стоит неподвижно), то очередь переходит к другому. Такие пешки можно не трогать. Когда очередь переходит к другому игроку, он снова бросает все пешки и также играет. В конце игры все пешки должны быть выбиты, т. е. они находятся у игроков. Они считают, у кого сколько лишних, у кого недостает до количества розданных первоначально. У кого лишние — ставит щелбаны или «кормит оладьями» того игрока, у которого пешек оказалось меньше. *Кормить оладьями, давать оладьи* — хлопать по ладошке. *Оладьи съела*» (описание игры Т. Г. Голевой [Голева 2012]; опубликовано в [Ключева 2012: 316]).

3) «**Капке дене модыт** ‘С костями играют’ (Пермский край, Суксунский район, с. Красный Луг; информант 1935 г. р.) — игра в кости, суставы овец, которые называются *ка́пке* (произносится: *ка́пкэ*). Раньше у игроков были целые мешки таких костей. Играли парни. Зимой заливали гладкую ледовую площадку, метров 50—100. Выставлялись кости, которые игроки выбивали специальными чугунными (*күртньо́*) битами — *йывыли́* (*льывыли́*). Если кто попадет, выбьет все *капке* — его выигрыш. Если нет — проиграл, ставишь еще. Играли так и дома. Кроме *йывыли* в качестве биты могли использовать *банок* (*панок*) — кость, в которую залито олово. В с. Тебеняки битка называлась *пли́шка*, а игру могли называть и *капке*, и по-русски — *бабки*» (описание игры Т. Г. Голевой [Голева 2012]; опубликовано в [Ключева 2012: 316]).

4) «**Сак** (Пермский край, Суксунский район, с. Красный Луг; информант 1935 г. р.). Из конской кости — *сак маныт* («саком» называют — *М. К.*). Его хомут делали, запрягивали. Делали-то из ивы. Салазки делали для этой лошади, дугу делали. Вот запрягали. Лошадь — костебная. Дети дак сами делали. Запрягали. Из ниток всё это делается. Вицу отрежут, здесь немного привяжут, вот и салазки получаются. А лошадь — кость такой, одна <кость>» (расшифровка фонограммы [Голева 2012]).

5) **«Шыгыле»** (Башкортостан, Балтачевский район, с. Мишкино; играло поколение 1932 г. р.). *Ожно тиде модыш утларакшым Шорыкйол пайрем годым модыныт. Модшо-влак 9 шыгыльым (изи мечым) кўшкө шуэн, кок кидкопа (урзо) дене кученыт. Кө эн шуко гана шуэн, тудо сенгышышт лектын. Шыгыльым кучымо годым кидым алмаштылыныт: ик гана кидтуп, вес гана кидкопа дене кученыт. Варажым польшкалыше шыгыле-влакым иктын-иктын кышкен, а модшо (тангасыше) кок кидтуп дене поген. Көн кидше утларак лывырге, тудо сенгышышт лектын. Умбакыже сенгыше-влак ике коклашышт тангасеныт. Мучашлан ялан эн чулым, лывырге кидан айдеме модыш гоч палемдалтын»* [Михайлов 2012: 250].

Перевод: «В прошлом в эту игру играли в основном во время праздника *Шорыкйол* (Рождество). Игроки, подбросив вверх девять лодыжек (маленьких мячиков), ловили их двумя ладошками. Кто сделает большее число бросков, становится победителем. При ловле косточек руки поворачивали: ловили через раз то тыльной стороной ладони, то самой ладошкой. Потом помощник подбрасывал косточки вверх по одной, а играющий (соревнующийся) ловил их обеими руками (тыльной стороной ладоней). У кого руки самые гибкие, выходил победителем. Потом победители соревновались между собой. В конце по игре узнавали, у кого самые гибкие и проворные руки» (перевод М. А. Ключевой).

6) **Шыгыле-панга.** *«Шыгыле-пангам ушкал йолгеч луктыт, шыгыле-пангам ужалат кумырлан вич мужерым, тугак шындылыт»* [Beke 2001: 2283].

Перевод: «Костяшки-шыгыле достают из лошадиных ног, костяшки-шыгыле продают по пять пар за копейку, их так ставят».

В немецком переводе этого текста в скобках добавлена пометка [wie die Holzstäbchen] ('как эти палочки'): видимо, рассказчик показывал, как расставляют кости.

7) **Шакляка.** *«Тоям мландыш, пел метр наре коден, кырен шындат. Тоя мучашеш тореш пудалыме кашташ Лу сантиметр кутышан куд шаклякам (ожно годым лу падырашым, кызыт пу дене ыштыме пу пангам) йөнештарат. Шерева почеш икте оролыше лиеш. Мольшит, 6—7 метр торашике каен, тоям черет дене менге үмбак кышкат. Логалмеке, шаклякаже мўндыркө каен возеш. Оролжо, шаклякам мўнгеш кашташике пижыктен, чекышке (кышкыше-влакын палемдыме линейышт) куржеш. Мольшит тояшит дека куржыт. Тоям налын, мўнгеш чекыш куржыт. Кө шенгелан кодеш, тудо вес ганалан оролышо лиеш»* [Китиков 1993: 65—66].

Перевод: «В землю вбивают палку (полено, кол), оставив снаружи конец высотой около полуметра. На прибитую сверху к этой палке доску ставят шесть десятисантиметровых *шакляка* (раньше это были кости, сейчас — деревянные обрубки). По жребью один становится водящим (*орол* 'сторож'). Остальные отходят на 6—7 метров и по очереди бросают палки в полено. Если попасть — *шакляка* далеко отлетают. Водящий, поставив *шакляка* обратно на доску, бежит на *чек* (линию для бросающих палки). Остальные бегут за своими палками. Кто остается последним, становится новым сторожем» (перевод М. А. Ключевой).

8) **Шакмак.** *«Шакмакым лымыште-вара дене тиске дене пўчкеден ыштат; кок мучашыже тёр, покшелже чумураш, кужутишо ик вершок кужут лиеш; їрвезлак урем покшелан рāt тен шындат, вара пу дене панокым ыштат лапкан, вара ту панок тене шакмакым пāрен модыт мўндўрчўн; кө логалта шакмакеш панокым, тудо шакмакым виге поген налеш, вара угуч шыеденмодыт»* [Beke 2001: 2283].

Перевод: «Чурочки (*шакмак*) делают из липовых лутошек, распилив ножовкой; два конца прямые, а середина округлая, длина — один вершок будет (около 4,5 см); парни посреди улицы в ряд (их) ставят, потом из дерева панок делают низко (плашмя?), потом этим панком чурки издали выбивают; кто попадет панком в чурки, тот все чурки забирает, потом снова поставив играют» (перевод М. А. Ключевой).

Сокращения

Языки

балк. — балкарский	др.-венг. — древневенгерский
башк. — башкирский	др.-в.-н. — древневерхненемецкий
болг. — болгарский	др.-инд. — древнеиндийский
булг. — болгарский	др.-исл. — древнеисландский
венг. — венгерский	др.-рус. — древнерусский
греч. — греческий	др.-тюрк. — древнетюркский

ингуш. — ингушский	тат. — татарский
кирг. — киргизский	тобол. — тобольский говор
ккалп. — каракалпакский	тур. — турецкий
кр.-тат. — крымско-татарский	тюрк. — тюркские
кыпч. — кыпчакские	удм. — удмуртский
лат. — латинский	укр. — украинский
лив. — ливский	фин. — финский
мар. — марийский	хант. — хантыйский
мар. В — восточномарийские диалекты	цслав. — церковнославянский
мар. Г — горномарийский	чаг. — чагатайский
мар. Л — луговой марийский	чечен. — чеченский
монг. — монгольские	чув. — чувашский
морд. — мордовские	эст. — эстонский
нем. — немецкий	Lat — латинский [Orel 2003]
ОПерм. — общепермский	OE — древнеанглийский [Orel 2003]
ОТю — общетюркский	OFris — древнефризский [Orel 2003]
перс. — персидский	OHG — древневерхненемецкий [Orel 2003]
рус. — русский	ON — древненорвежский [Orel 2003]
саам. — саамский	OS — древнесаксонский [Orel 2003]
сельк. — селькупский	Rom — романские [Orel 2003]
словен. — словенский	

Географические наименования

Арх. — Архангельская губерния (область)	Новг. — Новгородская губерния (область)
Астрах. — Астраханская губерния (область)	Новосиб. — Новосибирская область
Байкал. — территории около оз. Байкал	Олон. — Олонецкая губерния
Белгор. — Белгородская губерния (область)	Омск. — Омская губерния (область)
Белорус. — Белоруссия	Онеж. — Онежский уезд Архангельской губернии
Брян. — Брянская губерния (область)	Орл. — Орловская губерния (область)
Влад. — Владимирская губерния (область)	Пенз. — Пензенская губерния (область)
Волог. — Вологодская губерния (область)	Перм. — Пермская губерния (область)
Ворон. — Воронежская губерния (область)	Петерб. — Санкт-Петербургская губерния
Вят. — Вятская губерния	Пск. — Псковская губерния (область)
Дон. — территории по р. Дон	РМЭ — Республика Марий Эл
Енис. — Енисейская губерния	Ряз. — Рязанская губерния (область)
Иркут. — Иркутская губерния (область)	Свердл. — Свердловская область
Казан. — Казанская губерния	Сиб. — Сибирь
Калин. — Калининская область (ныне — Тверская область)	Симб. — Симбирская губерния
Калуж. — Калужская губерния (область)	Смол. — Смоленская губерния (область)
КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика	Ср. Урал — Средний Урал
Киров. — Кировская область	Тамб. — Тамбовская губерния (область)
Костром. — Костромская губерния (область)	Твер. — Тверская губерния (область)
Краснояр. — Красноярский край	Тобол. — Тобольская губерния
Кубан. — Кубанская область	Томск. — Томская губерния (область)
Куйбыш. — Куйбышевская область	Тул. — Тульская губерния (область)
Курск. — Курская губерния (область)	Херсон. — Херсонская губерния (область)
Мезен. — Мезенский уезд Архангельской губернии	Челяб. — Челябинская губерния (область)
Моск. — Московская губерния (область)	Чкал. — Чкаловская область (ныне — Оренбургская область)
Мурман. — Мурманская губерния (область)	Яросл. — Ярославская губерния (область)
Н.-Дон. — территории в нижнем течении р. Дон	В ВJ — Бирский уезд
Нижегор. — Нижегородская губерния (область)	М — Малмыжский уезд

Общие

б. м. — без указания места	губ. — губерния	диал. — диалектное
букв. — буквально	д. — деревня	жарг. — жаргонное

знач. — значение	р. — река	устар. — устаревшее
оз. — озеро	род. п. — родительный падеж	учаш. ф. — учащенная форма
первонач. — первоначальное	с. — село	
понуд. ф. — понудительная форма	ст. — столбец	

Л и т е р а т у р а

Ахметьянов 2001 — *Ахметьянов Р. Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке). Казань, 2001.

Брыжинский 2009 — *Брыжинский В. С.* Мордовские народные игры. Саранск, 2009.

Васильев 1926 — *Васильев В. М.* Марий мутер: Сравнительный словарь наречий марийского языка. М., 1926.

Вершинин 2011 — *Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола, 2011.

Всеволодский-Гернгросс 1933 — Игры народов СССР / Сост. Всеволодский-Гернгросс В. Н., Ковалева В. С., Степанова Е. И. Введ. Всеволодского-Гернгросса В. Н. Предисл. Маторина Н. М. М.—Л., 1933.

ГД — Сетевой проект «Городские диалекты» // Форум АBBYU Lingvo: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?bid=26&tid=91669&hl=%f7%e5%eb%ff%ea>, 2012 (дата обращения — 30.01.2013 г.).

Голева 2012 — *Голева Т. Г.* Полевые записи 2010—2012 г. от жителей марийских деревень Суксунского и Октябрьского районов Пермского края (с. Гляково, с. Красный Луг, с. Верх-Тюш, с. Тебеньки): По материалам экспедиций Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН и Октябрьского областного музея / Собиратели: *Черных А. В., Голева Т. Г., Целищев С. А.* // Личный архив.

Даль 1863—1866 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1863—1866 // <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля>, 2012 (дата обращения — 30.01.2013 г.).

Дилакторский 1902 (2006) — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.

Долганова, Морозов 2002 — *Долганова Л. Н., Морозов И. А.* Игры и развлечения удмуртов. Ижевск, 2002.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Л., 1969.

Дыбо 1993 — *Дыбо А. В.* Некоторые заимствования в русских названиях игральные кости // Принципы составления этимологических и исторических словарей языков различных семей. М., 1993. С. 9—15.

Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта // Труды этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 30. Кн. 5. Вып. 1. М., 1877. С. 151—159.

Жеребцов, Грибова, Куратов 1963 — *Жеребцов Л. Н., Грибова Л. С., Куратов П. А.* Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1962 г. в Троицко-Печорский и Печорский районы Коми АССР // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН, ф. 1, оп. 13, д. 79, л. 63. Сыктывкар, 1963.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н. А.* Детские игры // Материалы по этнографии Вологодской губернии: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2 / Ред. *Харузин Н. Н.* М., 1890. С. 156—164.

Исанбаев 1994 — *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994.

Китиков 1993 — *Китиков А. Е.* Модыш — уш погыш: Марийские народные игры (на марийском языке). Йошкар-Ола, 1993.

Ключева 2012 — *Ключева М. А.* Народные подвижные детские игры: Современный фольклорный сборник. Йошкар-Ола, 2012.

Ключева 2013 — *Ключева М. А.* Записи от уроженки с. Сарлатово Горномарийского района Республики Марий Эл З. Н. (1942 г. р.), ее сестры (1948 г. р.) и племянницы (1979 г. р.), также уроженок с. Сарлатово; запись от уроженки с. Еласы Горномарийского района Республики Марий Эл М. В. (1979 г. р.); запись от уроженца с. Малые Параты Волжского района Республики Марий Эл А. Р. (1948 г. р.): Опрос по словам *шакляка* и *шыгыле* // Личный архив, 2013.

Ключева ЛА 2012 — *Ключева М. А.* Запись некоторых названий игральные пробок от Д. Д., 1976 г. р. (Нижний Новгород) // Личный архив, 2012.

КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» // Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург.

Кудрявцев 1871 — *Кудрявцев В. Ф.* Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. Т. 4. Нижний Новгород, 1871. С. 169—238.

Куклин 2013 — *Куклин А. Н.* Рукопись этимологических заметок по игровым лексемам данной статьи и устные комментарии. Йошкар-Ола, 2013.

- Кушелев 1896 — *Кушелев П. П.* Черемисские игры «щелчки» и «крючки»: Материалы для изучения быта черемис // ВГВ. 1896, 99.
- Лукиянов 1974 — *Лукиянов Г. В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974.
- Лыткин, Гуляев 1999 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Михайлов 2012 — Антология устного народного творчества мари (на марийском языке) / Сост. *Михайлов В. Т.* Йошкар-Ола, 2012.
- ММО — Электронный ресурс на основе десятичного «Марийско-русского словаря» (гл. ред. *Галкин И. С.* Йошкар-Ола, 1990—2005): «МарийМутерОнлайн» (Марийский словарь онлайн) // <http://marlamuter.com/muter/ru/Поиск>, 2013 (дата обращения — 28.01.2013 г.).
- Никифоровский 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. Ч. 4. Игры и игроки // Этнографическое обозрение. 1897, 3. С. 21—66.
- НРЭ 2002 — Новое в русской этимологии. М., 2002.
- ОФУЯ 1974 — *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеев К.* Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
- Петров 1863 — *Петров К.* Детские игры в Олонецкой губернии // Учитель. 1863, 1—24 (Смесь). С. 241—244, 395—398, 732—734, 785—786, 1109—1110.
- Петухов 1863 — *Петухов Д. А.* Горный город Дедюхин // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 11. Кн. 3—4 (21—22). СПб., 1863. С. 14—34.
- Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Покровский 1886 — *Покровский Е. А.* Характерные детские игры некоторых русских инородцев // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 48. Вып. 2. М., 1886. С. 33—42.
- Покровский 1895 — *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). М., 1895. (Репринт: СПб., 1994.)
- П. П. 1902 — *П. П.* Некоторые игры в с. Маяках Херсонской губернии: Материалы к изучению игры // Киевская старина. Т. 78. Киев, 1902. С. 401—407.
- Пьянкова 2003 — *Пьянкова К. В.* Об одном случае «пищевой» мотивации в русской терминологии игр. Курсовая работа. Екатеринбург: УрГУ, 2003 // <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Pjankova.htm>, 2003.
- Рассыхаев 2002 — *Рассыхаев А. Н.* Игры с шегами (в бабки) в традиционной культуре коми // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 63. Фольклористика коми. Сыктывкар, 2002. С. 91—104.
- Романов 1912 — *Романов Е. Р.* Игры и забавы белорусских детей // Белорусский сборник. Вып. 8—9. Вильна, 1912. С. 553—587.
- Саваткова 1981 — *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
- Сахаров 1837 (2000) — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2. Сказания о русских народных играх. СПб., 1837. (Переизд.: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Тула, 2000. С. 133—161.)
- Семакова 1999 — «Олемба»: Традиционные игры финно-угорских и самодийских народов / Сост. *Семакова И. Б.* Петрозаводск, 1999.
- Срезневский 1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—43. Л. (СПб.), 1965—2008 (издание продолжается). Вып. 1. М.—Л., 1965. Вып. 3. Л., 1968. Вып. 7. Л., 1972. Вып. 8. Л., 1972. Вып. 9. Л., 1972. Вып. 16. Л., 1980. Вып. 17. Л., 1981. Вып. 25. Л., 1990. Вып. 30. СПб., 1996. Вып. 36. СПб., 2002. Вып. 37. СПб., 2003. Вып. 38. СПб., 2004. Вып. 39. СПб., 2005. Вып. 40. СПб., 2006. Вып. 42. СПб., 2008. Вып. 43. СПб., 2010 / Ред. *Филин Ф. П.*
- СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
- Таракина 1978 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8. Детский фольклор / Сост., подстроч. пер. и комм. *Таракиной Э. Н.* Муз. прилож. *Одиноквой Т. И.* Под общ. ред. *Аникина В. П., Кавтаськина Л. С.* Саранск, 1978.
- Терещенко 1848 — *Терещенко А.* Игры // *Терещенко А.* Быт русского народа. Т. 4. Забавы. СПб., 1848. С. 3—130.
- Троицкий 1893 — *Троицкий В. П.* Черемисско-русский словарь // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 11. Вып. 2—6 (приложение). Казань, 1893.
- Фасмер 1964—1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973 // <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (дата обращения — 17.01.2013 г.).
- Шагапова 2000 — *Шагапова Г. Р.* Опыт системного анализа игровой культуры этноса (на примере башкирских народных игр). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Уфа, 2000.

- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Вып. 1—7. М., 1974—2003 (издание продолжается).
- ЭСЧЯ — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996.
- Beke 2001 — Beke Ö. Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). Т. VII (Biblioteka Ceremissica. Т. IV₁.) Szombathely, 2001.
- Brewster 1965 — Brewster P. G. The Cheremis Game Selckenty-Mudone and the Russian Game Scelcki // Zeitschrift für Ethnologie. 1965, 90 (2). S. 265—267.
- Brewster, Sebeok 1958 — Brewster P. G., Sebeok T. A. Studies in Cheremis. Vol. VI. Games. Bloomington, 1958.
- LJ 2012 — Данные Интернет-опроса на тему «Игра в пробки» в сообществе «Журнал 76_82» блог-платформы «Live Journal» («Живой журнал») // <http://76-82.livejournal.com/5305541.html>, 2012 (от 11.05.2012 г.).
- Mari traditional games 2010 — Mari traditional games: Видеосюжет о марийских национальных играх от телекомпании «Марий Эл ТВ» // http://www.youtube.com/watch?v=IDjcg_mc6nU, 2010.
- OED — Harper D. Online Etymology Dictionary // http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=scilling&searchmode=none, 2001—2013.
- Orel 2003 — Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden—Boston, 2003.
- Räsänen 1969 — Räsänen M. Versuch eines ethymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются марийские термины игр с костями и деревяшками: *доверька*, *дырка*, *тэра*, *йьвыли*, *сак*, *сука*, *шыгыле*, *шакляка*, *шакмак*. Установлено, что большая часть этих лексем тюркского происхождения, некоторые из них попали в марийский язык через посредство русских диалектов. В статье также представлена русская и финно-угорская игровая лексика, этимологически связанная с рассмотренной марийской (прежде всего тюркского происхождения).

SUMMARY

The article deals with the etymology of Mari terms of children's games with bones, sticks and pieces of wood: *dover'ka*, *dyrka*, *tera*, *jyvyli*, *sak*, *suka*, *shygyle*, *shak'aka*, *shakmak*. Turkic origin of most of them is established, in some cases through the Russian dialects. The Mari lexemes in question are compared with related game terms in Russian and the Finno-Ugric languages (mostly of Turkic origin).

Ключевые слова: марийские игры с костями и деревяшками, игровые термины, финно-угорские языки, тюркские языки, русские диалекты, заимствования

Keywords: Mari games with bones, sticks and pieces of wood; terms of children's games, the Finno-Ugric languages, the Turkic languages, the Russian dialects, borrowings

Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке

По поводу диалектной основы переводных памятников XIX в. на удмуртском языке существуют различные точки зрения. Большинство ученых отмечает «наддиалектный» характер языка переводов: «Памятники (...) хотя несут отпечаток того или иного диалекта, их язык нельзя приравнивать к территориальному диалекту» [Каракулов 1987: 107]. Что касается «Евангелия от Иоанна», П. Н. Луппов отмечает, что его переводили «священник с. Дебесь Павелъ Тронинъ и священникъ с. Балезинскаго Стефанъ Анисимовъ», т. е. Евангелие было «переведено по глазовскому нарѣчію» [Луппов 1905: 11].

В статье «Особенности перевода “Евангелия от Иоанна” на удмуртский язык в начале XIX века» А. В. Камитова и Л. М. Ившин отмечают: «(...) в тексте есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу, например: *ици* ‘мало / недостаточно’ [Иоанн: 6; 9]¹, *пэямь* ‘обман / ложь’ [Иоанн: 8; 44]. С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе: *нюньзэ* ‘брата своего’ [Иоанн: 1; 41] (ср. глазовское *ниша* [Wichmann 1987: 179]), *мызонь* ‘другой’ [Иоанн: 5; 32] (ср. глазовское *mizon* [Wichmann 1987: 164])» [Камитова, Ившин 2012: 15].

Авторы видят два возможных варианта объяснения этой ситуации: с одной стороны, в тот период данные фонетические явления могли быть характерны не только для сарапульского и малмыжского диалектов удмуртского языка, но и для глазовского; с другой стороны, подобного рода диалектные слова могли быть введены в текст в процессе неоднократных проверок, которым, как правило, подвергались переводы начала XIX в.

По нашему мнению, о диалектной принадлежности переводных памятников XIX в., в частности перевода «Евангелия от Иоанна», уместнее судить не на основании современных диалектов, а на основании более близких по времени изданий азбук, т. к. в переводе Евангелия встречается ряд особенностей, которых нет в современных удмуртских диалектах. Однако при выявлении тех или иных диалектных признаков трудность составляют особенности графики и отсутствие нормализованной орфографии. В связи с этим встречаются различные варианты написания одного и того же слова в разных частях перевода или даже на одной и той же странице.

В указанной выше статье А. В. Камитовой и Л. М. Ившина [Камитова, Ившин 2012] приведены следующие орфографические особенности исследуемого перевода Евангелия:

1) для обозначения неогубленной гласной фонемы среднего ряда среднего подъема *ö*, как правило, используются буквы *э* и *е* (реже *о*);

2) сочетание *йы* и звук *ы* в начале слова передаются посредством *и*; подобным же образом обозначается *ы* после палатальных согласных, а также в некоторых случаях в сочетании *жы*;

3) мягкость согласной фонемы перед *о* и сочетание *йо* обозначаются посредством *іо*;

4) фонема *э* передается буквами *э*, *е*, *ъ* (Ѣ) и *е*;

5) удмуртские аффрикаты передаются следующим образом: *č* — буквой *ч*, *čs* — буквосочетанием *дж*, *ч* — как *ц* (реже используется *ч*), *š* — как *дз* (реже *з*) [Камитова, Ившин 2012: 21—22].

Изучению графических и орфографических норм первых удмуртских письменных памятников посвящена также диссертация Л. М. Ившина [Ившин 2009]. В своей работе автор приводит следующую таблицу (Табл. 1), демонстрирующую способы обозначения звуков современного удмуртского языка в Евангелиях и азбуках первой половины XIX в. [Ившин 2009: 118].

Мягкость согласных фонем (*д', з', л', н', с', т'*) в данных источниках обозначается следующим образом:

1) в ауслaute (в некоторых случаях и в инлауте) — через букву *ь*;

2) перед гласными: *а* — через букву *я*; *э* — через *е*, *ье* (*ьэ*), *ъ*; *о* — через сочетание букв *іо*; *у* — через букву *ю*; *ы* — через букву *и* (см. подробнее: [Ившин 2009: 112—114]).

При анализе первых письменных памятников все перечисленные выше особенности графики и орфографии по возможности были учтены.

¹ Здесь и далее ссылка на источник «Отъ Иоанна Святое благовѣствованіе (Іоаннълэсь Святой благовѣствованіе)» будет приводиться в следующем формате: [краткое название книги: номер главы; номер стиха / стихов].

Таблица 1

удмуртские звуки	Евангелие от Матфея (глаз.)	Евангелие от Марка (глаз.)	Азбука (глаз.)	Евангелие от Матфея (сар.)	Азбука (сар.)
ö (e)	э, е, о	э, е, о	э, е, о	э, е	э, е
ы (i)	ы	ы	ы	ы	ы
1) инициал. ы	и, ы	и	и, ы	и, ы	и, ы
2) жы, шы	жи, ши	жи, ши	жи, ши	жи, ши	жи, ши
3) С' + ы	С + и	С + и	С + и	С + и	С + и
г (g)	г	г	г, г	г	г, г
йö- (je-)	э, е	э, е	э	гь (ѣ), э, е	е
йы- (ji-)	и, ю	и	ю	и	и
ж (z)	дж	дж	ж, дж	дж	ж
з (z')	дз	дз	дз, з	дз	дз, з
ч (č')	ц, ч	ц, ч	ц, ч, с	ц, ч	ц, ч, с
ч (č)	ч	ч	ч	ч	ч
у (u)	ув	ув	ув	ув	ув

Работая с современными удмуртскими диалектами, мы уже имели дело не с графикой, а с фонетической транскрипцией. Напомним, что в современном литературном удмуртском языке выделяют 33 фонемы: 7 гласных (*и, э, а, ы, ö, о, у*) и 26 согласных (*м, п, б, в, д, д', з, з', л, л', н, н', с, с', т, т', р, ш, ж, ч, ч, жэ, зэ, к, г, й*). Кроме того, в русских заимствованиях встречаются еще 3 фонемы: *ф, х, ц*.

На основе анализа 75 рукописных страниц перевода «Евангелия от Иоанна» и ряда научных трудов, в которых рассматриваются вопросы современной удмуртской диалектологии [Алашеева 1982; Загуляева 1980; Зверева 1982; Карпова 1997, 2005; Кельмаков 1977, 1981, 1993, 1997, 2006; Люкина 2009; Насибуллин 1977; Тепляшина 1970а, 1970б, 1973], мы выявили следующие диалектные особенности, отсутствующие в современных наречиях удмуртского языка.

1) Наличие сочетаний *ува, аву, уво* в соответствии с дифтонгами в литературном удмуртском: *ювалозы* [Иоанн: 1; 19] — литер. *йуалозы* ‘спросят’²; *соявнь* [Иоанн: 2; 1] — литер. *с’уан* ‘свадьба’; *таву* [Иоанн: 9; 24] — литер. *тау* ‘спасибо’ (ср. *тау* [Иоанн: 11; 41] — литер. *тау*); *лувдзь* [Иоанн: 10; 16] — литер. *луоз* ‘будет’ (ср. *луозь* [Иоанн: 7; 37] — литер. *луоз*).

2) Спорадическое употребление гласного *э* в соответствии с литер. *о*: *пэнизы* [Иоанн: 2; 7] — литер. *понины* ‘положили’; *пэнылэ* [Иоанн: 2; 7] — литер. *понинылэ* ‘положите’; *пэнизь* [Иоанн: 6; 27] — литер. *пони* ‘положил’; *эзэ пэнь* [Иоанн: 7; 30, 44] — литер. *эзэ пөн* ‘не положил’; *тэрээнъ* [Иоанн: 2; 9] — литер. *төррэн* ‘со старейшиной’; *модэсьйосльэсь* [Иоанн: 7; 48] — литер. *модосйослэсь* ‘от стеблей’; *пэль* [Иоанн: 3; 4] — литер. *пол* ‘раз’; *пэнна* [Иоанн: 2; 17] — литер. *понна* ‘за, из-за, ради’.

Последний пример вызывает особый интерес, заключающийся в том, что из общего количества проанализированных глав (всего 11) в первых восьми повсеместно встречается вариант с гласной буквой *э*: всего насчитывается более 50 примеров подобного написания. Далее с девятой по одиннадцатую главу написание данного слова везде совпадает с современным литературным (с буквой *о*); в этих главах *понна* встречается 23 раза.

Объяснить данную ситуацию можно следующим образом. В рукописи наблюдаются образцы нескольких почерков, т. е. над ней работали несколько переводчиков или переписчиков: с первой по восьмую главу почерк один; девятая и десятая главы написаны совершенно другим почерком, заметны перемены и в оформлении строк перевода; с одиннадцатой главы (несмотря на сохранение оформления) почерк вновь изменяется. Данный факт объясняет и некоторые другие разнобои в написании одних и тех же слов. Так, например, в девятой и десятой главах повсеместно встречается *соборэ* [Иоанн: 9; 6, 11, 15, 16; Иоанн: 10; 9] вместо литер. *собэрэ* ‘затем, потом’, в то время как во всех остальных главах написание данного слова совпадает с литературным.

1) Спорадическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы*: *кэчэ* [Иоанн: 3; 2; Иоанн: 6; 30] — литер. *кычэ* ‘какой’.

2) Употребление гласного *э* в соответствии с литер. *а*: *даулэшыны* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашыны* ‘ругаться, ссориться’; *даулэшэмъ* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашэм* ‘ругался, ссорился’.

² В примерах сохранена графика и орфография источников. К каждому примеру приводится транскрипционный вариант слова в современном удмуртском литературном языке. Перевод с удмуртского на русский язык дается по электронному словарю [Электрокыллюкам].

Таблица 2

**Распределение фонетических особенностей, выявленных в переводе
«Евангелия от Иоанна» и Азбуках 1847 г., по наречиям удмуртского языка**

особенности	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]	наречия удмуртского языка				
				северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
							центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
Особенности, присутствующие в Азбуке на глазовском наречии или в переводе Евангелия и совпадающие с современным глазовским диалектом								
употребление в анлауте билабиально-го <i>у</i> перед <i>а</i> (графически передается буквосочетанием <i>ув</i>)	<i>увазь</i> [1; 1] — литер. <i>ваз'</i> ; <i>увалянь</i> [1;15] — литер. <i>вал'л'ан</i> ; <i>уваськысьсэ</i> [1; 2] — литер. <i>вас'кис'сэ</i> ; <i>увань</i> [3; 29] — литер. <i>ван'</i> ; <i>увалэссэ</i> [5; 9] — литер. <i>вал'эссэ</i> ; <i>уватэмь</i> [11; 41] — литер. <i>ватэм</i>	<i>увань</i> [16] — литер. <i>ван'</i> ; <i>увалл'об</i> [24] — литер. <i>вал'л'о</i> ; <i>уватыны</i> [40] — литер. <i>ватыны</i> ; <i>увакыт</i> [45] — литер. <i>вакыт</i> ; <i>увачкал'а</i> [62] — литер. <i>вашкала</i> ; <i>уватэмзэ</i> [67] — литер. <i>ватэмзэ</i> ; <i>увапумлэнь</i> [72] — литер. <i>вапумлэн</i> ; <i>уваскызь</i> [84] — литер. <i>вас'кыз</i>	<i>увань</i> [6] — литер. <i>ван'</i> ; <i>уваскытызь</i> [113] — литер. <i>вас'кытыз</i> ; <i>уватонь</i> [115] — литер. <i>ватон</i>	+ ³	+	+	+	+
употребление аффрикаты <i>ч</i> перед <i>к</i> в инлауте (вместо литературного <i>ш</i>)	<i>пучк'азь</i> [2; 25] — литер. <i>пушказ</i> ; <i>лучкэмь</i> [7; 10] — литер. <i>лушкэм</i> ; <i>лучк'ась</i> [10; 1] — литер. <i>лушкас'</i> ; <i>лучканы</i> [10; 10] — литер. <i>лушканы</i>	<i>пучк'ынь</i> [46] — литер. <i>пушкын</i> ; <i>эньл'учка</i> [48] — литер. <i>эн лушка</i> ; <i>пучкы</i> [52] — литер. <i>пушкы</i> ; <i>увачкал'а</i> [62] — литер. <i>вашкала</i> ; <i>лучкэмь</i> [97] — литер. <i>лушкэм</i>	<i>пучк'ынызь</i> [16] — литер. <i>пушкыныз</i> ; <i>пучкысь</i> [20] — литер. <i>пушкыс'</i> ; <i>лучкэмь</i> [39] — литер. <i>лушкэм</i> ; <i>эньл'учкаськы</i> [50] — литер. <i>эн лушкас'кы</i> ; <i>квачк'азь</i> [56] — литер. <i>к'уашказ</i> ; <i>вачкал'а</i> [119] — литер. <i>вашкала</i>	+ ⁴	+ ⁵		+ ⁶	

³ «Билабиальный согласный *у* (<...>) употребляется (<...>) в отдельных говорах северного наречия (нижнечепецкие, среднечепецкие), южного (часть нижеижского) и периферийно-южного (татышлинский, буйско-таньпский), в бесермянском наречии и спорадически в срединных говорах — в анлауте около трех десятков корней перед *а*» [Кельмаков 2006: 83].

⁴ «В употреблении аффрикат исследуемый диалект (среднечепецкий) близок к удмуртскому литературному языку. Отличие проявляется лишь в употреблении аффрикаты *ч*: в ряде слов в инлауте перед согласным *к* и в инлауте или в конце слова после сочетания *-с'V* эта древняя аффриката сохраняется, тогда как в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке она деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *ш*: *чи́скон* (ср. литер. *чушкон*) 'полотенце', *к'уашка* (ср. литер. *куашка*) 'разваливается, разрушается', *в'эчк'э* (ср. литер. *вышкы*) 'кадка'» [Карпова 1997: 79].

⁵ «По правилам удмуртской орфографии и орфоэпии, вместо встречающегося в промежуточных (срединных) говорах *ч* принято употреблять *ш* перед последующим за ним звуком *к*, например: *вышкы* вм. диал. *вычкы* 'кадушка'; *лушканы* вм. диал. *лучканы* 'красть'; *кушкыны* вм. диал. *кучкыны* 'отказаться'» [Тепляшина 1973: 201].

особенности	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]	наречия удмуртского языка				
				северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
							центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
сохранение твердого характера согласного <i>n</i> после переднерядного <i>i</i>	<i>нокинъ</i> [1; 18] — литер. <i>нокин</i> ; <i>кинъ</i> [1; 19] — литер. <i>кин</i> ; <i>инъ</i> [1; 32] — литер. <i>ин</i> ; <i>кйнълы</i> [7; 17] — литер. <i>кинлы</i> ; <i>инмарлэнъ</i> [11; 40] — литер. <i>инмарлэн</i>	<i>Инмъръ</i> [16] — литер. <i>инмар</i> ; <i>пинальйбсьлы</i> [44] — литер. <i>пинайослы</i> ; <i>инъ</i> [47] — литер. <i>ин</i> ; <i>кинъ</i> [126] — литер. <i>кин</i>	<i>Инмаръ</i> [16] — литер. <i>инмар</i> ; <i>инэзь</i> [17] — литер. <i>инэз</i> ; <i>инмысь</i> [69] — литер. <i>инмыс'</i> ; <i>сінъ</i> [117] — литер. <i>син</i> (ср. <i>синьмыныз</i> [85] — литер. <i>с'инмыныз</i>); <i>кинъ</i> [136] — литер. <i>кин</i> (ср. <i>кинъке</i> [85] — литер. <i>кинкэ</i>)	+ ⁷	+			
Особенности, которые присутствуют в Азбуке на глазовском наречии или в переводе Евангелия, но отсутствуют в современном глазовском диалекте, хотя встречаются в других диалектах удмуртского языка								
употребление <i>ы ~ и</i> в соответствии с литер. <i>э</i>	<i>тользь</i> [4; 35] — литер. <i>толэз'</i> ; <i>заризэсь</i> [6; 1] — литер. <i>зарэз'ыс'</i> ; <i>заризэсь</i> [6; 17] — литер. <i>зарэз'эз</i> ; <i>заризць</i> [6; 18, 19, 22, 25] — литер. <i>зарэз'</i>	<i>сэрыго</i> [28] — литер. <i>сэрэго</i> ; <i>заридзьйосъ</i> [28] — литер. <i>зарэз'йос</i> ; <i>заризьзэ</i> [42] — литер. <i>зарэз'э</i>	<i>заризь</i> [44] — литер. <i>зарэз'</i> ; <i>заризэзь</i> [44] — литер. <i>зарэз'эз</i>	+ ⁸				
употребление в некоторых словах гласной <i>ы</i> (<i>и</i>) в соответствии с литер. <i>у</i>	<i>мызоньйосъ</i> [4; 38] — литер. <i>музонйос</i> ; <i>мызонъ</i> [5; 5] — литер. <i>музон</i>		<i>иийдъ</i> [37] — литер. <i>иуд</i>			+	+	+ ⁹
спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности	<i>улульсь</i> [3; 13] — литер. <i>улылис'</i> ; <i>сукуруй</i> [6; 9] — литер. <i>сукыри</i> ; <i>бурмутызь</i> [11; 37] — литер. <i>бурмытиз</i>		<i>турумэзь</i> [17] — литер. <i>турынэз</i>	+ ¹⁰	+			

⁶ В «говоре деревни Дубровск» [Кельмаков 1977: 37].

⁷ «В южной диалектной зоне, за исключением татышлинского, канлинского и буйско-таныпского говоров (в отношении красноуфимского нет пока ясности), а также в языке бесермян дентальные *n*, *m* и *d* в позиции после *i* обычно замещаются их палатальными кореллятами (*n'*, *m'* и *d'*)» [Кельмаков 2006: 107].

⁸ Характерно для верхнечепецких говоров северного наречия, например: «*кымыс* (литер. *кымэс*), *толыз'* (литер. *толэз'*)» [Алашеева 1982: 92].

⁹ «В канлинском и бесермянском диалектах в результате утраты признака огубленности праудм. *у совпал с *ы* (т. е. *ь* < *у). Аналогичное изменение произошло также в шагиртском и буйско-таныпском диалектах башкирского Закамья, а также в отдельных говорах южного наречия, но в последних только спорадически» [Насибуллин 1977: 64].

особенности	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]	наречия удмуртского языка					
				северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие		
							центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект	
наличие сочетаний <i>ква-</i> , <i>кви-</i> в соответствии с литер. <i>кӯа-</i> , <i>кӯи-</i>	<i>кваратэкъ</i> [1; 21] — литер. <i>кӯаратэкъ</i> ; <i>квиньмэты</i> [2; 1] — литер. <i>кӯин'мэти</i> ; <i>кватъ</i> [2; 6] — литер. <i>кӯат'</i> ; <i>квинь</i> [2; 19] — литер. <i>кӯин'</i> ; <i>кварà</i> [3; 8] — литер. <i>кӯара</i> ; <i>квасьмòзъ</i> [4; 13] — литер. <i>кӯас'моз</i> ; <i>квамынъ</i> [5; 5] — литер. <i>кӯамын</i> ; <i>кварэтызы</i> [6; 42] — литер. <i>кӯарэтизы</i>	<i>кватъ</i> [17] — литер. <i>кӯатъ</i> ; <i>квась</i> [28] — литер. <i>кӯаз'</i> ; <i>квинь</i> [29] — литер. <i>кӯин'</i> ; <i>кванеръ</i> [76] — литер. <i>кӯан'эр</i> ; <i>квара</i> [83] — литер. <i>кӯара</i> ; <i>квасьмызь</i> [89] — литер. <i>кӯас'миз</i> ; <i>квамынъ</i> [98] — литер. <i>кӯамын</i> ; <i>квалектызь</i> [104] — литер. <i>кӯал'эктиз</i>	<i>квинь</i> [16] — литер. <i>кӯин'</i> ; <i>кватъ</i> [17] — литер. <i>кӯат'</i> ; <i>квась</i> [29] — литер. <i>кӯаз'</i> ; <i>квачкàзъ</i> [56] — литер. <i>кӯашказ</i> ; <i>кварà</i> [57] — литер. <i>кӯара</i> ; <i>квамынъ</i> [89] — литер. <i>кӯамын</i> ; <i>квасьмысà</i> [95] — литер. <i>кӯас'мыса</i> ; <i>кванеръмэмъйòслы</i> [98] — литер. <i>кӯан'эрмэмйослы</i>	+ ¹¹					
сочетания согласных типа <i>-рС-</i> в соответствии с литер. <i>-рСС-</i> в корне	<i>тыртэмъ</i> [3; 14], [6; 31, 49] — литер. <i>тырттэм</i>	<i>мэртэмьинъ</i> [20] — литер. <i>мэрттэмын</i> ; <i>юбыртызы</i> [53] — литер. <i>йыбырттизы</i> ; <i>эзь-турты</i> [84] — литер. <i>òз туртты</i>	<i>мэртысà</i> [20] — литер. <i>мэрттыса</i> ; <i>туртэ</i> [79] — литер. <i>турттэ</i> ; <i>туртысà</i> [120] — литер. <i>турттыса</i>			+ ¹²			+
наличие носового согласного <i>м</i> в соответствии с литер. носовым <i>н</i> в ряде слов	<i>яламъ</i> [1; 2], [4; 36], [5; 39], [6; 27, 40, 47, 51, 58, 68], [7; 38], [8; 29, 51] — литер. <i>ялан</i>	<i>зымъ</i> [95] — литер. <i>зын</i> ; <i>турымъйòсынъ</i> [43] — литер. <i>турынйосын</i> ; <i>турым</i> [90] — литер. <i>турын</i>	<i>турумэзь</i> [17] — литер. <i>турынэз</i>		+ ¹³				
употребление носового <i>н</i> в соответствии с литер. носовым <i>м</i>	<i>бадзынь</i> [10; 29] — литер. <i>баззым</i> ; <i>банызь</i> [11; 44] — литер. <i>бамыз</i>		<i>бадзынь</i> [54] — литер. <i>баззым</i> (ср. <i>бадзымъ</i> [16] — литер. <i>баззым</i> ; <i>банд</i> [61] — литер. <i>бамò</i>); <i>банызь</i> [100] — литер. <i>бамыз</i>		+	+ ¹⁴			

¹⁰ Явление характерно для верхнечепецкого диалекта северного наречия. «Корреспонденция гласных у ~ ы: *пуну* (литер. *пуны*) 'собака', *пужум* (литер. *пужым*) 'сосна', *куз'ум* (литер. *кузьым*) 'подарок'» [Алашеева 1982: 92].

¹¹ Данное явление характерно для современных нижнечепецких говоров северного наречия; см. подробнее: [Тепляшина 1970а: 163].

¹² «В кукморском, шошминском говорах периферийно-южного наречия и бесермянском наречии произошло упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-рСС-* и *-л'СС-* (> *-рС-* и *-л'С-*)» [Кельмаков 2006: 108—109].

¹³ «Иногда в словах происходит замена носового звука *н* носовым же звуком *м* или наоборот, например: *турум* ~ *турым* (литер. *турын*) 'сено, трава', *лэмта* (литер. *лента*) 'лента, тесьма', *баззын* (литер. *бадзым*) 'большой', *макс'ин* (лит. *Максим*) 'Максим (имя)» [Зверева 1982: 62].

особенности	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]	наречия удмуртского языка				
				северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
							центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
употребление палатальной аффрикаты <i>ч</i> в соответствии с литер. щелевым <i>с'</i>		<i>перечмытдзь</i> [74] — литер. <i>пэрэс'мытоз</i> <i>перечыдсълэнъ</i> [77] — литер. <i>пэрэс'йослэн</i>	<i>перец</i> [36] — литер. <i>пэрэс'</i> (ср. <i>пересь</i> [85] — литер. <i>пэрэс'</i>)			+ ¹⁵	+	+
употребление <i>у</i> (<i>ү</i>) в соответствии с литер. <i>л</i>	<i>даулшыны</i> [6; 52] — литер. <i>даллашыны</i> ; <i>даулшэмъ</i> [7; 43] — литер. <i>даллашэм</i>	<i>юлоу</i> [79] — литер. <i>йылол</i>	<i>даулашаса</i> [90] — литер. <i>даллашыса</i> ; <i>илоуэнызы</i> [84] — литер. <i>йылолэнызы</i>		+ ¹⁶		+	+
употребление <i>у</i> в соответствии с литер. <i>ы</i> в первом слоге	<i>пулатъызь</i> [10; 40] — литер. <i>пылатиз</i>	<i>юбыръямъ</i> [16] — литер. <i>йыбырийам</i> ; <i>юлоу</i> [79] — литер. <i>йылол</i> ; <i>юбыртъызы</i> [53] — литер. <i>йыбырттизы</i> ; <i>шупыть</i> [59] — литер. <i>шыпыт</i>	<i>бурьиса</i> [28] — литер. <i>бырийса</i> ; <i>бурьёмъ</i> [58] — литер. <i>бырийэм</i>			+ ¹⁷		
Особенности, которые имеются в исследуемых памятниках письменности, но не встречаются в современных диалектах удмуртского языка								
употребление <i>л</i> в соответствии с литер. <i>й</i>	<i>пелмытынъ</i> [1; 5] — литер. <i>пэймытын</i> ; <i>пэлмытынъ</i> [8; 12] — литер. <i>пэймытын</i> ; <i>пэльмыть</i> [1; 5] — литер. <i>пэймытын</i> ; <i>пэлымтэ</i> [3; 19] — литер. <i>пэймытсэ</i>							
употребление в инлауте <i>й</i> вместо <i>л'</i>	<i>юкйзь</i> [6; 11] — литер. <i>л'укиз</i>		<i>юкйзь</i> [17, 56] — литер. <i>л'укиз</i> ; <i>юкэтэнъ</i> [56] — литер. <i>л'укэтэн</i> ; <i>юкэмынъ</i> [137] — литер. <i>л'укэмын</i>					

¹⁴ «В отличие от удмуртского литературного языка в языке бесермян *п* встречается на месте ожидаемого *т*, например: *tərden* вм. литер. *мырдэм* 'кое-как', *denž'əpə* вм. литер. *дэмзыны* 'задеть, зацепить'» [Тепляшина 1970б: 125].

¹⁵ «(…) перед нами весьма необычный феномен, охватывающий небольшой круг лексем (около десятка корней) и своеобразно членящий удмуртскую диалектную область на две неравные части: с одной стороны, абсолютное большинство удмуртских диалектов (*с'*-) и, с другой стороны, бесермянское наречие, отдельные южные и периферийно-южные (и др.?) говоры, точный состав которых (варьирующийся, кстати, от слова к слову) еще до конца не выявлен» [Кельмаков 2006: 93].

¹⁶ «В территориальном отношении варьирование *л* ~ *ү* распространено в срединных говорах (Шарканский, Якшур-Бодьинский, частично Увинский, Вавожский районы), в части южного диалекта (Кизнерский, частично Малопургинский, Можгинский, Алнашский и Граховский районы), в части периферийно-южного диалекта (шошм., частично кукм.) и др. Совершенно отсутствует *ү* (< *л*) в северном и бесермянском наречиях, в отдельных периферийно-южных говорах (бт., татш., круф., канл., бавл.)» [Кельмаков 2006: 99].

¹⁷ «В отдельных случаях удмуртскому литературному *ы* в жувамском говоре соответствует *у*: *куз'* (*кыз'*) 'моча' (в других диалектах бесермянского наречия употребляется форма *киз'*), *ул'* (*ыл'*) 'сырой', ну и вместо *из'ыны* в речи жителей звучит *уз'ыны*» [Люкина 2009: 236].

особенности	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]	наречия удмуртского языка				
				северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
							центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
спорадическое употребление гласного э в соответствии с литер. о	<i>пэнизы</i> [2; 7] — литер. <i>пони́зы</i> ; <i>тэрээнъ</i> [2; 8] — литер. <i>тёрээн</i> ; <i>пэнна</i> [2; 17] — литер. <i>понна</i> ; <i>пэль</i> [3; 4] — литер. <i>пол</i> ; <i>модэсьидсьлэсь</i> [7; 48] — литер. <i>модосйослэс'</i>	<i>модэсьидсь</i> [36] — литер. <i>мо-досйос</i>	<i>пэнна</i> [15] — литер. <i>понна</i> ; <i>санэпэнымтэ</i> [22] — литер. <i>санэ понымтэ</i> ; <i>пэнса</i> [50] — литер. <i>пони́са</i> ; <i>пэль</i> [73] — литер. <i>пол</i> (ср. <i>поль</i> [95] — литер. <i>пол</i>)					
употребление гласного э в соответствии с литер. а	<i>даулэшыны</i> [6; 52] — литер. <i>даллашыны</i> ; <i>даулэшэмъ</i> [7; 43] — литер. <i>даллашэм</i>							
употребление а в соответствии с литер. э		<i>дуньяйнъ</i> [85] — литер. <i>дун'н'эын</i>	<i>валактэмзы</i> [45] — литер. <i>валэктэмзы</i>					
спорадическое употребление э в соответствии с литер. ы	<i>кэчэ</i> [3; 2] — литер. <i>кычэ</i>	<i>нокеченд</i> [48] — литер. <i>нокычэ но</i> ; <i>эжэть</i> [69] — литер. <i>джыт</i> ; <i>беректызь</i> [112] — литер. <i>бэрыктыз</i> ; <i>кечэ</i> [124] — литер. <i>кычэ</i> ; <i>кэчекэ</i> [43] — литер. <i>кычэкэ</i>						
спорадическое употребление о в соответствии с литер. ы		<i>сочэ</i> [30] — литер. <i>сычэ</i> ; <i>шобортызь</i> [42] — литер. <i>шобыртиз</i>						
наличие сочетаний <i>ува, аву, уво</i> в соответствии с дифтонгами в литер.	<i>ювалозы</i> [1; 19] — литер. <i>йуалозы</i> ; <i>сювånъ</i> [2; 1] — литер. <i>с'уан</i> ; <i>таву</i> [9; 24] — литер. <i>таў</i> (ср. <i>тау</i> [11; 41] — литер. <i>таў</i>); <i>лувóзь</i> [10; 16] — литер. <i>луоз</i>	<i>таву</i> [29] — литер. <i>таў</i> ; <i>джувånъ</i> [49] — литер. <i>джуанъ</i> ; <i>джувáсь</i> [57] — литер. <i>джуас'</i> ; <i>ювамъзэ</i> [82] — литер. <i>йуамзэ</i> ; <i>ювåмъ</i> [101] — литер. <i>йуам</i>	<i>лувóзь</i> [16, 23] — литер. <i>луоз</i> (ср. <i>лудзь</i> [16] — литер. <i>луоз</i>); <i>лувэмзэ</i> [23] — литер. <i>луэмзэ</i> ; <i>таву</i> [29] — литер. <i>таў</i> ; <i>нувэмýнъ</i> [70] — литер. <i>нуэмын</i> ; <i>ювамысьтызы</i> [87] — литер. <i>йуамыс'тызы</i> ; <i>шувэмéзь</i> [96] — литер. <i>шувэмэз</i> ; <i>лувэ</i> [97] — литер. <i>луэ</i> ; <i>шувóдь</i> [107] — литер. <i>шуд</i> ; <i>ювånъ</i> [135] — литер. <i>йуан</i>					

3) Употребление *л* (*л'*) в соответствии с литер. *й*: *пслмытынъ* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймытын* 'в темноте'; *пэлмытынъ* [Иоанн: 8; 12] — литер. *пэймытын* 'в темноте'; *пэльмытъ* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймыт* 'тьма'; *пэльмытзэ* [Иоанн: 3; 19] — литер. *пэймытсэ* 'его зло'.

4) Употребление в иналауте *й* в соответствии с литер. *л'*: *юкызъ* [Иоанн: 6; 11] — литер. *л'укыз* 'разделил'.

Для выявления диалектной основы исследуемого перевода Евангелия, кроме представленного источника, нами были также проанализированы две азбуки — на глазовском [Азбука Глаз.] и сарапульском [Азбука Сар.] наречиях. В результате анализа были выявлены следующие диалектные особенности данных текстовых памятников (см. Табл. 2); их можно подразделить на три основные группы:

I) особенности, присутствующие в Азбуке на глазовском наречии или в переводе Евангелия и совпадающие с современным глазовским диалектом;

II) особенности, которые присутствуют в Азбуке на глазовском наречии или в переводе Евангелия, но отсутствуют в современном глазовском диалекте, хотя встречаются в других диалектах удмуртского языка;

III) особенности, которые имеются в исследуемых памятниках письменности, но не встречаются в современных диалектах удмуртского языка.

Кроме перечисленных выше особенностей различного характера, в рассматриваемых памятниках можно выделить еще ряд соответствий *ы* в памятниках vs. *и* в современном литературном языке и наоборот (см. Табл. 3). Однако, поскольку эти фонемы очень близки и часто используются для маркирования оппозиции согласных по твердости / мягкости, то, скорее всего, данные случаи относятся к орфографическому приему, хотя с уверенностью утверждать это мы не можем, т. к. и здесь встречаются разнобои в написании слов.

Таблица 3

**Употребление фонем *ы* и *и* в переводе «Евангелия от Иоанна»
и Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях (1847 г.)**

соответствия	примеры из перевода «Евангелия от Иоанна»	примеры из Азбуки на глазовском наречии [Азбука Глаз.]	примеры из Азбуки на сарапульском наречии [Азбука Сар.]
соответствие <i>и</i> в памятниках vs. литер. <i>ы</i>	<i>нил'донъ</i> [2; 20] — литер. <i>н'ыл'дон</i> ; <i>ниль</i> [4; 35] — литер. <i>н'ыл'</i> ; <i>кизи</i> [9; 21] — литер. <i>кыз'ы</i> (ср. <i>кызы</i> [11; 56] — литер. <i>кыз'ы</i>)	<i>ниль</i> [28] — литер. <i>н'ыл'</i> ; <i>нильдонъ</i> [13] — литер. <i>н'ыл'дон</i> (ср. <i>ныльдонэти</i> [80] — литер. <i>н'ыл'донэти</i>); <i>виль</i> [29] — литер. <i>выл'</i> ; <i>нильсю</i> [70] — литер. <i>н'ыл'с'у</i> ; <i>кизи</i> [65] — литер. <i>кыз'ы</i> ; <i>цилкытъ</i> [19] — литер. <i>чылкыт</i> ; <i>цирсантэмъ</i> [43] — литер. <i>чырсантэм</i> ; <i>чинатэмъ</i> [49] — литер. <i>чынатэм</i>	<i>нилет-иезъ</i> [15] — литер. <i>н'ыл'этиэз</i> ; <i>вилызъ</i> [40] — литер. <i>выл'эз</i> ; <i>нил'донъ</i> [55] — литер. <i>н'ыл'дон</i> ; <i>виль</i> [56] — литер. <i>выл'</i> ; <i>ниль</i> [71] — литер. <i>н'ыл'</i> ; <i>вильдыны</i> [74] — литер. <i>выл'дыны</i> ; <i>цирсантэ</i> [44] — литер. <i>чырсантэ</i> ; <i>цилкытъ</i> [65] — литер. <i>чылкыт</i>
соответствие <i>ы</i> в памятниках vs. литер. <i>и</i>	<i>дынэ</i> [4; 30] — литер. <i>дин'э</i> ; <i>сылъ</i> [5; 51] — литер. <i>сил'</i> ; <i>тылядь</i> [8; 19] — литер. <i>тил'ад</i> (ср. <i>тй</i> [8; 21] — литер. <i>ти</i> ; <i>тиледлы</i> [9; 41] — литер. <i>тил'эдлы</i>); <i>кудызь</i> [1; 9] — литер. <i>кудиз</i> ; <i>одыгъ</i> [1; 18] — литер. <i>одиг</i> ; <i>одыгэзъ</i> [6; 70] — литер. <i>одигэз</i> ; <i>эрыкô</i> [4; 30] — литер. <i>эрико</i>	<i>одыгъ</i> [113] — литер. <i>одиг</i> ; <i>кудынызь</i> [121] — литер. <i>кудиныз</i> ; <i>кудызь</i> [21] — литер. <i>кудиз</i>	<i>дыськутъ</i> [20] — литер. <i>дис'кут</i> ; <i>сызизъ</i> [25] — литер. <i>сиз'из</i> (ср. <i>с-изыс</i> [36] — литер. <i>сиз'ис</i>); <i>дысенызы</i> [103] — литер. <i>дис'энызы</i> ; <i>мыськызъ</i> [105] — литер. <i>мис'кыз</i> ; <i>одыгъ</i> [23] — литер. <i>одиг</i> (ср. <i>од-ыгъ</i> [16, 20, 37] — литер. <i>одиг</i>); <i>эрыкынъ</i> [19] — литер. <i>эрикын</i> ; <i>эрыкэзлы</i> [22] — литер. <i>эрикэзлы</i>

Просмотрев все перечисленные в Таблице 2 фонетические особенности, можно отметить ряд признаков, не свойственных современному глазовскому диалекту, но имеющих место в Азбуке на глазовском наречии [Азбука Глаз.]; к ним относятся следующие:

1) употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э* (в Табл. 2 п. 4) — *толъызь* [Иоанн: 4; 35] — литер. *толэз'* 'луна, месяц'; *заризэсь* [Иоанн: 6; 1] — литер. *зарэз'ыс'* 'из моря'; *заризэсь* [Иоанн: 6; 17] — литер. *зарэз'эз* 'море'; *заризь* [Иоанн: 6; 18, 19, 22, 25] — литер. *зарэз'* 'море'; *сэрыго* [Азбука Глаз.: 28] — литер. *сэрэго* 'угловатый'; *заридзьидсь* [Азбука Глаз.: 28] — литер. *зарэз'юос* 'моря'; *заризьэ* [Азбука Глаз.: 42] — литер. *зарэз'э* 'его море';

2) анлаутные сочетания *ква-*, *кви-* в соответствии с литер. *кӯа-*, *кӯи-* (в Табл. 2 п. 7) — *квиньмэты* [Иоанн: 2; 1] — литер. *кӯин'мэти* 'третий'; *кватъ* [Иоанн: 2; 6] — литер. *кӯат'* 'шесть'; *квинь* [Иоанн: 2; 19] — литер. *кӯин'* 'три'; *кварà* [Иоанн: 3; 8] — литер. *кӯара* 'звук, голос'; *квасьмодзь* [Иоанн: 4; 13] — литер. *кӯас'моз* 'высохнет'; *квамьинь* [Иоанн: 5; 5] — литер. *кӯамын* 'тридцать'; *кватъ* [Азбука Глаз.: 17] — литер. *кӯатъ* 'шесть'; *квась* [Азбука Глаз.: 28] — литер. *кӯаз'* 'погода'; *квинь* [Азбука Глаз.: 29] — литер. *кӯин'* 'три'; *кванерь* [Азбука Глаз.: 76] — литер. *кӯан'эр* 'бедный'; *квара* [Азбука Глаз.: 83] — литер. *кӯара* 'звук, голос'; *квасьмызь* [Азбука Глаз.: 89] — литер. *кӯас'миз* 'высох'; *квамьинь* [Азбука Глаз.: 98] — литер. *кӯамын* 'тридцать'; *квалектызь* [Азбука Глаз.: 104] — литер. *кӯал'эктиз* 'вздогнул';

3) сочетания согласных типа *-рС-* в соответствии с литер. *-рСС-* в корне (в Табл. 2 п. 8) — *тыртэмь* [Иоанн: 3; 14; Иоанн: 6; 31, 49] — литер. *тырттэм* 'пустой'; *мэртэмьинь* [Азбука Глаз.: 20] — литер. *мэрттэмьин* 'посажено'; *юбыртызы* [Азбука Глаз.: 53] — литер. *йыбырттизы* 'помолились'; *эзътурты* [Азбука Глаз.: 84] — литер. *өз туртты* 'не стремился';

4) наличие носового согласного *м* в соответствии с литер. носовым *н* в ряде слов (в Табл. 2 п. 9) — *яламь* [Иоанн: 1; 2; Иоанн: 4; 36; Иоанн: 5; 39; Иоанн: 6; 27, 40, 47, 51, 58, 68; Иоанн: 7; 38; Иоанн: 8; 29, 51] — литер. *ялан* 'всегда, постоянно'; *зымь* [Азбука Глаз.: 95] — литер. *зын* 'запах'; *турымьидсынъ* [Азбука Глаз.: 43] — литер. *турынийосын* 'травами, сеном'; *турым* [Азбука Глаз.: 90] — литер. *турын* 'трава, сено';

5) употребление *у* (*ӯ*) в соответствии с литер. *л* (в Табл. 2 п. 12) — *даулэшыны* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашыны* 'ссориться, ругаться'; *даулэшэмь* [Иоанн: 7; 43] — литер. *даллашэм* 'ссорился, ругался'; *юлоу* [Азбука Глаз.: 79] — литер. *йылол* 'обычай';

6) употребление *у* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге (в Табл. 2 п. 13) — *пулатызь* [Иоанн: 10; 40] — литер. *пылатиз* 'умыл'; *юбырьямь* [Азбука Глаз.: 16] — литер. *йыбырьям* 'молились'; *юлоу* [Азбука Глаз.: 79] — литер. *йылол* 'обычай'; *юбыртызы* [Азбука Глаз.: 59] — литер. *йыбырттизы* 'помолились'; *шупыть* [Азбука Глаз.: 59] — литер. *шыпыт* 'тихо, молча';

7) спорадическое употребление гласного *э* в соответствии с литер. *о* (в Табл. 2 п. 16) — *пэнизь* [Иоанн: 2; 7] — литер. *понизы* 'положили'; *пэнылэ* [Иоанн: 2; 7] — литер. *понылэ* 'положите'; *пэнизь* [Иоанн: 6; 27] — литер. *пониз* 'положил'; *эзь пэнь* [Иоанн: 7; 30, 44] — литер. *эз пөн* 'не положил'; *тэрээнъ* [Иоанн: 2; 9] — литер. *төрээн* 'со старейшиной'; *модэсьидсьэлэсь* [Иоанн: 7; 48] — литер. *модосйослэс'* 'от стеблей'; *пэль* [Иоанн: 3; 4] — литер. *пол* 'раз'; *пэнна* [Иоанн: 2; 17] — литер. *понна* 'за, из-за, ради'; *модэсьидсь* [Азбука Глаз.: 36] — литер. *модосйос* 'корни';

8) спорадическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы* (в Табл. 2 п. 19) — *кэчэ* [Иоанн: 3; 2] — литер. *кычэ* 'какой'; *нокеченò* [Азбука Глаз.: 48] — литер. *нокычэ но* 'никакой'; *эжэть* [Азбука Глаз.: 69] — литер. *өжыт* 'мало'; *беректызь* [Азбука Глаз.: 112] — литер. *бэрыктиз* 'повернул'; *кечэ* [Азбука Глаз.: 124] — литер. *кычэ* 'какой'; *кэчекэ* [Азбука Глаз.: 43] — литер. *кычэкэ* 'какой-то';

9) наличие сочетаний *ува*, *аву*, *уво* в соответствии с дифтонгами в литер. (в Табл. 2 п. 21) — *ювалозы* [Иоанн: 1; 19] — литер. *йуалозы* 'спросят'; *сюванъ* [Иоанн: 2; 1] — литер. *с'уан* 'свадьба'; *таву* [Иоанн: 9; 24] — литер. *таў* 'спасибо' (ср. *тау* [Иоанн: 11; 41] — литер. *таў*); *лувдзь* [Иоанн: 10; 16] — литер. *луоз* 'будет' (ср. *лудзь* [Иоанн: 7; 37] — литер. *луоз*); *таву* [Азбука Глаз.: 29] — литер. *таў* 'спасибо'; *джуванъ* [Азбука Глаз.: 49] — литер. *ж'уан* 'обгорелый' (в данном случае 'светильник'); *джувасъ* [Азбука Глаз.: 57] — литер. *ж'уас'* 'горящий'; *ювамьэзэ* [Азбука Глаз.: 82] — литер. *йуамзэ* 'его вопрос'.

Наличие этих особенностей позволяет нам сделать вывод, что **язык памятников удмуртской письменности XIX в. отличался от современных диалектов**, поэтому **при определении диалектной принадлежности** той или иной рукописи следует соотносить ее **не с данными современных диалектов**, а с **другими памятниками**, диалектная принадлежность которых **эксплицитно указана**. Поскольку для XIX в. существует два таких источника — Азбуки на сарапульском [Азбука Сар.] и на глазовском [Азбука Глаз.] наречиях, — то целесообразно соотнести выявленные особенности первого перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык с диалектными чертами, характерными для этих Азбук.

Как видно из Таблицы 2, подавляющее большинство диалектных особенностей перевода Евангелия совпадает с сарапульским наречием XIX в. (мы выявили 15 совпадающих признаков; с глазовским несколько меньше — 12 признаков). Две особенности, которые встретились в переводе «Евангелия от Иоанна», не представлены ни в одной из Азбук, а именно:

1) употребление *л* вместо современного *й* (в Табл. 2 п. 14) — *пслмытынъ* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймытын*; *пэльмытъ* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймыт*; *пэльмытъ* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймытын*; *пэльмытзэ* [Иоанн: 3; 19] — литер. *пэймытсэ*; *пслмытынъ* [Иоанн: 8; 12] — литер. *пэймытын*;

2) употребление гласного *э* вместо современного литературного *а* (в Табл. 2 п. 16) — *даулэшыны* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашыны* ‘ссориться, ругаться’; *даулэшэмъ* [Иоанн: 7; 43] — литер. *даллашэм* ‘ссорился, ругался’.

Таким образом, несмотря на современную точку зрения, согласно которой в основе перевода «Евангелия от Иоанна» лежит глазовское наречие, мы можем предположить, что его основой было, напротив, сарапульское наречие, т. к. в переводе «Евангелия от Иоанна» можно выявить ряд особенностей, которые отсутствуют в Азбуке на глазовском наречии [Азбука Глаз.], но присутствуют в Азбуке на сарапульском наречии [Азбука Сар.]. К таким признакам относятся следующие:

1) употребление в некоторых словах гласной *ы* (*и*) в соответствии с литер. *у* (в Табл. 2 п. 5) — *мызоньѳсъ* [Иоанн: 4; 38] — литер. *музонѳос* ‘другие’; *мызѳнъ* [Иоанн: 5; 5] — литер. *музон* ‘другой’; *шѳдъ* [Азбука Сар.: 37] — литер. *шуд* ‘счастье’;

2) спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности (в Табл. 2 п. 6) — *удульсъ* [Иоанн: 3; 13] — литер. *улылис* ‘живущий’; *сукурѳ* [Иоанн: 6; 9] — литер. *сукури* ‘каравай’; *бурмутызь* [Иоанн: 11; 37] — литер. *бурмытиз* ‘исцелил’; *турумэзь* [Азбука Сар.: 17] — литер. *турынэз* ‘траву’;

3) употребление носового *н* в соответствии с литер. *м* (в Табл. 2 п. 10) — *бадзынь* [Иоанн: 10; 29] — литер. *баззым* ‘большой’; *банызь* [Иоанн: 11; 44] — литер. *бамыз* ‘его лицо’; *квѳнъбанѳ* [Азбука Сар.: 16] — литер. *кѳин’ бамѳ* ‘тройкий’; *бадзынь* [Азбука Сар.: 54] — литер. *баззым* ‘большой’ (ср. *бадзымъ* [Азбука Сар.: 61] — литер. *баззым* ‘большой’); *банызь* [Азбука Сар.: 100] — литер. *бамыз* ‘его лицо’;

4) употребление *й* в соответствии с литер. *л’* (в Табл. 2 п. 15) — *юкѳзь* [Иоанн: 6; 11] — литер. *л’укиз* ‘разделил’; *юкѳзь* [Азбука Сар.: 17, 56] — литер. *л’укиз* ‘разделил’; *юкѳтѳнъ* [Азбука Сар.: 56] — литер. *л’укѳтѳн* ‘кусочками’; *юкѳмынь* [Азбука Сар.: 137] — литер. *л’укѳмын* ‘разделен’.

Итак, перевод «Евангелия от Иоанна» совпадает с сарапульской Азбукой и по особенностям, которые присутствуют в ряде современных диалектов, и по признакам, которые в современных идиомах не встречены. Последние могли относиться как к диалектным изоглоссам, так и к приемам орфографии.

Сокращения

Наречия и говоры удмуртского языка

Глаз., глаз. — глазовское наречие

Сар., сар. — сарапульское наречие

южн. — южное наречие

периферийно-южные говоры:

бавл. — бавлинский говор

бт. — буйско-таныпский говор

канл. — канлинский говор

круф. — красноуфимский говор

кукм. — кукморский говор

татш. — татышлинский говор

шошм. — шошминский говор

Общие

вм. — вместо

диал. — диалектная форма

инициал. — инициальный

литер. — литературная форма, литературный язык

п. — пункт

праудм. — праудмуртский язык

С — согласный

Литература

Азбука Глаз. — Азбука, составленная из Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вѳтскихъ дѳтей чтенію на ихъ нарѳчїи (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с. (Переизд.: Первые печатные книги на

удмуртском языке. Глазовское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3.) Ижевск, 2003. С. 387—558.)

Азбука Сар. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Сарапульское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 4.) Ижевск, 2003. С. 249—439.)

Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.

Загуляева 1980 — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980.

Зверева 1982 — *Зверева Л. В.* Говоры Увинского и Вавожского районов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 60—72.

Ившин 2009 — *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009.

Иоанн — От Иоанна святое благовествование (Иоаннлъсь святой благовествование) // СПб., Архив РАН, ф. 94, оп. 1, № 244, 61 л.

Камитова, Ившин 2012 — *Камитова А. В., Ившин Л. М.* Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 14—24.

Каракулов 1987 — *Каракулов Б. И.* О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 103—107.

Карпова 1997 — *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis*, 2.)

Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.

Кельмаков 1977 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26—61.

Кельмаков 1981 — *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981.

Кельмаков 1993 — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт. Ижевск, 1993.

Кельмаков 1997 — *Кельмаков В. К.* Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика — IV: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 52—75.

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006.

Луппов 1905 — *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

Люкина 2009 — *Люкина Н. М.* Жувамский диалект удмуртского языка // Пермистика — X. Ижевск, 2009. С. 234—238.

Насибуллин 1977 — *Насибуллин Р. Ш.* О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 62—84.

Тепляшина 1970a — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки Удмуртского НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196.

Тепляшина 1970b — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970.

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223.

Электрокыллюкам — Электрокыллюкам: Удмурт-зуч кыллюкам (Удмуртско-русский словарь) // <http://udm2rus.ru/index.htm>, 2008.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

В статье описываются фонетические особенности рукописного перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке. Анализ проведен с целью выявления диалектной основы представленного перевода. Также в статье рассматриваются две азбуки 1847 г. на сарапульском и глазовском наречиях удмуртского языка, на основе чего делается вывод о диалектной принадлежности перевода Евангелия.

SUMMARY

The article represents phonetic characteristics of the Udmurt manuscript translation of Gospel according to St. John. The main purpose of the work is the analysis of dialect base of the manuscript translation. The author also considers two alphabet books (1847) in the Sarapul and Glazov dialects of Udmurt and comes to the conclusion about the dialect base of the translation.

Ключевые слова: удмуртский язык, перевод, Евангелие, азбуки, диалектная основа

Keywords: the Udmurt language, translation, Gospel, alphabets, dialect base

О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках¹

Глагол в старописьменном монгольском и в современных монгольских литературных языках, к которым относятся монгольский, бурятский и калмыцкий, — лексико-грамматическая группа, представленная разнообразными и достаточно разветвленными грамматическими формами. Среди них наряду с многочисленными залоговыми, видовыми и неличными (причастными и деепричастными) формами особое место занимают разнообразные личные формы — формы наклонений, соотносённые с лицом, временем и модальностью. Хотя грамматика монгольских языков (в том числе и глагол) изучается давно, вопрос о количестве наклонений в них до сих пор остается открытым и окончательно не решенным.

Так, например, в старописьменном монгольском языке (иногда его называют классическим) академик Я. Шмидт выделяет восемь наклонений глагола: 1) изъявительное; 2) условное; 3) сослагательное; 4) желательное; 5) повелительное; 6) неокончательное; 7) деепричастие; 8) причастие [Шмидт 1832: 57—68]. А. И. Бобровников устанавливает пять наклонений, сообщая об этом следующее: «Наклонений пять, а именно: неокончательное, повелительное, изъявительное, желательное и сослагательное» [Бобровников 1835: 60].

А. А. Бобровников не выделяет наклонений, а говорит лишь об «окончательных» формах глагола (соответствующих личным в современном понимании) и «неокончательных» (неличных). «Окончательные» он подразделяет на повелительные (общие побудительные), описательные и повествовательные. При этом в побудительные включаются как различного рода повелительные, так и желательные формы; в состав описательных входят лишь изъявительные формы настоящего времени, а в состав повествовательных — прошедшего [Бобровников 1849: 130—135].

Исследователь калмыцкого языка XIX в. А. Попов определяет в калмыцком языке шесть наклонений: 1) повелительное; 2) желательное; 3) изъявительное; 4) условное; 5) возможное; 6) неокончательное [Попов 1847: 133—177].

Автор грамматики бурятского языка XIX в. А. Орлов устанавливает для бурятского глагола наклонение, деепричастие и причастие. При этом наклонений он выделяет два — повелительное и изъявительное. Повелительное наклонение делится на четыре формы: приказательную, просительную, допустительную и желательную; изъявительное — на две: описательную и повествовательную [Орлов 1878: 62—66]. Описательная форма, по мнению А. Орлова, как и А. А. Бобровникова, состоит из «наращений» (в терминологии [Орлов 1878]) настоящего времени, а повествовательная — прошедшего.

Последующие монголоеды, ученые XX в., мало что внесли нового в изучение наклонений глагола в монгольских языках: они продолжали выделять разное количество наклонений, среди которых неизменно повторялись в основном два «традиционных» — повелительно-желательное и изъявительное. Так, Н. Н. Поппе в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» [Поппе 1938] наряду с именными (номинальными) формами глагола (причастиями в современном понимании) и конвербиальными (деепричастиями) определяет для бурятского языка также группу «чисто-глагольных (вербальных) форм», включая в их состав изъявительные формы, формы обращения и формы настроения, причем две последние по сути представляют повелительно-желательные формы [Поппе 1938: 207—221].

Г. Д. Санжеев в «Грамматике бурят-монгольского языка» выделяет в бурятском только две группы личных форм — повелительные и изъявительные [Санжеев 1941: 66—67]. Этому же мнению он придерживается и в «Грамматике бурятского языка», в разделе «Глагол» устанавливая для бурятского языка два наклонения — повелительно-желательное и изъявительное [Санжеев 1962: 247—266]. Это свое положение Г. Д. Санжеев развил в специальном исследовании «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол», в котором говорит лишь об этих двух наклонениях в монгольских языках [Санжеев 1963: 95—130, 169—195].

В «Грамматике современного монгольского языка» Б. Х. Тодаевой о наклонениях монгольского языка сказано буквально следующее: «В халха-монгольском, как и в других монгольских языках, в глаголе традиционно устанавливается два наклонения: повелительное и изъявительное» [Тодаева 1951: 98]. Это же состав наклонений устанавливается для современного литературного языка Монголии и монгольскими учеными [Орчин 1966: 147—152].

В современном монгольском литературном языке Автономного района Внутренняя Монголия (Китай), продолжающем традиции классического старописьменного монгольского языка, правда, немного мо-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №10-04-00496а).

дернизированного, монголоведами КНР выделяются два наклонения глагола: изъявительное (*ᠵаγ-un kel-berī*) и повелительно-желательное (*jakirqu küsekü kelberī*) с опасительной формой (*bolγumjilaqu kelberī*) [Orčin 1984: 307—317].

В нормативном учебнике для высших учебных заведений «Современный бурятский язык» его автор Д. Д. Амоголонов так говорит о наклонениях бурятского глагола: «В чисто глагольных формах бурятского языка различаются два наклонения: 1) изъявительное и 2) повелительно-желательное или, как традиционно принято, изъявительная форма и форма обращения» [Амоголонов 1958: 199]. Такого же мнения придерживался и Ц. Ц. Цыдыпов [Цыдыпов 1988: 64—69].

В «Грамматике калмыцкого языка», изданной в 1940 г., Г. Д. Санжеев устанавливает для калмыцкого глагола четыре группы форм, называемых им также наклонениями: «Эти формы можно разбить на четыре группы или наклонения, а именно: 1) Формы обращения. 2) Изъявительные формы. 3) Причастия. 4) Деепричастия» [Санжеев 1940: 70].

Несколько иной, более рациональный, по нашему мнению, взгляд на наклонения высказывают современные калмыцкие ученые: «Категория наклонения выражает отношение содержания высказывания к действительности. Формы изъявительного, повелительного, желательного и предостерегательного наклонений, употребляющихся лишь предикативно, сопровождаются лично-предикативными частицами лично-местоименного происхождения» [ГКЯ 1983: 205]. Авторы грамматики [ГКЯ 1983] пришли к совершенно правильному выводу, что изъявительное наклонение «выражает реальные действия, которые соответствуют действительности в том смысле, что при высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, будущем и прошедшем времени. Внутри указанных времен модальность высказывания, присущая изъявительному наклонению, под воздействием модальных слов и частиц, интонации и контекста может то усиливаться, приобретая более яркое выражение, то ослабляться. (...) Временные формы изъявительного наклонения обозначают такое действие, время совершения которого определяется его отношением к моменту речи» [там же: 205—206]. Повелительное наклонение, по их мнению, «выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам. (...) Модальное значение требования выделяется как основное среди вариантов категорического побуждения (...)» [там же: 227—228]. С категорией модальности правильно связано и желательное наклонение («основное значение форм желательного наклонения определяется модальностью желания и намерения» [там же: 231]), а также предостерегательное. Таким образом, здесь мы видим попытку связать наклонения калмыцкого языка с категориями времени, лица и модальности, что, по нашему мнению, является верным теоретическим и методологическим подходом.

Попытку по-новому подойти к пониманию природы наклонений и соответственно пересмотреть их количество в бурятском языке сделал Ц. Б. Цыдендамбаев в своей работе «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении» [Цыдендамбаев 1979]. Считая, что так называемое изъявительное наклонение — это не наклонение в полном смысле данного термина, т. к. оно не имеет своего формального показателя и связано не с модальностью, а с категорией времени (это специальные формы для выражения категории времени), он исключил его из состава наклонений. Поскольку наклонения, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, служат для выражения различных модальных значений, он счел неверным выделять в бурятском языке повелительно-желательное наклонение как единое, предложив вместо него шесть самостоятельных наклонений, выражающих различные модальные значения: повелительное, увещательное, призывное, желательное, волевое и предостерегательное [Цыдендамбаев 1979: 134—140]. Вспомним в связи с этим формы обращения, формы пожелания и формы опасения, выделяемые в бурятском языке Д. Д. Амоголоновым [Амоголонов 1958: 206], а также повелительное, желательное и предостерегательное наклонения, установленные калмыковедами для калмыцкого языка [ГКЯ 1983: 227—234].

Таким образом, даже из приведенного выше беглого обзора исторической эволюции взглядов на природу и состав наклонений в монгольских языках видно, что точки зрения по этому вопросу разнообразны и противоречивы: то были выделены наклонения, то речь шла о различных временных и модальных формах, то о формах обращения и т. д.; даже не была выработана устойчивая терминология. Попытка применить схему форм и наклонений классического монгольского к современным монгольским языкам не всегда давала положительный результат, т. к. историческое развитие каждого из монгольских языков шло по самостоятельному пути и они не всегда совпадали.

Так, в классическом старописьменном монгольском языке Г. Д. Санжеев выделяет следующие повелительно-желательные формы:

1) императив для 2-го лица единственного и множественного чисел, совпадающий с основой глагола (*yabu* ‘уходи; уходите’, *ire* ‘приходи; приходите’);

2) повелительную форму 2-го лица множественного числа на *-γtun / -gtün* (*yabuγtun* ‘уходите’, *iregtün* ‘приходите’);

3) повелительно-желательную форму 3-го лица на *-tuγai / -tügei* (*yabutuγai* ‘пусть уходит; пусть уходят’, *iretügei* ‘пусть приходит; пусть приходят’);

4) просительную форму 1-го лица на *-su / -sü* (*yabusu* ‘уйду-ка я’, *iresü* ‘приду-ка я’);

5) желательную форму на *-suγai / -sügei*, хотя в действительности для классического монгольского языка эта форма используется наряду с предыдущей (*yabusuγai* ‘уйду-ка я’, *iresügei* ‘приду-ка я’), а в значении желательной употребляется форма на *-γasai / -gesei* (*yabuγasai* ‘хорошо бы ушел’, *iregesei* ‘хорошо бы пришел’);

6) повелительно-просительную форму 1-го лица на *-ya / -ye*, которая обычно более употребительна для множественного числа, нежели для единственного (*yabuya* ‘давайте-ка уйдем; дай-ка я уйду’, *ireye* ‘давайте-ка придем; дай-ка я приду’);

7) дубитативную форму на *-γufai / -güfei* (*yabuγufai* ‘только бы не ушел; как бы не ушел’, *iregüfei* ‘только бы не пришел; как бы не пришел’) [Санжеев 1963: 95—118].

Из изъявительных форм Г. Д. Санжеев находит в классическом старописьменном монгольском языке следующие: 1) имперфектный презенс с окончаниями *-m, -mu / -mü, -mui / -müi, -yu / -yü, -nam / -nem* (*yabum, yabumu, yabumui, yabunam* ‘ухожу; уйду’; *irem, iremü, iremüi, irenem* ‘прихожу; приду’); 2) перфектный презенс на *-luγa / -lüge* (*yabuluγa* ‘ушел’, *irelüge* ‘пришел’); 3) имперфектный претерит на *-fjuqui / -fjüki* (*yabuγjuqui* ‘ушел’, *irefjüki* ‘пришел’); 4) перфектный претерит на *-ba / -be, -bai / -bei* (*yabuba, yabubai* ‘ушел’; *irebe, irebei* ‘пришел’) [Санжеев 1963: 119—130].

В доклассическом старомонгольском языке М. Н. Орловская, исследовавшая язык монгольских текстов XIII—XIV вв., выделяет два наклонения: повелительно-желательное и изъявительное, — называет их формами и объединяет в группу финитных глагольных форм [Орловская 1999: 71]. К повелительно-желательным она относит следующие формы:

1) повелительную форму 2-го лица единственного и множественного чисел, всегда совпадающую с основой глагола и выражающую категорическое приказание или пожелание совершить действие (*bol* ‘будь; будьте’);

2) пропозитивную форму 1-го лица на *-su / -sü*, которая обозначает намерение, желание, готовность совершить действие и употребляется как для единственного (чаще), так и для множественного числа (*bi öcisü* ‘скажу я’, *öksü ba* ‘дадим мы’); наряду с данной формой в текстах в том же значении используется форма на *-suγai / -sügei* (*bi urida yabusuγai* ‘я пойду вперед’, *bi qayaly-a negesügei* ‘я открою ворота’);

3) повелительно-пригласительную форму 1-го лица обоих чисел на *-y=a / -y=e*, обозначающую намерение, желание говорящего совершить действие самому или приглашение 2-го лица совершить действие совместно с говорящим (*jergeber ügüley=e* ‘расскажу по порядку’, *negüy=e* ‘откочем-ка’);

4) повелительную форму 3-го лица на *-tuγai / -tügei*, которая выражает приказание, вежливую просьбу или разрешение совершить действие; в древних текстах она относилась не только к 3-му, но и ко 2-му лицу обоих чисел (*ayutuγai* ‘пусть убоится; пусть убоятся’; *Čanak-a edüge ču čay bolju amui: morin-i abču irefju ögtügei* ‘О, Чанака, уже наступает время: иди и приведи коня’); этой же формой выражается и пожелание к совершению действия безотносительно к какому-либо лицу, обычно это касается издаваемых указов и приказаний (*Bidan-u dergede yabuqun metüs oro’ultuγai* ‘Впускать всех, кто хочет быть при нас’);

5) повелительную форму 2-го лица множественного числа на *-dqun / -dkün* (в более поздних текстах — *-γtun / -gtün*), которая выражает требование или призыв совершить действие (*⟨...⟩ ta köbegüd minu buu umartadqun* ‘⟨...⟩ вы, сыновья мои, не забывайте’);

6) форму опасения на *-γufai / -güfei*, которая относится к различным лицам единственного и множественного чисел и обозначает опасение или предостережение относительно совершения нежелательного действия (*gemsiyer-ün boluγufai* ‘как бы нам не раскатыся’) [Орловская 1999: 71—75].

В группу изъявительных глагольных форм доклассического старомонгольского языка М. Н. Орловская включает следующие формы: 1) формы прошедшего (настоящего-будущего) времени с окончаниями *-yu / -yü* (варианты — *-u / -ü, -yi, -i, -ai, -m, -mu / -mü, -mui / -müi, -nam / -nem, -nai / -nei, -t* (*yabuγu, yabum, yabumu, yabumui, yabunam* ‘уходит; уйдет’; *bolu* ‘будет’; *oki qatu oluyi-je či* ‘ты, наверняка, найдешь жену’; *miqa idet tede* ‘они едят мясо’); 2) формы прошедшего времени с окончаниями *-ba / -be, -bai / -bei* (вариант *-bi*, употребляемый с лицом женского пола: *Temüjin irebe* ‘Тэмуджин пришел’; *Qo’aqčün emegen irebi* ‘⟨...⟩ ke’ebi ‘Старуха Хоакчин пришла, ⟨...⟩ сказала’), *-luγ=a / -lüge, -fjuqui / -fjüki, -čiqui / -čjüki* (*yabuluγ=a* ‘ушел’, *γarčiqui* ‘вышел’) [Орловская 1999: 75—89].

В современных монгольских языках финитные формы глагола предстают в несколько ином виде. Так, исследователи современного халха-монгольского языка устанавливают в нем следующие формы наклонений [Тодаева 1951: 98—112; Орчин 1966: 147—152; Орчин 1987: 146—177].

1. Повелительно-желательные формы:

1) форма на *-сугай / -сүгэй* для 1-го лица единственного числа, выражающая желание, намерение, решимость совершить то или иное действие (*гарсугай* ‘я выйду; я намерен выйти’, *ирсүгэй* ‘я приду; я намерен прийти’);

2) форма на *-я / -е / -ё* для 1-го лица обоих чисел, выражающая призыв, желание, предложение сделать что-либо (*яръя* ‘расскажу-ка; расскажем; расскажемте’, *мэдьё* ‘узнаю-ка; узнаем; узнаемте’; *бодъё* ‘подумаю-ка; подумаем; подумаемте’);

3) форма основы для 2-го лица обоих чисел, выражающая приказание совершить действие (*яв* ‘уходи; уходите’, *ир* ‘приходи; приходите’);

4) форма на *-аарай / -ээрэй / -оорой / -өөрэй* для 2-го лица обоих чисел, обозначающая желание или обращенную к одному лицу просьбу в отношении будущего действия, с оттенком вежливости, уважения (*яваарай* ‘уходи; уходите’, *ирээрэй* ‘приди; придите’, *бодоорой* ‘подумай; подумайте’, *өгөөрэй* ‘дай; дайте’);

5) форма на *-аач / -ээч / -ооч / -өөч* для 2-го лица обоих чисел, выражающая категоричную просьбу, требование совершить действие (*яваач* ‘уходи же; уходите же’, *ирээч* ‘приходи же; приходите же’, *босооч* ‘вставай же; вставайте же’, *өгөөч* ‘дай-ка; дай же; дайте-ка; дайте же’);

6) форма на *-гтун / -гтүн*, выражающая обращение ко 2-му лицу множественного числа совершить действие, с оттенком уважения, вежливости (*явагтун* ‘идите’, *ирэгтүн* ‘приходите’);

7) форма на *-г* для 3-го лица обоих чисел, обозначающая пожелание, разрешение, допущение совершить действие (*яваг* ‘пусть уходит; пусть уходят’, *ирэг* ‘пусть придет; пусть придут’), а также форма на *-тугай / -түгэй*, используемая в призывах, воззваниях (*мандтугай* ‘пусть расцветает; да здравствует’, *болтугай* ‘да будет; пусть будет’);

8) форма на *-аасай / -ээсэй / -оосой / -өөсэй* для 2-го и 3-го лиц обоих чисел, обозначающая пожелание, чтобы данное действие совершилось (*Чи түүнтэй уулзаасай* ‘Хорошо бы тебе с ним встретиться’; *Та нөхдийг ажлаас бүү таслаасай* ‘Хорошо бы вы не отрывали товарищей от работы’; *Өнөөдөр эх түргэн ирээсэй* ‘Хорошо бы мать сегодня быстро пришла’);

9) форма на *-уузай / -үүзэй* для 2-го и 3-го лиц обоих чисел, выражающая осторожность, опасение, предостережение, неуверенность в совершении действия (*барих болуузай* ‘как бы не поймали’, *явуузай* ‘как бы не ушел’).

2. Изъявительные формы:

1) форма на *-на / -нэ / -но / -нө* для выражения настоящего-будущего времени в плане неопределенности / неконкретности (*явна* ‘уходит; уйдет’, *ирнэ* ‘приходит; придет’, *олно* ‘находит; найдет’, *өгнө* ‘даст; даст’);

— для выражения видо-временной формы настоящего конкретного времени, соотношенного с моментом речи, используется аналитическая форма на базе соединительного деепричастия на *-ж / -ч* и вспомогательного глагола *байна*, т. е. по модели *-ж / -ч байна* (*явж байна* ‘сейчас уходит’, *ирж байна* ‘сейчас идет сюда’, *гарч байна* ‘сейчас выходит’), которая, кстати, соответствует старомонгольской аналитической форме *-ju / -či bayimui ~ atui*, обычно не включаемой в состав форм изъявительного наклонения, т. к. во внимание брались только синтетические формы;

— кроме того, для выражения настоящего конкретного времени, соотносимого с моментом речи, в современном халха-монгольском языке широко используется форма причастия настоящего времени на *-(г)аа / -(г)ээ / -(г)оо / -(г)өө* (*Миний аав одоо гэртээ байгаа* ‘Мой папа сейчас находится у себя дома’);

2) в роли формы будущего конкретного времени используется причастие будущего времени на *-х*, обычно сопровождаемое предикативной частицей *юм* (*явах юм*) ‘уйдет’, *ирэх юм* ‘придет’);

3) для выражения прошедшего времени используются пять различных форм — на *-в, -сан (-сэн / -сон / -сөн), -лаа (-лээ / -лоо / -лөө), -жээ / -чээ, -(г)аад байна (-ээд / -оод / -өөд байна)*, например: *явав, явсан, явлаа, явжээ, яваад байна* ‘ушел’, — в которых содержатся разнообразные сопутствующие коннотативные оттенки.

3. Кроме того, современный халха-монгольский язык для выражения **ирреального действия в будущем** выработал особую финитную форму на *-хсан / -хсэн / -хсон / -хсөн*, гармонирующую с составом гласных глагольной основы, что свидетельствует об окончательной сформированности этого морфологического показателя (*явахсан* ‘ушел бы’, *ирэхсэн* ‘пришел бы’, *олохсон* ‘нашел бы’, *өгэхсөн* ‘дал бы’).

В современном калмыцком языке в составе финитных форм выделяются формы следующих наклонений [ГКЯ 1983: 205—234].

1. Изъявительное наклонение

1) Формы настоящего времени:

а) форма с аффиксом *-на / -нэ*, выражающая не только настоящее время (как конкретный момент речи, так и расширительное значение), но и будущее (*йовнач* ‘ты идешь; ты уйдешь’, *ирнэв* ‘я прихожу; я приду’);

б) формы на *-жана / -жэнэ, -чана / -чэнэ*, реализующие значение настоящего времени конкретного момента речи (*йовжана* 'идет', *иржэнэ* 'идет сюда', *һарчана* 'выходит наружу'; *һалзу шуурһн шуурчана* 'бушует злая пурга');

в) форма на *-а / -э* для выражения достоверного действия, которое началось до момента речи и продолжается в момент речи (*мини дор нук малтач* 'копаешь под меня яму'; *һанад йовав* 'я продолжаю думать');

г) форма на *-дг*, передающая значение постоянно совершающегося действия (посл. *Төмрин сээг давтж меддг, мөрнэ сээг довтлж меддг* 'Качество железа познается при ковке, а достоинство коня — в скачке').

2) Формы прошедшего времени:

а) форма с аффиксом *-в*, значение которой заключается в том, что она передает действие, завершившееся незадолго до момента речи или в момент речи, либо совершившееся в прошлом безотносительно к какому-либо другому действию или моменту, т. е. эта форма передает значение однократного очевидного действия в недавнем прошлом (*радиоһар зэңглв* 'по радио объявили', *би йовув* 'я ходил');

б) форма на *-ла / -лэ*, выражающая действие, прежде известное говорящему и совершившееся до момента речи (*ус авхар йовлав* 'я шла за водой', *амн үгэн өглэ* 'дал свое слово');

в) форма на *-ж*, выражающая прошедшее действие, неочевидное и в какой-то мере неожиданное, совершившееся в отсутствие говорящего (*хэрж ирж* 'вернулся', *бичкнэр эндүрж оркжв* 'я немного ошибся');

г) форма на *-сн*, которая выражает законченное действие и констатирует, что действие полностью осуществилось либо до момента речи, либо до наступления другого действия (*материалмуд цуглулсн* 'собрал материалы', *чини тускар мартсн угав* 'я о тебе не забывал').

3) Форма будущего времени на *-х* обозначает действие, осуществление которого лишь намечается (*чидхвидн* 'сумеет', *хэлэхч* 'увидишь').

2. Повелительное наклонение

1) Форма обращения к 1-му лицу обоих чисел на *-й / -ий / -я* выражает призыв к совершению действия (*йовий* 'пойду-ка я; пойдете', *күцэй* 'выполню-ка я; давайте выполним', *ирий* 'приду-ка я; давайте придем').

2) Формы обращения ко 2-му лицу:

а) форма обращения ко 2-му лицу единственного числа с приказанием совершить действие (императив) представляет собой основу глагола в чистом виде (*йов* 'иди; пойдя; уйди', *ир* 'иди сюда; приди', *суу* 'сядь');

б) смягченная форма с окончанием *-ич*, служащая для обращения ко 2-му лицу единственного числа с просьбой, приказанием совершить действие (*йович* 'ну иди же', *ирич* 'приходи же', *сууһич* 'садись же', *орич* 'входи же');

в) форма с окончанием *-тн*, служащая для обращения ко 2-му лицу множественного числа с просьбой, приказом совершить действие (*йовтн* 'идите', *иртн* 'приходите', *суутн* 'садитесь', *ортн* 'войдите').

3) Форма обращения к 3-му лицу обоих чисел выражает допущение кем-либо совершить действие и имеет окончания *-г* и *-тха / -тхэ* (*йовг, йовтха* 'пусть идет; пусть идут'; *ирг, иртхэ* 'пусть придет; пусть придут').

3. Желательное наклонение

1) Форма на *-са / -сэ* выражает желание и намерение говорящего совершить действие самому или пожелание, просьбу, совет, позволение 2-му или 3-му лицу совершить это действие (*Зогсчанич, би келжэ өгсэ, чи чигн инэхич* 'Подожди-ка, я расскажу, ты посмеешься'; *ирсэ* 'хорошо бы пришел'; *йовса* 'хорошо бы, если бы пошел').

2) Форма на *-с (+ -в / -видн)*, относящаяся к 1-му лицу обоих чисел (а также на *-су / -сү*), выражает различные оттенки желания, намерения, решимости 1-го лица или 1-х лиц совершить действие (*Би эм авад одсв* 'Я возьму лекарство и пойду'; *түүниг көөсвидн* 'давай прогоним его').

4. Предостерегательное наклонение, образуемое с помощью аффикса *-вза / -взэ* (с вариантами *-уза / -үзэ, -за / -зэ*) и относимое ко всем трем лицам обоих чисел, выражает опасение, предостережение от совершения нежелательного действия (*Лижэ-Һэрэ, намаг дахулхан мартчквзат* 'Лиджи-Гаря, как бы Вы не забыли меня взять с собой'; *Нам күүкм өлсэд, ундасад үкжэвзэ* 'Как бы моя милая дочь не умерла от голода и жажды').

Разнообразие фактически существующих в современных монгольских языках форм наклонений, выражающих различные отношения содержания высказывания к действительности (причем не только модального и временного планов), требует особого подхода.

Чтобы разобраться в сути проблемы и установить реальный состав наклонений в современных монгольских языках, обратимся к трактовке термина «наклонение» в общем языкознании. Так, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» о наклонении сказано следующее: «Наклонение —

грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего. Наклонение — грамматический способ выражения модальности. Грамматическое значение форм наклонения выводится из их речевого употребления, предполагающего присутствие говорящего (пишущего) субъекта, речь которого включает, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного, предполагаемого и т. д., т. е. передающую субъективное отношение говорящего к действию. Разные языки располагают различным набором парадигматических форм наклонения, в зависимости от свойственных им модальных значений. Различают два типа наклонений: прямое и косвенные. Прямым наклонением является индикатив (изъявительное наклонение), служащий для объективной констатации факта в его отношении к действительности. Этим объясняется обязательное наличие индикатива в языках разных типов. В косвенных наклонениях отражается различное отношение субъекта речи к высказываемому. Разнообразие этого отношения определяет разнообразие парадигм косвенных наклонений в разных языках» [ЛЭС 1990: 321].

Так, в русском языке выделяют три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное [РЯ 1998: 257]. В тунгусо-маньчжурских языках наблюдается неодинаковое количество и состав наклонений. В эвенском языке, кстати, их выделяют пять: изъявительное, повелительное, долженствовательное, предостерегательное и сослагательное [Роббек 1992: 81].

После изучения материала, связанного с определением понятия «наклонение» и принципами выделения наклонений в различных языках (прежде всего в алтайских), мы пришли к выводу, что общим для наклонений во всех языках является выражение отношения действия (процесса) к действительности (реальной или ирреальной). Индикатив — единственное наклонение, которое не имеет специального показателя (в отличие от косвенных наклонений); кроме того, изъявительное наклонение не так тесно связано с модальностью, как косвенные. Формы индикатива выражают реальное действие / состояние и отличаются от остальных наклонений тем, что лишь утверждают факт осуществления или неосуществления глагольного действия и не содержат оценки действия с точки зрения говорящего. Формы этого наклонения связаны только с категорией времени; косвенные же наклонения, тесно связанные с категорией модальности, отражают нереальное время, мыслимое одновременно в плане будущего. Все косвенные наклонения имеют специальные показатели. Все наклонения без исключения связаны с категориями лица и числа, т. е. имеют свою парадигму спряжения.

Попробуем подойти, опираясь на все эти общие положения, к личным формам, например, бурятского глагола, т. к. в бурятском языке более четко и конкретно оформлена связь действия с лицом деятеля путем постановки специальных показателей лица, используемых при спряжении глагола (чего нет в старомонгольском языке — как классическом, так и доклассическом, — а также в современном языке халха-монголов). В этом отношении с бурятским языком схожи калмыцкий и дагурский языки, но т. к. нам более знаком бурятский материал, то мы берем в качестве примера бурятский язык.

Здесь, безусловно, прав Ц. Б. Цыдендамбаев, который выделяет для бурятского языка шесть наклонений, тесно связанных с категорией модальности и выражающих различные модальные значения [Цыдендамбаев 1979: 135—139]. Вслед за ним мы тоже в свое время пришли к выводу о целесообразности выделения в бурятском языке (в частности, в группе присаянских бурятских говоров: окинского, тункинского и закаменского) не одного повелительно-желательного наклонения, как это обыкновенно делают монголоеды, а шести самостоятельных наклонений, выражающих модальные значения и имеющих специальные показатели, с помощью которых отражаются категории лица и числа:

1) повелительное (*яба* ‘иди; уходи’, *йирэ* ‘приходи; приди’; *ябагты* ‘уходите’, *йирэгты* ‘приходите’; *ябыш* ‘уходи же’, *йирыш* ‘иди же сюда’; *ябыт* ‘уходите же’, *йирыт* ‘идите же сюда’; *бүү яба* ‘не уходи’);

2) увещательное (*ябаарай* ~ *ябаарайш* ‘ну уходи же’, *ябаарайт* ~ *ябаарагты* ‘ну уходите же’; *ябаг* ‘пусть уходит’, *йирэг* ‘пусть приходит’);

3) призывное (*ябая* ~ *ябаябди* ‘пойдемте; давайте пойдём’, *йирэе* ~ *йирэебди* ‘давайте придем’);

4) желательное (*ябаһай* ‘хорошо бы он ушел; только бы он ушел’, *йирэхэй* ‘хорошо бы он пришел’; *мүнөөдэр һальтин бүү болоһой* ‘хорошо бы сегодня не было ветра’);

5) волевое (*би ябаһуу* ~ *ябаһууб* ‘дай-ка я уйду’, *би йирэхүү* ~ *ерэхүүб* ‘дай-ка я приду’; *ябуужам* ~ *ябуужаб* ‘я обязательно пойду’, *ябуужамди* ~ *ябуужабди* ‘мы обязательно пойдём’);

6) предостерегательное (*тэрэ юүмэ муу табяатай*, *унашуужа* ‘та вещь плохо поставлена, как бы не упала’) [Рассадин 1996: 79—80].

Для литературного бурятского языка Г. Д. Санжеев приводит форму на *-уужа* как допустительную: *ябуужа* ‘пусть уходит; пусть пойдет’, *ябуужан* ‘пусть уйдут’ [Санжеев 1962: 259]. В окинском говоре бурятского языка для 2-го лица в предостерегательном значении употребляется форма на *-баиш* ~ *-бат*: *һайса һуу*, *унабаиш* ‘сядь хорошо, не то упадешь, как бы ты не упал’. Мы сознаем, что названия этих наклонений являются приблизительными, условными и неокончательными; многие из этих форм имеют

другие названия в работах Н. Н. Поппе [Поппе 1938: 217—221], Д. Д. Амоголонова [Амоголонов 1958: 203—206] и Г. Д. Санжеева [Санжеев 1963: 95—119, 169—180]; необходимо уточнение этих названий.

Исходя из того, что наклонение — это грамматическая категория, выражающая отношение действия к действительности, верным будет утверждать, что окружающая говорящего реальная действительность не заключается только в одной модальности, которая в сущности является лишь одной из форм существования этой действительности. Поскольку действительность существует в пределах времени и пространства, то и язык с помощью определенных форм отражает это существование. Глагол выработал в процессе языковой эволюции, взаимосвязанной с речемыслительной деятельностью человека, группу специальных форм, которые выражают отношение действий (состояний), производимых человеком или происходящих независимо от него, к действительности в пределах времени. Эта группа специальных форм глагола, выражающих действия / состояния во времени (прошедшем, настоящем и будущем), как раз и составляет особое наклонение — темпоральное (временное) наклонение, которое в грамматиках принято называть индикативом или изъявительным наклонением. В связи с тем, что в нем больше выражена категория времени, а не модальности, то некоторые исследователи исключают его из состава наклонений.

Поскольку действия / состояния в реальной действительности осуществляются (происходят) в пределах конкретного времени и в условиях конкретных обстоятельств, разнообразие которых обусловлено самой действительностью, то язык, разумеется, выработал группу специальных глагольных форм, выражающих эти условия и обстоятельства. Это особенно необходимо выразить, если происходят два (или более) действия / состояния и при этом одно (или несколько) зависит (зависят) от другого (или других). В монгольских языках такие зависимые отношения одного действия от другого обычно выражаются причастными или деепричастными оборотами, в том числе и обстоятельственными. Но если выработались специальные формы, которые имеют особые маркеры, указывающие на лицо или лица, совершающее (совершающие) это зависимое действие, т. е. спрягаемые по лицам и числам формы, то речь должна уже идти о самостоятельном наклонении; такое наклонение должно называться адвербиальным (обстоятельственным).

В бурятском языке в пределах данного наклонения речь фактически может идти об условных и уступительных глагольных формах. Так, например, одно действие может быть выполнено кем-либо при условии осуществления другим лицом другого действия: *Шимни мүнөөдэр ажалһаа гэртээ эртэ харьяа һааш, бидэ уулзажа шадахабди* ‘Если ты сегодня с работы домой вернешься пораньше, мы сможем встретиться’. Показателем условной формы обстоятельственного наклонения в бурятском языке является *-аа һаа* с полной парадигмой спряжения и отрицательным аспектом: *-аа һаам, -аа һааш, -аа һаа* (иногда *һаань*), *-аа һаамнай (һаабди), -аа һаат, -аа һаа*; с отрицанием — *-аагүй һаам* и т. д. В бурятских говорах вместо *һаа* может встречаться либо *хада*, либо *болбол*: окин. *һайнаар харюусаа болболини, багша табые табиха* ‘если хорошо ответишь, учитель поставит пятерку’. В калмыцком языке эти отношения выражаются условной формой на *-хла / -хлэ*, в халха-монгольском языке — условным деепричастием на *-вал / -вэл / -вол / -вөл*.

Если одно действие совершается вопреки другому, то речь может идти об уступительной форме обстоятельственного наклонения. В бурятском языке она образуется на базе условной формы, включающей уступительную частицу *-шье* (*-аашье һаам, -аашье һааш* и т. д.), например: *Мүнөөдэр хура бороо ороошье һаа, бидэ дача руу ошоһомнай* ‘Хотя сегодня и пойдет дождь, мы поедем на дачу’. В халха-монгольском языке эти отношения выражены уступительным деепричастием на *-=вч*, в калмыцком — формой *болв чигн*, например: монг. *Чи өнөөдөр орой харьж ирэвч, би чамайг хүлээж байх юм* ‘Хотя ты сегодня поздно вернешься домой, я тебя буду ждать’; калм. *Тер залху болв чигн, сурһулян сэгнэр сурдг билэ* ‘Учился он хорошо, хотя и был ленив’.

Ирреальность действия в бурятском языке выражается спрягаемой составной глагольной формой, состоящей из причастия будущего времени на *-ха* и вспомогательного глагола *байха* ‘быть’ в форме прошедшего времени. Парадигма спряжения следующая: *-ха байгааб, -ха байгааи, -ха байгаа, -ха байгаабди, -ха байгаат, -ха байгаад*; например: *Мүнөөдэр сүлөөтэй болоо һаа, бидэ танайда ерэхэ байгаабди* ‘Если бы сегодня было время, мы бы к вам пришли’. В халха-монгольском языке для выражения ирреальных отношений был выработан специальный гармонирующий аффикс *-=хсан / -=хсэн / -=хсон / -=хсөн*, например: *Бид өнөөдөр чөлөөтэй болохсон, танайд ирэхсэн* ‘Было бы сегодня у нас время, мы бы к вам пришли’.

Таким образом, опираясь на понимание наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, и принимая широкий спектр этих отношений — включая не только модальность (т. е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае — к действию), но и отношение ко времени, обстоятельству и реальности действия, а также маркированность этой формы и

ее спрягаемость, — приходим к выводу, что в современном бурятском языке, как и в халхаском и калмыцком, сложились следующие четыре наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности.

1) **Темпоральное наклонение** (изъявительное, индикатив, временное):

- а) формы прошедшего времени;
- б) формы настоящего времени;
- в) формы будущего времени.

2) **Модальное наклонение:**

- а) формы повеления (императив);
- б) формы увещевания;
- в) формы призыва;
- г) формы желания и воли;
- д) формы опасения и предостережения.

3) **Адвербиальное наклонение** (обстоятельное):

- а) условная форма (форма условия действия);
- б) уступительная форма (форма уступки действия).

4) **Ирреальное наклонение:** сослагательная форма.

Предложенный здесь вариант схемы наклонений в монгольских языках не является окончательным и может быть уточнен, что особенно касается форм модального наклонения.

Поскольку в языковедении существует гипотеза о генетическом родстве алтайских языков, в число которых включают монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские, а в последнее время и корейский, а также спорное мнение о более близком родстве монгольских языков с тюркскими и предположение о наличии в прошлом монголо-тюркского праязыка, есть настоятельная необходимость провести сравнительное исследование грамматических элементов, в частности систем наклонений в монгольских и тюркских языках, чтобы установить реальность существования монголо-тюркского праязыка.

В системе словоизменения глагола в тюркских языках также представлена категория наклонения, причем количество наклонений колеблется от четырех до двенадцати [Щербак 1981: 43]. Помимо общих для всех тюркских языков прямого (изъявительного) наклонения и трех косвенных (повелительного, желательного и условного), в отдельных тюркских языках встречаются и формы других косвенных наклонений: долженствовательного, намерения, согласительного, предположительного, сослагательного, предельного и вероятностного [там же: 66—67].

А. М. Щербак, посвятивший специальную работу сравнительному исследованию глагольной морфологии в тюркских языках (в том числе и форм наклонения, или модальности) [Щербак 1981: 41—96], считает вслед за В. В. Виноградовым [Виноградов 1947: 581], что содержанием наклонения является оценка говорящим отношения действия к действительности [Щербак 1981: 42]. По его мнению, «формы наклонений могут быть модальными и временными, т. е. могут выражать субъективные моменты (отношение говорящего к высказываемому) и объективную действительность (простая констатация, утверждение или отрицание действия в прошедшем, настоящем и будущем). (...) Основанием для объединения модальных и временных форм в категорию наклонения служит тесная связь между субъективными и объективными моментами в передаче действия. Увеличение степени объективности непременно ведет к уменьшению удельного веса субъективных оттенков, и наоборот. В своей кульминационной точке эта взаимосвязь и взаимозависимость находит выражение в нулевой модальности временных форм и во вневременном содержании модальных. (...) Различие нулевой модальности, с одной стороны, и модальных оттенков и собственно модальности, с другой, реализуется в виде противопоставления форм прямого (изъявительного) и косвенных (повелительного, желательного, условного и т. д.) наклонений. (...) Категория наклонения охватывает все личные формы глагола, включая и так называемые нулевые, она очень емкая и неоднородная по содержанию (...)» [Щербак 1981: 42].

А. М. Щербак абсолютно прав, утверждая, что «изучение материалов современных и древних тюркских языков приводит к выводу об изначальном отсутствии наклонений и о формировании различий между ними в ходе морфологического обособления глагола от имени. Характерно, что по мере углубления в историю тюркских языков различия между наклонениями заметно стираются; их формы, употребляемые в современных литературных языках с достаточно определенными грамматическими значениями, в древности были многозначными. Сужение семантики древних многозначных форм (...) происходило по линии закрепления за каждой формой какого-либо одного значения и путем постепенной утраты других значений. Поскольку процесс специализации был сложным и разнонаправленным, семантическая структура наклонений в современных тюркских языках совпадает далеко не полностью. В этом отношении примечательна не только (...) форма на *-a*, но и форма на *-zaj*, которая в одних языках входит в

парадигму желательного наклонения, а в других относится и к формам желательного, и к формам изъявительного наклонения. Судя по морфологическим данным, самым ранним в тюркских языках было разграничение изъявительного и повелительного наклонений. <...> Повелительное наклонение, имея своеобразную семантику и не будучи выраженным специальными аффиксами, постепенно обособилось. Иначе складывались обстоятельства для изъявительного наклонения. Его содержанием была констатация действия в широком плане, не исключающая возможности выражения точки зрения говорящего на отношение действия к действительности, и поэтому охватываемые им формы вошли в парадигмы не только изъявительного, но и других наклонений» [Щербак 1981: 44].

Теперь посмотрим, как рассматриваются и трактуются системы наклонений в древних тюркских языках, сведения о которых почерпнуты нами из трудов Г. Айдарова [Айдаров 1971: 219—229], И. А. Батманова [Батманов 1959: 86—89, 114—117], В. Г. Кондратьева [Кондратьев 1970: 27—39; Кондратьев 1981: 80—93], А. Н. Кононова [Кононов 1980: 183—197], И. В. Кормушина [Кормушин 2004: 285—300; Кормушин 2008: 209—222], В. М. Насилова [Насилов 1960: 58—70; Насилов 1963: 67—88; Насилов 1974: 72—96] и А. фон Габайна [Gabain 1950]. Следует отметить, что в литературе нет единого мнения как о составе наклонений в языках памятников орхоно-енисейской и уйгурской письменности, так и об их количестве; один и тот же материал трактуется по-разному.

Так, Г. Айдаров выделяет четыре наклонения: изъявительное, повелительное, желательное и условное; такого же мнения придерживается и В. Г. Кондратьев, определяя в языке памятников древнетюркской письменности эти же четыре наклонения глагола. А. Н. Кононов же считает, что «наклонений в ТРП <языке тюркских рунических памятников. — В. П.> три: повелительное, изъявительное, желательное. Условное наклонение как таковое в ТРП заменяется функционально условным деепричастием» [Кононов 1980: 183]. По мнению И. В. Кормушина, «для языка орхоно-енисейских памятников можно говорить о трех определенно выделившихся наклонениях — изъявительном, повелительно-желательном, сослагательном и четвертом, находящемся в процессе формирования, — условном» [Кормушин 2008: 210]. В. М. Насилов в составе личных форм глагола как в языке орхоно-енисейских памятников, так и в древнеуйгурском языке говорит лишь о двух наклонениях — повелительно-желательном и условном — и не выделяет изъявительного наклонения, подразделяя временные формы глагола на простые личные и сложные спрягаемые; о правомерности выделения условного наклонения в древнеуйгурском языке он пишет следующее: «В древнеуйгурских рукописях форма условного наклонения имеет характеристический аффикс *-cap // -сэр*, но в отличие от такой же формы в орхоно-енисейских памятниках, где она является только особым деепричастием, в уйгурском языке форма на *-cap // -сэр* спрягается с аффиксами сказуемости и представляет собой *verbum finitum* <...>» [Насилов 1963: 78].

В обобщенном виде, опираясь на приведенные выше работы, схему наклонений и временных форм в древнетюркском языке можно представить следующим образом.

Изъявительное наклонение в древнетюркском языке, как и в современных тюркских, не имеет специального аффикса и реализуется лишь в формах трех временных планов: настоящего, прошедшего и будущего, — каждый из которых представлен простыми и сложными формами. Так, например, для языка тюркских рунических (орхоно-енисейских) памятников А. Н. Кононов устанавливает семь простых форм и три сложных [Кононов 1980: 186—192]. Среди простых форм он выделяет:

1) настоящее-будущее I время, образуемое от причастия на *-r* (с вариантами *-ar / -er, -ir / -ir, -ur / -ür, -jur / -jür*) при отрицательной форме на *-maz / -mez* (*tutar men* ‘я ловлю’, *tir men* ‘я говорю’, *jorijur* ‘он кочует’, *ömez sen* ‘ты не думаешь’);

2) настоящее-будущее II время, образуемое с помощью аффиксов *-a, -e, -j* при отрицательной форме на *-maj / -mej* (*jita siz* ‘вы оплакиваете’, *bars adirilmaj* ‘барс не уходит’);

3) прошедшее категорическое (по И. В. Кормушину, прошедшее общее) время, образуемое с помощью аффиксов *-ti / -ti, -di / -di* при отрицательной форме на *-madi / -medi* и употребляемое с показателями личной принадлежности (т. к. оно имеет именное происхождение); при этом отмечены следующие формы: для 1-го лица единственного числа — *-tim / -tim, -dim / -dim*; для 2-го лица единственного числа — *-tiñ / -tiñ, -diñ / -diñ, -tiy / -tiy, -diy / -diy*; для 3-го лица единственного числа — *-ti / -ti, -di / -di*; для 1-го лица множественного числа — *-timiz / -timiz, -dimiz / -dimiz*; для 2-го лица множественного числа — *-tiñiz / -tiñiz, -diñiz / -diñiz, -tiyiz / -tiyiz, -diyiz / -diyiz*; для 3-го лица множественного числа употребляются те же формы, что и для 3-го лица единственного числа (*Süsin buzdım elin anta altım* ‘Войско его я разбил, эль его там захватил’; *Men oylımqa* <...> *bodunımqa bökmedim* ‘Я не наслаждался <жизнью> с моими сынами, <...> с моим народом’);

4) прошедшее неочевидное (по И. В. Кормушину, прошедшее заглазное) время, образуемое аффиксом причастия *-miš (-mis) / -miš (-mis)* при отрицательной форме на *-maduq / -medük* (*Qamañi jiti jüz er bolmiš* ‘Всего у него стало семьсот мужей-воинов’; *alinmišim* ‘я был взят’; *umaduq* ‘не сумел’);

5) будущее категорическое I (по И. В. Кормушину, будущее потенциальное) время, образуемое аффиксами причастия *-tačī / -teči, -dačī / -deči*; при этом отрицательной формой И. В. Кормушин считает форму на *-mačī / -meči* (*ölteči sen* ‘ты погибнешь’, *buñsız boltačī sen* ‘будешь жить беспечально’, *tegmeči men* ‘я не буду нападать’, *jaramačī* ‘будет негоже’);

6) будущее категорическое II время на *-čī / -či* (*Ingek bozaçulačī bolmıñ* ‘Корова должна была отелиться’);

7) будущее возможное время с аффиксом *-çaj / -gej (-qaj / -kej)*, появившееся в языке тюркских рунических памятников, по мнению А. Н. Кононова, под влиянием древнеуйгурского языка (*Ingek bozaçulačī bolmıñ ölgej men timiñ* ‘Собравшаяся отелиться корова сказала: «Я, возможно, умру»»; *Qut birgej men timiñ* ‘«Я дам тебе счастье», — сказал он’).

К сложным формам (И. В. Кормушин считает их аналитическими или сложносоставными) А. Н. Кононов относит:

1) неопределенный имперфект (по И. В. Кормушину, прошедшее длительное-многократное или определенный имперфект), образуемый сочетанием настоящего-будущего времени на *-r* и *erti* (*Čerig iter erti* ‘Он (сам) руководил войском’; *Atıy iqa bajur ertimiz* ‘Лошадей мы (тогда) привязали к деревьям’);

2) давнопрошедшее время (по И. В. Кормушину, прошедшее длительное-многократное заглазное или неопределенный имперфект), образуемое формой на *-miñ + erti* (*Sü taşıqmıñ erti* ‘Войско выступило в поход’; *Qul qulluy bolmıñ erti* ‘Рабы сделались рабовладельцами’);

3) будущее-прошедшее время (по мнению И. В. Кормушина, будущее в прошедшем), образуемое сочетанием будущего категорического на *-tačī* и *erti* (*⟨...⟩ tirigi küñ boltačī erti ölügi jurtda jolta qaltačī ertigiz* ‘⟨...⟩ те из вас, кто остался в живых, стали бы рабынями, те из вас, кто умер, оставались бы лежать по кочевьям, на дорогах’); при этом А. Н. Кононов признавал, что это время одним из своих значений в какой-то мере сродни русскому сослагательному наклонению [Кононов 1980: 186—192].

И. В. Кормушин высказывается более определенно: «Будущее в прошедшем — еще одна составная аналитическая форма времени, возникающая в рамках изъявительного наклонения практически во всех тюркских языках и с самой древней поры их развития. Образуется путем сочетания основного глагола в форме одного из будущих времен и вспомогательного глагола в форме одного из времен прошедших. Почти сразу же, в силу особой модальной семантики, подобное сочетание выделяется в особое — сослагательное наклонение ⟨...⟩» [Кормушин 2004: 294].

В древнеуйгурском языке, по свидетельству В. М. Насилова, имеются в принципе те же простые и сложные изъявительные формы глагола, но есть и отличия. Так, среди простых форм в древнеуйгурском представлена особая форма будущего долженствовательного времени со спрягаемым аффиксом *-çaj / -gej (-qaj / -kej)*, например: *E jaruq üzüt siz neçük uçañsız* ‘О вы, светлые души, что вы можете?’; *Kün tenri jaruqı isigi ingej, seniñ qanatıñın küjürgej örtengejsen, ölgejsen* ‘Свет-жар бога солнца сойдет вниз, ты спалишь свои крылья, сожжешься и умрешь’ [Насилов 1963: 75—77]. При этом «во многих случаях глагол в этой форме выражает желательное-долженствовательную модальность, являясь подлинным оптативом», например: *küçümüz bolçaj* ‘пусть будет у нас сила’; *joqatqajlar* ‘пусть погубят’ [там же: 77]. В чагатайском языке форма на *-çaj* предстает уже как полностью оформившаяся, спрягающаяся форма желательного будущего времени желательного наклонения [Благова 1994: 350—353]; об этом же пишет и В. М. Насилов, говоря о средневековом уйгурском языке [Насилов 1974: 79—83].

Повелительное наклонение соотносится только со 2-м и 3-м лицами обоих чисел. Для 2-го лица как единственного, так и множественного числа зачастую используется простая основа глагола, выражающая в таком случае прямой императив, например: *kel* ‘приходи; приходите’, *bar* ‘пойди; пойдите’, *bol* ‘будь, будьте; стань, станьте’. В отрицательном аспекте к основе глагола добавляется отрицательный глагольный аффикс *-ma / -me*, например: *kelme* ‘не приходи; не приходите’, *basıtma* ‘не дай себя одолеть; не дайте себя одолеть’.

Для придания императиву большей категоричности, а также при настойчивой почтительной просьбе ко 2-му лицу единственного и множественного чисел к основе глагола присоединяется аффикс *-çil / -gil*, например: *kelgil* ‘приходи; приходите’; *Qarayı edgüti uryil* (⟨...⟩) *timiñ* ‘«Караулы хорошо расставь(те)», — сказал он’; *Sabimın tiketi ešidgil* ‘Речь мою полностью выслушайте’. В то же время для 2-го лица множественного числа в языке тюркских орхон-енисейских памятников уже начала формироваться особая вежливая форма обращения с показателями *-ñ / -iñ / -iñ*, присоединяемыми к основе глагола: *sü barıñ* (⟨...⟩) *altun jışda oluruñ* ‘идите войском, ⟨...⟩ сидите на Алтае’; *anča biliñ* ‘так знайте’; *emgetmey* ‘не притесняйте’. Для 3-го лица единственного и множественного чисел употребляются аффиксы *-zu / -zü* и *-zun / -zün*, присоединяемые к основе. В отрицательном аспекте используется отрицательный глагольный аффикс *-ma / -me*, например: (⟨...⟩) *Toçudaj turnazı artzun* ‘⟨...⟩ пусть множатся журавли Тогудая’; *Türk bodun joq bolmazun* ‘Да не исчезнет тюркский народ’.

Желательное наклонение используется только для 1-го лица обоих чисел. При этом для единственного числа употребляются аффиксы *-ajin / -ejin, -jin / -jin*, а для множественного — *-alim / -elim, -lim / -lim*, которые присоединяются к основе глагола, например: *jüz jašajin* ‘жить бы мне сто лет (да проживу я сто лет)’; *Men tašiqajin timiš* ‘«Я хочу выступить в поход», — сказал он’; *İda qabišalim timiš* ‘«Давайте соединимся в лесу», — сказал он’.

Условное наклонение со спрягаемой формой на *-sar / -ser*, как было сказано выше, сформировалось как таковое только в древнеуйгурском языке; в языке орхон-енисейских памятников это еще условное деепричастие на *-sar / -ser*: др.-уйг. *tidimiz erser* ‘если бы мы сказали’, *bardim erser* ‘если бы я пошел’.

Сослагательное наклонение в древнетюркском языке, как уже было сказано выше, устанавливает И. В. Кормушин, считая его сформировавшимся на базе будущего в прошедшем.

Таким образом, в древнетюркских языках можно вести речь о пяти глагольных наклонениях, каждое из которых имеет собственные показатели.

В современных тюркских языках представлено разное количество наклонений: так, для якутского языка устанавливается, к примеру, десять самостоятельных наклонений [Коркина 1970: 28], в азербайджанском языке выделяют шесть наклонений [ГАЯ 1971: 114—122], в казахском — пять [СКЯ 1962: 332—354], в татарском — четыре [СТЛЯ 1969: 218—244]; для тофаларского языка нами установлено наличие шести наклонений, и вместо седьмого, изъявительного, наклонения описываются личные временные формы [Рассадин 1978: 200—232].

Проведенное выше сравнение систем глагольных наклонений в монгольских и тюркских языках (особенно древнетюркских, лежащих в основе всех современных тюркских языков) показало, что эти системы организованы по-разному, т. к. в исторической ретроспективе их формирование происходило самостоятельно и независимо друг от друга. Между ними обнаруживается лишь типологическое сходство и не выявляется материальных совпадений, разве что тюркский аффикс *-yaj*, как можно предположить, прослеживается в монгольских аффиксах *-suyai / -sügei* и *-tuγai / -tügei*, представляющих повелительно-желательную и желательную формы модального наклонения. Кроме того, типологически общим является использование основы глагола для выражения прямого императива, что, кстати, характерно и для многих языков других групп и семей. Генетического родства монгольских и тюркских языков на материале наклонений глагола проследить не удается.

Сокращения

др.-уйг. — древнеуйгурский	окин. — окинский говор бурятского языка
калм. — калмыцкий	посл. — пословица
монг. — монгольский	ТРП — тюркские рунические памятники

Литература

- Айдаров 1971 — Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
- Амоголонов 1958 — Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
- Батманов 1959 — Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- Благова 1994 — Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: Язык. Прагматика текста. Стиль (К истории чагатайского литературного языка). М., 1994.
- Бобровников 1835 — Бобровников А. И. Грамматика монгольского языка. СПб., 1835.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947.
- ГАЯ 1971 — Грамматика азербайджанского языка: Фонетика, морфология и синтаксис / Ред. Ширалиев М. Ш., Севортян Э. В. Баку, 1971.
- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / Ред. Санжеев Г. Д. Элиста, 1983.
- Кондратьев 1970 — Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
- Кондратьев 1981 — Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981.
- Кононов 1980 — Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- Коркина 1970 — Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.
- Кормушин 2004 — Кормушин И. В. Древние тюркские языки: Учебное пособие. Абакан, 2004.

- Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика. Текстология. М., 2008.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *Ярцева В. Н.* М., 1990.
- Насилов 1960 — *Насилов В. М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Насилов 1963 — *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
- Насилов 1974 — *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.
- Орлов 1878 — *Орлов А.* Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Орловская 1999 — *Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII—XIV вв. М., 1999.
- Орчин 1966 — Орчин цагийн монгол хэл зүй (Грамматика современного монгольского языка). Улаанбаатар, 1966.
- Орчин 1987 — Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт: Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо (Морфологическая структура современного монгольского языка: Система монгольского глагола). Улаанбаатар, 1987.
- Попов 1847 — *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1938.
- Рассадин 1978 — *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Рассадин 1996 — *Рассадин В. И.* Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996.
- Роббек 1992 — *Роббек В. А.* Грамматические категории эвенского глагола. СПб., 1992.
- РЯ 1998 — Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. *Караулов Ю. Н.* М., 1998.
- Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940.
- Санжеев 1941 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941.
- Санжеев 1962 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М., 1963.
- СКЯ 1962 — Современный казахский язык: Фонетика и морфология / Ред. *Балакаев М. Б., Баскаков Н. А., Кенесбаев С. К.* Алма-Ата, 1962.
- СТЛЯ 1969 — Современный татарский литературный язык: Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1969.
- Тодаева 1951 — *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. М., 1951.
- Цыдендамбаев 1979 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Цыдыпов 1988 — *Цыдыпов Ц. Ц.* Буряад хэлэнэй морфологи (Морфология бурятского языка). Улан-Удэ, 1988.
- Шмидт 1832 — *Шмидт Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.
- Щербак 1981 — *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л., 1981.
- Gabain 1950 — *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
- Orčin 1984 — *Orčin čaγ-un mongyul kele.* Kökeqota, 1984.

РЕЗЮМЕ

В данной статье автор исходит из понимания, что наклонение — это грамматическая категория, выражающая отношение действия к действительности, и утверждает, что язык отражает эту действительность, выработав соответствующие формы наклонений. В статье доказывается наличие в монгольских языках системы, состоящей из четырех самостоятельных наклонений: темпорального, модального, адвербиального и ирреального, — каждое из которых включает формы, соотносящиеся с категориями лица, времени и модальности. Проведенное сравнение с системой наклонений древнетюркского глагола показало их типологическое сходство, но отсутствие материальной общности, что свидетельствует об их независимом формировании.

SUMMARY

In the article the author has a view that grammatical mood is a grammatical category expressing the way actions refer to the reality and proves that a language reflects the reality with its forms of grammatical moods. The article proves existence of the system in the Mongolian languages that consists of four independent moods — temporal, modal, adverbial and irreal, each including forms that correspond to tense, modality and person. A comparison with the system of grammatical moods in Old Turkic reveals the typological similarity and absence of material base that proves their independent formation.

Ключевые слова: монгольские языки, древнетюркский язык, тюркские языки, система наклонений, типологическое сходство

Keywords: the Mongolian languages, the Old Turkic language, the Turkic languages, system of grammatical moods, typological similarity

Комментарии к статье В. И. Рассадина «О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках»

В статье В. И. Рассадина «О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках» выражено согласие с мнением А. М. Щербака, высказанным в его книге «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол» [Щербак 1981]. Так, В. И. Рассадин пишет: «А. М. Щербак абсолютно прав, утверждая, что “изучение материалов современных и древних тюркских языков приводит к выводу об изначальном отсутствии наклонений и о формировании различий между ними в ходе морфологического обособления глагола от имени ⟨...⟩” [Щербак 1981: 44]». Из этого можно заключить, что В. И. Рассадин присоединяется к данному выводу А. М. Щербака.

Нам, напротив, представляется, что вывод А. М. Щербака необоснован. Прежде всего, следует сказать, что он сформулирован исследователем столь туманно и непонятно, что его надо сперва «перевести» на общепонятный лингвистам язык. Тезис А. М. Щербака об «изначальном отсутствии наклонений» не имеет сколько-нибудь определенного смысла, т. к. он не уточнил, о каком историческом периоде идет речь.

1) Можно понимать это высказывание как относящееся к периоду глоттогенеза: нечто вроде «у предков современного человека (*homo sapiens*) отсутствовали наклонения». Это высказывание (отвлекаясь от проблемы его истинности / ложности и от степени его осмысленности вообще) никакого отношения к тюркским языкам не имеет и никак не может быть ни опровергнуто, ни подтверждено какими-либо данными из истории тюркских языков.

2) Можно понимать это высказывание как относящееся к хронологическому периоду общетюркского праязыка (т. е. к периоду IV тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Допустим возможность такой интерпретации.

Теперь зададимся вопросом о том, что значит тезис об отсутствии наклонений?

а) Можно понимать наклонение как регулярно выражаемое в языке различие между сообщением о реальном факте, призывом совершить некоторое действие, выражением желания говорящего совершить некоторое действие, выражением долженствования (обязанности) и необходимости, возможности, ирреального условия, желательности некоторой ситуации, неуверенности (проблематичности) и т. д.

В таком случае это высказывание ошибочно, поскольку никакие из приводимых А. М. Щербаком фактов никоим образом не подтверждают его тезиса об отсутствии наклонений в пратюркском языке. Языков без наклонений попросту не бывает — наличие наклонений является языковой универсалией¹; поэтому всякое положение об отсутствии наклонений в каком-либо реконструируемом праязыке делает эту реконструкцию противоречащей тому, что нам известно о живых и мертвых зафиксированных (засвидетельствованных) языках мира. Это означало бы, что в реконструируемом праязыке такие смысловые противопоставления, как ‘ты уходишь’ / ‘уйди!’ или ‘он уходит’ / ‘пусть он уходит’, никак не выражаются, однако ни один из засвидетельствованных языков мира не ведет себя таким образом. Предположение А. М. Щербака о том, что пратюркский язык нарушал данную универсалию, противоречит здравому смыслу.

б) Можно понимать наклонение как синтетически (аффиксально) выражаемое значение; допустим, что именно это имел в виду А. М. Щербак. В таком случае его высказывание следует понимать («переводить» на общепонятный язык) следующим образом: «в пратюркском языке не было синтетически выражаемых наклонений». Это утверждение вполне осмысленно и информативно, т. к. языки без синтетически выраженных наклонений не только существуют, но и весьма многочисленны (взять хотя бы китайский и вьетнамский языки).

Есть ли основания для того, чтобы предположить для пратюркского языка такую систему (типа китайской или вьетнамской)? Для доказательства этой гипотезы следовало бы сопоставить аффиксы наклонений во всех засвидетельствованных тюркских языках и продемонстрировать, что ни один из них не допускает возведения к пратюркскому состоянию без насилия над его формой и / или семантикой. В таком случае следовало бы сделать вывод, что модальные аффиксы современных и древних тюркских языков произошли в каждом из этих языков (а) из каких-то других «немодальных» аффиксов (имевших в пра-

¹ Ср. противопоставление экспрессивной, репрезентативной и апеллятивной функций языкового знака [Buehler 1934; Бюлер 1993] и аналогичное ему противопоставление эмотивной, референтивной и конативной функций языка [Якобсон 1975].

тюркском немодальные значения) или (б) из каких-то вспомогательных модальных глаголов или модальных частиц (служебных слов), которые в пратюркском языке были не аффиксами, а отдельными словами.

Насколько можно судить, А. М. Щербак такой необходимой предварительной работы не проделал, поэтому предположение о том, что пратюркский язык не имел ни одного модального аффикса, пока что остается сугубо умозрительным построением.

Кроме того, А. М. Щербак упоминает «постепенное морфологическое обособление глагола от имени». Это высказывание тоже можно понимать по-разному.

1) Можно интерпретировать его как предположение о том, что противопоставленность глагола и имени в пратюркском языке не имела места². Поскольку такая интерпретация ведет к выводу, что пратюркский язык нарушал важную универсалию, то мы не будем ее рассматривать.

2) Можно интерпретировать тезис А. М. Щербака как предположение о том, что глаголы и имена в пратюркском языке не различались своей синтетической морфологией (т. к. никакой синтетической морфологии у них просто не было), т. е. что пратюркский язык относился к тому же типологическому классу, что и вьетнамский (а именно, к аморфному типу). Это предположение также является чисто умозрительным.

К тому же, в рассуждении А. М. Щербака (если высказывание А. М. Щербака вообще заслуживает применения к нему термина «рассуждение») не понятно, какое отношение имеет проблема аффиксального выражения наклонений к проблеме аффиксального выражения различия между именами и глаголами, ведь это две разных проблемы. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на грамматический строй современного английского языка: модальных аффиксов в нем почти нет³ (наклонения выражаются аналитически), но имена и глаголы имеют разные синтетические парадигмы (аффиксальные показатели числа существительного не совпадают с аффиксальными показателями времен глагола и показателями причастий).

Теперь обратимся к выводам самого В. И. Рассадина. Он делает вывод о несходстве модальных показателей прамонгольского и пратюркского языков, правда, не безоговорочно, т. к. признает сходство некоторых показателей. Однако, откуда это сходство взялось, он не обсуждает; по логике вещей, следовало бы предположить, что такое сходство объясняется заимствованием в какую-либо сторону, но прямую этот вывод не делается.

Рассмотрим, какие показатели В. И. Рассадин считает несходными. Для этого в виде таблицы приведем «подозрительные» (на генеалогическое сходство) примеры, содержащиеся в обзоре самого В. И. Рассадина.

	монгольская граммема	монгольский аффикс	тюркская граммема	тюркский аффикс
1	повелительно-пригласительная форма 1-го лица обоих чисел, обозначающая намерение, желание говорящего совершить действие самому или приглашение 2-го лица совместно с говорящим совершить действие [Поппе 1937: 70]	$-y=a / -y=e$	желательное наклонение 1-го лица единственного числа	$-ajin / -ejin$, $-jin / -jin$
2	форма 3-го лица обоих чисел, обозначающая пожелание, разрешение, допущение совершить действие (<i>яваг</i> 'пусть уходит; пусть уходят'; <i>ирэг</i> 'пусть придет; пусть придут')	$-z$, ордос. $-ya$, мог. $-Ge$ (concessive) [Poppe 1955: 258]	будущее возможное время (по А. Н. Кононову); желательно-долженствовательная модальность = опатив (по В. М. Насилову)	$-yaj / -gej$, $-qaj / -kej$

² Однако, по мнению Э. Сепира, противопоставленность глагола и имени — одна из универсальных черт языка: «Какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени (существительного) и глагола, нет такого языка, который вовсе бы пренебрегал этим различием. Иначе обстоит дело с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является абсолютно необходимой». Позднее этот тезис повторяли Р. Робинс, И. Хеберт, П. Дж. Хоппер и С. А. Томпсон, К. Ажеж, Р. У. Лангакер, Вяч. Вс. Иванов и др.

³ Правда, показатель 3-го лица единственного числа настоящего времени кумулятивно выражает изъявительное наклонение (индикатив).

3	прошедшее время (старописьменный монгольский); прошедшее время (халха); форма, выражающая прошедшее действие, неочевидное и в какой-то мере неожиданное, совершившееся в отсутствие говорящего (калмыцкий)	<i>-juqui / -jükiüi, -čiqui / -čükiüi</i> (старопис. монг.); <i>-жээ / -чээ</i> (халха); <i>-жэ</i> (калм.)	прошедшее категорическое время (по А. Н. Кононову); прошедшее общее время (по И. В. Кормушину)	<i>-tī / -ti, -dī / -di</i> ⁴
4	значение постоянно совершающегося действия [Рорре 1955: 273]	<i>-day</i> (старопис. монг.) [Поппе 1937: 75]; <i>-де</i> (калм.)	будущее категорическое I время (по А. Н. Кононову); будущее потенциальное время (по И. В. Кормушину)	<i>-tači / -teči, -dači / -deči</i>

Кроме того, в разряд «подозрительно сходных» можно было бы отнести и древнеуйгурский показатель условного наклонения *-сар / -сэр*, внешне напоминающий монгольский показатель персеверативного (продолжительного) деепричастия *-саар (-сээр, -соор, -сөөр)*, который выделяется монгольскими учеными (монг. *үйлийн үргэлжлэхийн тийн ялгал*); ср. старопис. монг. *-(γ)сагар* (значение действия, в течение которого совершается другое) [Поппе 1937: 81]⁵.

Мы не утверждаем, что «подозрительно сходные» формы имеют общий тюрко-монгольский источник, однако для всестороннего рассмотрения вопроса стоило бы привлечь также «подозрительно сходные» аффиксы и эксплицитно отвергнуть идею их родства на основании фонетической и / или семантической несводимости. При этом для аргументации в пользу фонетической несводимости (сопоставления 1 и 2 в таблице; семантически они безупречны!) следовало бы предварительно доказать, что эти примеры не удовлетворяют звуковым законам межалтайских соответствий (для чего нужно, по логике вещей, быть сторонником гипотезы алтайского родства). Для аргументации в пользу семантической несводимости (сопоставления 3—5 в таблице; про их фонетическую сводимость мы не делаем никаких утверждений) следовало бы апеллировать к типологической неестественности (т. е. уникальности) семантических связей между соответствующими значениями, для чего не нужно быть сторонником алтайской гипотезы, но надо обладать очень широким кругозором познаний в сфере семантической типологии многозначности глагольных категорий⁶.

Вполне возможно, что вывод В. И. Рассадина о несводимости тюркских и монгольских показателей наклонений справедлив, однако для полноценной аргументации в пользу этого утверждения следовало бы подробно разобрать хотя бы те «подозрительно сходные» формы, которые перечислены нами выше.

Сокращения

калм. — калмыцкий
 мог. — могольский
 монг. — монгольский
 ордос. — ордосский
 старопис. монг. — старописьменный монгольский
 Mong. — монгольский [EDAL]
 Nan. — нанайский [EDAL]

⁴ Это алтайское сопоставление рассматривается в [Рамстедт 1957: 157]; ср. также: [Рорре 1955: 267].

⁵ Ср. выделяемый в [EDAL: 206—207] общеалтайский аффикс **-s-* (десидератив / инхоатив): “In Turkic and Mongolian there is a desiderative *-se-* (both deverbative, like OT *kel-se-* ‘want to come’, and denominative, like OT *suv-sa-* ‘want water’ = ‘become thirsty’) ⟨...⟩. Although Ramstedt separates this suffix (tracing it back to **se-* ‘do, say’ — a rather dubious derivation) from *-s-* in cases like Mong. *öli-s-* ‘become hungry’ or Nan. *puli-si-* ‘walk’, they seem to be essentially the same affix with an original desiderative or inchoative meaning (‘want to...’ or ‘begin to...’), and as such probably identical to the optative in *-s-*, widely attested in Turkic, Mongolian, TM and Korean ⟨...⟩. In Korean and Japanese the same *-s-* is used (since the oldest written texts) as a marker of politeness ⟨...⟩, also a quite understandable semantic development from an original desiderative. Japanese is unique in having this morpheme functioning as a transitive (in pairs like *kuda-r-* ‘to be lowered’: *kuda-s-* ‘to lower’). This may be a result of several morphological and phonological developments: a) a fusion of the verbal stem with the separate verb **sV-* ‘to do, make’, resulting in a general transitive / causative suffix formation; similar compounds with *hã-* are widely attested in Korean. The same formation may be reflected in TM as intensive / frequentative **-su-* (**-si-*) ⟨...⟩”.

⁶ См., например: [Haspelmath 2000; Плунгян 2011].

ОГ — общетюркский [EDAL]

ТМ — тунгусо-маньчжурские [EDAL]

Литература

- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поппе 1937 — *Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.—Л., 1937.
- Рамstedт 1957 — *Рамstedт Г.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957.
- Щербак 1981 — *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л., 1981.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 191—230.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- Buehler 1934 — *Buehler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Haspelmath 2000 — *Haspelmath M.* The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language. Vol. 2 / Ed. *Tomasello M.* Mahwah—New Jersey, 2000.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.

***Honti László. Anyanyelvünk atyafiságáról és
a nyelvrokonság ismérveiről: tények és vágyak***
**[Л. Хонти. О родственных связях венгерского языка
и о критериях языкового родства: факты и мечты].**
Budapest: Tinta, 2012

Как известно, вопросы происхождения языков издавна привлекают внимание неспециалистов. Мало кому приходит в голову, не имея соответствующих познаний, высказываться по вопросам математики или биологии. Лингвистика отличается от естественных наук тем, что ее объект (на первый взгляд) всем известен, и, значит, любой может высказывать суждения и строить гипотезы о языке. Впрочем, о большинстве разделов синхронной лингвистики — например, по вопросам фонологии, синтаксиса или по многим другим — неспециалисты редко высказываются, потому что не знают об их существовании. Но родство (соответственно, происхождение) языков интересно всем, и судить об этом, как кажется, очень легко: надо просто искать похожие слова. По этой причине такое развитие получила, пользуясь выражением А. А. Зализняка [Зализняк 2010], «любительская лингвистика» — то есть выдвигаемые неспециалистами невероятные гипотезы о языковом родстве.

Это явление хорошо известно российскому читателю. Бурное развитие оно получило и в Венгрии, что имеет естественные причины. Если для любого славянского, романского и германского языка легко находятся их очевидные родственники (трудно отрицать родство, к примеру, славянских языков), то венгерский волей истории оказался на особом положении. Отсутствие языков, явно — для неспециалиста — похожих на венгерский, порождает интерес к их поиску, а поскольку найти случайно похожие слова можно в любых двух языках, этот поиск ограничивается только эрудицией авторов и их тягой к «респектабельности» (некоторые возводят венгерский язык к древнееврейскому или вообще к шумерскому).

Ласло Хонти, крупный специалист и автор многих классических работ по сравнительно-историческому уральскому языкознанию, известен также как знаток «любительской лингвистики» и яростный борец с ней. Недавно под его редакцией вышел сборник статей (написанных крупными венгерскими и иностранными финно-угроведами), посвященный опровержению дилетантских теорий происхождения венгерского языка и выдержавший за один год два издания [Honti et al. 2010]. Нынешняя монография стала во многих отношениях продолжением того сборника.

Рецензируемая книга, судя по ее структуре, имеет двоякую цель. Во-первых, она знакомит тех, кто этого желает, с научными методами доказательства языкового родства и применения их к венгерскому языку и его ближайшим родственникам. Этой задаче посвящены две первые (то есть третья и четвертая после «Введения» и «Пролога») главы: краткое введение в сравнительно-исторический метод и еще более краткий (всего девять страниц) обзор угорской языковой группы.

Основную же часть книги (около 170 страниц, около трех пятых общего объема) занимает пятая глава, озаглавленная «О “родственниках” венгерского языка» («Az anyanyelvünk “rokonságairól”») и посвященная собственно ненаучным теориям происхождения венгерского языка. По понятным причинам, такие работы сосредоточены прежде всего в Венгрии, хотя встречаются и за ее пределами. Это исследование очень подробно; в исторической своей части оно, по-видимому, является исчерпывающим, а современные публикации такого рода невозможно обозреть полностью, поскольку они продолжают появляться. Впрочем, беспристрастным его назвать трудно: свое отношение к дилетантам и их безграмотным построениям автор не считает нужным скрывать.

Историческая часть этого исследования представляет немалый интерес и с точки зрения истории науки. Обзор начинается со времен, когда научных методов доказательства языкового родства еще не было, поэтому самые ранние гипотезы такого рода «ненаучными» считаться не могут и достойны занять место в истории науки не менее, чем, скажем, картина мира по Птолемею или теория эволюции Ж. Б. Ламарка. Таково, например, предположение священника и грамматиста XVII в. Дьердя Комароми-Чипкеша о том, что венгерский язык появился в результате вавилонского смешения языков, не происходит ни от одного другого языка и «не похож ни на один язык в мире, только на древнееврейский» (с. 52).

Надо отметить, что интерес к происхождению венгерского языка, вызванный его изолированным положением в Европе, сослужил и хорошую службу сравнительно-историческому языкознанию: первая работа, в которой обосновывалось родство венгерского и саамского языков, — знаменитая “Demonstratio...” Яноша Шайновича [Sajnovics 1770; 1994] — появилась в 1770 г., на 16 лет раньше знаменитого доклада Уильяма Джонса о родстве санскрита с древнегреческим и латынью; а уже в 1799 г. Самуэль Дярмати продемонстрировал родство венгерского и финского языков [Gyarmathi 1799]. Однако научное финно-угроведение немедленно вызвало возражения многих деятелей венгерской культуры, которым хотелось вести свою историю от «благородных» народов; ср. упомянутую гипотезу о близости венгерского языка к древнееврейскому. Как известно, первая венгерская королевская династия Арпадов считала своим предком вождя гуннов Аттилу, и мнение о происхождении венгров от гуннов держалось достаточно долго¹ (см. об этом: с. 53 и сл.).

Работа Я. Шайновича о родстве венгров с саамами «оскорбляла» национальные чувства и поэтому многими была принята в штыки; ср. расхожее выражение о «родне, пахнущей рыбой и жиром» (“halzsígszagú atyafiság”), правда, само это выражение появилось, видимо, существенно позже (см. с. 56 и сл.). Подобные соображения высказывались как контраргументы для финно-угорского родства вплоть до конца XIX — начала XX в., когда в качестве альтернативы ему появилась «туранская» теория, согласно которой родственниками венгров были тюрки, а их общей прародиной — страна Туран в Центральной Азии (этот спор получил название «угорско-тюркской войны»; см. с. 59). Опять же отметим: оценка теорий языкового родства с точки зрения «благородства происхождения» простительна для конца XVIII в., но и в наше время вновь стали высказываться сомнения в родстве венгров и обских угров, основанные на антропологических и культурных различиях. Людям, далеким от лингвистики (и от этнологии), по-прежнему трудно различить родство языков и родство народов.

Если первый раздел пятой главы посвящен не лингвистическим, а скорее «националистическим» аспектам вопроса о происхождении венгерского языка, то во втором разделе рассматриваются «политические аспекты» финно-угроведения. Одним из аргументов противников теории финно-угорского родства является ее как будто бы политическая мотивированность: по их мнению, сама эта теория была придумана или, по крайней мере, поддерживалась по заказу сначала Габсбургов, а позже — советских властей с целью «принижения венгерского народа». Их излюбленной цитатой стало высказывание министра религии и просвещения Венгрии (1872—1888 гг.) и президента Венгерской Академии наук (1885—1888 гг.) Агоштона Трефорта, который будто бы сказал на собрании Академии в 1877 г., что «нам нужны не азиатские, а европейские родственники», а потому правительство будет поддерживать только тех ученых, которые придерживаются мнения о родстве венгерского языка с финским и саамским (а не с азиатами-тюрками). Личное исследование Л. Хонти продемонстрировало, что ни в протоколах Академии наук за указанный год, ни где-либо еще никаких следов такого высказывания А. Трефорта нет (с. 72—73).

Поиски заговоров, как это часто бывает, доходят иногда до курьезов: было выдвинуто предположение о том, что целый ряд выдающихся венгерских ученых конца XIX — начала XX в., от А. Регули до Б. Кальмана, под «единым управлением» в 1884—1916 гг. разработали грамматики и учебники хантыйского, мансийского, удмуртского и других финно-угорских языков. Л. Хонти цитирует Петера Хайду (с. 74—75), который еще в 1969 г. заметил, что из этих «работавших под единым управлением» ученых А. Регули к 1884 г. уже 16 лет был мертв, а Б. Кальману в 1916 г. было всего три года [Hajdú 1969: 11].

Историческую часть завершает краткий раздел об известном сообщении Энеа Сильвио Пикколомини (будущего папы римского Пия II), который упомянул в одной из своих работ об «азиатских венграх». Это его сообщение рассматривали как указание на обских угров, которые будто бы говорили на языке, похожем на венгерский. Противники финно-угорского родства считают, что этот рассказ намеренно искажается для придания веса идее об угорском происхождении венгерского языка. Л. Хонти демонстрирует, что подобное толкование слов Пикколомини было не сознательной ложью, а ошибкой. И уж во всяком случае, добавим, оно никогда не было сколько-нибудь серьезным доводом в пользу родства венгерского с хантыйским и мансийским — в научном языкознании принято использовать более веские аргументы.

Подробно рассмотрев историю вопроса, Л. Хонти переходит к современности. Людей, фантазирующих на темы родства языков, он делит на три класса: полных дилетантов; специалистов в каких-либо других областях науки (смежных, как этнология, или вовсе далеких), решивших, не имея соответствующего образования, заняться языкознанием; классических финно-угроведов и уралистов, по каким-либо причинам решивших сменить рациональную науку на мир своих домыслов. Границу между первыми

¹ Отождествлению с гуннами обязано своим появлением и начальное *H-* в латинском *Hungaria*, закрепившееся потом в некоторых западноевропейских языках.

двумя типами, впрочем, трудно провести (с. 79): независимо от познаний в других областях, отсутствие даже базовых сведений о лингвистике фактически уравнивает их.

Три следующих раздела о современных дилетантских построениях: «Венгерский “праязык” и “объяснения слов”», «Об изучении корней» и «Заблуждения лингвистов — не финно-угроведов» — занимают в общей сложности больше трети всего объема книги (110 страниц). Л. Хонти рассматривает конкретные работы (опубликованные иногда в виде научного исследования, иногда как блоги или выступления в СМИ) и показывает их несостоятельность. Можно долго цитировать различные курьезы, но отметим характерную общую черту таких работ (помимо упоминавшейся неосведомленности авторов о законах развития языка) — пренебрежение к литературе или незнание ее (с. 79). Два раздела изобилуют примерами несуществующих «форм», приведенных без ссылок на источники или с неправильными ссылками (когда цитируется то, чего на самом деле нет): в 2002 г. один из таких авторов жаловался, что книга Я. Шайновича не была переведена на венгерский язык, хотя перевод был опубликован в 1994 г. ([Sajnovics 1994]; с. 104); другой вычитал у Б. Коллиндера то, что тот никогда не писал (с. 106—107). Российского читателя позабавит упоминание в работе 2008 г. «живущего в Советском Союзе Маара» («a Szovjetunióban élő Maár», с. 136), под которым имеется в виду Н. Я. Марр, уже давно не живущий ни в Советском Союзе, ни где-либо еще.

Заметим, что этимологические фантазии могут быть самыми разнообразными: так, в одной из работ признается родство венгерского языка с хантыйским и мансийским, но далее к угорским возводятся языки по всему миру, а история угров насчитывает, как утверждается, 40 000 лет (с. 158—159).

Раздел «Об изучении корней» (точнее: «О науке о корнях», “A gyökészetről”) повествует об известном приеме «любительской этимологии», когда слова делятся на части произвольным образом, а уже эти части сравниваются с другими словами: так, слово *isten* ‘бог’ объявляется сочетанием слова *ős* ‘предок’ (различием гласных, очевидно, следует пренебречь) и *ten*, а последнее также обнаруживается в словах *tenger* ‘море’, *tündér* ‘фея’ и в «китайском топониме *Tien-san* ‘Божья гора’» (*Tien-san* — венгерское название Тянь-Шаня; см. с. 161). Логическое завершение этой методики — присваивание «первоначальных значений» каждому звуку исконно венгерской лексики (с. 172).

В отдельном разделе («Заблуждения лингвистов — не финно-угроведов») перечисляются работы лингвистов, которые изучали другие области сравнительно-исторического языкознания, но решили заняться финно-угроведением и почему-то не сумели применить здесь изучавшийся ими метод или — как и упоминавшиеся выше дилетанты — хотя бы прочитать литературу по теме.

Предпоследний раздел пятой главы («“Уралистические” фантазии») посвящен критике работы профессиональных финно-угроведов, много сделавших для уральского языкознания, но в последнее время также «ушедших в мир фантазий». Это в первую очередь А. Кюннап, Й. Пустай и К. Виик, а также некоторые другие, чьей главной «революционной» идеей стало то, что уральский праязык был пиджином (“lingua franca”), распространенным на огромной территории, простиравшейся до Атлантического океана и имевшей несколько центров формирования.

Пятая глава заканчивается размышлениями самого автора о причинах широкого распространения «лингвистической фантастики» в Венгрии. Л. Хонти видит этому прежде всего политические причины — национальное унижение Венгрии после Первой мировой войны, побуждающее искать «более удачливых» родственников, и исчезновение цензуры с падением социализма, когда стало можно «писать все» (с. 218—220). Отметим, впрочем, что Россия, пережившая, конечно, многое в XX в., все же не пережила Трианона, однако распространение дилетантских фантазий в лингвистике (а также в истории) знакомо нам не хуже.

Новая книга Ласло Хонти должна быть интересна широкому кругу читателей. Это и исследователи истории науки, и, вероятно, философы, социологи, а также все те, кому интересно состояние научного знания и его интерпретация широкой публикой в наши дни. Тем, кто не знаком — но хотел бы познакомиться! — с методологией сравнительно-исторического языкознания, помогут две краткие главы в начале книги.

Надо, правда, признать, что академический стиль изложения не делает книгу легкой для неспециалиста: пространные цитаты, длинные абзацы и отсутствие внутреннего членения длинных разделов (как раздел 5.4., насчитывающий почти 80 страниц сплошного текста) заставляют иногда «продираться» сквозь текст. Сплошная верстка авторского текста, цитат и комментариев к ним также не облегчают восприятие.

Отрадно, тем не менее, что авторитетные ученые все чаще приходят к выводу о том, что «любительскую лингвистику» надо не презрительно игнорировать, а по возможности в популярной форме разъяснять ее (как и суеверий любого другого толка) несостоятельность.

Литература

- Зализняк 2010 — *Зализняк А. А.* Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010.
- Hajdú 1969 — *Hajdú P.* Új hazát találtak, őshazát kerestek // *Néprajz és nyelvtudomány*. 1969, 13. 9—15 о.
- Honti et al. 2010 — *Honti L. et al.* (szerk.). A nyelvrokonságról: Az török, sumer és egyéb áfium ellen való orvosság. Budapest: Tinta, 2010.
- Gyarmathi 1799 — *Gyarmathi S.* Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticae demonstrata. Gottinga, 1799.
- Sajnovics 1770 — Sajnovics J. Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponum idem esse. Hafnia, 1770.
- Sajnovics 1994 — Sajnovics J. Bizonyítás. A magyar és a lapp nyelv azonos. (Bibliotheca Reguliana, 2). Budapest: ELTE, 1994.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно прислать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or *s p a c i n g* for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.
  - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
  - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.
- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €
  - price for a single printed issue without subscription is 49 €
  - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.
- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

1

2

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

1

2

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >